Русская Оман

УРОВСКИЙ ры м >

} я __ | — / 7] „> } У } : м \ р/ —

ии история гусиз\

и ы ; ц% — ит} { | — 1 | у ” р — | у т ` Г. , К ” ' #’ г : | | | и к т № И. у

ВСЯ ПРАВДА

&

«2

АНДРЕИ БУРОВСКИИ

Русская Атлантида

Невымышленная история Руси

Москва

УДК 94 и ББК 63.3\(0) {12729

Б 91

Б 91

Оформление серии П. Волкова

Буровский А. М.

Русская Атлантида. Невымышленная история Руси / Андрей Буровский. — М. : Яуза : Эксмо, 2010. — 384 с. — (Вся правда о России).

15ВМ 978-5-699-43001-7

Самая вызывающая книга самого «неполиткорректного» автора! Радикальная ревизия отечественной истории! Новый, сенсацион- ный взгляд на прошлое Руси!

Знаете ли вы, что вопреки расхожим мифам и официальным учебникам далеко не вся Русская земля была завоевана монгола- ми? На самом деле 70 процентов Руси никогда не знало азиатского ига, дани монголам не платило и било их во всех сражениях! Эта Западная Русь, эта Русская Атлантида, территориально входила в состав Великого княжества Литовского, где русские были нацио- нальным большинством, а русский язык — государственным. Да и Речь Посполитая, на пике своего могущества простиравшаяся «от моря до моря», — вовсе не польское, а скорее русское государст- во! И славные победы над Тевтонским орденом под Грюнвальдом и над татарами под Синими Водами — это победы русского оружия!

Данная книга восстанавливает подлинную историю этой Рус- ской Атлантиды, которая «была реальной альтернативой азиатчине и деспотизму. Теперь ее славу пытаются «прихватизировать» Укра- ина и Белоруссия, но это — наше прошлое, у нас есть все основа- ния гордиться им и считать себя законными наследниками подлин- ной Руси» (А. Буровский).

УДК 94 ББК 63.3(0)

15ВМ 978-5-699-43001-7 © ООО «Издательство «Эксмо», 2010

Когда-то давно, в 1919 году, отступающие войска А.И. Деникина, похоронив своих покойников, остави- ли на могиле одну только надпись: «Здесь лежат сво- бодные русские люди». Интересно, что надпись со- хранилась до середины 1920-х: не сразу достало духу уничтожить ее даже у красных.

В 1980 году я посетил это место и долго стоял возле длинной полосы просевшей надо рвом земли и глотал водку и слезы, поминая своих павших братьев.

Книга ПОСВЯЩАЕТСЯ всем свободным русским лю- дям, жившим во все времена.

Сражающемуся с чудовищами следует позаботиться о том, чтобы самому не превратиться в чудовище. Слиш- ком долго заглядывающему в бездну следует помнить, что и бездна вглядывается в него.

Ф. Ницше

ВВЕДЕНИЕ

Читатель! Перед тобой — очень многострадаль- ная книга. Эту книгу много и с удовольствием гадили. Для начала ее изгадил редактор. Настоящая его фами- лия — Зыков, но при издании моей книги он решил спрятаться под псевдонимом В.П. Павлов. На это были причины! Убежденный коммунист и «патриот», Зыков очень страдал, читая мою книгу. И вымарывал из моих текстов такие куски, что я только диву давался. Даже в посвящение он ухитрился влезть и «сократить» его — то есть кастрировать по мере сил.

Этот же персонаж внес в текст самовольные изме- нения — по своему, весьма своеобразному, разумению. Например, от моего имени читателю сообщалось, что Марина Мнишек «была старше Дмитрия» (Дмитрия Ива- новича, Лжедмитрия) лет на 15! Действительно, это ут- верждение содержится в ряде советских (особенно ху- дожественных) произведений. В опере так вообще во- круг тоненького юного Димитрия прыгает по сцене баба устрашающих объемов...

Но реальная Марина была МОЛОЖЕ. Дмитрия Ива- новича на восемь лет! Она родилась в 1588 году, Дмит- рий — в 1580-м. Уж, конечно, мне это известно, и даты эти в моем тексте имелись. Но горе-редактор почему-то заменил эту часть текста, навязав мне суждение, со- вершенно неграмотное.

Кроме того, самовольные вставки внес в текст мой «соавтор», Александр Бушков. Издатели решили издать книгу под двумя фамилиями — тут-то Александр Алек-

сандрович и порезвился, сделал мой текст приемлемым для себя. На то место, где я нес по кочкам его кумира Морозова и где рассказывал историю своего послесло- вия к книге «Россия, которой не было», он вставил в мой текст какой-то бред про «скаллигеровскую хроно- ЛОГИЮ».

Тут надо сразу сказать: сами владельцы покойного издательства «Бонус» смыслили в истории еще меньше Бушкова и не больше Зыкова. Укоротить этих ребят было некому, потому безобразие и сделалось вообще возможным.

Что сие доказывает? Только старую, как навоз ма- монта, истину: провинция — это вовсе не место прожи- вания. Провинция — это диагноз.

Ныне «Бонус» приказал долго писать, и я намерен опубликовать бедную «Русскую Атлантиду» в ее перво- зданном, неизуродованном виде. Местами я внес изме- нения в первоначальный текст 2000

года, но только там, где получил какие-то новые сведения.

ПРОВАЛЫ В ИСТОРИИ

(вместо предисловия)-

Только тогда можно понять сущность вещей, когда знаешь их происхождение. Аристотель

Почитание Александра Невского — одна из по- литических традиций Руси. Образ Александра Невско- го — один из самых значительных, самых привлека- тельных образов князя-патриота.

Уже в конце ХШ века он был канонизирован Рус- ской православной церковью и приобщен к лику свя- тых. Как всякому, официально признанному святым, ему полагалось житие с набором самых назидательных чу- дес; в житии Александра Невского выведут как идеаль- ного князя-воина, образец защитника Руси от врагов.

Так же будут почитать его светские владыки Моско- вии, а потом выросшей из Московии Российской импе- рии. Петр | захочет перенести его прах в новую столи- цу, в Петербург, и вина ли Петра, что не выдержал лед: тяжелый серебряный гроб-рака провалился на дно Не- вы? Нет, конечно же, Петр был не виноват. Он нахо- дился в числе светских владык, которые и спустя много веков после смерти именовали Александра Невского основателем государства, великим героем, великим вои- ном, отцом народа.

Интересно, а сам он мог ли предвидеть свое будущее? ТАКОЕ будущее? Что от него пойдет династия владык, владения которых охватят шестую часть суши? Что под

властью его потомков склонятся и потомки всех других русских князей, и Тевтонского ордена, и татар? Что его будут ставить в пример юношам в военных училищах? Что орден Александра Невского будет учрежден в Рос- сийской империи 21 мая 1725 года и независимо от этого 29 июля 1942 года в СССР?

Ведь современники вовсе не так уж высоко оцени- вали его деяния, а многие его поступки прямо называли преступлениями.

Да, в 1240 году, в возрасте 16 лет, он разгромил вой- ско скандинавского ярла Биргера. В 1241 году он лихо воевал с крестоносцами из Тевтонского ордена и 5 ап- реля 1242 года разбил их на берегу Чудского озера. По мнению современных историков, «эта победа поставила Александра Невского в ряд с величайшими полководца- ми мира».

Но вот мнения его современников почему-то очень расходились: одни и впрямь преклонялись перед Алек- сандром; новгородские же летописи показывают, что, по мнению новгородцев, он не совершил ничего из ря- да вон выходящего.

Ратные подвиги Александра Невского в Новгороде ценили... но не чрезмерно. А вот «захватчивым», «жад- НЫМ», «самовластным» и «неуживчивым» называли, и трижды вече распахивало ворота перед Александром Ярославовичем, говоря, что «перед князем путь чист», и никакие его ратные заслуги нисколько не мешали в этом. По крайней мере, национальным героем никто его в Новгороде не считал. Интересно, в других землях Руси, где про немцев только слыхали, Александр был куда в большей чести! Почему бы?

Вот и первый удивительный «провал» — в летописях очень подробно описывается, как прогоняли Александ- ра новгородцы. В учебниках же, в популярной литера- туре об этом нет и`ни полслова.

Провал, конечно, не в цепи исторических событий, провал в историографии — в том, как пишется история.

Что выгоняли — это история. Что этот факт замалчива- ют, устраивая «провал», — это историография.

В 1990-е годы стали печатать Льва Гумилева, и вы- явился еще один «провал», еще больше первого. «Ока- зывается», Александр Ярославович Невский стал при- емным сыном Бату-хана, Батыя русских летописей, близким другом-приятелем многих монгольских князей, своим человеком в Орде.

Собственно, само отчество «Ярославич» — уже ле- генда. Александр отрекся от своего родного отца Яро- слава и стал приемным сыном Бату-хана, Батыя, Баты- ги Джучиевича. Не знаю, как будет правильнее писать настоящее отчество Александра Невского — Батыевич? Бату-ханович? Батыгович?

С точки зрения Льва Николаевича, тесная дружба с монголами — скорее преимущество. Ведь терпимые, разумные, добрые монголы очень похожи по характеру на русских и на Русь пришли чуть ли не как братья. По крайней мере, так думал Лев Николаевич, и он ставил в большую заслугу Александру Невскому войны с плохи- ми, злыми немцами, которые утробно ненавидели все русское и шли на Русь исключительно с целью насилия.

Монголы высоко ценили дружеские чувства Алек- сандра — в 1252 году ярлык на Великое княжение Вла- димирское вручен был именно ему. Но оказывается, весьма многие люди думали совсем не так, как монголь- ские ханы и как Лев Николаевич Гумилев. В Новгороде, оплоте русской демократии, пособника монголов со- всем перестали уважать.

С Александром Невским связаны и другие провалы; есть обстоятельства, о которых у Льва Николаевича нет ни полслова.

Во всех учебниках, всех книжках по истории всегда пишут эдак осторожненько: мол, во время монгольско- го нашествия или «после монгольского нашествия» ве- чевой строй на Руси кончился. «Кроме Новгорода», — оговаривают иногда, для объективности. Но ни точного

времени, когда пал вечевой строй, ни обстоятельств де- ла как-то не упоминают.

...Потому что вечевой строй на Руси вовсе не «пал», а продолжал жить и развиваться — это раз. И в X\, ив XУ веках веча были в Киеве, Львове, Минске, Турове, Пскове... везде. И после XУ века вечевой строй никуда не исчез. Вся Русь, кроме диковатого Северо-Востока, знала веча вплоть до введения более европейских форм демократии — Магдебургского права. Вся Западная Русь знала демократию и самоуправление вплоть до Переяс- лавльской Рады (1648 год), до отмены Литовских стату- тов на вошедших в Российскую империю земель Вели- кого княжества Литовского — в 1840 году.

В XИ веке вечевой строй кончился для тех 15% рус- ских людей, которые жили на Северо-Востоке. Причем запретили веча и сняли вечевые колокола вовсе не та- тары — это два.

В 1262 году по всей Руси вспыхнуло восстание про- тив монгольских сборщиков дани — баскаков. В Нов- городе, в Суздале, Ярославле, Владимире. Как писал летописец: «И побиша татар везде, не терпяще насилие ОТ НИХ».

Конечно, война — это всегда риск. Всегда очень труд- но судить, как повернется война и насколько велик был шанс — покончить с игом навсегда. Но война — это еще и выбор, в том числе и выбор нравственный.

Вечевая Русь, Русь, умевшая сама управлять собой, свой выбор сделала, ударив в колокола и «побища» не- другов. Александр Батыгович Невский тоже сделал вы- бор: вместе с ордынским,

собственно татарским вой- ском он активнейшим образом подавлял восстания во всех городах Северо-Восточной Руси. Подавлял с неве- роятной, просто пугающей жестокостью; дружинники Александра Батыговича Невского точно так же, как та- тары, отрезали пальцы, уши и носы, секли кнутом плен- ных, жгли дома и города. Словом, проявляли «азиатскую жестокость», якобы занесенную на Русь злыми татарами.

«Александрово побоище» помнили в Твери точно так

12

же и тем же самым, как «неврюему рать» и прочие та- тарские набеги.

Именно тогда кончился на Северо-Восточной Руси вечевой строй, удавил самоуправление и демократию на этой части Руси не кто иной, как Великий князь Вла- димирский Александр Батыгович Невский; ведь это го- родские веча принимали решение бороться с татарами, вечевые колокола созывали народ на восстание.

Обвинять злых татар в том, что это они принесли на Русь азиатские методы правления и азиатский образ жизни, стало классикой. Но ведь еще брат прадеда Александра Невского, Андрей Боголюбский, за полвека до монголов попытался утвердить деспотизм восточно- го типа на Северо-Востоке Руси, но в конце концов был убит в своем любимом Боголюбове.

Может быть, монголы и помогли становлению такого типа власти, но вовсе не потому, что принесли его с собой. А потому, что умный и хитрый двоюродный пра- внук Андрея Боголюбского, Александр Невский, сумел использовать монголов для осуществления заветной мечты. Хотели, может быть, и многие князья, но именно он стал реальным «самовластцем» для себя и для своих ПОТОМКОВ.

После 1262 года Орда прекрасно знала, что уж на кого-кого, а на эту линию княжеского рода очень даже можно положиться, и в первой половине ХУ века со- бирал дань уже внук Александра Батыговича, знамени- тый Иван Калита. Не кому иному расчистил Александр Батыгович Невский дорогу, как своим внукам.

Получается, вовсе не татары, а русские князья Се- веро-Восточной Руси сделали некоторый выбор и, вряд ли сами сознавая это, стали в начале новой российской цивилизации... Той самой версии российской цивилиза- ции, которую со времен еще интеллектуалов ХУЙ века, Ордын-Нощокина и Василия Голицына, называют «ази- атской».

Знал ли обо всем этом сам Лев Николаевич? Несо- мненно! Чтобы при его фантастической эрудиции, его

13

познаниях — да вдруг не знать! Но не захотел Лев Гу- милев бросить тень на своего любимца. Ведь читатели, узнав о его поступке, могли бы меньше полюбить и его самого, и всю «евразийскую» идею.

Точно так же советское правительство хотело со- хранить официальную легенду об Александре Невском. Оно не хотело, чтобы хоть как-то звучала «евразий- ская» идея и чтобы кто-то знал, что Александр Невский был приемным сыном Бату-хана. И не печатали Льва Гумилева! Совсем! Первый раз его «Этногенез и био- сфера Земли» вышли в 1989 году, уже в пору пере- стройки. Не хотело оно и правды об Александре Нев- ском как о душителе русской свободы. Самое сочета- ние слов «русская свобода» — это уже подозрительно!

В этой же логике тем более лучше не «бросать тень» на светлый образ Александра Невского, национального героя и освободителя. Ведь «другие факты» — те, кото- рые знать жителям СССР не полагалось, вовсе не отме- няя совершенного подвига, победы над Тевтонским ор- деном в 1242 году, делали образ Александра Невского отнюдь не таким однолинейным, розовым, плоским, как

монета или как орден Александра Невского. В образе исторического деятеля появлялась сложность, много- значность, основа для разных трактовок. Для всевоз- МОЖНЫхХ «с ОДНОЙ СТОРОНЫ... «с другой стороны.... А это- го как раз не полагалось. Зачем людям знать то, что ус- ложнит, а то и поставит под сомнение официальную версию?

Московия, начало которой положил Александр Ба- тыгович Невский, станет сильнее других русских госу- дарств и сумеет задавить «конкурентов» (почему — осо- бый разговор), сесть чугунной задницей почти на всю Русь. И понесет всей Руси традицию холопства, холуй- ства, азиатчины. А очень многие стороны нашей же собственной истории от нас же начнут скрывать.

И потому истории о том, как «национальный герой» Руси-России Александр Невский разорял Русь вместе с монголами, вы не найдете ни в одном учебнике по ис-

тории, ни в одном официальном справочнике советско- го времени.

Даже сегодня, когда вроде бы никто не заставляет особо лукавить душой, историки и авторы учебных по- собий продолжают отстаивать официальную, устояв- шуюся версию.

Или изобретают такие формулировки: мол, это поли- тическая мудрость Александра Невского... заставила его взять подавление восстания на себя. Иначе ведь монголы все равно все разгромили бы, и стало бы еще хуже.

Слишком очевидно, что факты заставят поблекнуть старательно наведенный хрестоматийный глянец на че- ле «национального героя». Ведь на Руси, как бы ни со- противлялись этому власти, все больше людей мыс- лят так же, как новгородцы и вольная «русская шляхта» Великого княжества Литовского. А сторонников, пев- цов, любителей русской Азии — как-то все меньше и меньше.

Таких «провалов» в истории... вернее, в историогра- фии, становится подозрительно много, как только речь заходит о том, как русские люди выбирали европей- ский тип развития. Многие ли знают, что, когда Петр за- воевал Прибалтику, часть русских людей уехала в Шве- цию. Предатели? Да, так их и называли солдаты Петра. «Мы привыкли быть гражданами; мы не привыкли быть холопами», — отвечали те. Об этом факте пишут швед- ские книги... а нам с вами знать о судьбе соотечествен- ников не полагается.

Многие ли знают, что московский первопечатник Иван Федоров в Москве подвергался преследованиям, бежал на Западную Русь и много лет издавал там кни- ги, а помер во Львове?

«Провалы» возникают всякий раз, когда факты опро- вергают исторические стереотипы или могут показать московский тип государства с невыгодной стороны.

Вот, например... В 1795 году суворовские солдаты брали восставшую Варшаву. Захватив пригород Вар-

шавы, Прагу, они устроили страшную резню. Весь мир обошел образ русского солдата с польским младенцем на штыке. И это не было преувеличением: суворовские «чудо-богатыри» махали еще кричащими младенцами на штыках в сторону невзятого города, кричали, что со всеми поляками еще сделают так же.

Многим в России до сих пор кажется, что если госу- дарство сильное, армия могучая и вызывает страх, то уже не очень важно, вызывают ли уважение страна и народ. Если они будут «дразниться такими словами», «мы» «им» покажем! Но даже если такой страны бояться — этот страх сродни страху человека перед хищником- людоедом или перед разбойником с дубиной. Такой страх всегда смешан с отвращением и презрением. А во многие периоды — например, когда разоренная оприч-

ниной Московия лежала в руинах, с треском проиграв Ливонскую войну, — и страха не было, одно только пре- зрение и отвращение.

Здесь, кстати, тоже «провал», и очень давний. Мно- гие книги иностранцев про путешествия на Русь, напи- санные еще в ХУП— ХУЙ веках, или не переведены до сих пор, или изданы мизерными тиражами по тысяче, по две тысячи экземпляров. А то ведь и «обидно», и со- вершенно неизвестно еще, к каким выводам может прий- ти читатель...

Можно долго рассказывать о тайнах самой истории, о ее проблемах, мифах и открытиях. Еще дольше мож- но говорить о том, как писалась история в СССР и как она пишется сегодня в Российской Федерации и на других осколках Союза: в Белоруссии и на Украине.

Наша книга посвящена одному громадному «прова- лу» истории. Внутри этого «провала» можно найти мно- жество более мелких, но все это — части одной гран- ДИОЗНОЙ «фигуры умолчания».

Потому что во всей исторической литературе в СССР и в Российской Федерации происходит одно удиви- тельное событие: пропадает огромный кусок россий- ской истории. Пропадает и из школьных учебников, и

из учебников для университетов и педагогических ин- ститутов. Пропадает и из научно-популярной литерату- ры. И из исторических романов. 'И из телевизионных передач, газетных сообщений, радиопередач. Раз у лю- дей нет никакой информации, пропадает и из досужих разговоров.

Если судить по советской и по современной россий- ской историографии, можно сделать вывод: в конце XИ — начале ХУ века куда-то исчезает вся Русь к за- паду от Смоленска. Только что она была — и вдруг ку- да-то пропадает! Потом-то она опять «всплывет», уже в ХУП—ХУИП веках, когда украинцы возжаждут «навеки соединиться» с русским народом, а там и начнутся раз- делы Польши. Но в ХИ-ХМУ веках Западная Русь таин- ственным образом исчезает. История этой огромной страны в течение трех, а то и пяти веков — это своего рода тайная история, скрытая от собственного народа.

Густой историографический туман висит над огром- ным периодом русской истории.

Я решил написать эту книгу, чтобы хоть немного рассеять этот туман и показать читателю, чем была, чем обещала стать и так и не стала Западная Русь — Русская Европа, чья история трагически прервана, а потом еще и замолчена изо всех сил.

Кандидат исторических нацк,

доктор философских наук, профессор А.М. Буровский

Часть | МИФЫ ИСТОРИИ

— А это он попросту соврал! Гражданин, поздравляю вас, соврамши!

М.А. Булгаков

Глава 1 ПРОПАВШАЯ РОССИЯ

Чего ни спохватишься — ничего-то у вас нет!

М. Булгаков

Придя в 5-й класс, школьник узнает о том, что существовала когда-то Киевская Русь. Даже ребенок, который до сих пор ничего не слыхал об этом государ- стве, получает о нем представление.

Есть карты, на которых показаны границы Киевской Руси, и если ребенку хоть что-нибудь говорят геогра- фические названия — например, Львов, Чернигов, Му- ром или тот же Новгород, он легко может соотнести исторические территории и современные. И легко убе- диться, что в Киевскую Русь входила территория Запад- ной Украины и Белоруссии, а вот территория Москов- ской, Владимирской и Ярославской областей — не вхо- дила.

О временах Киевской Руси написано множество ро- манов и повестей, в том числе и для детей, и для подро- стков. А.П. Каждан, В.Д. Иванов, С.Д. Скляренко... Нет, перечислять бессмысленно. В детстве я увлеченно читал А.П. Каждана «У стен Цареграда» и «Край поло- вецкого поля» О. Гурьяна. Подростком и юношей — «Русь изначальную» и «Повести древних лет» В.Д. Ива- нова. ...Впрочем, не буду даже пытаться перечислять, тем более — систематизировать. Это тема отдельного большого исследования — художественная литература о Киевской Руси. И у каждого здесь будут свои пред-

почтения, свои любимые книги, свои воспоминания, свои открытия.

Многие прочитали литературные переложения «Бы- лин», а их содержание тоже привязано к Киево-Новго- родскому пласту русской истории. И содержание мно- гих народных сказок.

Существует огромный пласт научно-популярной ли- тературы, особенно по археологии ранних славян !|— УШ веков по Р. Х. и Киевской Руси. Каждан, Раппо- порт, Янин, Федоров, Монгайт. Чуть посложнее — уже требуют некоторого усилия Б.Д. Греков с его «Киев- ской Русью», книги Б.А. Рыбакова... Нет, и этого не пе- речислишь. Литературы очень много, и, как правило, совершенно увлекательной.

Для желающих изданы сочинения классиков рус- ской исторической науки: В.Соловьева, Ключевского, Татищева, Костомарова и многих других, менее извест- ных. Издания этих книг в 1950—1970 годы были очень малотиражными. Но уж издания 1990-х годов этим ни- как не страдают. В послесоветское время издавалось все, что было выгодно издавать, и тиражи классиков ис- тории редко были меньше 30—50 тысяч экземпляров.

Эти книги читать уже непросто, нужно иметь хоть какую-то подготовку. Но они — доступны. Доступны, кстати, и издания летописей. И «Повесть временных лет», и прочие летописи более позднего времени вы- пускались, порой прекрасными изданиями с коммента- риями и примечаниями.

Так что история Киевской Руси входит в жизнь че- ловека рано и сильной струей, и вовсе не только через страницы учебника. Было бы желание ее знать, а лите- ратура найдется.

Короткому периоду с 1184 года, когда Киевская Русь распалась на отдельные княжества, и до 1237 года, ко- гда по раздробленной Руси ударила татарская конница, повезло меньше. Период и правда оказался очень уж короток. О нем мало написано и художественных, и научно-популярных книг и статей. Но, во-первых, и о

нем кое-что немногое, но есть. Романы Павла Загре- бельного, Иванова, Скляренко, Хижняка... Опять же — называю даже не все, что мне известно, и с полным по- ниманием, что не перечисляю, а только иллюстрирую. Здесь названы имена, выбранные исключительно пото- му, что эти авторы нравятся мне больше остальных, и только. Наверняка читателям известны произведения, о которых я не имею никакого представления и которые, может быть, даже превосходят названные здесь.

Во-вторых, учебники и любого периода советской истории, и Российской Федерации дружно отмечают, что с 1184 года в истории Руси начался пермод, кото- рый марксистские историки упорно называют «перио- дом феодальной раздробленности».

На соответствующих картах видно, что территория Руси в ХЛ веке даже расширилась. Например, к ней до- бавилось Владимиро-Суздальское княжество в между- речье Волги и Оки, куда раньше Русь не распространя- лась. В тексте учебников тоже отмечено, что «в Хи Х1 вв. происходило освоение северо-восточных земель».

Прекрасно представлена в историографии мрачная эпоха «монголо-татарского нашествия» ХШ века. И в учебно-методической, и в художественной, и в научно- популярной литературе. Опять же, не буду называть имен... целое созвездие имен, от знакомого с детства В. Яна и до «крамольника» Льва Гумилева, «перевернув- шего» все привычные оценки, начавшего рассматривать татарское иго как великое благо, как спасение Руси от ужасов приобщения к Европе.

В послевоенное время во многих городах РСФСР, УССР (Украины) и БССР (Белоруссии) проведены не- виданные по масштабам раскопки: в основном на мес- тах, где всякая современная застройка была уничтоже- на бомбежками или в ходе ведения боевых действий. Результаты опубликованы. Есть прекрасные книги Кар- гера, Рыбакова, Грекова, Тихомирова. В основном, к сожалению, это книги только специальные, но кое-что попало и в научно-популярную литературу.

Но, во всяком случае, и эта кровавая, злая эпоха достаточно хорошо известна и ученику средней школы, и студенту исторического или филологического фа- культета вуза, и массовому читателю.

Подведем итоги. Современному россиянину хорошо известен Киево-Новгородский период нашей исторнми, так называемая Древняя Русь. Известно, что на удель- ные княжества распалась вся Киевская Русь. Что мон- голо-татары ударили по всей Руси и что от этого всем было плохо — даже новгородцам, до которых монголы, на их счастье, не добрались.

Россиянин хорошо знает, что в культурном отноше- нии Киевская Русь была единой. Что Киев был «мате- рью городов русских» и для жителей Галича, и для жи- телей Суздаля, и для жителей Новгорода.

Что святые страстотерпцы Борис и Глеб, жившие в Галиче, канонизированы в Киеве и почитались по всей Руси.

Что династия Киево-Новгородских князей, потомков Рюрика, продолжает править во всех княжествах, на которые распалась Киевская Русь.

Что память о Мстиславе, княжившем в Тьмутарака- ни, хранится по всей Руси. Как и память о Владимире Мономахе, княжившем в Переяславле-на-Днепре.

То есть россиянин знает — до XИ века Древняя Русь была единой в культурном, языковом отношении. И что все раздробленные княжества — это. временно отделившиеся части единой страны.

А вот потом начинаются чудеса... На огромной, только что единой, территории Киевской Руси появля- ются какие-то неведомые, ничем не объяснимые прова- лы. Какие-то «черные дыры», в которые проваливаются времена и территории.

Например, Галицко-Волынская Русь. Вот еще недав- но, совсем недавно, она существовала для российской историографии.

Не будем даже ссылаться на Галицко-Волынскую и Ипатьевскую летописи, на «Повесть временных лет», на

польские документы. То есть не будем доказывать дав- но известное — что Галицкая и Волынская земли суще- ствовали в составе Киевской Руси и что Галицко-Во- лынское княжество реально

существовало с 1189 года как самостоятельное государство. То есть мы сейчас не будем заниматься историей как таковой. Будем за- ниматься историографией — то есть историей того, как люди пишут историю.

Конечно же, в истории никакого такого «провала», никакой такой «черной дыры» не было и быть не могло. Город Галич вполне благополучно стоял на своем месте и до, и после 1340 года, когда бояре призвали на кня- жение литовского князя. Владимиро-Волынск не прова- лился сквозь землю в 1336 году, когда отошел под власть Польши. Львов тоже не распался на части, не разва- лился ни в 1349 году, когда он был «захвачен польски- ми феодалами» [1. С. 245], ни в 1772 году, когда он по]-му разделу Польши отошел к Австрийской империи.

Конечно же, никакая «черная дыра» не поглотила всей Галицко-Волынской земли, Галисии, Галиции от- того, что в середине XИ века эта часть Киевской Руси вошла в состав Польского королевства и Великого кня- жества Литовского.

Разные области Галиции продолжали существовать и развиваться в составе Польши, Великого герцогства Литовского и Австрии до 1795 года — до того, как они отошли к Российской империи по 3-му разделу Поль- ши, или до 1939 года, до того, как на эту территорию наложил лапу сталинский СССР по пакту Молотова — Риббентропа.

Более того. На этих территориях продолжала идти интенсивная историческая и культурная жизнь. Порой даже гораздо более интенсивная, чем в Москве или в Киеве... но обо всем этом — в свое время.

Провал происходит не в истории, а в историогра- фии... И даже точнее — провал возникает только и ис- ключительно в российской имперской и в советской историографии.

Из гимназических учебников Петербургского перио- да, из школьных советских учебников напрочь исчеза- ла Галицко-Волынская Русь. Вообще. Галицко-Волын- ское княжество X|1—ХШ веков — упоминается. А потом, начиная с ХМ века, это княжество не упоминается. Со- всем.

В советских учебниках за 9-й класс всплывало сло- во «Галиция» как одна из провинций Польши; в учебни- ках за 10-й класс — как название «предательской» ди- визии, воевавшей на стороне «немецко-фашистских» захватчиков. Но имеет ли эта Галиция XX века какое-то отношение к Галицкой Руси, не разъяснялось, и боль- шинство учеников не имели об этом решительно ника- КОГО ПОНЯТИЯ.

Такое же мертвое молчание — в художественной литературе. Может быть, конечно, я просто не в курсе дела. В конце концов, могли же ускользнуть от меня какие-то важные сведения? Не могу же я прочитать все вышедшие на русском языке исторические романы! Что ж! Я буду очень благодарен, если мне назовут ро- ман, действие которого происходит во Львове или, ска- жем, в окрестностях Галича. Или научно-популярную книгу об архитектурных памятниках Львова. Но только чур! Пусть этот роман, эта книга повествует как раз о жизни Галиции... бывшей Галицко-Волынской земли, в тот самый период — с 1336 по 1795 год. А написан и, главное, издан пусть будет при советской власти. Даже роман А. Хижняка «Даниил Галицкий» обращается к го- раздо более давним временам, почти за сто лет до ин- тересующего нас срока.

Пока у меня нет сведений, что такого рода произве- дения были написаны и изданы.

Нет и никаких сведений в виде телевизионных или радиопередач, газетных и журнальных статей.

Провал, провал в историографии.

Такое же поганое чудо происходит и с западными русскими княжествами: Туровским, Пинским, Смолен- ским, со всеми более мелкими княжествами, на кото-

23

рые разбились эти три. Когда речь идет о Киево-Новго- родском периоде, эти «западные русские княжества» упоминаются наряду со всеми. Не говоря ни о чем дру- гом, именно в Полоцке жила женщина с германским именем Рогнеда. Эта женщина, дочь местного князя, имела неосторожность сильно понравиться князю Вла- димиру, тогда княжившему в Новгороде.

И сделала еще одну глупость... отказала, когда Вла- димир посватался. Последствия были мрачными даже по понятиям Средневековья: Владимир начал войну с Полоцким княжеством, убил отца и двух братьев Рогне- ды, а саму Рогнеду захватил, дал ей славянское имя Го- рислава и женился на ней. Какую форму может прини- мать «женитьба» убийцы отца и братьев на их дочери и сестре — предоставляю размышлять самому читателю.

Рогнеда стала матерью будущего князя Изяслава Владимировича. Умерла она около 1000 года, много по- сле того, как Владимир принял христианство и женился на сестре византийских императоров, Анне. Считал ли он своей женой и Рогнеду-Гориславу после венчания с Анной — история умалчивает.

Но во всяком случае, эта грязная разбойничья исто- рия, в сравнении с которой бледнеют даже страсти Тро- янской войны, происходила именно в Полоцке, в столи- це одного из западных русских княжеств. И эта исто- рия вошла и в учебники, и в исторические сочинения. Без нее невозможно подробное изложение истории Киево-Новгородской Руси.

Но стоит Полоцку оказаться в составе Великого кня- жества Литовского, и в нем как будто перестает что- либо происходить. Прямо как в Смоленской летописи под некоторыми годами: «В лето не бысть ничего».

Так же не было ничего на протяжении тех же трех столетий на всей территории будущей Украины. Дейст- вительно, что происходило в Киеве, Могилеве, Львове, Дорогобуже, Сумах, Полтаве на протяжении ХУ, ХУ, ХМ, ХУЙ веков? Если принимать всерьез советскую ис- ториографию, то ничего.

24

Еще более пикантно, что в советской историогра- фии такой же оказывалась судьба и «матери городов русских», стольного града Киева. Во всех учебниках, во всех исторических трактатах упоминалось, что в де- кабре 1240 года его штурмом брали «монголо-татары». Соответствующие «духоподъемные» сцены есть в рома- не «К последнему морю» В. Яна, во множестве других художественных произведений. Данные о раскопках слоя, свидетельствующего о взятии Киева монголами, — в книге М.К. Каргера «Древний Киев».

Но вот наступает 1362 год, и Киев входит в состав Великого княжества Литовского, и до 1654 года он бу- дет находиться в составе Великого княжества Литов- ского и в составе Королевства Польша.

И все. Три века жизни Киева выпадают... нет, конеч- но же, вовсе не из истории выпадают эти три столетия. Но из советской историографии — выпадают.

Все эти города, и Киев тоже, «всплывают» в исто- риографии только в ХУП веке и только в связи с «борь- бой украинского и белорусского народов за присоеди- нение к России». Интерпретация событий в тогдашней Украине и Белоруссии совершенно кошмарна, но это уже второй вопрос. А территория нескольких русских княжеств, самое ядро формирования Древней Руси, ис- чезает на несколько веков. Исчезает, а потом вдруг всплывает под новым названием — «Украина».

Тем более — никакой информации о Смоленской земле в тех же веках — с ХУ по ХУИ. Даже в таком со- лидном справочнике, как БСЭ, сообщается только, что Смоленское княжество «в конце XИ в. распалось на не- сколько уделов и подверглось нападению нем. кресто- носцев и литов. феодалов. В нач. ХУ в. С.к. было захва- чено литов. князем Витовтом. Смоленские земли вошли в состав Великого княжества Литовского. Смоленск и терр. быв. С.к. были окончательно

возвращены России по Андрусовскому перемирию 1667» [2. С.621]. Отме- тим эту пикантную, но не новую деталь — Литва «за- хватывает» Смоленск, Москва только «возвращает». Мо-

25

сква, стало быть, законный владелец Смоленского кня- жества.

Но главное — нигде, ни в каком литературном источ- нике нет ничего, даже отдаленно похожего на внутрен- нюю историю Смоленского княжества. Действительно, как жили Смоленск и Смоленская земля в составе Ли- товско-Польского государства? Было ли в городе само- управление? Если да, то какое? Какие кто платил нало- ги? Какие права имели православные смоляне в католи- ческом княжестве? Кто княжил? Какую вел внешнюю политику? Как жили в нем люди в ХМ и ХУ веках? По каким законам? Какие государственные деятели, какие деятели культуры вышли из смолян за три века жизни в Литве? Об этом нет ничего. Не «буквально ничего». А просто — вообще ничего.

Смоленская земля в составе Литовско-Польского го- сударства упоминается только раз — в связи с Грюн- вальдской битвой. Говорится, что эта битва была выиг- рана главным образом (ну, конечно же!) усилиями «русских дружин из Смоленска». Правда ли это? Ска- жем, в Литве и современные учебники, и выходившие в годы независимости (1918—1939) не акцентируют вни- мания на том, кто же сыграл «решающую» роль. Был об- щий враг. Его остановило войско, в составе которого были люди трех славянских этносов. И если говорить откровенно, эта позиция представляется мне и более взвешенной, и просто более этичной.

Сказанное касается даже Новгорода и Пскова — княжеств, которым повезло все же гораздо больше всех остальных. Все написанное во всех учебниках и учебных пособиях в советское время и в Российской Федерации относится только к двум сторонам жизни этих княжеств:

1. Как они воевали с Тевтонским орденом.

2. Как Москва завоевывала эти княжества. Причем завоевание однозначно рассматривается как акт при- соединения Новгорода не к Москве, а к России — отме- ТИМ ЭТО.

26

В историографии Российской империи и в совет- ской историографии получается так, что после нашест- вия «монголо-татар» история восточных славян стран- ным образом перетекает на Северо-Восточную Русь. История подъема Москвы, история собирания кня- жеств Москвой, история строительства Московского кремля, собора Василия Блаженного, формирования политической системы — всему этому историки уделя- ют огромное внимание.

В Российской империи, затем в СССР и в Россий- ской Федерации — наследниках Северо-Восточной Руси, Московии, до сих пор однозначно, с предельной одно- линейностью рассматривают Москву как единственного наследника и преемника Киевской Руси. Все остальные земли Древней Руси в этих учебниках и программах имеют значение только как объекты завоевания или как территории, входящие в Московскую Русь.

Но нигде нет никакой информации ни о внутренней жизни, ни о геополитическом положении, ни о культур- ных достижениях, ни о внешней политике, ни о систе- ме управления всеми землями, которые входили в со- став Киевской Руси, но не вошли в состав Руси Мос- ковской.

Вот история всех других княжеств, надо полагать, считается «менее актуальной». О том, как жили в ХМ\У— ХМ веках Рязань или Тверь, кто в них княжил и как, мы тоже не можем узнать.

Человек, который учился по учебникам и програм- мам, принятым в Российской империи, СССР и Россий- ской Федерации, у которого нет никакой информации, кроме официальной и «общепринятой», не может уз- нать абсолютно ничего обо всех четырех веках исто- рии Юго-Западной Руси, Галиции, Белой Руси, Смолен- ска, Новгорода. Несколько веков истории Западной Ру- си выпадают, как будто их и не было никогда.

Оставим пока в стороне политическую историю. Но я далеко не уверен, что людям, даже вполне взрослым и просвещенным, известно — именно Юго-Западная Русь

27

была источником просвещения, источником культур- ных новаций для диковатой северо-восточной провин- ции славянского мира — Московии.

Что иезуитская академия в Вильно принимала сла- вянских студентов с 1579 года.

Что Львовский университет основан в 1661 году.

Что Киево-Могилянская академия существует с 1632 года и что роль Киево-Могилянской академии как мощнейшего славянского университета была куда силь- нее, чем московской Славяно-греко-латинской академии. Что значение Киево-Могилянской академии померк- ло только после открытия Московского университета (1755 год), и особенно Харьковского университета (1804 год), и что закрыта Киево-Могилянская академия была только в 1817 году.

Многим ли гражданам нынешей Российской Федера- ции знакомы имена Петра Могилы, Франциска Скори- ны, Георгия Сковороды или белорусского атеиста К. Лы- щинского, автора безумно смелого трактата «О небы- тии Бога»?

Многие ли представляют себе архитектурные ан- самбли и культурные богатства Львова, Умани и даже Киева? А если и представляют, то в такой ли степени, как сокровища Санкт-Петербурга и Москвы?

Не хотелось бы оказаться понятым превратно. Вот, мол, шляпу надел, профессиональным историком заде- лался, а теперь еще и издевается, демонстрирует пре- восходство. Нет, сограждане, я делаю совсем не это. Я выражаю сожаление и сочувствую тем, кому неотку- да узнать о деятелях западной русской культуры. Неот- куда узнать, потому что о них нет никакого упоминания ни в школьных учебниках, ни в сочинениях историков, ни в художественной литературе. Вообще практически нигде.

И какую информацию можно извлечь из самых серь- езных, универсальных справочников, если даже самые солидные издания советского времени о политических деятелях, о деятелях науки и культуры Западной Руси со-

28

общали только самые фантастические сведения. «В на- чале 20-х гг. Скорина переехал в Вильнюс, где основал первую на территории СССР типографию» [3. С. 518].

Тут только руками разведешь... Потому что в приве- денном отрывке нет буквально ни единого слова прав- ды. Франциск Скорина переехал не в Вильнюс, а в Виль- но. Вильно был тогда немецким и польским, а вовсе не литовским городом. Основанная Франциском Скориной типография была далеко не первой на «территории СССР», и даже не первой в Вильно. Она была первой типографией ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН. Всех. И ух, ко- нечно, в X\] веке не было никакого СССР и территории СССР. Говорить о переезде в СССР Ф. Скорины — та- кое же безумие, как объявить политической эмигрант- кой Анну Ярославовну, не в добрый час ставшую же- ной французского короля, а Эммануила Канта считать советским философом из города Калининграда.

Я привожу именно этот пример потому, что это бе- зумие реально ТВОРИЛОСЬ. Анну Ярославовну в 1930— 1950-е годы в прессе официально называли «предшест- венницей белогвардейцев», было дело.

В случае же с Франциском Скориной безумие тво- рится уже не в жуткие времена, когда кибернетика превращалась в «продажную девку мирового империа- лизма».

Франциск Скорина приезжает в литовский Вильнюс и основывает первую в СССР типографию уже в 1970-е годы, когда выпускалось третье издание Большой Со- ветской Энциклопедии. Это раз.

А что еще более важно — для большинства людей, боюсь, гораздо менее очевидно, что это бред, чем в слу- чае с советскими урартами или с Анной Ярославовной, провозившей под юбками литературу НТС. Потому что по отношению к Ф. Скорине общество гораздо в боль- шей степени разделяет официальную позицию государ- ства. Это два.

Впрочем, не только история Великого княжества Ли- товского и Новгорода — Тегга тсодпКа для ученика и

для читателя. Точно такой же неведомой страной пред- стают и русские земли, вошедшие в состав Речи По- сполитой. Территории, которые в советской историо- графии назывались «Западной Украиной и Западной Белоруссией», вошли в состав Российской империи толь- ко после 3-го раздела Польши, после 1795 года.

Тот же вопрос: что происходило в Гродно и во Льво- вев 1720-м... даив 1795 году? Чем жили эти земли? Скажем, что думали профессора Львовского универси- тета по поводу пресловутых разделов Польши? Бежали навстречу русским солдатам с криками: «Ура! Наши пришли!»? Крестились и молчали? Укладывали баулы, чтобы переехать в Краков? Информации нет никакой.

Кстати, стоит этим территориям оказаться опять в составе Польши — с 1918 по 1939 год? — и повторяет- ся знакомая история. Никаких сведений о жизни этих земель в советской историографии не содержится.

Тут вообще странный случай. В забвении несколь- ких веков русской истории очень солидарны поддан- ные Российской империи, Советского Союза и Россий- ской Федерации, причем в одинаковой мере. Солидар- ны профессиональные ученые и широкие народные мас- сы. Солидарны власти предержащие и все общество.

Усилиями очень большого числа людей огромная территория Западной Руси как будто погружается в ту- ман и мрак, скрывается под водой, как град Китеж. Только для такой территории, для миллионов людей бу- дет мало озера, в котором Китеж все же поместился. Тут масштабы небольшого материка или громадного, сравнимого с материком острова. Речь идет о целой Русской Атлантиде.

Русская Атлантида — это не только и не столько да- же Земля неведомая, Тегга псодпка. В еще большей степени это Магае псодпйит — неведомое море, неве- домый туман, поглотивший и скрывающий, не дающий рассмотреть землю. А если совсем точно — это терри- тория, которая становится неведомой в определенное время своей истории. Неведомое время — Тетриз$ т-

соапКа. Неведомая жизнь по неведомым правилам и на неведомой земле.

Тут возникает не один какой-то вопрос... Нет, воз- никает огромное количество вопросов, которые можно свести в два огромных «пучка»:

1. Что же представляла собой эта Русская Атланти- да, о которой в Российской Федерации и по сей день практически ничего не известно?

2. Кому нужно было сделать такую грандиозную «фи- гуру умолчания» по поводу Западной Руси? С какой це- лью напущено столько туману? Для кого выгодна столь грандиозная фальсификация?

Книга написана для того, чтобы ответить хотя бы на часть возникающих здесь вопросов.

Глава 2

БОЛЬШОЙ МОСКОВСКИЙ МИФ, ИЛИ ЛЕГЕНДЫ МОСКАЛЕЙ О САМИХ СЕБЕ

Мы русские — какой восторг!

А. Суворов

Дети! Храните себя от идолов! 1 послание Иоанна, глава 4 стих 21

Исторические мифы — неизбежность!

Всякое государство и всякий народ неизбежно создают легенды про самого себя. Так получается даже против собственной воли: события истории истолковы- ваются так, как их бы хотелось увидеть. Желание под- твердить верность своих представлений о мире, своих предрассудков, оказывается сильнее фактов. «Испор- ченный телефон» исторической памяти отодвигает в тень одно, высвечивает другое, напрочь забывает третье, придумывает четвертое.

Многие примеры таких мифов сами по себе стали уже чуть ли не нарицательными. Напомню хотя бы толь- ко выдуманный подвиг Ивана Сусанина. Подвиг, кото- рого не было и который стал символом русского мо- нархизма и патриотизма, своего рода национальным СИМВОЛОМ.

И это совсем не специфично для России, такие же выдумки легко обнаружить и в истории других народов.

...1745 год. Идет война за Австрийское наследство. Французские войска под командованием Мориса Сак- сонского осадили крепость Турне (в современной Бель- гии). Англо-голландско-ганноверские войска под ко- мандованием герцога Камберленда движутся к крепо- сти, хотят выручить ее из осады. Французские войска, не снимая осады, двинулись навстречу союзникам и заня- ли позиции возле деревушки Фонтенбло. 11 мая 1745 го- да произошло сражение под Фонтенбло. Погибло 5 ты- сяч французов и 12 или 14 тысяч союзников. Поле ос- талось за французами, которые захватили 32 артилле- рийских орудия. Крепость Турне осталась в осаде и была взята 10 июня 1745 года.

Вот и все. Вот и все сражение под Фонтенбло — мало что решивший эпизод такой же полузабытой вой- ны за полузабытое Австрийское наследство. Но тут-то и начинается легенда...

В те времена армии шли навстречу друг другу, пока солдаты не могли разглядеть белки глаз противника — тогда имело смысл целиться и стрелять. Тем более 11 мая 1745 года поля под Фонтенуа скрывал туман, солдаты обеих армий долго не видели друг друга.

Во всех английских учебниках по истории написано, что, когда армии сблизились до расстояния прицельно- го выстрела, командующий английскими гвардейцами милорд Гей закричал: |

— Господа французы! Стреляйте первыми!

Эта история прекрасно известна и во Франции, но с одной маленькой поправкой: там «точно знают», что кричал-то вовсе не англичанин, а француз. Кричал мо-

сье д’Атерош, капитан королевских гвардейцев, и кри- чал он, конечно же: |

— Господа англичане! Стреляйте первыми!

Скорее всего, на поле Фонтенуа действительно кто- то и что-то в этом духе прокричал: легенды редко воз- никают совсем уж на пустом месте. В обеих странах соответствующие легенды вошли в

учебники, и сомне- ваться в них знающие люди не советуют. Иностранцу простительно, конечно, но, усомнившись в общеприня- той легенде, «своим» он рискует уже не стать. А уж для «своего» по крови такого рода сомнения и вовсе никак не приличны и свидетельствуют о катастрофической нехватке национального, патриотического духа.

Французы отмечают, что французский тогда был ме- ждународным языком, на нем говорили в высшем анг- лийском свете, и крик мосье д'Атероша был прекрасно понятен британцам. Британцы столь же справедливо отмечают, что милорд Гей вполне мог кричать и по-фран- цузски — по той же самой причине. Кричал же Мило- радович в 1812 году «Молодцы французы! по-фран- цузски.

Итак, кто-то что-то кричал, и этот крик стал своего рода национальной легендой. Но вот кто именно кри- чал, что именно и кому именно в этот теплый туманный день 11 мая 17745 года, мы скорее всего никогда уже не узнаем. Единственный надежный способ, насколько я понимаю, — это применить «машину времени».

Исторические мифы возникают, развиваются и рас- тут по таинственным законам жизни выдумок и уходят наконец в небытие. Например, на наших глазах родил- ся и с треском лопнул миф об ангелоподобных «демо- кратах» Фрунзе, Тухачевском и Блюхере, истреблен- ных Сталиным из зависти к их талантам. В одной из по- следних книг В. Суворова в гроб этого мифа вколочены последние гвозди. Я имею в виду книгу «Очищение». Приводить подробности я не вижу необходимости — все, что я приведу, окажется все равно вырвано из кни- ги Суворова. А тот, кто хочет получить информацию из

первоисточника, все равно прочтет саму книгу «Очище- НИе».

А мифы об Иване Сусанине и о Козьме Минине на- ходятся, видимо, в стадии медленного умирания. Никто больше не хочет отдавать жизни ни за царя, ни за ог- ромную империю; а раз так — никто и не ищет в про- шлом исторических подтверждений тому, как это хоро- шо — продавать собственную семью для блага своего безумного государства. Или того, как это славно — при- нять мученическую смерть от руки оккупантов.

Но только не поймите, ради бога, что в наше время не рождаются новые исторические мифы! Как раз вот сейчас на наших глазах вскипели, возникли из небытия и пока не полностью ушли в прошлое и мифы про ду- рацкую Россию, которую всегда и все били на полях всех сражений. И мифы про западное общество: про его разумность, щедрость, порядочность, интеллигент- НОСТЬ И Т.Д.

Впрочем, об этих зловредных мифах написана спе- циальная книга [4].

Большой Московский Миф

Каждый народ творит миф о самом себе, пере- осмысливая историю в духе, «нужном» на данный мо- мент. На этом фоне Большой Московский Миф (БММ) вовсе не исключителен, и только одно вызывает в нем некоторое удивление: очень уж долго существует этот миф и очень уж он всеобщий, грандиозный, пронизы- вающий все стороны жизни Московии, претворившей- ся сначала в Российскую империю, потом в СССР.

Этот Большой Московский Миф о России-Московии хорошо известен всем моим читателям-россиянам. По- тому что этот миф ложится в основу преподавания ис- тории в школе и в вузе, кричит о себе в сотнях литера- турных произведений и кинофильмов. Разделяют его не все и в разной степени. Но этот миф исключительно важен. Не думаю, что будет преувеличением сказать:

Большой Московский Миф лежит в основе националь- ного самоопределения русских московитов. Он так ва- жен, этот миф, что вынь его — и зашатается чересчур многое в сознании многих россиян. А сам по себе миф этот прост и коварен.

Невозможно отделаться от мысли, что на просторах Российской империи (а может быть, и гораздо раньше) сформировался некий тип сознания, который может быть представлен в самых различных внешних обличи- ях: от «охранительного» до «революционного» и от «ста- линского» до народнического.

В этот тип мироощущения, в этот Большой Москов- ский Миф (БММ) входит несколько положений, кото- рые трудно отчленить друг от друга и которые друг дру- га превосходно дополняют.

1. Во-первых, это идея четкой и однозначной исто- рической преемственности от Киевской Руси к Москов- ской. Единственным наследником Киева признается Москва, и только Москва. Остальные русские земли как бы и не имеют права на историческое бытие и являют- ся только периферией то Киева, то Москвы.

Передам слово Сергею Михайловичу Соловьеву, кото- рый прекрасно и емко сумел выразить самую суть этой части мифа:

«Вообще движение русской истории с юго-запада на северо-восток было движением из стран лучших в худшие, в условия более неблагоприятные. История выступила из страны, выгодной по своему природному положению, из страны, которая представляла путь из Северной Европы в Южную, из страны, которая поэто- му находилась в постоянном общении с европейско-христианскими народами, посредничала между ними в торговом отношении. Но как скоро историческая жизнь отливает на восток в области Верхней Волги, то связь с Европою, с Западом, необходимо ослабевает и порыва- ется... Но Западная Россия, что же с нею сделалось? ... Западная Россия, потеряв свое значение, потеряла спо- собы к своему дальнейшему материальному, государст-

венному и нравственному развитию, способы иметь влияние на Восточную Россию результатами своего об- щения с европейцами. ...Татары и Литва разорили ее вконец. ...Запустелая, лишенная сил, раздробленная Юго-Западная Русь подпала под власть князей литов- ских. Галич, счастливый уголок, где было сосредоточи- лись последние силы Юго-Западной Руси, быстро под- нялся и процвел, но скоро и пал вследствие своего уе- динения от остальной, живой Руси, то есть Великой, ибо Малую Русь в описываемое время нельзя было на- звать живою» [5. С. 225].

Ну вот, даже и Галич, как видите, пал (имеется в ви- ду, видимо, его присоединение к Польше, не иначе) — а все от изоляции от «остальной, живой», так сказать, ОТ «настоящей» Руси.

Можно привести еще множество цитат разного мас- штаба и из авторов прошлого, и из нынешнего века, но из этих цитат мы не получим никакой новой информа- ции, будут крутиться все те же нехитрые идеи.

По существу, и так уже все ясно. Схема проста: Се- веро-Восток уцелел после нашествия монголов, спасся благодаря своему положению, а Западная Русь разгром- лена степняками и Литвой, обнищала и потеряла вся- кое значение. Единственно, все авторы будут расхо- диться в частностях, но основная схема приблизитель- но одинакова у всех: эти земли «отпали от Руси». А при завоевании Москвой опять «стали частью Руси».

Мнения разойдутся по поводу географического фак- тора — татар и Литвы, но останется нетронутым основ- ное: после нашествия монголов, с ХМ столетия, вся Русь, кроме Северо-

Восточной, рассматривается как «про- павшая», «выпавшая из истории» до того времени, как Московия включит эти земли в свое государство.

Допустим, Карамзин писал «Историю Государства Российского» и именно поэтому история западных рус- ских земель никак не отразилась в его многотомном тру- де. Но ведь Соловьев писал уже «Историю России»! А у него — та же самая проблема.

36

Та же самая идея, та же схема проводится и во всех справочниках, куда бы ни обратился любознательный читатель. Я уже приводил примеры оценок БСЭ, в ко- торых Литва «захватывает» русские земли, а Москва их строго «освобождает». Но эти оценки постоянны, в том числе и в тех статьях, где их, казалось бы, трудно ожи- дать.

Даже в статье «Украинский язык» приводится сле- дующая эскапада: «...захват западных и юго-западных русских земель Литвой, Польшей и Венгрией привел к расчленению древнерусской народности... Западные и юго-западные русские земли и их население на не- сколько столетий оказались оторванными от остальных русских земель» [6. С. 169].

Если соотнести общее количество русских людей, живших в «оторванных» землях запада и юго-запада (2—3 миллиона человек, по разным оценкам) и земель северо-запада — так сказать, «основных» русских зе- мель, откуда «оторвались» остальные (несколько сотен тысяч человек), и все станет предельно ясно. Ситуация очень напоминает передовицу в английской «Гаймс» за 1801 год: «Сильный туман в Ла-Манше. Континент изо- лирован». Вот примерно так же, по логике составите- лей статьи, изолированы русские земли запада и юго- запада от «материнского» северо-востока.

Напомню еще, что статьи про Великое княжество Литовское ни в первом, 1920-х годов, ни во втором вы- пуске Большой советской энциклопедии нет. Вообще нет. Не было такого государства. Не будь третьего вы- пуска Большой советской энциклопедии, читатель мог бы узнать о его бытии только по косвенным упомина- ниям в разных статьях.

Детская энциклопедия проявляет по поводу Литвы такую же сдержанность: не было такого государства! Упоминается разве что Ягайло, и то в роли «изменника». Не верите? Вот цитата: «В повести рассказывалось, как нечестивый хан Мамай с помощью изменников — ря- занского князя Олега и литовского князя Ягайло — го-

37

товился к битве с русским войском» [7. С. 246]. Впечат- ляет? Не менее интересно и совершенно фантастиче- ское сообщение, что «в конце ХУ — начале ХУ] века все русские земли окончательно объединились вокруг Москвы» [8. С. 252].

Позиция справочников очень зависит от времени их издания. «Всемирная история», вышедшая в конце 1950-х, сохраняет все «имперские» стереотипы. «Польские фео- далы ... лелеяли планы порабощения и эксплуатации богатых русских земель, захваченных ранее Литвой» [9. С. 771]. Вот, пожалуй, самая емкая цитата, где сра- зу всем досталось.

Советская историческая энциклопедия формирова- лась в годы «разоблачения культа личности» и сообща- ет немало сведений несравненно более корректно. Но и здесь Литва «захватывает» русские земли. Исключе- ние — статья о Смоленске, который все-таки «входил» в состав Великого княжества Литовского» [10].

Та же самая схема, с небольшими вариациями, вос- производится во всех школьных учебниках. Хоть в не- потопляемом творении Нечкиной, хоть в любом из бо- лее современных.

Сейчас учебных пособий известно очень много [11—13].

Приведу цитату из одного такого учебного пособия. Не потому, что оно так уж намного хуже всех осталь- ных, а просто потому, что оно выпущено в моем родном Красноярске, многих его авторов я знаю лично, а сам учебник попался мне вовремя под руку: «Поражением Руси (от монголов. — А.Б.) воспользовались Польша и Литва, которые захватили западные княжества. Зачас- тую сами князья добровольно принимали литовское подданство, чтобы спастись от более тяжелого мон- ГОЛЬСКОГО ига» [14. С. 17].

И далее: «После татаро-монгольского нашествия на Русь литовцы сумели захватить многие западные рус- ские княжества. Почти 2/3 территории Литвы состояло из бывших русских земель» [14. С. 21].

Очень любопытна оговорка, которую авторы вряд ли и сами замечают: «...из бывших русских земель». А почему, собственно, из БЫВШИХ? Потому что не в составе Москвы? А когда окажутся опять в составе Мо- сковского княжества, сразу же станут опять просто русскими? А не БЫВШИМИ русскими?

Но как мы видим, схема та же самая, и даже стоит русским землям оказаться в составе Литвы, как они становятся «бывшими русскими».

Из этих построений, понятное дело, вытекает пред- ставление о полном тождестве понятий России и Мос- ковии. То, что не Московия, — это, тем самым, и не Рос- сия (ВСПОМНИМ «бывшие русские земли»). Причем само это тождество для сторонников этой идеи настолько очевидно, что они его даже и не обсуждают, а всем рус- ским-русинам, жившим в разные времена и на разных территориях, приписывается один и тот же тип созна- ния — причем исключительно москальский.

С этим связана вторая составляющая Большого Мос- ковского Мифа.

2. Вторая нехитрая идея из составляющих Большой Московский Миф — России приписываются «исконные свойства русского духа»: антибуржуазность, коллекти- визм, вражда к Западу.

Разумеется, эти черты приписываются вовсе не од- ним москалям, а всем русским, включая и западных рус- ских. Ведь, согласно первому пункту БММ, между ними нет и не может быть никакой разницы.

«Россич всегда хотел невозможного. Вечно голодный душой, он жил стремлением. Не жил еще на свете сча- стливый россич, ибо для себя самого он всегда оста- вался ниже своей мечты. Потому-то и добивался он МНОГОГО.

Отстав от своих, затерявшись в толпе себялюбцев, россич казался жалким и глупым. В нем нет умения со- стязаться в уловках с людьми, убежденными в праве попирать других, жить чужим соком. Взявшись не за свое дело мелкой, личной наживы, россич всегда бывал

и обманут, и предан. Таков уж россич, на самого себя он работает плохо, ему скучна такая работа.

Но как только, поняв ошибку, россич сбрасывает чу- жое обличие, откуда только брались у него и умение, и сила! Он забылся, его не терзают сомнения. Тут все сто- ронились, как бы случаем не задела ступня исполина.

Таков уж россич от рождения, совершившегося на берегу малой реки, которая течет с запада на восток и впадает в Днепр с правой руки» [15. С. 401].

А ведь как хорошо это сказано! Какое благородство интонации, какой превосходный слог! Какой сильный писатель прокламирует всю эту вредную и опасную че- пуху!

А вот еще цитата из того же великолепного писате- ля, из другого произведения:

«Тем временем потомки Одинца, Гюряты, Тсарга, Изяслава, Доброги, Карислава, Отени, Расту, Тшудда (герои книги «Повести древних лет») и других их брать- ев из киевских, северских и прочих южных, западных и восточных славянских земель, таких же, как они, по ду- ху, чести и совести, без титулов и гербов, без турни- ров, без замков и богатых невест, беззвучно гнули спи- ну в работе, страдали, терпели все муки, но с неотвра- тимой силой стихии осваивали непроходимые и почти безлюдные территории северо-востока и востока, шли в южные степи и выплавляли не порабощением, а тру- дом и дружбой людей всех племен в государство-моно- лит на одной части земного шара. Но это — в скобках, как общеизвестное» [16. С. 442—443].

Насчет «государства-монолита», да еще выплавлен- ного строго «трудом и дружбой», можно поступить как хочется — покрутить палец у виска, засмеяться, впасть в скорбь... Как угодно. Автор сих строк лишь отметит, что мы имеем здесь дело с еще одним мифом, и только.

Отмечу, опять же, благородство интонации и высо- кое искусство автора. Самыми простыми словами, очень легко и просто он умеет вызвать у читателя горделивое чувство причастности и отрешенности от скверны зем-

ной. Словно поднимаешься в некие надмирные выси, отрешаясь от мелочи и суеты, в эмпиреи вершения ис- тории... Создать такое ощущение у читателя — несо- мненно, большое искусство, и автор им владеет в пол- ной мере. Что ж! Тем сильнее воздействие текста, и тем он становится опаснее.

Немаловажно и другое: приведенный текст начина- ется с «тем временем...» — поскольку выше у В.Д. Ива- нова многословно описывается, какие гадкие люди — иностранцы и иноземцы (конкретно в этом романе ви- кинги занимают место византийцев, поносимых в «Руси изначальной»).

И это превосходное проявление еще одной состав- ляющей Мифа.

3. Эта составляющая БММ — Западу приписывается маниакальная ненависть к России. От философов про- шлого века, Леонтьева и Аксакова, до современных ав- торов типа учеников Льва Гумилева тянется мысль о том, что европейское сознание проникнуто жизнеотри- цанием, ненавистью к жизни. И, конечно же, ненави- стью к Руси-России. По мнению Л.Н. Гумилева, это «стереотип поведения» у них такой. Ну, не любят они Руси, что тут поделать!

И по страницам сочинений философов и ученых, и по страницам художественной литературы расхажива- ют хорошие славяне, гадкие, противные иностранцы. Если автор художественного произведения талантлив, гадкие иностранцы получаются особенно омерзитель- НЫМИ.

Как красиво объясняет Л.В. Никулин, до чего же не- навидят Россию европейцы, а особенно англичане! [177].

Как красиво делает то же самое А.М. Борщаговский! Как мерзки у него французы и британцы; как они низки духом, сволочны, эгоистичны, даже внешне непривле- кательны! [18].

Впрочем, перечислять долго, и все равно всего не перечислишь.

4. Четвертая составляющая Большого Московского Мифа в наибольшей степени — самостоятельный, авто-

номный миф. Эта идея, в общем-то, почти неприлич- на... В конце XX века она просто не имеет права на су- ществование, а вот поди ж ты. Один немецкий теолог объяснял своим студентам, как

он определяет ценность новой философской идеи: «Надо посмотреть, может ли эта идея оставаться неизменной после Освенцима. Ес- ли Освенцим не в силах изменить эту идею — держи- тесь от нее подальше».

Многое изменилось в мире после Колымы и Освен- цима. Идея национальной исключительности «после Ос- венцима» относится к числу неприличных, и ничего тут не поделать.

А эта четвертая составляющая Ь ММ, которая являет- ся самостоятельным мифом, — это идея исключитель- ности России, ее мессианской роли в мире.

«Не заражайтесь бессмыслием Запада — это гадкая помойная яма, от которой, кроме смрада, ничего не ус- лышите. Не верьте западным мудрствованиям, они ни вас и никого к добру не приведут... Не лучше ли краси- вая молодость России дряхлой гнилой старости Евро- пы? Она 50 лет ищет совершенства и нашла ли его? Тогда как мы спокойны и счастливы под управлением наших государей» [19. С. 156].

Так поучает своих детей шеф корпуса жандармов барон Дубельт. А вот мнение Энгельса о Герцене: «...Герцен, который был социалистом в лучшем случае на словах, увидел в общине новый: предлог для того, чтобы в еще более ярком свете выставить перед гни- лым Западом свою «святую» Русь и ее миссию — омо- лодить и возродить в случае необходимости даже си- лой оружия этот прогнивший, отживший свой век За- пад. То, чего не могут осуществить, несмотря на все свои усилия, одряхлевшие французы и англичане, рус- ские имеют в готовом виде у себя дома» [19. С. 158].

Н.В. Гоголь так объясняет уничтожение второго то- ма «Мертвых душ», в котором он показывает благород- ные русские характеры:

«Он (это изобретение) возбудит только одну пустую

гордость и хвастовство. Многие у нас и теперь, осо- бенно между молодежью, стали хвастаться не в меру русскими доблестями и думают вовсе не о том, чтобы их углубить и воспитать в себе, а чтобы выставить на- показ и сказать Европе: «Смотрите, немцы: мы лучше вас!» [20. С. 264].

Как видно, у каждого находится своя причина счи- тать Россию «родиной слонов». У монархиста Дубель- та — благоденствие под сенью царствующего дома. У «социалиста» Герцена — восхитительная крестьянская община. У Суворова — мощь русского оружия. Со вре- менем найдутся и другие причины, включая привычку спать днем и обычай избивать жен и детей. Было бы интересно поискать — существует хоть одна сторона русской народной жизни (реальная или вымышленная), которая никогда не становилась бы основанием для «какого восторга!» и причиной полагать Россию выше всех остальных стран. Сильно подозреваю, что найти таковой не удастся.

Православие, марксизм, государственническая идео- логия, народничество во всех его бесчисленных ипо- стасях — все они очень часто существуют лишь в виде неясных, противоречивых, порой нелепых представле- ний, главное назначение в народном сознании и со- стояло в том, чтобы обосновать преимущества России- Московии перед «тлетворным» Западом.

Мифопоэтика Мифа

Большой Московский Миф — это очень удоб- ный Миф. И одновременно — очень практичный для собирания русских земель и для управления русскими. Управления — из Москвы, разумеется. Русский — зна- чит, подданный Москвы или потенциальный подданный.

Тот, кто хотел бы быть подданным, но у него не по- лучается, потому что мешают или местные бояре (пло- хие, разумеется), или гады-иностранцы. Быть русским, и притом не московитом, попросту невозможно. Ну...

примерно так же, как невозможно быть итальянцем и одновременно не быть католиком.

Разумеется само собой, что все русские должны жить в едином государстве и что они хотят жить в таком го- сударстве. Москва — столица для всех русских. Новго- родцы и псковичи правильно отбивались от шведов и немцев. Глубоко верно топили в колодце татарских по- слов. Но вот с Москвой они воевали глубоко зря. Раз воевали — значит, неправильно понимали историче- скую необходимость.

Правда, не очень ясен вопрос — а что думали по это- му поводу сами жители завоеванных Москвой княжеств? И князья, и народные массы? Жители всех земель, ко- торых мы называем русскими сегодня, не разделяли Большого Московского Мифа. Новгородцы да и твери- чи даже в ХУ веке с ним бы категорически не согласи- ЛИСЬ.

Но в российской, а затем и в советской историогра- фии такие аспекты истории игнорировались, что назы- вается, напрочь.

Миф придает Москве прелесть древности, некую бла- гословенность более ранней, киевской истории. Ведь Москва — единственный наследник Киево-Новгород- ской Руси. Все остальные наследники — «не насто- яЩиИе».

Большой Московский Миф включает и идею истори- ческой несправедливости. Весь мир несправедлив к русским-москалям, не понимает их, не ценит сделанно- ГО ИМИ.

Ведь сами по себе русские были необычайно милы. Русские всегда всем несли свет «более высокой культу- ры». Если и совершались какие-то преступления или безобразия, например разделы Польши, то такова была историческая необходимость, и вообще во всем вино- ваты правители. Русские как народ, конечно же, здесь совершенно ни при чем.

Более того — русские постоянно совершали исто- рические подвиги и всем помогали. А эти услуги поче-

му-то никто не хотел признавать. Например, именно Русь своей грудью защитила Европу от нашествия «мон- голо-татар». А Европа, «как известно», вовсе не поже- лала считать себя «спасенной». Европа нахально врала, будто бы «монголо-татар» разбили чешские и немецкие рыцари. Да еще придумывали, будто это Европа защи- тила принявшие католицизм Волынь и Галичину.

А кроме того, русских все и всегда обижали. Все и всегда пытались оторвать куски от русских земель. Ма- ло того, что русских вечно обижали уже печенеги и по- ловцы. Буйнопомешанные степняки, исключительно из природной подлости, угоняли скот, крали русских кра- савиц, сжигали села и вытаптывали посевы. Правда, А.С. Пушкин с простотой строителя империи кое-что и инкриминировал Олегу по поводу хазарских сел и нив, а «Слово о полку Игореве» описывает вполне разбойни- чий поход русских дружин, учиняющих безобразный половецкий погром. Но официальная советская исто- риография ничего не упоминала о подобных ужасах. Речь шла только и исключительно о бесчинствах злых степняков на Руси.

Потом нас обижали татары. Мало того что «они нам», опять же, пожгли города и посевы и угоняли «нас» в Са- рай, они еще и оторвали «нас» от Европы и помешали «нам» развиваться, в чем «их» историческая вина.

Потом «нас» обижали поляки, французы, японцы, американцы, англичане и немцы. Американцы, кстати, еще до Гражданской войны обманом оттяпали у «нас» Аляску — тоже все из-за ошибок царского правитель- ства, в которых русский народ, конечно же, никак не виноват. А румыны и те

же поляки воспользовались на- шей временной слабостью во время Гражданской вой- ны и, опять же, оттяпали у «нас» часть территории.

И мало того! «Нас» вечно недопонимал и славянский мир... Казалось бы, на «братьев-славян» «мы» всегда мог- ли бы положиться. Но вот ведь незадача! Не только че- хи и поляки — даже и литовцы, и многие украинцы са- мым прискорбным образом не хотели жить в составе

единого с русскими государстве... Даже «свои» из «сво- их» — русские, новгородцы, и те «предавали» «нас» так же, как украинцы времен Мазепы!

В школьных учебниках и программах это слово стыд- ливо не упоминалось, но, вырастая, я узнал, что рус- ских «они» (то есть другие славяне) обзывали нехоро- ШИМ СЛОВОМ «москаль» и, опять же, всячески обижали. Например, не позволяли бороться за их счастье и вооб- ще упорно считали «нас» дикарями...

В гимназиях Российской империи, затем в советских школах последовательно учили тому, что именно Мос- ковия и есть единственный спаситель славян и гарант их счастья и блаженства. Это Русь остановила «немец- кие полчища» на льду Чудского озера. Без русских пол- ков «польско-литовские феодалы» никогда бы не смогли выиграть битву под Танненбергом. Богдан Хмельниц- кий правильно понял, что только Русь может спасти Украину от ужасов пребывания в Речи Посполитой. Этого не мог понять только такой негодяй, такой «пре- датель», как Мазепа.

После того как мусульманские захватчики обидели южных славян, их единственным защитником стала Русь — Российская империя.

Если человек любит не только историю, но и геогра- фию, тем лучше! Знание карты очень наглядно убежда- ет — от славянского мира враги все время отрывали ку- сок за куском. Немцы завоевали, истребили и онемечи- ли полабских славян и родственных литовцам пруссов. Плохие польские паны порабощали хороших украин- ских рабочих и крестьян. Дай им волю, в начале ХУП века они завоевали бы и Московию, да их, к счастью, отбили.

Вероломная Европа воспользовалась «нашим» бедст- венным положением и напала на «нас» — то есть на Псков и Новгород. Причем агрессия Тевтонского орде- на рассматривалась как действия «немцев», то есть как агрессия этноса, а не политического института. И этот этнос, получается, попытался завоевать часть «нашей»

территории. Почему и в каком смысле она «наша» — ни- кто и никогда не объяснял. «Наша» — потому что там живут русские!

Псковичи и новгородцы перестают быть «нашими» сразу же, как только речь идет о завоевании этих кня- жеств Москвой. То есть, по официальной формулиров- ке, о «присоединении» этих княжеств к Москве-России.

Точно так же рассматривается «захват» смоленских земель Великим княжеством Литовским. В Смоленской земле, получается, жили «мы». А «они» захватили «нас» и оторвали от Москвы.

Вот Московское княжество никогда и никого не за- воевывало. Оно только объединяло русские земли во- круг своего естественного центра. Если в Смоленск, в Новгород или в Псков входили войска московских кня- зей — это было объединение. Если в эти же города входило войско Великого княжества Литовского — это было завоевание. Это... это — наглая агрессия «их» про- тив «нас»! Вот что это такое! И никому почему-то не при- ходит в голову элементарная мысль — выяснить, что же, собственно, думали об этом жители Смоленска или Пскова?

Впрочем, как раз известно, что думали новгородцы и псковичи — по крайней мере, на берегах Шелони в 1453 году. Но их мнение, конечно же, было историче- ски неправильным. Оно не отражало исторического тя- готения всех русских земель к Москве, желания всех русских людей объединяться в единое государство и было делом глубоко консервативным, противоречащим прогрессу. К тому же в Новгороде и во Пскове всем за- правляли бояре, и решения веча, вероятно, отражали только их глубоко ненародное мнение...

Если в моих словах и есть некое преувеличение — право же, очень и очень незначительное. В историо- графии Российской империи поразительно большое ме- сто занимает эта нехитрая идея: идея постоянного хищ- ного давления на Русь-Россию врагов. Россия подобна осажденной крепости. И если пределы «только защи-

47

щавшейся» страны «почему-то» расширялись всю ее ис- торию, то это только по причине отсутствия на ее гра- ницах естественных рубежей да изобилия все новых врагов.

Русь-Россия оказывается «вечно осажденнор», а рус- ские — народом, который все не любят и все к нему несправедливы. Французы, англичане и немцы посто- янно нагло живут за счет русской крови и русских уси- лий, а потом отнимают все, что русским причитается по праву. Вроде как в случае с монголо-татарским наше- ствием. Русских не любят, к русским вечно несправед- ЛИвЫ...

Из Большого Московского Мифа вытекают, естест- венно, некоторые, так сказать, организационные по- следствия. Попробую систематизировать их и перечис- лить:

1. Все русские должны быть подданными Москвы. Москва — само собой разумеющаяся столица всех рус- ских. Русские, которые не хотят быть подданными Мо- сквы, — предатели.

2. Русские наивны, добры, терпеливы, трудолюби- вы. Их душа очень широка и способна вмещать весь мир. Русские всегда и всем хотели только добра. Ино- странцы не понимают замечательных качеств русского народа, особенно его широты, и клевещут на него, об- зывая нехорошими словами. Разумеется, иноземцы на- гло врут! |

А слова Пушкина о том, что «цы ленивы и нелюбо- пытны», объясняются тяжкими невзгодами в личной жиз- ни поэта по вине царского правительства, и не более.

3. Завоевания русскими любых стран и подчинение их Москве имело только самые лучшие последствия для тех, кого завоевали. Российское государство никогда не проводило ни политики геноцида, ни политики на- ционального и религиозного угнетения. А русские ни- когда не были расистами и националистами и всегда всех любили.

4. Все страны и народы всегда ненавидят Россию и

48

русских и стремятся воевать с «нами», отнимать «наши» земли и вообще всячески обижают. В числе прочего иностранцы постоянно отнимают у «нас» «наши» дости- жения — и все потому, что «мы», по своей детской на- ивности, не умеем защищать.

Россия — это лагерь, осажденный чудовищами и не- годяями. Итак, мифопоэтика принадлежности русских единому централизованному государству. Мифопоэти- ка осажденного лагеря, внутри которого все хорошие, а снаружи — все плохие.

Эта мифопоэтика пережила века и государства. Су- дя по множеству признаков, она существовала уже в Московское время — по крайней мере, в ХУ веке. Она пережила весь петербургский период нашей истории и весь советский период — так сказать, весь второй пе- риод 1922—1991 годов.

На этот комплекс мифов работала почти вся истори- ческая литература — во всяком случае, вся популярная и художественная литература, то есть все, что прихо- дило к массовому читателю.

Гиганты и Большой Московский Миф

Это очень устойчивый миф. Рождаясь еще в эпоху Московского княжества, он, слабо модифицируясь, существует на протяжении и всего петербургского времени, и всего советского. По-видимому, он зачем-то очень нужен и нужен очень многим людям.

Московский Миф — это вовсе не вымыслы марги- налов и не байки упавших со стула. Это комплекс представлений, которые сами по себе очень далеки от действительности, но которые разделяются если и не абсолютно всеми, то подавляющим большинством мос- ковитов. В числе всего прочего Большой Московский Миф проявился в творчестве людей, личностно круп- ных, очень умных и по заслугам знаменитых. Этот миф проявляется в произведениях очень известных, знакомых с детства, проходимых в школе, а часто и

читаемых дошколятам. Именно гиганты создают тек- сты, которые утверждают в сознании народа некие «истины», а попросту говоря, стереотипы и предрас- судки.

Нет никакого смысла анализировать слабые произ- ведения посредственных авторов. Анализировать надо вещи как раз сильные, умные, способные произвести впечатление и сформировать отношение к чему-то.

Стихотворение А.С. Пушкина «Клеветникам России» знакомо с детства. Оно входит в школьную программу, его охотно читают; каждый образованный русский че- ловек помнит его если и не полностью, то в отрывках, и уж, конечно, помнит производимое им впечатление гор- деливого величия, горней высоты, необходимости за- щищаться от изрыгнутой клеветы, отвращениям к гнус- ным шавкам-иностранцам, которые тявкают там чего- то, не в силах постичь всего русского (то есть нашего! Моего и твоего!) величия.

Правда, я совсем не уверен, что многие читатели пом- нят, по какому поводу Александр Сергеевич все это на- писал... Но это ниже, в свое время.

Пока же приведу стихотворение:

Клеветникам России

О чем шумите вы, народные витии?

Зачем анафемой грозите вы России?

Что возмутило вас? волнения Литвы?

Оставьте: это спор славян между собою, Домашний, старый спор, уж взвешенный судьбою, Вопрос, которого не разрешите вы.

Уже давно между собою

Воюют эти племена;

Не раз клонилась под грозою

То их, то наша сторона.

Кто устоит в неравном споре:

Кичливый лях иль верный росс?

Славянские ль ручьи сольются в русском море? Оно ль иссякнет? Вот вопрос.

Оставьте нас: вы не читали

Сии кровавые скрижали;

Вам непонятна, вам чужда

Сия семейная вражда;

Для вас безмолвны Кремль и Прага; Бессмысленно прельщает вас Борьбы отчаянной отвага —

И ненавидите вы нас...

За что ж? Ответствуйте: за то ли, Что на развалинах пылающей Москвы Мы не признали наглой воли

Того, под кем дрожали вы?

За то ль, что в бездну повалили

Мы тяготеющий над царствами кумир И нашей кровью искупили

Европы вольность, честь и мир?г..

Вы грозны на словах — попробуйте на деле! Иль старый богатырь, покойный на постеле, Не в силах завинтить свой измаильский штык? Иль русского царя уже бессильно слово?

Иль нам с Европой спорить ново?

Иль русский от побед отвык?

Иль мало нас? Или от Перми до Тавриды,

От финских хладных скал до пламенной Колхиды, От потрясенного Кремля

До стен недвижного Китая,

Стальной щетиною сверкая,

Не встанет русская земля?..

Так высылайте к нам, витии,

Своих озлобленных сынов:

Есть место им в полях России,

Среди нечуждых им гробов [21. С. 222].

Еще раз отмечу: перед нами — гениальные стихи, одна из вершин русской словесности. Вершин даже для Пушкина — у него немного настолько сильных про- изведений.

Вот только вопрос — а по какому поводу разразился Александр Сергеевич своим грозным (хотя вряд ли на- пугавшим кого-то) стихотворением? В школьной про- грамме разъясняется — это иностранцы (чаще всего ос-

тается даже неизвестным, кто именно) посмели недру- желюбно отозваться о России. Как и полагается по законам этого жанра, остается совершенно неизвест- ным: кто же именно, что именно и по какому поводу сказал? Анонимные «иностранцы» не только лишены воз- можности ответить Александру Сергеевичу, но и права произнести то, что вызвало его столь лютый гнев? Чего он размахался оружием?

Для того чтобы понять все и до конца, следует по- смотреть — а при каких же все-таки обстоятельствах написано стихотворение? По какому поводу?

А вот по какому: 29 ноября 1830 года началось вос- стание в Польше. Тайное военное общество в школе подхорунжих в Варшаве мгновенно было поддержано тысячами ремесленников и рабочих Варшавы, овладев- ших арсеналом. 30 ноября повстанцы овладели Варша- вой. В начале декабря войска Российской империи по- кинули территорию не только Варшавы, но всего Коро- левства Польского.

В январе Национальное правительство во главе с князем А. Чарторыйским объявило о низложении Нико- лая | с польского престола, провело демонстрацию в память декабристов, выдвинуло лозунг, много раз вос- производившийся потом, самыми разными силами: «За вашу и нашу свободу!» Весной 1831 года восстание пе- рекинулось в Литву, в Западную Белоруссию и Запад- ную Украину. Начиная с февраля шли бои между пов- станческой армией и войсками Российской империи. 26 августа по «старому стилю», 6 сентября по новому, императорская армия взяла Варшаву. В ночь с 7 на 8 сентября была подписана капитуляция. На Польшу обрушились очередные репрессии, а еще до начала ок- тября отряды польских повстанцев бежали из Россий- ской империи в Австрию и Пруссию, тайно переходя границы.

В июле 1831 года Национальное правительство Поль- ши обратилось к правительствам Пруссии и Франции с призывом о помощи, предлагая их монархам «вакант-

ную» польскую корону. Сама ситуация, когда войска Российской империи заливали кровью судорожно пы- тавшуюся освободиться, поющую под пулями «Еще польска не сгинела» страну, уже могла — и вполне за- конно — вызвать дебаты в палате депутатов во Фран- ции. А тутеще и это предложение...

Непосредственным предлогом к написанию стихо- творения явились речи во французской палате депута- тов Лафайета, Могена и других, призывавших к воору- женному вмешательству в русско-польские военные действия.

Написано стихотворение 16 августа 1830 года, то есть еще до взятия Варшавы. Напечатано в сентябре 1830-го, в брошюре «На взятие Варшавы», куда вошли три стихотворения А.С. Пушкина и В.А. Жуковского.

У меня нет никакого сомнения в том, что Александр Сергеевич писал все приведенное выше совершенно честно и с искренним чувством. Об этом говорит и са- мо стихотворение — ни по заказу, ни вымученно тако- го не напишешь. Блестящие строки, и эмоция авто- ра великолепно передается читателю — в том числе и потому, что чувства эти искренние, честные и очень сильные.

Александр Сергеевич отнюдь не считал себя обязан- ным тут же поддерживать все, что придумает прави- тельство или что скажет царь. И уж чем-чем, а чувст- вом личного достоинства Господь его ну никак не оби- дел.

Был случай, когда излишнюю «параллельность» с ца- рем графа Воронцова он скорее сурово осудил:

На Воронцова

Сказали раз царю, что наконец

Мятежный вождь, Риэго, был удавлен.

«Я очень рад, — сказал усердный льстец, — От одного мерзавца мир избавлен».

Все смолкнули, все потупили взор,

Всех рассмешил проворный приговор.

Риэго был пред Фердинандом грешен, Согласен я. Но он за то повешен. Пристойно ли, скажите, сгоряча Ругаться нам над жертвой палача?

Сам государь такого доброхотства

Не захотел улыбкой наградить:

Льстецы, льстецы! Старайтесь сохранить

И в подлости осанку благородства [22. С. 242].

И это стихотворение написано по вполне конкрет- ному случаю: 1 октября 1823 года, после смотра войск в Тульчине, Александр | давал обед и за обедом огла- сил только что полученное им письмо министра ино- странных дел Франции Шатобриана. Тот сообщал об аресте инсургента Риэго. Граф Воронцов при этом про- изнес: «Какое счастливое сообщение, Ваше Величест- во!» Воронцов, по мнению будущего декабриста Басар- гина, очень повредил себе этим сообщением, а Госу- дарь и впрямь «такого доброхотства не захотел улыб- кой наградить».

Это я к тому, что если Пушкин и поддакивал прави- тельствам и царям, то уж никак не из желания выслу- житься, а по глубокому нравственному убеждению.

Так что если Александр Сергеевич написал «Клевет- никам России», тем более напечатал его в откровенно про-правительственной, охранительной, приветствую- щей взятие Варашавы брошюрке, — значит, таково бы- ло его собственное убеждение. Как’ видно, подавление польского восстания — это тот пункт, в котором офи- циальные мнения правительства Российской империи полностью совпадают с мнениями Пушкина и Жуков- ского.

Впрочем, искренность А.С. Пушкина подтверждает- ся еще и тем, что точно такие же мысли высказывает он и в частном письме к П.А. Вяземскому. В письме, которое вовсе ведь и не предназначалось для печати.

«Ты читал известия о последнем сражении 14 мая? Не знаю, почему не упомянуты некоторые подробно- сти, которые знаю из частных писем и, кажется, от вер-

ных людей: Кржнецкий находился в том сражении. Офицеры наши видели, как он прискакал на своей бе- лой лошади, пересел на другую, бурую, и стал коман- довать — видели, как он, раненный в плечо, выронил палаш и сам свалился с лошади, как вся его свита кину- лась к нему и посадила опять на его лошадь. Тогда он запел «Еще польска не сгинела», и свита его начала вто- рить, но в ту самую минуту другая пуля убила в толпе польского майора, и песни прервались. Все это хорошо в поэтическом отношении. Но все-таки их надобно за- душить, и наша медлительность мучительна. Для нас мятеж Польши есть дело семейственное, старинная, на- следственная распря: мы не можем судить ее по впе- чатлениям европейским, каков бы ни был, впрочем, наш образ мыслей. Но для Европы нужны общие предметы внимания и пристрастия, нужны и для народов, и для правительств. Конечно, выгода почти всех правительств

. избегать в чужом пиру похмелья; но народы так и рвутся, так и лают. Того и гляди, навяжется на нас Ев- ропа» [23].

Начнем с того, что лживо название стихотворения. Никто из людей, вызвавших негодование Пушкина, на Российскую империю не клеветал. Никаких поступ- ков или действий, не совершаемых на самом деле, ни- кто русским не приписывал. Никаких действий русских войск или русского правительства никто превратно не истолковывал. Французские парламентарии обсуждали вовсе не некие «сугубо внутренние» дела Российской империи, а ситуацию, сложившуюся вокруг Польши, обратившейся к иностранным правительствам. Польши, независимой еще полвека назад.

Попытка «запретить» французам обсуждать ситуа- цию в Польше и предлагать вооруженное вмешательст- во (из самых благородных побуждений — чтобы не дать огромной империи подавить и растерзать маленькую отважную страну) совершенно восхитительна. Особен- но если вспомнить, как бурно, активно реагировала РУС- СКАЯ общественность на «внутренние дела» других им-

перий. Ну ладно, будем считать, что в дела Оттоман- ской империи «вмешиваться» даже нужно — для помощи православным, для помощи братьям-славянам.

Правительство предоставляло политическое убежи- ще беглецам от турок и даже помогало вооружать пов- станцев. А героини Тургенева выходили замуж за мя- тежных болгар — к полному удовольствию остального русского общества. Ладно, будем считать, что жестоким туркам так и надо. Будут знать, как обижать славян!

Но русская общественность весьма живо обсуждала и положение негров-рабов. Российская империя при- нимала самое активное участие в борьбе с работоргов- лей, и общественность поддерживала свое правитель- ство. Пронзительная история К.М. Станюковича о том, как работорговцы выбросили в океан весь свой «груз», погубили сотни человеческих жизней, а матросы рус- ского парового клипера «Забияка» спасли последнего — негритенка Максимку, стала, как говорят сегодня, «бест- селлером». А одновременно замечу, осуждение крепо- стного права в немецких и французских газетах рас- сматривалось как проявление русофобии. Все того же «И ненавидите вы нас».

В начале XX века, когда Британская империя начала войну с государствами буров в Южной Африке, шар- манщики пели во всех городских двориках песню:

Трасваль, Трансваль, страна моя, Ты вся горишь в огне!

А мальчишки убегали из дому уже не к индейцам, а чтобы помогать бурам против англичан.

Впрочем, примеров слишком много, я привел только самые яркие. Но Александр Сергеевич, с отвращением описавший нравы американских плантаторов (может быть, сказывалось и происхождение; квартерон, то есть негр на восьмую часть, Пушкин подлежал продаже с аукциона в большинстве южных штатов США), вовсе не считает свои высказывания вмешательством в чужие дела. Близко общаясь с людьми по фамилии Ипсиланти

и Катакази, он не полагает, будто «разборки» Оттоман- ской империи с православными греками — семейная распря: «Домашний, старый спор, уж взвешенный судь- бою». А вот если французы смеют осуждать жестокость царских войск!!! Если они, страшно подумать, суют свои европейские носы в «не свои» дела!!!

Оставьте... оставьте нас... Повторяет он как закли- нание. Как герой «Детства» Льва Толстого кричит: «Ах, оставьте, ах, оставьте, Карл Иваныч! Эмоция? Несо- мненно. Александр Сергеевич Пушкин отказывается рационально оценивать происходящее и ударяется в эмоции. Но не только:

он еще объединяет русских и поляков в некое единство и категорически отрицает и право поляков не быть в этом единстве, и чье бы то ни было право хоть как-то к этому относиться.

Судя по письму к Вяземскому, Пушкина не меньше депутатов французского парламента «бессмысленно прельщает... борьбы отчаянной отвага». Или если она «прельщает» русского, то уже не «бессмысленно»?

Вопрос этот, увы, задать уже некому. Но скорее всего так и есть, коль скоро Александр Сергеевич по- стоянно повторяет слова, почти одинаковые по смыслу: непонятна... безмолвны... бессмысленно... повторяет он как заклинание применительно к европейцам.

По Пушкину, получается примерно так: никто не име- ет права иметь какие-то суждения о «споре» Польши, Литвы и Российской империи. Нечего «им» и «ихним» ев- ропам соваться в «чужие» раздоры. Нечего тут обсуж- дать, имеют ли право «их» правительства взять польскую корону ценой ввержения в большую европейскую войну.

Самое возмутительное здесь именно это: «вам чужда сия семейная вражда». В «русское семейство» силой вклю- чаются люди, которых начисто лишают права выбора.

А если европейцы смеют не быть в восторге от дей- ствий и правительства, и войск Российской империи, то делается замечательный вывод: «и ненавидите вы нас». После чего следует 27 строф из 45 — прямые уг- розы Западу, забавные обвинения французам в их тре- пете перед Наполеоном.

«И ненавидите вы нас...» Во-первых, какое четкое, какое по-фронтовому однозначное размежевание «вас» И «нас»! Причем сразу же ведь видно, что Польша и Литва никак не относятся к «нам». С ними-то депутаты французского парламента воевать никак не собирают- ся. Это только Пушкин считает «разборку» с Польшей делом семейственным. Ни поляки, предлагающие поль- скую корону любому из европейских государей, ни фран- цузские парламентарии так не думают. Но нет! В Россий- ской империи лучше знают, к чему относится Польша!

Во-вторых, откуда взято само утверждение? Речи французов были, уж, во всяком случае, обтекаемы. А Лафайет в своем выступлении очень высоко отозвал- ся о лозунге «За вашу и нашу свободу», то есть о по- пытках поляков нести свободу народам Российской им- перии; он даже осудил Наполеона Бонапарта, не объя- вившего об освобождении от крепостной зависимости крестьянства в Российской империи. По мнению депу- тата А. Лафайета, русскому народу полезна свобода, он от нее процветет. У Пушкина может быть другое мнение: он может считать, например, что русским жиз- ненно необходимо как раз рабство. Но что обидного сказал Лафайет?! В речах французов нет ни одного враждебного русскому народу неуважительного слова.

Получается примерно так — кто не восхищается, по крайней мере, не изъявляет довольства, кто не согла- сен с явной несправедливостью '`— тот «ненавидит». Странная логика? Но у Пушкина она именно такова. Послушайте, Александр Сергеевич! А если французы не в восторге от крепостного права — это тоже свиде- тельство «ненависти» к России? Впрочем, мы еще уви- дим, как маркиза де’Кюстина объявили «первым русо- фобом».

Последнее восьмистишие «Клеветникам...», честно говоря, будит во мне совсем уж нехорошие ассоциа- ции... Например, с приключениями одного моего учени- ка. Парня загребли в армию в 1986-м, когда вообще всех гребли, отменив отсрочку для студентов; я посы-

лал ему в письмах копии последних статей, чтобы он совсем уже не оторвался от профессиональной жизни. Так подошел к нему старшина, долго пялил бельма в письмо (по словам моих учеников, вернувшихся из Со- ветской армии, чтение чужих писем — это совершенно обычная практика в армии). И глубокомысленно заме- тил нечто в духе: «Гы вот в такие тексты врубаешься, а зато я тебе по башке дать могу».

Поразительно. Строй мыслей, мироощущение ари- стократа и умницы Пушкина, величайшего русского по- эта и создателя нашего литературного языка, полностью совпадает с «сильной мыслью» забубенного советского старшины. Пусть там эти европейцы суетятся, орут, ру- ками машут, в какие-то там тексты врубаются... А зато мы им по башке можем дать! Вот ведь сила мысли-то... Вот ведь глубина исторического и политического ана- лиза!

Правда, как Российская империя может «дать по башке» европейцам, не очень понятно. Крымская война показала ее полную неспособность вести большую ев- ропейскую войну, и это неудивительно: с 1815 года ев- ропейцы работали и учились; сдвинулись целые пласты бытия. А Российская империя все эти годы в основ- ном принимала горделивые позы, тужась быть «жан- дармом Европы», и совершенно не заботилась о своем развитии.

Естественно, и французы, и немцы все хуже отно- сились к самозваному жандарму, которого, собственно, никто не просил исполнять жандармские функции. А главное — чем сильнее отставала Российская импе- рия, скованная крепостничеством и бюрократизмом, тем меньше возможностей оставалось у нее пребывать в роли диктатора.

И в 1853 году европейские страны дружно пошли против зарвавшегося «жандарма» и наголову разбили его. Не берусь ничего утверждать, но ведь совершенно неизвестно, как пошла бы кампания в несостоявшейся Русско-французской войне 1831 года. Весьма возмож-

но, пришлось бы начать многие реформы на двадцать лет раньше... да и Польшу бы пришлось освободить.

В свете этого все заклинания Александра Сергееви- ча про то, как «стальной щетиною сверкая... встанет русская земля», выглядят особенно убого.

Проявления и разных сторон БММ, и даже их всех сразу, можно найти в творчестве если не абсолютно всех, то подавляющего большинства крупнейших рос- сийских писателей и поэтов. Прорывается он по-разно- му — то поэтизацией убожества и нищеты:

Эти бедные селенья!

Эта скудная природа!

Край ты мой долготерпенья! Край ты русского народа! (24);

то образами гнусных поляков, один из которых пожи- рает целого гуся под наведенным пистолетом Мило- славского [25].

Я даже и пытаться не буду охватить все стороны яв- ления или даже все произведения, в которых БММ хоть как-то прослеживается. Думаю, что принципиально все уже ясно, а это главное.

И при советской власти Большой Московский Миф очень мало изменяется. Разве что проводится еще идея «народности» — то есть носителем идеальных качеств становится, так сказать, «простой народ», а не всякие там графья и буржуи. Вот и все.

Из исторических романов советской эпохи можно привести необъятное количество очень смачных при- меров, один другого красочнее. То иноземцы истребля- ют всех китов в русских морях, а нам самим этого де- лать не дают. Мало этого, следуют страшные сцены ис- требления местных жителей, природы Дальнего Востока англосаксами [26].

То описывается кок, который во время полярной экспедиции на затертом льдами корабле заперся в кам- бузе и никому не дал ни кусочка из нескольких тонн хранящегося там продовольствия.

То шкипер американского судна — грязный преда- тель и эгоист — берет у ссыльных революционеров пес- цов — плату за побег, а сам уводит корабль, да еще и доносит в полицию [27. С. 434]. |

Вообще, всякий раз, когда сталкиваются россиянин и иноземец — европеец или американец (неважно где — от Прибалтики до Русской Америки; неважно когда — от Киевской Руси до XX столетия), россиянин выступа- ет как человек благородный, радеющий об общих инте- ресах, чистый душой. Основная плохая черта россия- нина — это его наивность и неумение ловчить и делать подлости (в точности как у Иванова: «Отстав от своих, затерявшись в толпе себялюбцев, россич казался жал- ким и глупым. В нем нет умения состязаться в уловках с людьми, убежденными в праве попирать других, жить чужим соком»).

А иностранец, разумеется, хитер и напорист, эгои- стичен и подловат; он работает только на себя, не гну- шаясь никакими средствами, и россиянин очень легко становится его жертвой. В аннотации к «Великому океа- ну» И.Ф. Кратта оговорено: «В романе выразитель- но написаны и образы международных авантюристов О'Кейля, Даниэля Робертса, ханжи и тайного убийцы Джории Адамса». А что в романе нет буквально ни од- ного приличного, порядочного англосаксонского шки- пера или хотя бы матроса, стоит ли говорить? И так ведь это очевидно.

Схема отрабатывается даже в лучших произведени- ях этого жанра, которые имеют шансы не оказаться на- прочь забытыми в самое ближайшее время. И в «Вели- ком океане» И. Кратта, и в «Русском флаге» А.М. Бор- щаговского. Даже в великолепных «Водителях фрегатов» Н.К. Чуковского выведены карикатурные образы анг- лийских и французских моряков — дураков и прохо- димцев.

Иногда по ходу действия герою произведения пред- лагают выехать за границу, и тогда происходит сцена, больше всего напоминающая совращение святого Ан-

61

тония. Невыразимо противный иностранец трясет жи- ром и пачками кредиток, улещивает жратвой, бабами и прочим «раем для нищих и шутов», а Мичурин, Циолков- ский, Кулибин или иной совращаемый герой сглатыва- ет голодную слюну и остается, конечно же, на неблаго- дарной, но обожаемой Родине.

При описании путешествий Миклухо-Маклая и Прже- вальского вокруг них неизменно появляются англосак- сы и французы самого гадостного вида и самого непри- личного поведения. Занимаются они, говоря на сталин- ском новоязе, «вредительством», причем из самых подлых и циничных побуждений, — например, науськивают ме- стных феодалов на экспедиции. Все это вранье, тут слов нет, не было таких «вредителей» — но зато схема становится особенно впечатляющей.

Большая часть этих исторических романов сегодня напрочь забыта — тут тоже нет нужды в словах. Тако- вы уж их и литературные, и познавательные качества. Это вам не стихи Пушкина и Тютчева, и даже не рома- ны Загоскина. Однако эти произведения были изданы десятками и сотнями тысяч экземпляров; их читали, и они формировали отношение людей к действительно- сти. Так сказать, шло создание общественного мнения.

Что же касается нашей непосредственной темы — Западной Руси, — то позволю себе проиллюстрировать Большой Московский Миф на материале, опять же, да- леко не посредственного произведения.

Роман Л.В. Никулина «России верные сыны» постро- ен на реальном материале эпохи наполеоновских войн. Реально существовал даже его главный герой, русский офицер Александр Можайский (хотя в какой степени герой соответствует прототипу, трудно сказать).

По ходу действия романа А. Можайский под именем французского эмигранта де Плесси оказывается в зам- ке польской аристократии и много что там наблюдает. Вот, например, одна из

сцен:

«— Друзья мои, — примирительно провозгласил стат- ный, красивый ксендз, сидевший по правую руку кня- зя. — Как бы там ни было, земли, отошедшие к поль-

62

ской короне на Люблинском сейме без малого двести пятьдесят лет назад, — Волынь, Киевщина, Подолия — суть земли короны, а не Руси. И пока в наших жилах хоть капля шляхетской крови, земли по Днепру принад- лежат короне. Не будет мира между нами и схизмати- ками до тех пор, пока москаль не преклонит колено пред вечным статутом Люблинского сейма!

Крики «Да будет так!», гром рукоплесканий на мгно- вение оглушили Можайского. «Вот оно что... — думал он. — Вот чего хочешь ты, святой отец, вы, доминикан- цы, иезуиты и алчная шляхта. И виновники тому — са- ми же русские дворяне, отдавшие в шестнадцатом веке Киевскую Русь и крестьянство во власть польской ко- роне и фанатикам-ксендзам. Рим сеет вражду между нами и поляками, ты знаешь, чего хочешь — хитрый поп, выученик римский...» [28. С. 60].

Что характерно — нигде в тексте романа не объяс- няется, что это такое — Люблинский сейм. Кто были эти гадкие русские дворяне, «отдавшие Киевскую Русь польской короне и фанатикам-ксендзам». Не объясня- ется даже, кто же такие схизматики — кому же проти- вопоставляет себя «статный, красивый ксендз».

В результате какой вывод могут сделать читатели? По крайней мере те, кто узнал о проблеме только из текста?

Глава 3 ВЫПОЛНЕННЫЙ ЗАКАЗ

Господин президент считает, что купил живописца Квадригу. Это ошибка. Он купил халтурщика Квадри- гу, а живописец протек у него между пальцами и умер.

А. и Б. Стругацкие Наверное, у кого-то уже возник естественный

вопрос — что же автор обходит молчанием такой перл, как «Тараса Бульбу»? Не замалчиваю!

63

Эта повесть слишком близка к тому, о чем мы соби- рались написать, и заслуживает отдельного разбора. Кроме того, очень уж специфичны обстоятельства, при которых книга появилась на свет, и все они имеют пря- мое отношение к Большому Московскому Мифу. У ме- ня есть три версии этих «обстоятельств», и я не берусь утверждать, какой вариант достоверен. ... И достове- рен ли хотя бы один из трех.

Глухие намеки то на одну версию, то на другую про- рываются в одной старинной книге [29]. Кое-что рас- сказывал мне мой родственник, которого я не считаю нужным называть (а он был человек исключительно ин- формированный).

Один вариант очень прост: само русское общество в лице своих активных и уважаемых Гоголем предста- вителей очень просило Николая Васильевича написать нечто подобное «Гарасу Бульбе».

Мол, вы же так любите Малороссию, так хорошо ее знаете! Так напишите роман про то, как Малороссия стала частью Российской империи. Про то, как казаки били своих врагов и врагов Москвы. Вам же для такого романа и все карты в руки...

Вторая версия: просил о том же лично царь Нико- лай |. Очарованный «Вечерами на хуторе близ Дикань- ки», дико хохотавший во время представления «Ревизо- ра», Николай Павлович счел, что полезную патриотиче- скую повесть лучше всего напишет именно Николай Васильевич Гоголь.

Третья версия мало отличается от второй: царь бе- седовал с Николаем Васильевичем не лично, а через доверенных людей. Те, мол, и передали Гоголю некое мнение, игнорировать которое он и не мог, и не хотел.

В любом случае «Тарас Бульба» — это типичная за- казная вещь. Книга, которая написана специально для того, чтобы в художественной форме воспеть Большой Московский Миф, а заодно и присоединение Украины к Российской империи. Вот только выполнил Гоголь за- каз очень и очень своеобразно...

Разумеется, любое произведение можно трактовать как угодно и в каком угодно направлении. В том числе можно находить в нем то, о чем и не подозревал сам автор. И то, чего в произведении явно нет. Можно при- думать, например, что Гоголь воспел подвиги казачест- ва, проклял и пригвоздил к позорному столбу поляков, возвел на пьедестал самого Тараса Бульбу, вывел Анд- рия как самого мерзкого предателя.

Все это придумать можно, и именно эти выдумки красуются до сих пор в школьной программе. Только вот придуманное нами не становится реальностью по хотению составителей программ и учебников. Выдумки как были, так и останутся только нашими фантазмами. Единственный способ выяснить, что же именно сказал автор, — это обратиться к самому тексту произведения. Вопрос — что же в нем самом содержится?

В условном времени и пространстве

Вообще, есть в книге некая хронологическая странность... Сам Николай Васильевич называет время действия повести — ХУ век. Но все польско-казацкие войны относятся к несравненно более позднему време- ни — к началу и середине ХУ столетия.

В Х\У веке вся Украина, и в том числе территория Сечи, входила в состав Великого княжества Литовско- го, и историкам неизвестны какие-либо «волнения» на- селения Малой, или Юго-Западной, Руси — современ- ной Украины. Более того — и слова-то «Украина» в ХУ веке не было. Никак не мог никакой Тарас, Бульба или не Бульба, ни осознавать себя, ни объявлять «за- щитником Украйны». Это так же и по той же причине невозможно, как сделать его сторонником Петлюры или создателем первых колхозов.

Разумеется, Н.В. Гоголь никак не мог всего этого не знать, и если допустил эту условность, значит, у него есть какие-то свои основания поместить действие по- вести в те времена, когда ничего подобного никак не

могло произойти. Зачем? Чтобы получить больше права на маневр, на сочинительство, на создание «Украины, какой она должна быть»? Возможно. Но тогда прихо- дится признать, что Николай Васильевич рассказывает историю не реально существующей Украины, а некоей условной территории в условную эпоху. И соответст- венно, исторические реалии для него только способ рассказать нечто, имеющее к истории довольно кос- венное отношение.

Кто такие казаки?

Ну, во-первых, казаки — это вовсе не народ. И не сословие, и не общественный слой. Казаком мо- жет стать абсолютно всякий, кому этого захочется.

Существуют, видите ли, реестровые казаки, полу- чающие что-то от казны. А есть — «охочекомонные». Таким, «охочекомонным», казаком может стать любой; более того, время от

времени в такие казаки «выклика- ют», то есть, попросту говоря, вербуют, всяких пре- зренных людишек: «плугарей, гречкосеев, овцепасов, баболюбов».

Если верить Н.В. Гоголю, то от этих призывов не- медленно «пахарь ломал свой плуг, бровари и пивовары кидали свои кади и разбивали бочки, ремесленник и торгаш посылал к черту и ремесло, и лавку, бил горшки в доме. И все, что ни было, садилось на коня» [30. С. 232].

В этой эпической картине есть только одно несколь- ко темное место — мне трудно поверить, что так уж и всякий пахарь немедленно бросал земледелие; что вся- кий абсолютно ремесленник и торговец тут же «посы- лал к черту» свое дело и в приступе буйного помеша- тельства бил в доме всю посуду. Вероятно, все же одни убогие «гречкосеи» и «баболюбы» пользовались малей- шим случаем, чтобы попасть в «настоящие люди», в «охо- чекомонные казаки». Другие, вероятно, не очень спе- шили. Предоставляю читателю самому представить се- бе типы и тех, и других — тех, кто спешил, и тех, кто не спешил бросить свое полезное занятие.

А вот так встречали явившихся на Сечь (не задавая никаких вопросов о том, кто этот человек и чем зани- мался раньше):

«— Здравствуй! Что, во Христа веруешь?

— Верую! — отвечал приходивший.

— Ив Троицу Святую веруешь?

— Верую!

— И в церковь ходишь?

— Хожу!

— А ну, перекрестись! — Пришедший крестился.

— Ну хорошо, — отвечал кошевой, — ступай же сам знаешь в какой курень» [30. С. 248].

Бездна мысли, что и говорить! И какой тщательный, продуманный отбор... Андрия удивляла такая всеяд- ность... Меня в 12 лет — тоже. Тогда я еще не знал, как функционируют разного рода уголовные сообщества. А Андрий, застреленный «отцом», уже и не сможет это- го узнать.

Ситуация становится особенно комедийной, если учесть, что «правила приема» вполне распространяются и на «ляхов» — поляков, злейших врагов казачества: ведь они верят в Христа и Троицу, ходят в церковь и умеют креститься.

Не менее забавно и странное презрение казаков к производительному труду и ко всем, кто им занимается. Ну да, минезингер Х| века Бодуэн де Куртенэ радовал- ся, видя «народ голодающим, раздетым, нищим и не- обогретым».

Ну да, он любовался «всадниками, скачущими через поля и через луга, распугивая скот и мужиков».

Но, во-первых, сам французский феодализм вырос из акта завоевания. Французский дворянин относился к мужику не просто как к человеку иного сословия, а как завоеватель — к завоеванному (и замечу, достукался до «жакерии»).

Во-вторых, французское дворянство действительно было рафинировано в культурном отношении и сильно отличалось от простонародья...

А ведь наши-то «герои» (вернее — «герои» Н.В. Гого-

ля) — это и есть самое что ни на есть «простонародье». Ни бытом, ни поведением, ни нравами, ни уровнем об- щей культуры, ни образованием казаки не отличаются от остального населения. Главный герой, Тарас Буль- ба, даже насмерть перессорился со всеми, кто стал за- имствовать польские, европейские обычаи...

Разумеется, снобизм — в любом случае не самое по- хвальное состояние умов. Но французский дворянин жил несравненно сложнее, утонченнее, интереснее му- жика (при том, что жил-то за его счет и сидя у него на шее). А Тарас Бульба жил несравненно примитивнее всяких там «гречкосеев» и «баболюбов».

Но сидел на их шее еще покрепче Бодуэна де Кур- тенэ и презирал их труд еще похлеще.

Итак, казаки — это те, кто с легкостью бросил лю- бые ремесла, хлебопашество и любые другие полезные занятия, те, кто проникся к ним презрением.

Вопрос, конечно, для чего они бросили работу и до- ма... Что движет казаками?

Защитники? Чего?

Казаки объявляют себя защитниками «Украй- ны». Но до XX века не было такого государства — «Ук- раина». Территория современной Украины с 1569 года входила в Королевство Польское, на фоне чего и про- текали все польско-казацкие войны.

Так что война казаков с Польшей — никак не война двух государств. Под Дубном насмерть бьются поддан- ные одного государства. Причем государства, в кото- ром в данный момент нет никакой смуты, никакого ни политического, ни династического раскола.

Называя вещи своими именами, казаки поднимают МЯТЕЖ. Причем «реестровых» казаков еще можно рас- сматривать как поднявшее восстание войско... Но «охо- чекомонные» — это уж чистейшей воды разбойники. Готовность польской короны вести с ними переговоры можно трактовать и как симптом слабости. Но лично

меня эта готовность просто умиляет как проявление христианской кротости и ангельского человеколюбия — правда, совершенно неуместного...

Казаки — защитники народа? Но Польское королев- ство — вовсе не национальное государство. Польской короне служит многочисленная «русская шляхта», в том числе такие известные фамилии, как Вишневецкие и Потоцкие. Кстати, и те и другие в эпоху польско-казац- ких войн были ПРАВОСЛАВНЫМИ.

Под стенами Дубно стреляют друг в друга, рубят друг друга саблями РУССКИЕ. С обеих сторон.

Не поручусь, какой населенный пункт имел в виду Николай Васильевич, но и сегодня на р. Иква, субпри- токе Днепра, есть городишко Дубно — с ударением на «у» — центр Дубненского района Ровенской области.

Главные события повести разворачиваются на Ук- раине, на Руси. Через Русскую землю казаки двигают- ся, «...выжигая окруженные деревни, скирды неубран- ного хлеба и напуская табуны коней на нивы, еще не- тронутые серпом, где, как нарочно, колебались тучные колосья, плод необыкновенного урожая...» [30. С. 264].

И путь их отмечают «избитые младенцы, обрезанные груди у женщин, содранная кожа с ног по колена у вы- пущенных на свободу...» [30. С. 261].

Можно, конечно, придумать, будто казаки свирепст- вовали по отношению к «врагам-полякам» или, того луч- ше, по отношению к «эксплуататорам» и «угнетателям». Но будет это чистейшей воды сочинительством. Про- стите, в тексте Николая Васильевича ничего этого нет. А есть — «выжигание» русских деревень, из которых убежало население. Зверское истребление не успев- ших вовремя бежать. Не говоря уже о том, что в дерев- нях эксплуататоры и классовые враги народа отродясь не жили — по крайней мере, на Руси.

Это — о праве казаков на тоги защитников народа. Казаки ведь любят в них рядиться...

Христиане ли казаки?

Защитники веры? Тогда позволю спросить — какой веры? Казаки много раз называют: православно- го христианства.

ХРИСТИАНСТВА?!

Под Дубном монахи пытаются остановить творимые казаками зверства. «И скоро величественное аббатство охватилось сокрушительным пламенем, и колоссальные готические окна его сурово глядели сквозь разделяв- шиеся волны огня» [2. С. 262].

А среди пылающего сада «...чернело висевшее на стене здания или на суку тело бедного жида или мона- ха, погибавшее вместе со строением в огне» [30. С. 265].

А вот еще сцена торжества «православного христи- анства»: «Не уважили казаки чернобровых панянок, бе- логрудых, светлолицых девиц; у самых алтарей не мог- ли спастись они: зажигал их Тарас вместе с алтарями» (видимо, пытавшиеся спастись у алтарей женщины все- таки верили в пресловутое «христианство» казаков). [30. С. 332].

Я не склонен идеализировать гуннов, вандалов, ва- рягов, сиу, навахов или даже алжирских пиратов... Но они по крайней мере не называли себя христианами.

Или, может быть, сжигая живьем польских женщин, казаки ждали от них обращения в’ православие? Так сказать, постижения заблуждений?

Казаки постоянно издают призывы в духе: «Отом- стить ляхам за верных товарищей и Христову веру![30. С. 298].

По-видимому, как раз в порядке мести казаки «...ляш- ские тела, увязавши как попало десятками к хвостам диких коней, пустили их по всему полю и долго потом гнались за ними и хлестали их по бокам» [30. С. 293].

Вообще, Сечь подозрительно много говорит о защи- те «истинной православной веры». Так много, что воз- никает невольный вопрос — а что, ей и правда так ве-

лика угроза? Или это просто идефикс, имеющий самое косвенное отношение к христианству?

Сам Тарас Бульба не увиделся с сыном, не в си- лах стерпеть «поругание» своей замечательной веры [30. С. 324].

А перед смертью кричит полякам: «...узнаете вы, что такое православная русская вера! [30. С.334].

Не хочется кощунствовать, но подданные польского короля, похоже, и так более чем хорошо знают веру Тараса и остальных казаков.

Опять же — придумать можно решительно все, что угодно... Например, приписать полякам аналогичные действия и тем самым — как бы некое моральное право казаков на месть...

Но чего нет — того нет. В тексте «Гараса Бульбы» нет ни одной сцены, в которой гусары польской коро- ны предавали бы огню православную церковь, алтарь которой охватили бы девушки и женщины — прихо- жанки православного храма.

В тексте Н.В. Гоголя есть сожжение католического монастыря, есть — зверское убийство католических мо- нахов. Есть — садистская жестокость казаков. Есть их варварство по отношению к телам «не своих».

Казаки воюют против магометан... Но и это — не до- казательства их христианства. Язычники воевали с ма- гометанами даже более отчаянно. Западная Африка, Северная Индия были покорены исламом только путем огромных усилий и жертв.

Уже зная казаков, читатель вправе ждать от их «ан- тимусульманства» решительно чего угодно... И читатель не ошибается в своих предположениях: в Малой Азии ОНИ «...переели и переломали весь виноград; в мечетях оставили целые кучи навозу; персидские дорогие шали употребляли вместо очкуров и опоясывали ими запач- канные свитки» [30. С. 315].

Ну, ясное дело! Стоит нагадить в мечети или сжечь виноградник — магометане сразу же постигнут всю глу-

бину своих заблуждений! И толпами помчатся прини- мать таинство крещения...

Опять же — я нимало не идеализирую ни полян, ре- завших древлян в свое удовольствие, ни иудеев, празд- новавших массовое истребление врагов. И я помню, что проделывали ассирийцы, хетты и даже еще римля- не в захваченных городах.

Но до сих пор мне казалось, что большая заслуга хри- стианства как раз в том, что оно сделало повседневное, наивное зверство язычника чем-то экстраординарным, исключительным. Чем-то таким, что нарушает давно при- вычную нравственную норму.

Но получается, для казаков христианская эпоха по- просту еще не наступила.

Г. Померанц констатирует, что в «мире Гоголя» ниче- го не слыхали про «права человека» [31. С. 156—171].

Но так же, как Сечь «...слышать не хотела о посте и воздержании» [30. С. 248], похоже, в «мире казаков в XУ веке по Р. X. о христианской этике еще решительно ничего не слыхали.

И это заставляет меня с полной определенностью, с полной жесткостью задать вопрос: а что, бывает хри- стианство без христианской морали? Без христианско- го отношения к человеческой жизни и человеческой личности? Без чувства общности с другими христиана- ми — пусть иных конфессий?

И с такой же определенностью отвечу на свой же, сугубо риторический вопрос: НЕЛ! Христианство со- стоит не в том, что люди носят кресты; не в том, что со- вершаются обряды. Для формального принятия «хри- стианства», без принятия его духа, еще на Вселенских

соборах было создано свое название — «ОБРЯДОВЕ- РИЕ». И было четко оговорено: «обрядоверие» — не христианство!

...Не берусь отстаивать подлинность этой истории, но говорят — примерно в середине XУ] столетия отцы- иезуиты проникли в глубь Черной Африни. Их вел ста- рый слух, что где-то южнее Эфиопии, за Великими Бо-

лотами, в краю саванн, населенных слонами и зебрами, живет черный народ, предки которого когда-то приня- ли крещение...

И слух подтвердился! Оказалось — есть такой на- род, и этот народ свято хранил наследие предков, ок- рещенных египетскими миссионерами. Племя дружно плясало вокруг огромных, вкопанных в землю крестов, резало вокруг кур и коз, поливало кресты жертвенной кровью, просило Христа и его «мамми Марию» помочь в истреблении и последующем съедении соседнего пле- мени; обещали за помощь принести в жертву всех пленных, захваченных у соседей...

Себя галла называли христианами; шаманов — свя- щенниками; творимое безобразие — литургией.

И я искренне не вижу, чем казаки лучше галла. Гал- ла даже как-то приятнее — по крайней мере они осоз- навали себя частью христианского мира, не сжигали мо- настырей, а католических миссионеров встречали как дорогих единоверцев.

Зачем они воюют?

В общежитии нормальных людей война мыслит- ся главным образом как акт обороны. Солдат подготав- ливается к ратному делу для защиты «своих» от внеш- него нападения. Это самый благородный из всех осно- ваний, по которым общество соглашается содержать Великого Дармоеда в лице армии и терпит все безобра- зия и преступления, неизбежно сопровождающие веде- ние военных действий.

Сами казаки тоже охотно объясняют свой образ жизни необходимостью что-то от кого-то «защищать». Но их объяснения — неубедительны.

Отродясь никого и ни от чего они не защищали. Бо- лее того — они не стремятся завоевывать какие-то зем- ли. Представим на мгновение, что Сечь завоевала не- кую территорию...

Ну, и как будет она этой территорией управлять? На

сходке буйного сброда? Силами выбранных лиц, порой боящихся собственных «избирателей», как давешний кошевой атаман: «Кошевой хотел было говорить, но зная, что разъярившаяся вольная толпа может за это прибить насмерть, что всегда почти бывает в подобных случаях...» [30. С. 251].

Стяжание богатств тоже не есть цель казаков. Для них вовсе не является престижным или социально зна- чимым разбогатеть на войне. Наоборот — престижным является как раз расточение богатств... Хороший и «пра- вильный» человек для них определяется, среди всего прочего, и способностью «презирать» добычу, и быстро спускать ее в грандиозных попойках.

В описаниях Н.В. Гоголя Сечь предстает сборищем людей, которые и не хотят обеспечить безопасность мирного труда — они его презирают — или жизни сво- его общества (они выпали из него).

Но они и не стремятся ни к захвату новых земель, ни к приобретению богатств.

В сущности, они вовсе не хотели бы победить своих врагов... Действительно — а что, если казаки в один ужасный для них момент окажутся «победителями»? Что, если они войдут в Варшаву и в

Стамбул и польский ко- роль и Высокая Порта подпишутся под договором о бе- зоговорочной капитуляции?

Не говоря ни о чем другом, казаки окажутся тогда в ужасном положении — им окажется не с кем воевать!!! Вот ведь кошмар... Ведь все, что написал Н.В. Гоголь о казаках, свидетельствует: война для них — само- ценна.

Это и образ, и самый смысл их жизней. Если войны нет — они ее организуют. Сюжет повести завязывается на том, что, вообще-то, Сечь находится в некоем ано- мальном для нее состоянии мира со всеми. Никак не хочет пан кошевой организовать такой маленькой слав- ной войны! Никак не хочет понять, что парни уже под- росли и пора их бросить в горнило очередного побои-

ща. Эта уверенность, что раз парни подросли, то по- ра, — сама по себе характерна.

А бравый Тарас Бульба, не в силах стерпеть мира, напаивает огромные толпы казаков, свергает прежнего кошевого. К власти приходит ставленник Тараса и ему подобных и тут же нарушает договоры и с татарами, и с Польшей...

Наши знания о казаках обогащаются еще двумя ис- тинами — воспитание казака заканчивается только вой- ной. Война, соответственно, нужна уже для этого са- мого воспитания.

И второе — верить казакам нельзя в принципе. Лю- бой «мир» они разорвут с легкостью необычайной, как только это станет для них выгодно или удобно.

Давайте назовем вещи своими именами — казаки у Н.В. Гоголя — это просто-напросто сброд. Подонки об- щества, которые либо оказались не способны к произ- водительному труду и семейной жизни, либо предпочли им... Ну, скажем так, походно-полевой образ жизни, очень близкий к уголовному.

Образ жизни, при котором необходимое для жизни не зарабатывают и не создают, а воруют или отнимают.

Собственно говоря, история знает немало сообществ полууголовного или прямоуголовного типа. В разные эпохи и в разных культурно-исторических условиях возникали сообщества скандинавских викингов, испа- но-португальских «конкистадоров», новгородских «уш- куйников», латиноамериканских «бандейрос», итальян- ских «кондотьеров», англо-франко-голландских «джент- льменов удачи».

При всем разнообразии их объединяет одно — в эти сообщества собираются люди, не способные или не склонные к производительному труду. Люди, вырван- ные силой, а чаще — сбежавшие от всего, что состав- ляет стержень нормальной человеческой судьбы.

Всякое сообщество объединяет людей с особым ти- пом сознания. А костяк всякого сообщества составля- ют самые яркие носители этого «типа». Люди, чьи пси-

хофизиологические качества идеально предназначены для образа жизни и деятельности этого сообщества.

Ядро академической системы составят наиболее яр- кие ученые. Ядро профессиональной армии — самые приспособленные для образа жизни и для карьеры кад- рового офицера.

Ядро казаков по неизбежности составят люди, в наи- большей степени выпадающие из нормального образа жизни. Те, которым не нравится созидание. Которым не хочется, не интересно «построить дом, вырастить сына, возделать поле». Которые равнодушны даже к сексу: им больше

нравится сжигать женщин живьем, чем иметь от них детей. Не радует семейная жизнь. Ко- торым даже собственные сыновья нужны только для того, чтобы бросить их в топку никогда не кончающей- ся бойни — самодостаточной и самоценной.

Солдат идет в бой, защищая нормальную человече- скую жизнь и будучи сам ее частью. Именно это при- дает высокий смысл его судьбе. В самоотдаче во имя продолжения своей истории — смысл солдатского под- вига. Нет большей награды солдату, чем знать — за его спиной продолжают колоситься поля, матери кормят детей, а деды по вечерам собираются на завалинке, вспоминая минувшие дни.

Вероятно, таковы и польские (скорее всего и маго- метанские) солдаты. Но судя по всему, что написал о них Николай Васильевич, казаки — люди особого пси- хического склада. Даже особого физиологического скла- да, отличные от нормальных людей не меньше, чем ев- нухи или педерасты.

Это те, кто не обрадуется первым всходам. Не по- стоит, размышляя, пока гаснет августовский закат. Не умилится матери, кормящей грудью. Не задержится специально, не остановится, чтобы посмотреть, как ут- ка учит утят нырять или как жеребенок играет с мамой. Все это для него — «бабство», глупость, признак непол- ноценности и всяческие «вытребеньки».

Выброс адреналина в кровь, приятное возбуждение,

какие-то чувственные переживания возникают у них при виде багрового зарева на горизонте, перечеркнув- ших небо клочьев черного дыма, от гула скачущей кон- ницы, буханья ружей, страшного крика гибнущих в ог- не людей; от зрелища умерших с голоду, луж крови, за- резанных и застреленных. И они умеют организовывать для себя эти сладостные впечатления.

...Как герой повести Тарас Бульба. ...Как его удач- ный старший сын, достойный наследник и продолжатель.

Сечь — огромная «малина»

Аналогия Сечи проста и возникает совершенно ненавязчиво — Двор чудес Виктора Гюго в Париже. Двор отбросов в Лондоне Марка Твена. А точнее все- го — континентальный вариант «острова Тортуга», при- бежища карибских пиратов.

Стоит сделать это предположение — и многое ста- новится понятно. Например, совершенно уголовные нра- вы этой самой Сечи...

Ведь в мирное время казаки не заняты абсолютно ничем. Они даже не готовятся к новым битвам.

Их быт вне войны — дикие танцы и столь же дикое пьянство, «бешеное разгулье веселости» — «признак ши- рокого размета душевной воли» [30. С. 246].

Даже под стенами Дубно, как только несколько дней не было «дела», казаки ухитрились перепиться, и их перебили и похватали сонных.

Но тут же, на сходке, найдено и оправдание: «Как же может статься, чтобы на безделье не напился чело- век? Греха тут нет. А мы вот лучше покажем им, что та- кое нападать на безвинных людей» [30. С. 282].

По-видимому, в представлении казаков «безвинные» — это как раз те, кто насаживал на пики младенцев и от- резал груди у женщин?

Но отмечу — они действительно не представляют себе, что такое дисциплина, планирование, последова- тельное выполнение намеченного и т.д. Казаки способ-

ны только на бешеный натиск, на импульс. Они спо- собны действовать только на пределе физических и психических сил, и очень недолго. Как только внешнее напряжение спадает, им «не остается ничего другого», как напиться.

Это — яркая черта уголовной антикультуры. Так же характерно и вполне антикультурное отвращение к производительному труду, и садистское отношение к женщинам. Положение в семье матери Остапа и Анд- рия — вполне в духе эссе В.Шаламова об устрашаю- щей судьбе жен «воров в законе». Там, где супружест- во не уважается, у женщин возникают другие формы семейной самореализации. А люди, лишенные нормаль- ного супружества, нормального отцовства, ищут в от- ношении к матери единственную общественно допус- тимую форму эмоциональной жизни. Не случайно же уголовные так любят Есенина, с его душевным раздрыз- гом, истерической демонстрацией собственной опусто- шенности... и с культом матери... — постоянно преда- ваемой, постоянно оставляемой для общества прияте- лей и шлюх.

«Культ матери при злобном презрении к женщине во- обще — вот этическая формула уголовных в женском вопросе», — свидетельствует В. Шаламов [32. С. 490]. У казаков, судя по Гоголю, — тоже.

Ориентация на примитив

Любая культура уважает сложное, ставит слож- ное выше примитивного, стремится учиться и прилага- ет усилие для достижения результата...

В логике же уголовной антикультуры лежит четкая ориентация на самое простое решение совершенно лю- бого вопроса.

Поэтому даже на войне «брать крепость, карабкать- ся и подкрадываться, как делают чужеземные, не-

мецкие мастера... и неприлично, и не казацкое дело» [30. С. 283].

Заниматься чем бы то ни было, учиться, читать кни- ги, даже просто-напросто думать — противоречит нор- мам жизни казаков, которые «считали необходимостью дать образование своим детям, хотя это делалось с тем, чтобы после совершенно позабыть его» [30. С. 237]. Например, писатель Н.В. Гоголь на Сечи совершенно неуместен и даже попросту нелеп.

Или потчевали юношей люмпенскими сентенциями в духе: «То-то, сынку, дурни были латынцы: они и не зна- ли, есть ли на свете горилка» [30. С. 230].

Или даже: «Ну, разом все думки к нечистому!» [30. С. 241]. ...А сам то он хоть раз думал о чем-нибудь — хоть раз за всю свою короткую, нелепую, до смешного никчемную жизнь?

Отсутствие индивидуальности

В той же логике уголовной антикультуры — по- разительное однообразие и всех элементов казацкой жизни, и всех членов казацкого сообщества.

Интересно, что Н.В. Гоголь не называет даже имен поляков. Даже такие важные персонажи, как возлюб- ленная Андрия, ни ее отец и брат... словом, совершен- но никто не назван, не выделен.

Но у читателей возникает ощущение разнообразия, многообразия, пышности, движения во всем «польском мире». Разнообразна архитектура Дубно. Разнообраз- ны роды войск, ярки, пышны, индивидуально разнятся одежды. Буквально во всем присутствует Европа (ри- туально ненавидимая казаками; вероятно, за «зелен ви- ноград» — других причин ведь нет).

Вот множество казаков Н.В. Гоголь называет по именам и пишет о «подвигах» каждого. Но и сами «сече- ВИКИ», И ИХ «ПОДВИГИ» ОКазываются до скукоты однооб- разны. Это как у В.Иванова: «А потом многие рыцари поскакали на многих рыцарей и сломали копья, и одни упали, а другие не упали с коней и потом взяли новые КОПЬЯ...» [33. С. 492].

Все их «подвиги» прекрасно укладываются в старый, еще XX века, злой анекдот: «Встал утром, рэзал... Ко- фе попил — рэзал; пообедал, водки выпил — опят рэ- зал. Весь дэнь рэзал и рэзал... Скюшно!»

Вообще надо сказать, что в одном отношении сооб- щество казаков очень первобытно — им даже не при- ходит в голову, что человек может действовать не как часть какой-то группы, а индивидуально. Что у него во- обще могут быть какие-то свои суждения об окружаю- щем, свои желания, свои планы...

В своем архаическом примитиве они вполне искрен- не полагают, что человек не может и не должен сам ре- шать, что ему подходит, а что — нет. Не имеет права и не должен определять свой образ жизни и род занятий. Он естественным образом должен жить по правилам, которые определены для него, за него и до него. Опре- делены тем сообществом, в котором он имел неосто- рожность родиться.

Верность своей группе — краеугольный камень мо- рали первобытного, родоплеменного общества. Гнев и отвращение вызывают любые формы индивидуального сознания, тем более — индивидуального поведения. Тот, кто имеет собственное мнение, тем более собственную жизненную стратегию, — предатель!

Так само родовое общество выбрасывает, изгоняет людей умных, ярких, самостоятельных. Людей, способ- ных на индивидуальные поступки.

В общении Андрия с панночкой ясно видно — у де- вушки есть представление о культуре ухаживания, об индивидуальной эмоциональной жизни, о каком-то ду- шевном сближении. Сам Андрий с большим трудом, ско- рее интуитивно, плавает в этих водах. Не зря же бедня- га, не в силах выразить своих эмоций, «...вознегодовал на свою казацкую натуру» [30. С. 277].

И обрекается на бегство Андрий, вдруг понимаю- щий, что «Отчизна есть то, чего ищет душа наша, что милее для нее всего» [30. С. 280].

«И погиб казак! — комментирует Н.В. Гоголь [30.

С. 281]. Да, наверное, «казак» и правда погиб. Вопрос, жалеть ли об этом? У каждого, имеющего за спиной хо- тя бы несколько поколений образованных и культур- ных предков, есть некто, с кого «началось». Тот, кто «пре- дал» убогую родоплеменную жизнь в общине «своих» и стал руководствоваться совсем иными соображениями и принципами.

Пример? Пожалуйста, причем пример личный.

Мой прадед в 1880-е годы не захотел стать провин- циальным купчиком; он хотел учиться в гимназии, по- том — в университете... С точки зрения его отца, впол- не подобного персонажам А.Островского, он был «пре- дателем». И когда прадед попросту сбежал из дому, прапрадед, его добрый папочка, проклял его — по всем правилам, торжественно, в церкви. Как мог бы сделать Тарас Бульба с Андрием — но даже для этого оказался слишком примитивен. Что поделать! Это ведь умный действует языком. Казак, как видите, способен решать проблемы только кулаком.

Что же касается моего прадеда, Василия Егоровича Сидорова... Да, в нем умер купец, человек «темного цар- ства». Родился русский интеллектуал, в начале века ра- ботавший в

Великоанадольском лесничестве вместе с великим В.В. Докучаевым. Жалеть ли, что в нем умер тот, кто мог торговать ситцем и «бакалейными товарами»?

Наверное, лишь в той же мере, как об «пропадании казака» в Андрии.

Жаль, что этого пути Андрий не смог пройти. Не ус- пел, сделал только первый шаг.

А вот чего я не вижу в сцене между полячкой, за- паднорусской девушкой, дочерью дубенского воеводы, и Андрием — так это никакого «совращения» бедняжки Андрия. Никакой подлой игры прожженной красотки. Тем паче — никакой политической игры.

Н.В. Гоголь как раз хорошо показывает откровенно увлеченную девушку, разрывающуюся между долгом и страстью.

Другое дело, что есть в этой девушке вовсе не толь-

ко женский соблазн... В ней есть многое, чего явно хо- тел бы Андрий, но что дать казачки вряд ли способны.

Панночка — дочь сложного, индивидуализированно- го общества, она сама ведет любовные речи, сама пы- тается решать свою судьбу. Сама, а не как член груп- пы, клана или слоя.

Панночка и достаточно развита, чтобы за ней имело смысл ухаживать; достаточно начитана, чтобы на нее подействовало явление Андрия в роли романтического спасителя; достаточно культурна, чтобы вслух выра- зить, что Андрий «речами своими разодрал на части мое сердце...»[30. С. 280].

Если учесть, что «будет свадьба сейчас, как только прогонят запорожцев» [30. С. 286], возникает скорее желание по-отечески сказать милой девочке что-то ти- па: «Не торопись ты, оглянись, не спеши вешаться на шею...»

Можно, конечно, приписать и ей любые гнусности — но ведь в тексте Н.В. Гоголя их нет. Они есть только в грязном воображении составителей учебников литера-

туры.

Может быть, казаки — сатанисты?

Невольно возникает мысль: а может быть, каза- Ки — стихийные сатанисты? Им, конечно, очень далеко до мрачных миро- и человеконенавистнических фанта- зий манихейцев и альбигойцев. Чтобы понять теорети- ческие трактаты, мало краем уха слыхать о Горации. Придется и его, и много другого еще и почитать. Но — отсутствие любви к миру и к людям; постоянное одур- манивание себя; анонимный, свально-групповой харак- тер культуры в целом; жажда разрушения; отсутствие любви ни к чему, кроме разрушения и процесса разру- шения. Это наводит на размышления! Похоже, что ка- заки — очень подходящий материал для проповеди па- таренов и павликиан. Пожалуй, их счастье, что миссио- неры сатаны не посетили их дикого, невыносимо «скюшШного» уголовного захолустья.

Некий естественный процесс

Но что самое интересное — тенденция миро- и человеконенавистничества у казаков распространяется и на самих себя!

Известно, что в любом сражении больше всего гиб- нет новобранцев. Иногда первая же атака уносит до 90% новичков. Солдат, вышедший из первых своих сра- жений, уже будет жить долго, и 300 сержантов стбят 2000 первогодков.

Казалось бы, одна из самых первых задач любой во- обще армии — это обеспечить, так сказать, подготовку кадров. Если не из человеколюбия (хотя воюют-то свои- ми же парнями...), то уже из самых прагматических по- ползновений.

Но видите ли, «Сечь не любила затруднять себя во- енными упражнениями и терять время» (??? — терять время ни на что, кроме пьянства? Это так следует по- нимать? — А.Б.); юношество воспитывалось и обра- зовывалось в ней одним опытом, в самом пылу битв... [30. С. 246].

Получается, что юноши попросту заманиваются на Сечь; там им быстро прививают определенный взгляд на вещи, так сказать, идеологически обрабатывают. В том числе — их быстро спаивают.

«Скоро оба молодых казака стали на хорошем сче- ту у казаков», — свидетельствует Николай Васильевич [30. С. 249].

...А в первом же сражении большая часть из них по- гибнет, и это прекрасно известно как раз тем, кто их натаскивает в истинно «казацких» делах.

Предательство? Недоумие? Бог весть... Точно так же принимаются меры, чтобы поменьше казаков выжи- вало бы после ранений — ведь лечатся казаки строго сивухой и порохом. «Если цапнет пуля или царапнет саблей по голове или по чему иному, не давайте боль- шого уважения такому делу» [30. С. 260].

Стоит ли удивляться, что потери казаков всегда не- соразмерно велики и что у Тараса, не достигшего и 50, на Сечи не так уж много живых сверстников.

Вообще, складывается впечатление, что Н.В. Го- голь довольно точно описывает некий природный про- цесс. Описывает сообщество людей, которые, по точ- ному определению И.Г. Шафаревича, «действуют как единое существо» [34. С. 371]. Так действует стая са- ранчи или легендарные лемминги. Размножившись в благоприятный год, лемминги сбиваются в огромные стаи и движутся... они сами не знают, куда. Изредка им удается найти богатые кормовые угодья и рассе- литься в них. Несравненно чаще лемминги погибают тысячами и десятками тысяч. Тем более что обезумев- шие зверьки движутся по простейшей прямой, незави- симо от того, что встретится им по пути. Они пытают- ся переходить реки по дну, бросаются в море, даже в огонь.

Действия казаков поразительно похожи на действия эдаких высокоорганизованных леммингов.

И ведь давно известно: у людей и впрямь есть ана- логи поведению леммингов. Любой биологический вид иногда, размножившись чрезмерно, оказывается не в состоянии прокормиться на прежней территории. И то- гда начинаются безумные миграции, цель которых — убрать избыточное население. «Лишние» обрекаются на расселение... или на гибель. Второе тоже устраива- ет популяцию — после ухода и гибели «избыточных» вид может кормиться на прежней территории и жить по-прежнему.

Человек — единственное животное, которое умеет реагировать на кризисы природы и общества, на со- циоестественные кризисы! не только расселением и ги- белью.

` Среди множества работ, посвященных проблеме, рекомендую читателю наиболее полные и наиболее «доставаемые»: Гирусов Э.В. Особенности нормативного характера экологического знания. Пущи- но: Препринт, 1980; Гирусов Э.В. Закономерный характер эволюции биосферы в ноосферу // Кибернетика и ноосфера. М., 1986. С. 21— 27; Кульпин Э.С., Пантиков В.И. Генезис кризисов природы и обще- ства в России. Выпуск 1. Решающий опыт. М., 1993. С. 134; Кульпин Э.С. Путь России. М., 1955. С. 200.

Человеческое общество способно еще и переходить к более интенсивной жизни — грубо говоря, получать больше от той же самой земли. Поэтому всякое пере- население ученые так и называют — «относительное перенаселение». На территории современной Сканди- навии во времена викингов жил от силы 1 миллион че- ловек — и пищи им не хватало. «Пришлось» посылать ватаги викингов — на добычу или на смерть. «Приходи- лось» порасселяться по всему миру, спасаясь от нехва- ток и гибели на родине.

Но, конечно же, в любом обществе возможен вы- бор — начать работать и жить более интенсивно, нау- читься получать больше на той же территории. Или пы- таться судорожно расселиться за пределы своих зе- мель. Или ввязаться в войну, после которой население уже не будет «избыточным».

По описанию Н.В. Гоголя, казаки — типичные мар- гиналы, выбрасываемые или уходящие сами из популя- ции, которой стало не хватать привычной пищи. Их по- ведение построено на двух мощных, хотя и вряд ли осоз- наваемых ими программах:

1. На отторжении всего усложненного, интенсивно- го, многовариантного. Все, что выходит за пределы са- мых простых дел и понятий, отвергается ими с предель- ной агрессивностью.

2. На ощущении, что людей в мире слишком много, и их число необходимо поубавить. ...Но в ЧИСЛО «Лиш- них», конечно же, легко попадают и они сами...

От самоуничтожения казаков может спасти только то, к чему они относятся с наибольшим отвращением. Кстати, и запойное пьянство — ведь тоже совсем не- плохой способ самоуничтожения. Стоит прекратиться одному способу массового самоубийства, как на смену приходит другой.

Поразительно, но другой певец поляко-казацкой вой- ны, Генрих Сенкевич, тоже описал идущий природный процесс...

Если внимательно читать Сенкевича, особенно «Ог-

нем и мечом», легко заметить у него два интереснейших феномена.

Во-первых, для него запорожцы — чисто природное явление. Правда, Н.В. Гоголь никак не различает каза- ков, украинцев и русских. А Г. Сенкевич очень видит между ними разницу: «Сечь, занимающая незначитель- ное пространство, не могла прокормить всех своих лю- дей, походы случались не всегда, а степи не давали хле- ба казакам — поэтому масса низовцев в мирное время рассыпалась по окрестным селениям. Вся Украина бы- ла полна ими, и даже вся Русь! ...Почти в каждой де- ревне стояла в стороне от других хата, в которой жил запорожец» [35. С. 72—73].

«Так продолжалось год или два, пока не распростра- нялась весть о каком-нибудь походе на татар, на ляхов или же на Валахию; тогда все эти бондари, кузнецы, шорники и воскобои бросали свои мирные занятия и начинали пить до потери сознания по всем украинским кабакам...Старосты тогда усиливали свои отряды, а шляхта отсылала в город жен и детей» [30. С. 73].

Как видно, мои подозрения подтверждаются — дале- ко не всякий украинец на зов казаков тут же испыты- вал приступ буйного помешательства, бросал мирные занятия и пулей мчался на войну. Это касается только весьма специфичного контингента — «низовцев», они же — запорожцы.

Но вот происходят чисто зловещие, но вполне при- родные явления: в январе тепло, как в мае; дичает скот; собираются в стаи волки; упыри гоняются за людьми («привычное ухо издали отличало вой упырей от волчь- его воя») [30. С. 7], и «птицы ошалелые летят»...

А казаки тоже собираются в стаи, отказываются от хлебопашества и ремесел, начинают тут же пить горил- ку, пропиваясь до нитки, и непонятно зачем бросаются на людей... Смысла в их

действиях не больше, чем в по- ведении нежити или тех же волков.

Второе любопытнейшее явление — Г. Сенкевич да- же как-то не очень гневается на казаков. Скорее у него

86

присутствует в отношении к ним эдакая сочувственная позиция; порой — чуть ли не любование красивыми людьми, живыми и мертвыми.

Так, Джим Корбетт, пуская пулю в Радрапраягского людоеда, сохраняет сочувственное отношение к зверю, занявшему «неправильное» место в пищевой цепочке. «На земле, положив голову на земляной забор, лежал старый леопард, погрузившись в свой последний креп- КИЙ СОН...» [36. С. 139]. Интересно, что к туркам, и да- же к татарам, отношение у Генриха Сенкевича иное — требовательное, порой обвиняющее. Видимо, все-таки считает их людьми. Казаков же он никогда не обвиняет ни в чем, просто описывает.

Только давайте не будем рассказывать сказки о вой- не двух разных народов. Так сказать, о столкновении разных «стереотипов поведения». Поляки Генриха Сен- кевича — это, как правило, вовсе не этнические поляки. Разве что пан Заглоба может быть отнесен к их числу.

Но и Анджей Кмитец, и Володыевский, и Кшетуз- СКИЙ — ЭТО «русская шляхта».

В ходе польско-казацких войн, в том числе и под сте- нами Дубно, сходятся люди одного народа, одного язы- ка (между Андрием и его возлюбленной нет языкового барьера). Это — гражданская война славян, выбравших разные пути выхода из социоестественного кризиса.

Одни славяне не способны переходить к интенсив- ным технологиям и ведут себя вполне как двуногие ра- зумные лемминги.

Другие славяне оказываются способны на человече- ский способ разрешения своих проблем, и они пытают- ся отстоять свое право продолжать в том же духе.

Кто здесь наши предки?

Официальная версия такова, что казаки — это как бы предки современных русских. Официальная версия современной, возникшей после 1991 г. Украи- ны — в том, что казаки — предки украинцев.

84

Но только что было показано — казаки сгинули без следа — да они же сами этого и хотели...

Наверное, в крови русских и украинцев {вероятно, и поляков) действительно течет какая-то исчезающе ма- ленькая капелька крови запорожцев.

Но вот крови населения тогдашнего Дубно в крови современных русских течет уже совсем немало. И не случайно столько неглупых людей имели предков, «вы- шедших из Литвы». В числе их — и Владимир Иванович Вернадский.

Гоголь, «Тарас Бульба» и русское общество

Справедливость требует признать, что Гоголь написал на удивление двусмысленную повесть. С од- ной стороны, в ней решительно все, как и «должно быть» согласно Большому Московскому Мифу. Ангелоподоб- ные казаки, «защита веры», фанатическая преданность своим идеалам и прочие «необходимые» стереотипы. Сечь всегда права и показана как защитница веры и всей Руси, верная сподвижница Москвы.

Не зря же Тарас Бульба перед смертью кричит, что «уже и теперь чуют близкие и дальние народы: подни- мается из русской земли свой царь и не будет в мире силы, которая бы не покорилась ему!»

[30. С. 334].

В общем, «все правильно», заказ выполнен на со- весть. Но есть другая сторона... Заказ выполнен так, что невозможно не прийти к прямо противоположным выводам. Противоположным как раз Большому Москов- скому Мифу. Казаки описаны так, что от них буквально начинает тошнить. Поляки же — так, что им невольно начинаешь сочувствовать.

То есть Н.В. Гоголь написал свою повесть так, что она оказывает воздействие, прямо противоположное заявленному. Полнейшее разоблачение Большого Мос- ковского Мифа! Поляки объявлены злейшими врагами православной веры и агрессорами. Но в книге они толь- ко обороняются, а казаки вешают монахов и сжигают

аббатства и монастыри. Вовсе не поляки, а именно ка- заки угрожают вере ляхов, образу жизни и даже само- му физическому существованию. То есть совершают все, в чем ритуально обвиняют поляков!

Это может иметь два объяснения:

1. Н.В. Гоголь сознательно заложил такого рода ми- ну в своей повести.

2. Н.В. Гоголь честно выполнил заказ, а «мина» взо- рвалась помимо его воли, нечаянно. Честный исполни- тель заказа вступил в противоречие с художником. Не первый случай, кстати, в истории мировой литературы.

Может быть, он потому и поместил действие повес- ти в некое условное время, понимая — ему придется создавать миф о том, чего никогда не было и не могло быть. Придется врать, создавая защитников Отчизны из обезумелого зверья. Создавать фиктивную историю своей любимой Малороссии? И облегчил себе то, что приходилось делать по заказу.

Самое же странное в том, что этих особенностей «Тараса Бульбы» практически никто не замечал. Реак- цию всех людей «старшего поколения», вернее, несколь- ких поколений, я помню достаточно хорошо. И тех, кто родился между 1890 и 1900 годами... Детей этого по- коления — тех, кто родился между 1920-м и 1940-м... Наконец, своих старших сверстников, пришедших в мир после 1945-го. И все были совершенно уверены, что Николай Васильевич написал своего рода «патриотиче- скую сказочку!».

Отношение к Запорожской Сечи достаточно хоро- шо характеризует тоже хорошо известная картина И. Репина: «Запорожцы пишут письмо турецкому сул- тану». История, кстати, подлинная; запорожцам султан послал письмо с предложением перейти к нему на служ- бу; начиналось письмо, как полагается, с титулования султана как сына Солнца и брата Луны... и много чего в том же духе. Сохранилось несколько списков ответ- ного письма запорожцев разной степени непристойно- сти. Мне доводилось читать вариант, начинающийся

словами: «Ысову да блядову сыну и черту лысому бра- ту, коту холощеному, аки лв рыкающему...» И в том же духе страницы четыре, на уровне неумного четверо- классника, которого пускали одного гулять, куда не сле- дует, а он и наслушался того, что знать ему еще не по- лагается. Вот эту-то дурость, о которой и говорить труд- но без чувства неловкости, изображает человек масшта- ба Ильи Репина! Да еще изображает одного из писцов, записывающего поток грубостей и непристойностей, портретно похожим на Гоголя!

Я сам был единственным известным мне представи- телем своего поколения, который воспринял «Гараса Бульбу» совершенно «неофициально».

Я был настолько одинок в своем отвращении к Тара- су и Остапу, что всерьез начал опасаться — может быть, это у меня действует четвертушка немецкой кро- ви в моих жилах, так сказать, «стереотип поведения» неподходящий.

Спасла положение вещей моя вторая жена... Совер- шенно самостоятельно она пришла к тем же самым вы- водам и сама завела разговор о втором плане «Гараса Бульбы». Анализ произведения был проделан вовсе не под моим влиянием и даже на более высоком уровне: как-никак профессиональным филологом.

Беседы со сверстниками Елены Викторовны убеди- ли: по-видимому, в мир пришло наконец поколение, ко- торое плевать хотело на Большой Московский Миф во всей его зловонной красе.

Но это — поколение, родившееся в 60-е годы XX сто- летия. А до этого?

На протяжении жизни, по крайней мере, восьми по- колений русских людей общество не усомнилось в смысле написанного Н.В. Гоголем! Это же потрясающе! Общество без малейшего преувеличения увидело в по- вести совсем не то, что в ней действительно содержит- ся, а только то, что ему захотелось увидеть. А хотелось ему видеть только одно — подтверждение своим собст- венным бредням: Большому Московскому Мифу.

Часть П

ЧТО ЖЕ ЭТО ТАКОЕ — РОССИЯ?

Великий, могучий... на удивление несчастливый народ. А. Янов

Глава 4 ОТКУДА МЫ ВСЕ ЭТО ЗНАЕМ?

Жилье археолога — палатка. Еда археолога — консервы. Орудие археолога — лопата. Радость археолога — пожар. Счастье археолога — помойка. Мечта археолога — могила.

Студенческие «Заповеди археолога»

...Узнаем, конечно же, из исторических источ- ников: из писем, документов, записей, рассказов, при- шедших из других эпох. Самым ценным видом источ- ников являются летописи — это ведь официальные до- кументы, в которых полагалось фиксировать самое важное. Впрочем, в этом же и слабость летописи — в ней выражается некое официальное мнение. А ведь и у государства, и у могучего монастыря или княжества вполне могут быть свои политические интересы.

Например, смоленский епископ Иосиф Солтан очень хотел, чтобы Смоленское княжество перестало подчи- няться Великому князю Литовскому и вошло бы в со- став Московского государства. Епископ поручил напи- сание летописи писцу Авраамке... «Авраамкина лето- пись» весьма полезна, содержательна, поскольку весьма подробно излагает историю Смоленской земли в ХМУ— ХУ веках. И конечно же, из этой летописи ясно вид- но — ну до чего же все жители Смоленска, весь народ

Смоленской земли не то что хочет... прямо-таки жаждет пойти под державную руку Москвы.

Или вот было в польском католическом городе Льво- ве православное Львовское братство. Никто вроде бы особенно не обижал братчиков, но и король Польского государства, и католическая церковь, и подавляющее большинство населения были уверены: всем право- славным совершенно необходимо срочно перейти в ка- толицизм. А вот братчики в этом вовсе не были увере- ны, и, конечно же, их отношение к происходящему от- разилось в «Летописи Львовского братства».

Как быть?! В первую очередь сравнивать записи в разных летописях. У археологов есть такая поговорка (к ней мы еще вернемся попозже): «Одна дата — это не дата». Точно так же и факт, о

котором сообщено всего один раз в одной летописи, — это не факт. Все сообще- ния всех летописей обязательно нуждаются в подтвер- ждении. Вот, например, польские летописи сообщают о битве при Грюнвальде 15 июля 1410 года. О сокру- шительном поражении немецкого войска. О том, что большая часть рыцарей Тевтонского ордена погибла или попала в плен, что магистр ордена убит и что не- мецкой орденской опасности над Польшей нет и в по- мине.

И возникает вопрос: а может быть, польские короли попросту придумали все это?! Может, не было никако- го Грюнвальдского сражения? Или было, но не под Грюнвальдом? А если было под Грюнвальдом, то, мо- жет быть, оно закончилось совсем не так, как пишут в летописях? Были ведь случаи, и еще какие! Фараон Рам- зес выдал за победу сокрушительное поражение, поне- сенное от хеттов при Кадеше. И не будь других источ- ников, если бы современные ученые пользовались только египетскими записями, мы владели бы, мягко го- воря, несколько неточной информацией.

Профессиональный историк, получив сообщение о Грюнвальде, просто обязан предположить нечто подоб- ное. Одно сообщение — это еще далеко не достовер-

ный факт! Может быть, польский король потерпел по- ражение и не под Грюнвальдом, а совсем в другом месте и совсем в другое время? И, чтобы скрыть поражение, придумал битву под Грюнвальдом?

Но про Грюнвальд писали и хроники других участ- ников сражения: и Тевтонского ордена, и Великого кня- жества Литовского. И смоленские хроники (в том числе и «Авраамкина летопись»). Польский хронист Ян Длу- гош лично участвовал в Грюнвальдском сражении и знал лично многих участников. Он написал книгу об этой войне. Известие о поражении Тевтонского ордена было настолько важным в международном масштабе, что почти по всей Европе прошла волна слухов — как от камушка, брошенного в воду.

Более чем в двадцати источниках разных стран и на- родов, на разных языках упоминается Грюнвальдская битва, передаются разные подробности. Иногда — во Франции, в Голландии, где события в Польше и в При- балтике далеки и не очень важны — упоминания самые краткие. В Скандинавии, германских княжествах — го- раздо более подробные. Конечно же, очень различны интонации. В хрониках Тевтонского ордена поражение оплакивается, героизм тевтонских рыцарей живописан самыми роскошными красками, а польско-литовскому войску приписываются потери, превышающие населе- ние всей Польши. В хрониках Геттингена — отношение сочувственное, но нет в них скрежета зубовного. Вот в хрониках города Бремена — гораздо больше эмоций, потому что Бремен тесно связан с Тевтонским орденом и многие из его граждан лично принимали участие в войнах ордена.

Но все это уже мелкие детали, а главное можно счи- тать установленным: значит, битва под Грюнвальдом все-таки была и победили именно славяне.

На этом примере видно, как вообще определяют, имело место быть событие или нет и какой вид оно могло иметь в реальности. Чтобы стало предельно яс-

.-

но — историк не просто переписывает то, что отыщет в летописи. Он проводит работу наподобие детективной.

Вообще, для серьезного исследования одна лето- пись — источник явно недостаточный. Летописи допол- няют друг друга; если используется несколько источни- ков, это позволяет сравнивать несколько точек зрения и рисовать какую-то общую картину.

Киевские летописи до нас не дошли. В смысле, не дошли те бумаги, которые писал лично Нестор; но дан- ные из его «Повести временных лет» включались во все русские летописи, составлявшиеся во все времена, во всех русских княжествах. Известны московские, влади- мирские, псковские, новгородские, смоленские, твер- ские летописи. Известны летописи Западной Руси — тех областей, где сегодня находятся два суверенных государства — Белоруссия и Украина. Этот свод лето- писей еще в прошлом веке стали называть «Летописи западнорусские» или «Летописи литовские» — ведь они писались на территории Великого княжества Литов- ского [37]. И во всех этих летописях неизменно вос- производится «Повесть временных лет», вплоть до на- писанной уже в ХУП веке Григорием Ивановичем Гра- бянкой украинской летописи «Действия презельной и от начала поляков крвавшой небывалой брани Богдана Хмельницкого гетмана Запорожского с поляки».

Уже при советской власти началась грандиозная «разборка»— где же именно чьи летописи?! Большая часть «литовских летописей» написана вовсе не литов- цами и не о литовцах. Это — летописи западных рус- ских княжеств, которые написаны русскими людьми и на русском языке'.

Только одна из летописей, «Летописец князей Ли-

' Интересно, что до Второй мировой войны, когда в СССР еще не начался рецидив великодержавной и милитаристической идеологии, книги по истории Западной Руси все-таки выходили. Тихомиров М.Н. Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца ХУИ века. Т.1. М., 1940; Пресняков А.Е. Лекции по русской истории. Т. 2. Вып. 1. Западная Русь и Литовско-Русское государство. М., 1939.

товских», повествует о литовцах — о Великих князьях Литовских, потомках Великого князя Гедиминаса. Но и эти летописи написаны на русском языке, кириллицей. Это очень огорчает некоторых литовских национали- стов, которым очень хочется, чтобы литовцы изначаль- но были бы «настоящими европейцами» — писали бы латинским алфавитом и не имели бы ничего общего с этими ужасными славянами...

Оказались недовольны и некоторые белорусские историки. Весь север Западной Руси — это современ- ная Белоруссия. Могилев, Витебск, Минск, Гродно, Брест, Пинск — столицы русских княжеств, вошедших в Великое княжество Литовское. Так какое же право имеем мы называть эти летописи и «ЛИТОВСКИМИ», и «рус- скими»?! Они — белорусские! В связи с отделением Бе- лоруссии эти настроения очень усилились. Настолько, что Великое княжество Литовское уже начали порой называть Белорусско-Литовским.

Беда в том, что считать западнорусские летописи бе- лорусскими можно только. в одном случае — если не обращать никакого внимания на то, что думали сами о себе создатели летописей. А они-то считали себя вовсе не белорусами (у них даже слова такого не было), а русскими.

Можно за очень многое ругать бывший СССР, но порой в нем находились неглупые и даже изящные спо- собы решения такого рода проблем. Летописи литов- ские, или летописи западнорусские, стали именовать новым словесным уродцем — летописи белорусско-ли- товские. Так сказать, каждая сестра получила по своей «законной» серьге.

А кроме того, официальное мнение было таково: в составе белорусско-литовских летописей выделяются поздние, с ХУ века, белорусские и украинские. До это- го — все-таки о западнорусских. На мой взгляд, реше- ние, в принципе, вполне взвешенное, способное если не снять, то, по крайней мере, притушить страсти по национальной истории. Только вот и ХУ век, пожалуй,

чересчур ранний срок для текстов на украинском и бе- лорусском... С чем национально озабоченные истори- ки, конечно же, не согласятся.

Известны 14 списков западнорусских летописей, включая украинские (Супрасльская, Густынская и др.) и белорусские летописи (Авраамкина, Баркулабовская, Витебская и т.д.).

Собственно западнорусские — летописи Великого княжества Литовского — подразделяются на три спи- ска: краткие, средние и пространные.

Краткие состоят из русских летописей, дополнен- ных местными известиями и из «Летописца князей Ли- ТОВСКИХ», написанного около 1428—1430 годов. Лето- писец излагает историю Великого княжества Литовско- го со времени смерти Гедимина и до смерти Витовта. «Летописец» доведен до 1446 года и написан в откро- венной апологии Великого князя Витовта.

Идея защиты интересов княжества, его величия, его авторитета занимает большое место в «Летописце». Не защищаясь ни от кого, автор преисполнен гордости за свое княжество, чувством патриотизма и феодальной верности.

Пространные списки называются «Кройники велико- го княжества Литовского и Жомоитского». Они допол- нены, так сказать, «с обеих сторон» — то есть, с одной стороны, удревнены, дополнены легендарными сведе- ниями из ранней истории Литвы до Гедиминаса, с дру- гой — продлены до середины ХУ] века.

В них никуда не исчезает восторженное отношение к Великому князю Витовту, но и Великий князь Гедими- нас очень поднимается на щит. В этих «Кройниках...» чересчур уж навязчиво подчеркиваются величие, бо- гатство, авторитет, нерушимость Великого княжества Литовского.

В них же предпринимаются попытки связать генеа- логии некоторых родов литовской шляхты с римской аристократией и тем обосновать, что литовская шляхта древнее и лучше польской... В общем, в поздних запад-

норусских летописях появляется нечто похожее на чувство ущербности и даже переживание своей исто- рической «неполноценности».

С ХУ века появляется пласт, который можно с рав- ным успехом назвать поздними западнорусскими и бе- лорусскими летописями. Ну хорошо, пусть будут бело- русские, лишь бы всем было хорошо.

Белорусские летописи составлялись на основе уже бывшей традиции и развивались в основном в Смолен- ске, где в среде местного, смоленского, мещанства ста- ло развиваться белорусское летописание, отражавшее и местные события, и общие события литовской и рус- ской истории. В отношении ранних событий белорус- ские летописи компилятивны, то есть несамостоятель- ны. Все они берут сведения из более ранних, не дошед- ших до нас летописей и только старательно их перепи- сывают.

При описании же событий ХУ—ХУЙ веков они сра- зу же становятся совершенно самостоятельны, сооб- щая важные сведения из жизни местных городов (Ор- ши, Могилева, Полоцка, Витебска, Себежа и т.д.) ио событиях русско-литовско-польской, русско-шведской борьбы, происходившей на территории Смоленской земли и Белоруссии. При описании событий авторы привлекают материалы из хорошо знакомых им поль- ских исторических сочинений Длугоша, Стрыйковско- го, Кояловича, Меховиты и др.

Белорусские летописи предельно неоднородны. «Ле- топись Авраамки», летопись Витебская, Баркулабов- ская, Могилевская хроника Сурты и Трубницких имеют и разное происхождение, и вскрывают очень разные исторические пласты.

«Летопись Авраамки» написана в Смоленске в 1495 го- ду писцом Авраамкой по поручению смоленского епи- скопа Иосифа Солтана. Сначала Авраамка старатель- но, хотя и кратко, излагает события всемирной исто- рии, начиная от Сотворения мира. Потом он дает крат- кое изложение исторических событий по «Повести вре-

менных лет», и пока что все это — чистейшей воды компиляция. Вот с XИ века события излагаются под- робнее и доводятся до 1469 года включительно. Самое интересное здесь для историка — сведения 1446— 1469 годов и юридические статьи, в том числе и «Рус- ская правда».

Авраамка лихо использовал Новгородские летописи, дополняя их описаниями событий местной истории — Смоленской земли и всего Великого княжества Литов- ского. И конечно же, не забывает подчеркивать идею единства Русской земли, стремление русских Великого княжества Литовского к единению с Москвой.

Летопись Быховца названа по месту обнаружения в библиотеке польского чиновника А. Быховца. Написан- ная в конце ХУ] века на русском языке, но латинскими буквами, она излагает события с древнейших времен и до 1507 года. Полностью самостоятельна последняя часть, с 1433 года.

Витебская летопись наиболее самобытна. Она со- ставлена в 1768 году С.Г. Аверкой путем объединения летописей, сделанных в Витебске в ХУП—ХУП веках.

Основная ее часть — летопись мещанина Витебска М. Панцырного, начавшего описание событий, конечно же, с 896 года (и хорошо хоть не с Сотворения мира).

А доведена летопись до 1709 года на основе рус- ских и польских летописей, исторических сообщений и местных известий. Важный источник летописца — за- метки отца составителя, Г.В. Аверки, объединившего записи витебских мещан Чарновских (1601—1733) и дополнившего их собственными записями до 1757 года и материалами польских исторических сочинений.

Историки очень ценят эти летописи за сведения о действиях администрации Российской империи в ХУШ веке и об истории городских общин.

Украинские летописи не менее самобытны и плавно продолжают западнорусские.

Особняком стоит летопись Львовского братства — летопись особого социального организма — кучки пра-

вославных людей в равнодушном или прямо враждеб- ном католическом окружении. Летопись охватывает ХУ—ХУП века и ограничивается историей Львовского братства. |

Остальные украинские летописи писались в разных местах Украины в ХУ—ХУ веках, в основном казац- ким старшиной. Образованные, умные люди оказыва- лись очевидцами невероятно интересных и ярких со- бытий и стремились рассказать о них. Часть этих со- бытий они видели сами, а порой и участвовали в них. Остальное они достраивали на основе дневниковых за- писей очевидцев и участников событий, казацких. и польских хроник, духовных и мирских летописцев, офи- циальных документов.

«Летописец, или описание, краткое знатнейших действ и случаев, что в котором году деялося в Украини» — Лизогубовская летопись, составлена в ХУЙ веке, отра- жает историю ХУ|—ХУП веков.

Летопись самовидца, то есть свидетеля, «Летописец о начале войны Хмельницкой», повествует про начало войны Хмельницкого.

Автор основной части «Летописца...» — казацкий старшина Ракушка-Романовский. События с 1672 по 1702 год написаны в форме дневника. Другие авторы после смерти Ракушки-Романовского довели «Летопи- сец...» до 1734 года.

«Летопись событий в Юго-Западной России» напи- сал интереснейший человек — Самойло Васильевич Величко. Родился он в 1670 году, умер не ранее 1728 го- да, а скорее всего — несколько позже.

Образованнейший человек, Самойло Васильевич окончил Киевскую академию, владел польским, немец- ким, латинским языками. В 1690—1708 годах он слу- жил у генерального писаря В.Л. Кочубея и в генераль- ной войсковой канцелярии. После казни Кочубея, с ко- торым был очень близок, он, говоря современным языком, «потерял место».

И вот тут-то начинается самое интересное: Самойло

Васильевич поселился в имении сына Кочубея, в селе Диканька, под Полтавой. Там он создал школу, препо- давал крестьянским детишкам... и там писал книгу.

Насыщенность летописи, доведенной до 1720-х го- дов, официальными документами, сведениями по исто- рии Турции и Польши, записками современников и лич- ными воспоминаниями, делает труд исключительно ин- тересным.

«Действия презельной и от начала поляков крвавшой небывалой брани Богдана Хмельницкого гетмана Запо- рожского с поляки» написаны Григорием Ивановичем Грабянкой.

Известно около 20 списков летописи. В ней повест- вуется об истории Украины с древнейших времен (то есть от «Повести временных лет») до 1708 года. И при том основное внимание уделяется эпохе Богдана Хмельницкого: с 1648—1655 годов — битва у Желтых Вод — и прочему. События этой эпохи стали важней- шими в жизни современников, что поделать.

Сам Грабянка в этих событиях не участвовал, источ- никами ему послужили летописи, официальные доку- менты, польские хроники, дневники, рассказы совре- менников.

Летопись крайне интересна, настолько, что в 1734 го- ду из этой летописи сделана выборка «Краткое описа- ние Малоросии».

Мы не знаем даже, где и когда родился Григорий Иванович Грабянка. Погиб он около 1738 г. — хорошо, что хоть это известно. Казачий полковник, он участво- вал во всех походах конца ХУП — начала ХУШ века — азовских, крымских, шведских — и в конце концов погиб, сложил голову в ходе войны с Турцией 1735— 1739 годов.

Украинские и белорусские летописи интересны мно- гим, в том числе и как опыт летописания в уже истори- ческие времена [38].

Сведения, сообщаемые и в западнорусских летопи- сях, и в более поздних, подтверждаются данными лето-

писей Великого княжества Московского, Новгородски- ми и Псковскими летописями, летописями княжеств Се- веро-Восточной Руси. А очень многие сведения — и ле- тописями Польши, стран

Скандинавии, Тевтонского ор- дена, германских государств, Венгрии.

Фактически у нас есть сведения об истории Запад- ной Руси с [X века до самых исторических времен — до Российской империи. От эпохи племенных союзов и до формирования современных народностей.

Спор о «неправильной» истории

Может быть, у кого-то из моих читателей уже мелькнула скептическая усмешка: «Как же! Рассказы- вайте! Разве вы не знаете, что вся эта история — «не- правильная»? Что все было совсем не так?»

В последние годы появилось довольно много книг, в которых отрицается все, что считается твердо установ- ленным в «академической» истории, и предлагается своя собственная версия того, «как это было».

Не будем говорить уже об Елене Блаватской, кото- рую в свое время полиция выдворяла из Индии за вуль- гарный подлог «писем махаришь» — то есть неких выс- ших существ, почти что вечных и всеведущих. «Маха- риши» регулярно писали Елене Блаватской письма, в которых повествовали невероятно интересные истории с прилетами духов и с материализацией материков, сло- нов И «людей других ископаемых рас». Письма, как вы- яснилось, писали слуги из соседней гостиницы; Елена Блаватская оказалась женщиной небогатой и в один прекрасный момент не смогла внести требуемую сум- му. Слуги-‹махариши» обиделись и обратились в поли- цию. А английские полицейские по причине полного отсутствия фантазии и плохого отношения к жуликам выдворили Е.. Блаватскую из страны [39].

Вообще-то, упоминать Е.. Блаватскую и Е. Рерих приходится, потому что их последователи продолжают рассказывать все те же сказки — в том числе и на ис-

торические темы. И пока поток доверчивых, но невеже- ственных людей не иссяк, имеет смысл предупредить соотечественников. Даст бог, кто-то и убережется.

Но в наше время по градам и весям ходят не менее оригинальные книги. Наверняка я знаю далеко не все «шедевры» этого типа, но приведу только три, хорошо мне известные:

1.Кандыба, доказывающий, что вся история челове- чества протекала возле Ильмень-озера, на Новгородчи- не (по просьбе историков из Новгорода специально ого- вариваюсь — они к этой «теории» не имеют никакого отношения, ее разработкой не занимались, а к самому Кандыбе относятся, мягко выражаясь, несерьезно) [40].

2. В.Н. Демин, «отыскавший» прародину «настоящей Руси» чуть ли не на Северном полюсе: «Гиперборей- скую Русь» на севере современной Европейской Рос- сии; «тогда» и климат был якобы иной. Обойтись без мистики, без ссылок на Рерихов и без множества со- вершенно фантастических аналогий славянских богов с эллинскими и с индусскими автор, конечно же, не в со- стоянии [41].

3. Юрий Дмитриевич Петухов, издававший некогда замечательную газету «Голос Вселенной», «Орган транс- цедентных надправительственных сил», а ныне напи- савший книгу, аннотацию к которой я привожу полно- стью и без комментариев: «История человечества, исто- рия земной цивилизации — это в основном история русов, древнейшего первонарода, породившего практи- чески все нации и народности ностратической языко- вой семьи. Об этом и многом другом увлекательно рас- сказывается в статьях одного из ведущих ученых-исто- риков нашего времени Ю.Д. Петухова» [42].

Естественно, «ведущим ученым-историком» никто Ю.Д. Петухова отродясь в научном мире не признавал, да и не за что. Самозванец — он самозванец и есть.

Но сейчас я вынужден анализировать совсем другое явление, поскольку именно оно может вызвать у кого-

то из читателей протест: «Чего же это нам суют «непра- вильную» историю?!»

Все началось с того, что в 1996 году два математика, Глеб Владимирович Носовский и Анатолий Тимофеевич Фоменко, опубликовали книгу «Империя», а через год, в 1997 году, еще одну — «Новая хронология Руси» [43].

Если передавать содержание книги предельно крат- ко, то авторы претендуют на совершенно новое «про- чтение» русской (и не только русской) истории. Все, что мы считаем историей русского народа, Руси и Рос- сийской империи, согласно авторам — фальсифициро- вано. В нашем прошлом не было никакой такой Киев- ской Руси, не было Господина Великого Новгорода. Тем более не существовало никакого такого монголь- ского завоевания Руси.

И не могло существовать, потому что до воцарения дома Романовых от Китая до Европы простиралась ог- ромная империя, Русь-Орда. Единое государство, раз- ные части которого говорили на разных языках, а сво- их императоров-царей-ханов называли разными имена- ми. А единая церковь империи объединяла не только католиков и православных, но и магометан.

Авторы «устанавливают» множество «тождеств» меж- ду монгольскими, татарскими, византийскими, русскими правителями, проводят множество параллелей, «...в справедливости которых, как нам кажется, трудно со- мневаться» [43. С. 235]. Великий князь Дмитрий Дон- ской — это и есть Тохтамыш. Ярослав, отец Александ- ра Невского, — это, оказывается, и есть Батый; он же — Иван Калита. Его старший брат Георгий Данилович — это и есть Чингисхан, основатель Империи; он же, «по совместительству», и Рюрик; именно с него-то и начи- наются исторические времена. Просто их знают то под одним, то под другим именем.

Почему же никто в России (и во всем мире) не име- ет представления о «Великой империи Руси-Орде» и о тождестве деятелей мировой истории? Почему взвол- нованный рассказ о неведомой миру «империи — Орде»

и о единстве Батыя и Ярослава выглядит сегодня не по- вествованием историка, а бредом? А это потому, объ- ясняют авторы, что все русские летописи полностью фальсифицированы. Придя к власти, гадкие Романовы стремились фальсифицировать русское прошлое, унич- тожить память об истинной истории «Руси-Орды». По- этому они уничтожали подлинные документы, стреми- тельно создавали новые о каких-то высосанных из паль- ца исторических обстоятельствах и событиях. Все, что- бы оправдать свою узурпацию власти.

«На самом деле» Романовы захватывают власть после кровопролитной гражданской войны в ХУ] веке. Тогда правили четыре царя Ивана, позже объединенных под именем Ивана Грозного. Суть же борьбы — в ориента- ции на прежнюю сверхимперию или на нехорошую Ев- ропу. Романовы победили... и сделали все, чтобы пред- ставить историю в выгодном для себя свете: истинного царя Дмитрия обозвали «самозванцем», Смутное время «укоротили», чтобы не рассматривать свои неблаговид- ные деяния, а Ивана Грозного выдумали, чтобы объяс- нить причины Смуты.

Как же доказывают авторы свои сногсшибательные «открытия»? А никак! Основной звучащий аргумент вы- глядит текстуально так: «Такова наша гипотеза». Или: «Согласно нашей гипотезе». Казалось бы, авторы — про- фессиональные ученые — как-никак должны понимать: гипотеза выдвигается не беспричинно и не на пустом месте. Гипотеза имеет свое обоснование — и именно это отличает ее от пустого домысла. Но Носовский и Фоменко представляют нашему вниманию именно на- бор ничем не обоснованных домыслов.

Единственно, на чем строится аналитический аппа- рат работы, — это игра на звукописи и игра на пример- ном совпадении дат.

Например, кто такие варяги? А очень просто! Варя- ги — это враги. Это не этноним, а название любого врага. Врага вообще. Кстати, как свидетельствуют про- фессиональные филологи (и что известно уже пяти-

104

классникам), враг чередуется фонетически с ворогом, чередование -ра-/-аря противоречит нормам. То, что таким словом никогда не называли никого, кроме нор- маннов, авторы либо игнорируют, либо просто не зна- ют. Об их фантастическом невежестве еще придется говорить особо. Но это еще не все! Оказывается, такое же название было дано и итальянцам! Фряги, фрязи — это не кто иные, как фряжины — вражины [43. С. 119].

Но это еще что! Киев для авторов — это Хио (СНУО, СЕЕМА, КоМа) западных летописей; делается вывод, что это... о-в Хиос (СШоз, КНО$) «рядом с Грецией» [43. С. 118].

Самарканд лихо оказывается Самарой, таурмены пляшут кекуок с тур-менами (то есть на дикой смеси английского с тюркским «мужчинами турон»)... впрочем, всего не перечтешь.

Даже в магометанском летоисчислении по годам Хиджры (Геджры) «улавливаются отголоски имени Георгий, его варианты — Гургий, Гургута. «Кроме того, слово «Неда» может быть слиянием двух — Гог и эра (напомним: эра = ега), то есть могло обозначать просто «эра Гога» или «эра Готов», «эра монголов». Горгий и Геджра вполне созвучны» [43. С. 120].

Вообще-то, в лингвистике давно известно, что срав- нивать звукоподобия совершенно бессмысленно: они просто ничего не доказывают. Ну, есть у побережья Якутии островок, называемый Африка. Ну, есть в Цен- тральной Америке город Герма. Следует ли из этого, что в Якутии до якутов жили негры, а город Герму ос- новали германцы? В обоих примерах случайные совпа- дения звуков не означают совершенно НИЧЕГО. Сама по себе похожая звукопись доказывает не больше чем очертания облаков в небе.

Существуют довольно строгие правила, по которым имеет смысл соотносить разные части слов в разных языках, и выводы о происхождении слов, названий, по- нятий делаются на основании кропотливого анализа

105

корней слов, имеющих родственный смысл и употреб- ляемых в близком контексте.

То, что у литовцев и пруссов почитали бога Перуна (Перкунаса), свидетельствует о близости народов. То, что у всех славян орудия сельскохозяйственного труда, а в балтских языках — литовском и прусском — у них другие названия, служит доказательством: балты и сла- вяне разошлись до того, как появилось земледелие.

А вот «звуковые параллели» типа: Орда-орден, мон- гол — мегалион, басурман — вессермен, атаман — гет- ман — гауптманн и так далее [43. С. 238] — ничего не доказывают, ни о чем не свидетельствуют и могут пред- ставлять интерес разве что для профессиональной ра- боты психиатра, но никак не для истории и лингвисти- ки. Здесь сравниваются слова, которые в своих языках имеют разное происхождение и разный смысл, а пото- му их совпадение (весьма относительное, впрочем) не говорит совершенно ни о чем.

Нет, для обмана читателя-то сие может представлять интерес. Но вот для «доказательства» главной идеи ав- торов книги, вроде бы ученых, — нет, никакого интере- са эти параллели не представляют.

Идея «тождества» исторических лиц и целых дина- стий питается столь же нехитрой игрой на весьма при- мерном совпадении сроков правления и самой жизни. Если к тому же «совпадают» (то

есть хоть как-то похо- жи и деяния), то делается вывод о «тождестве» — в той же формулировке про «у нас появилась гипотеза».

Авторы считают «тождественными» династии киево- новгородских князей, московских князей и татаро-мон- гольских ханов. По «их гипотезе» — это одна и та же династия, называвшаяся по-разному в разных местах, с разными региональными именами одних и тех же кня- зей-ханов. Русская история началась в ХУ веке, с Ге- оргия-Чингисхана, а Киевского периода истории Руси ДЛЯ НИХ «не было» в самом буквальном смысле.

Что касается «совпадений» времени правления кня- зей-ханов, герцогов (а также китайских ванов, япон-

ских микадо И «хранителей неба» древних майя), то причина их так же банальна и проста: при одном и том же или близком уровне и образе жизни люди живут, заводят детей и умирают во вполне определенные, хо- рошо просчитываемые сроки. При всем разнообразии выращиваемых культур, экзотичности культов и раз- личности языков, на которых говорили на Земле, все правители всех народов с Древнего Египта до Европы и Руси XX века и от Ирландии до Перу и Мексики бы- ли правителями стран и народов аграрно-традиционной стадии развития. То есть земледельческих народов, жив- ших по традициям, очень похожим в основных чертах: ранние браки, рождение многих детей, ранние смерти. А это определяло и вероятный срок появления у чело- века детей, и вступления на трон, и смерти.

Вопрос, конечно, в способе наследования. Если сын строго наследовал отцу, то время пребывания на троне каждого представителя династии оказывается особен- но хорошо предсказуемым: после одного или двух «длинных» сроков, по 25—40 лет, приходится один или два «коротких», лет по 8 —15. Почему именно так? А по- тому, что после долговечного правителя его сын и внук садились на трон в более преклонном возрасте, и срок их пребывания в правителях укорачивался.

Конечно, если королю (вану, Великому князю, хану, хан-тенгри, кагану, герцогу, ярлу, императору, князю, королю) мог наследовать и младший брат, то сроки не- сколько искажаются. Внезапные насильственные смер- ти тоже «размывают» динамику сроков правления: а ведь очень многие правители погибали в войнах или в дворцовых переворотах.

Но вообще-то в совпадениях сроков правлений нет дефицита: при сравнении любых династий в любых кон- цах земного шара. Разумеется, сроки правления пап римских этой закономерности подвержены: выбирали, как правило, не очень молодых кардиналов и правили они недолго. Так же «выбиваются» и далай-ламы, каж-

дого из которых выбирали младенцем после смерти прежнего.

Но вот взять тех же Ягеллонов. Начиная с Гедимина- са и до Сигизмунда П сроки правления всех Великих князей Литвы, а впоследствии польских королей выгля- дят так: 23 года; 32; 50; 10; 9; 42; 24.

Возьмем теперь сроки правления японских сегунов из династии Токугава, взошедшей на престол в 1603 го- ду: 13; 5; 28; 29; 29; 45; 12; 9. Как видите, та же дина- мика «длинных» и «коротких» сроков правления.

Сроки правления франкской королевской дина- стии Каролингов, севшей на престол в 687 году: 25; 26; 10; 46.

Сроки правления французских королей из «прямой ветви» Валуа, с 1328 года: 22; 14; 16; 42; 12; 15; 49.

Цифры совпадают весьма примерно, но ведь и у Мо- розова (о нем ниже) они совпадают не больше. А Фо- менко с Носовским цифрами предусмотрительно не оперируют.

Не буду загромождать книгу перечислением сроков правления императоров китайских династий Мин, Сун и Тан, правивших в разное время, царей Иудеи | тыся- челетия до Р. Х., японских микадо 1У— УП веков. Осо- бенно похожи почему-то сроки правления микадо го- дов Тайра (середина УП века) и сроки правления Валуа.

Еще очень рекомендую посмотреть сроки правления полинезийских вождей: островов много, и при желании всегда можно подобрать «подходящую» династию.

Сходство деяний, в общем-то, тоже понятно: если не вдумываться в то, с кем же именно воевали и каковы результаты, и если игнорировать сам характер прово- дившихся реформ, всякую деятельность абсолютно всякого вождя, от Карла Валуя до Териироо и от Васи- лия Темного до Еритомо Минамото, легко облечь в са- мую простую, короткую, как мини-юбка, схему: «вое- вал», «проводил реформы.. А воевали и «проводили ре- формы», можно сказать, абсолютно все.

Сходные условия жизни порождали и похожие об-

щественные группы. Например, «мушеллим» Древнего Вавилона получали землю от государства и держали ее, пока несли военную службу. Таковы же были и «стра- тиоты» Византии. Жившие на границах с племенами ай- ну беглые японские мужики, постепенно отнимавшие их земли, похожи на наше казачество. «Люди длинной воли» в Монголии Х! века до смешного напоминают мя- тежных баронов Англии ХП—ХШ столетий... Впрочем, примеры можно умножать до бесконечности.

Остается удивляться бедности фантазии Фоменко и Носовского. Вместо «открытия» евразийской империи «открывали» бы сразу империю мировую, правители ко- торой на разных языках назывались бы по-разному, име- ли разные имена, но по срокам жизни и правления не- УкКлонно «совпадали» бы.

Особого риска тут нет — нужные сроки, обстоя- тельсва и деяния «совпадут» у любой династии антро- поидов, живущих на планете Земля и ведущих образ жизни земледельцев или скотоводов.

Попытались бы они доказать, например, что иудей- ский царь Ровоам, правивший в начале | тысячелетия до Р. Х., и ацтекский царь Монтесума, правивший в ХМ] ве- ке, современник Ивана Грозного, — одно лицо. Что Гай Юлий Цезарь и есть Кон-Тики Виракоча, приплывший в \У веке по Р. Х. на бальзовых плотах из Древнего Пе- ру на остров Пасхи. Уж веселиться — так по-крупному!

Впрочем, есть серьезная причина не делать столь широких экскурсов — это чудовищно низкая квалифи- кация авторов «концепции». Не уверен, что им известно что-либо про остров Пасхи, например. Потому что лич- но меня больше всего удивляет даже не сказочный го- нор авторов. Даже не убожество аргументации, подоб- ное разве что масштабности их же рассуждений и по- строений.

Больше всего меня поразило их фантастическое, прямо-таки сказочное невежество. Авторы не имеют представления об обстоятельствах, прекрасно извест- ных любому историку-третьекурснику. Причем эти «об-

стоятельства», уж извините, представляют собой никак не «фальсификации» и не предрассудки ругаемых авто- ром историков, а твердо установленные факты. Ничего не попишешь.

«...В русских источниках хранится подозрительно странное молчание о захвате турками Константинополя в 1453 году, — вполне серьезно заявляют авторы. — Немногие сохранившиеся отголоски русского отноше- ния к этому событию показывают, что это отношение было скорее всего одобрительным по отношению к ос- манам (рос-манам?)» [43. С. 234].

Не знаю, как насчет рос-манов; источники молчат о народе с таким названием. И ассоциации турок-осма- нов (сельджукского племени кайы, принявшего назва- ние по имени Османа |, основателя династии и государ- ства — ядра будущей Османской империи) с мифиче- скими рос-манами — чистейшей воды высосанная из пальца выдумка. И никакого «одобрения к османам» ни в каких источниках обнаружить совершенно невозмож- но. Для таких утверждений надо не только полностью утратить чувство реальности, но и пренебречь всеми известными фактами.

Но взятие Константинополя в русской историогра- фии ХУ века отражено во МНОЖЕСТВЕ источников — вот что главное. Более того — это известие оказало на историю и культуру Руси огромное и неоднозначное воздействие — вот это уже, простите, факт. Веками мы существовали словно бы в культурной тени огромной древней империи (на этот раз вовсе не высосанной из пальца, а совершенно реальной). И в одночасье Русь оказалась единственной непокоренной магометанами православной страной... Источники доносят до нас и страх, и чувство неуверенности в будущем, и гордели- вое чувство избранничества: «Гри Рима пали по грехам своим, третий же стоит, и четвертому не бывать...»

Впрочем, авторы совершают не менее потрясающие открытия. Примеров такогоже невежества, сказочного неведения самых элементарных вещей по всей книге

много. Прямо-таки невероятно много. Какую глупость считать самой глупой, какой пример вопиющей неком- петентности, самым вопиющим — дело вкуса. Лично меня больше всего потрясла расправа с Господином Великим Новгородом.

Мало того, что «стоящий среди болот» Новгород «ни- как не мог быть» центром ремесла и средоточием торго- вых путей. Мало того, что «настоящий» Новгород — это ...Ярославль, а новгородские концы — вовсе не части древнего города, а разные районы Новгородской... то есть, вероятно, Ярославской земли. Но у авторов плюс ко всему пропадает в неведомые нети и... знаменитое Ярославово дворищше. «...Никто не знает, где в Новгоро- де находится Ярославово дворище», — открывают авто- ры очередную высосанную из пальца «сенсацию».

От такого заявления обалдеет не только профессио- нальный историк, но и любой житель города Новгоро- да. Ибо Ярославово дворище — это, попросту говоря, один из районов города, название которого не изменя- лось со Средневековья. Последний раз я стоял на Яро- славовом дворище в июле 2004 года — оно находится как раз напротив новгородского кремля, надо пройти по мосту через Волхов.

Кстати, «концами» называли части города местные жители еще в 1929 году, когда А.В. Арциховский начи- нал свои первые раскопки.

Да, о сенсациях... Слово это не всегда звучит сино- НИМОМ «глупость» — ибо книги пишут не только носов- ские и фоменки. Как раз раскопки Новгорода могут быть приведены как пример вполне сенсационного ис- следования. Раскопки Ярославова дворища 1938—1939 годов, потом 1947—1948 годов не только полностью подтвердили легенду о его основании, но и дали колос- сальный, поистине сенсационный материал.

А раскопки Неревского конца Новгорода с 1951 го- да заставили совсем по-новому осмыслить саму циви- лизацию средневековой Руси. В числе прочего были найдены (и прочитаны) берестяные грамоты, и это за-

ставило изменить наши представления о культуре, об- разе жизни, уровне развития личности у средневеково- го россиянина.

И все данные раскопок подтверждают как раз ис- ключительную роль Новгорода как торгово-ремеслен- ного центра. В том числе и данные, содержащиеся в бе- рестяных грамотах. И в немецких источниках — ибо имен- но этот, «чутонувший в болотах», Новгород был членом Ганзейского союза, и об этом есть многочисленные доку- менты из архивов Любека, Бремена, Гамбурга, Дерпта...

Или вот еще один перл. Авторы «сенсационной» кни- ги готовы выдать за невероятное открытие результаты восстановления облика Тамерлана по черепу М.М. Ге- расимовым. На самом деле европеоидность Тамерлана никого не способна повергнуть в удивление — кроме самого последнего невежды. Всем известно, что в чис- ле племен Центральной Азии было много европеоид- ных; а если даже Чингисхан и был ярко выраженным монголоидом, то после многих поколений женитьбы на тюркских (европеоидных или почти европеоидных) принцессах пра-пра-правнук Чингисхана Тамерлан, ес- тественно, и должен быть европеоидом. Кстати, одна из кличек Чингисхана звучит как «зрыжебородый». Очень возможно, и он имел европеоидный облик, почему бы и нет? Носовский и Фоменко или сами этого не знают, или, попросту говоря, врут читателю. Предполагая при этом, что сам читатель об этом не имеет ни малейшего представления и поверит решительно чему угодно.

Рассуждения об облике Тамерлана мимоходом вскры- вают еще один пункт невежества Фоменко и Носовско- го. Они всерьез полагают, что существует некий «индо- европейский облик». Но языковая группа, язык — это одно, а расовая принадлежность — совсем другое. Наука кое-что знает о существовании индоевропейских языков — но нет такой расы. На языках индоевропей-ской группы говорят и скандинавы, и жители Северной Индии.

Так же как без переводчика могут понимать друг

друга ярко выраженные монголоиды — якуты и такие же ярко выраженные европеоиды — турки.

Авторы приписывают профессиональным истори- кам, научному миру желание видеть Тамерлана непре- менно ярким монголоидом [43. С. 207]. Но это лишь один из многих случаев, когда они приписывают науч- ному миру совсем не то, что на самом деле готовы от- стаивать ученые.

Кстати, при обсуждении европеоидности Тамерлана авторы вступают в дикое противоречие с самими со- бой — только что, буквально несколькими страницами выше, у НИХ СЛОВО «монгол» означало «великий» — так сказать, самоназвание для верхушки высосанной из пальца империи. Теперь же оказывается, что монгол «должен иметь» строго монголоидную внешность... Где логика!! Где следование своей собственной выдумке?!

Еще раз повторюсь: авторы или совершенно не вла- деют предметом, даже в пределах выпускника средней школы, или сознательно врут, цинично обманывая не- вежественных... (опускаю эпитет).

У читателя может сложиться впечатление, что я соз- нательно вырвал самые нелепые, самые абсурдные ут- верждения авторов, невероятно преувеличил и раздул, а остальная часть книги выглядит несравненно прилич- нее. Но это не так. В том-то и дело, что я привожу впол- не типичные примеры. Каждый может набрать свою при- горшню ничем не подтвержденного бреда... я хотел сказать, «гипотез»... Я выбрал только то, что мне пока- залось чуть-чуть интереснее остального. По личному вкусу.

Не стану притворяться, будто мне так уж непонятна причина появления творений Носовского и Фоменко. Все духовные, все интеллектуальные революции со- провождались гротескными, нелепыми тенями. Ибо вся- кое новое знание позволяет двигаться и вверх, и вниз. Культурный взлет Рима в | веке по Р.Х. породил не только Цезаря, Августа и Мецената, но и торговца ры- бой, пытающегося прослыть философом и меценатом.

Культ разума, создание в Англии Королевского на- учного общества сопровождались появлением Ньютона и Левенгука, а заодно — паркетного шаркуна, смешно- го напудренного развратника, почувствовавшего себя свободным «от пут придуманной попами морали».

Интеллектуальная революция рубежа XX и XX ве- ков привела в мир станционного телеграфиста, разыг- рывающего «сверхчеловека» перед уездными барыш- НЯМИ.

Мы живем в эпоху научной и культурной револю- ций. На глазах меняется представление о границах воз- можного и невозможного, мыслимого и немыслимого. Изменяется картина мира в целом. Казавшиеся бес- спорными истины ставятся под сомнение. Раскопки Т. Хейердала, В. Массона, Дж. Мелларта, Н. Дженкинс, А.В. Арциховского изменяют наше отношение к про- шлому.

На этом фоне мелькают свои гротескные тени. Те, кто встает на цыпочки, пытаясь пристроиться к рядам деятелей интеллектуальной революции. Люди, из всего кипения научной жизни усвоившие одно — что «никто ничего не знает», что «каждый имеет право думать, как он хочет» и что путь к успеху — врать как можно более лихо. Но у поклонников Блаватской есть хотя бы свой священный авторитет — сама Блаватская. Авторы кни- ги вынуждены быть сами себе таким авторитетом.

Любимый аргумент воинствующего невежества — что научный мир «не может» с ним спорить. В опреде- ленной степени — и впрямь «не может». Попробуйте вести полемику с психом, всерьез утверждающим, что Земля плоская. Или что насекомые и мыши могут сами собой самозарождаться из грязи и пыли. Или что «вся история человечества была историей борьбы классов». Тут главная трудность будет не в том, чтобы понять не- верность и даже бредовость слов «оппонента».

Проблема в том, чтобы хоть как-то соотнести произ- носимое «оппонентом» и известное специалистам. Что-

бы найти ту плоскость, в которой вы вообще можете о чем-то говорить и хоть как-то понимать друг друга.

Перлы Носовского и Фоменко невероятно трудно ре- цензировать, и не потому, что их аргументация серьез- на, а приводимые «доказательства» неопровержимы. Де- ло в другом...

Во-первых, спор предполагает хотя бы сравнимые весовые категории. Владение хотя бы некоторыми об- щими знаниями. Спор профессора со студентом возмо- жен все-таки в основном в учебных целях. А тут такая бездна невежества, что и с семиклассником сравнить непросто.

А как прикажете хоть что-то объяснять человеку, не владеющему самым элементарным материалом?! Ты ему скажешь: «На Ярославовом дворище было найдено...» А он выпучит глаза: «Так ведь Ярославова дворища не существует!»

Во-вторых; ученые, как правило, люди занятые. Тра- тить время на споры с фоменками и носовскими им по- просту неинтересно. И я не стал бы тратить время, не будь нужды написать эту книгу.

Но я прекрасно понимаю, что должно делаться в го- лове у неспециалиста. Мы ведь — увы! — живем в мире специализации, и пока что специализация только растет. Все мы становимся специалистами все более «глубоки- ми» — то есть знающими все больше все о меньшем.

Однажды я принес книгу Носовского и Фоменко в один академический институт. ...Нет, это надо было ви- деть! Сотрудники института, профессиональные исто- рики, буквально заходились, прямо-таки кисли от смеха.

— Ну, удружил! — радостно вопили историки, сти- рая со щек слезы восторга. Лютые враги объединялись против общего противника. Примирялись поссорив- шиеся друзья и любовники. Профессор Н., двадцать лет не разговаривавший с академиком М. после выступ- ления академика М. на ученом совете, почти улыбнулся ему после особенно ядовитой шутки в адрес Фоменко.

А самое смешное в этом то, что книга свободно про-

115

давалась на книжном лотке в квартале от здания инсти- тута. И никто ее не только не отрецензировал: до моего появления с книгой никто ее даже не взял в руки. На мою же просьбу дать профессиональное заключение по книге народ ответил вполне откровенно:

— Старик, на ерунду времени нет.

И это очень напоминает мне историю времен полу- забытого пионерского детства.

Лет 35 назад некий пионер Коля написал в редак- цию журнала «Костер», что научился очень хорошо иг- рать в шахматы и всех в классе обыгрывает, только вот конем пока ходить не научился. А теперь он хочет най- ти какого-нибудь гроссмейстера, чтобы его победить. Редакция пообещала Коле найти ему соответствующего гроссмейстера — не умеющего ходить конем. Пусть по- беждает...

Возникает желание, чтобы Фоменко с Носовским ре- цензировали профессора, считающие Тамерлана нег- ром и ничего не слыхавшие о всемирно знаменитых от- крытиях, составивших эпоху в археологии Новгорода.

Итак, позиция специалистов более-менее понятна: не связываться с неучами. Позиция логичная, нет слов!

Но такая позиция коллег мне представляется не очень корректной по отношению к огромному числу неспе- циалистов. В конце концов, человек не виноват в том, что он — не менее узкий специалист, чем историк, но совершенно в другой области. А знать историю своего народа (и не только своего) — хочется.

Человек искренне хочет побольше узнать об исто- рии... Берет новую для него книгу, и... Кого убеждает аргументация (человек же не знает, что она полугра- мотная), кого привлекает сам факт смелого, на грани безумия, отторжения всего привычного и, казалось бы, устоявшегося. А кроме всего прочего, заползает в голо- ву мысль: если уж люди так уверены в себе, так смелы, то, наверное, у них есть для этого причины?!

И человек утверждается в самых черных подозрени- ях: а вдруг вся история, которой его учили со школы, —

116

«неправильная»?! Чаще всего он вовсе и не так уж уве- рен в правоте Фоменко, но некоторые сомнения запол- зают в душу, и человек начинает сомневаться во всем на свете: а была ли вообще античность? А существовал ли Древний Киев? А не был ли придуман «заодно» и Древний Новгород? А знают ли ученые точно, когда жил и как выглядел Чингисхан, или «никто ничего не знает»?!

Мне доводилось общаться с людьми и неглупыми, и неплохо образованными — с врачами, чиновниками, предпринимателями, — которые или занимали ни к че- му не обязывающую и довольно удобную позицию «по- чему бы и нет?», или же начинали сомневаться в любых исторических сведениях, сообщаемых на основании любых источников. Ведь все равно же «никто ничего не знает»!

И это не так безобидно, как могло бы показаться. Тем более что у Фоменко и Носовского нашлись и пред- шественники, и продолжатели. Ведь не они первыми выдумали самое главное в своей бескрылой горе-«тео- рии». Отцом-основателем наших «ревизионистов» был революционер-народоволец Николай Александрович Морозов. Судьба была благосклонна к нему: сын поме- щика и крепостной крестьянки, Николай Александро- вич родился 7 июля 1854 года в селе Борок Некоузско- го района Ярославской области; а умер там же 30 июля 1946 года, прожив чуть больше 92 лет.

Большую часть своей долгой жизни он занимался чем угодно, только не науками и искусствами. С 1874 года, с 20 лет, участвовал в «хождении в народ». В кон- це 1874 года уехал в Женеву, редактировал там жур- нал «Работник», ав 1875 году вступил в секцию Париж- ской Коммуны | Интернационала.

В январе 1875 года при возвращении в Российскую империю арестован, отпущен на поруки. В 1878 году вступил в «Землю и Волю» и основал «Листок «Земли и Воли». В 1879 году — член исполнительного комитета «Народной воли» и редактор газеты «Народная воля».

117

В начале 1880 года Николай Александрович уезжает за границу, а в декабре этого же года в Лондоне встре- чается с К.Марксом.

28 января 1881 года при нелегальном возвращении в Российскую империю арестован на границе и по «про- цессу 20-ти» в 1882 году приговорен к бессрочной ка- торге. До ноября 1905 года, 23 года без малого, он си- дел в одиночке в Шлиссельбургской крепости.

Вот тут-то, в 28 лет, пришло наконец время учить- ся... Делать в одиночке было нечего, и Николай Алек- сандрович изучал химию, физику, математику, астроно- мию, историю. Позволю себе проконстатировать факт — никакого регулярного образования Николай Александрович Морозов не получил. Прочитанные в тюрьме книги и сделанные там записи — это и были его «университеты».

Можно по-разному относиться к правительству Рос- сийской империи. Но, во всяком случае, Н.А. Морозов — далеко не единственный, кто вышел из ее тюрем, не очень растеряв здоровье, да еще и кое-чему подучив- шись. Николай Александрович даже ухитрялся в тюрь- ме писать книги. И не успел он обрести свободу, как стал выпускать буквально книгу за книгой.

В 1907 году увидели свет «Периодические системы строения вещества» и «Д.И. Менделеев и значение его периодической системы для химии будущего». Книга и по сей день вызывает уважительное покачивание голо- вой у химиков: в ней Николай Александрович предска- зал существование инертных газов, сделал и еще кое- какие дополнения к системе Менделеева.

Тогда же вышли и книги стихов: «Из стен неволи» (1906), «Звездные песни» (1910).

Основная тематика стихов — злая сатира на сущест- вующий в Российской империи строй, борьба с само- державием, воспевание жертвенного героизма, призы- вы к мести — и за народ, и за «погибших товарищей».

Эти стихи вполне доступны, и их можно прочитать в книге «Поэты-демократы 1870—1880 гг.». М.—Л., 1962.

118

Но предупреждаю, что большого удовольствия вы ско- рее всего не получите. Читать эти стихи временами страшно, временами — противно, но чаще всего просто скучно. Значительно интереснее прозаическая мемуар- ная книга «Повести моей жизни». Она тоже вполне дос- тупна, потому что первый раз была выпущена в 1916— 1918 годах, а последний раз — в 1965 году [44]. Книга эта интересна для историка, но не она и не стихи, даже не опыты в области химии сделали имя Николая Алек- сандровича бессмертным. —

Настоящее «имя» сделали ему книги по философии истории: «Откровение в грозе и буре» (1907), «Проро- ки» (1914), а особенно «Христос», сочинение ни много ни мало в 7 книгах, которые выходили с 1924 по 1931 год. Теперь, впрочем, они переизданы и тоже очень доступ- ны [45].

При советской власти Н.А. Морозов с 1918 года и до конца жизни был директором Естественнонаучного института имени Лесгафта, выступал с популярными лекциями, ездил читать их в Сибирь и на Дальний Вос- ток. Преподавал на Высших курсах им. П.Ф. Лесгафта и в Психоневрологическом институте. Он стал Почет- ным членом Академии наук СССР по физико-математи- ческому и химическому отделению. Несомненно, он ис- кренне любил науку. Как и большинство русских ин- теллигентов, он даже СЛИШКОМ любил науку... Так сильно любил, что наука начинала заменять ему отбро- шенного за ненадобностью бога, а занятие науками и искусствами приобретало вид СЛУЖЕНИЯ.

Впрочем, самая главная идея Н.А. Морозова не была воспринята всерьез. Потому что самой главной идеей Н.А. Морозова было: история началась совсем недавно! Не было никакой античности. И Древнего Рима никогда не было. Рим — это та же самая Византия. А Визан- тия — это и есть Древний Египет; пирамиды построены в \ веке по Рождеству Христову, а фараон Хуфу — один из византийских императоров.

Николай Александрович пришел к этому выводу уже

знакомым способом: сравнил время правления визан- тийских императоров, римских принцепсов, египетских фараонов и, конечно же, нашел очень много похожего!

Кроме того, он нашел множество похожих войн, по- хожих дворцовых переворотов и тайных акций, напо- минающих другие.

Был сделан вывод: не существовало стран Древнего Востока, классической Греции, Рима, Византии. Суще- ствовала одна огромная империя (узнаете Фоменко?), императоров которой в разных местах называли по- разному и хроники которой в разных местах вели на разных языках: древнеегипетскими иероглифами в од- ном месте, по-латыни — в другом, по-гречески — в третьем.

Что же до античности, вообще всего, что было до Возрождения, — до ХУ—ХУ] веков, то все это в эпоху Возрождения и выдумали: чтобы было что возрождать! По мнению Н.А. Морозова, все источники Рима и Гре- ции были написаны в ХУ—ХУ\У! веках и представляют собой совершенно нахальный подлог.

Идеи Н.А. Морозова научный мир принял, мягко го- воря, кисло, и их стали быстро забывать. Фоменко с Носовским реанимировали уже полузабытую и никому не нужную идею. Зачем? Тут могут быть разные объяс- нения: от обычнейшего невежества до желания зарабо- тать на издании скандальных книг. Заработать не толь- ко деньги, но и то, что может быть дороже денег: славу, известность. Но кто бы знал, если бы не скандальные книги, не только кандидата математических наук Фо- менко, но даже члена-корреспондента Академии наук Носовского?

У безумных идей всегда заводятся последователи. Фанатики идеи — это, конечно, капля в море по срав- нению с массой исповедующих простенькое «почему бы и нет». Большинство фанатиков, конечно же, люди шумные, но малоперспективные: толку от них очень мало даже для самых-самых «своих».

Но вот если появляются последователи-пропаганди-

сты, это очень хорошо для безумной идеи! Если есть те, кто невероятно загорелся идеей, и притом что-то значащие сами по себе. Те, для кого безумная идея — способ заявить что-то свое, сделать

какую-то свою по- литику.

И такой человек появился! Красноярский писатель Александр Александрович Бушков, «король русского детектива», стал активно пропагандировать Носовского и Фоменко. Его книга «Россия, которой не было» [46], вообще-то, видится отрадным явлением в море затопив- шего Россию окололитературного и околоисторическо- го бреда (примеры я уже приводил). Она и достаточно корректна в большинстве случаев, и весьма, весьма ин- формативна.

Книга понравилась мне и «разоблачением мифов» — хотя с точки зрения ученого, строго говоря, подверга- ются анализу никакие не «исторические мифы», а ут- вердившиеся в обществе дикие, предельно далекие от истины представления. Некоторые из них — «просто» невинный плод невежества. Той самой простоты, что много хуже воровства. А большая часть возникла не случайно и не стихийно: эти представления есть плод сознательной подтасовки фактов, трактовки докумен- тов в угоду надуманной схеме, подчинения истории по- литической злобе дня. Взять хотя бы превращение од- ного из самых бездарных и самых страшных монархов (Петра |) в главного российского просветителя и чуть ли не спасителя Отечества... Или удивительная история Ивана Сусанина — случайной жертвы разбойников, превращенной в национального героя.

Понравилось и стремление Александра Александро- вича взять на себя труд выступать в роли просветителя соотечественников.

Даже пытаясь выступать в роли создателя собствен- ной модели, А.А. Бушков чаще всего убедителен. Име- ет полное право на существование и идея первоначаль- ного Крещения Руси по «латинскому» обряду; и модель, согласно которой Восточную Европу, включая Север-

ный Кавказ и степи, населяли родственные племена. Часть их, возможно, была тюркизирована во времена Каганата. Гипотеза А.А. Бушкова о том, кто такие хаза- ры, — просто красива. Причем гораздо красивее зави- ральных идей Л.Н. Гумилева про Хазарию, коварно за- хваченную злыми иудеями.

И я охотно дал согласие написать послесловие к «России, которой не было»... Но вот тут мне придется сделать одну немаловажную оговорку. Дело в том, что мое «послесловие» состояло из двух частей. Первая — сугубо хвалебная. Вторая — сугубо отрицательная. Все, с чем я был категорически не согласен, я пронумеровал и последовательно перечислил по пунктам. Ну, и было сказано на словах: мол, если исправляешь то, о чем идет речь в пункте, то и не печатай пункт, в котором наводится критика.

Ну-с, а Александр Александрович поступил пре- дельно просто: полностью опубликовал положитель- ную часть рецензии, а отрицательную так же полностью выкинул. При этом Александр Александрович НИЧЕГО не изменил в своей книге. Вообще ничего. Ни одно из моих замечаний не было учтено вообще никак.

Среди оставшегося «неизмененным» есть и мелочи — вроде того, что кыргызы енисейские никак не платили дань маньчжурам! В годы своего могущества Кыргыз- ский каганат (Х1—ХШ вв.) был одним из могуществен- нейших государств Центральной Азии. Дань джунгарам платили хакасские племена много позже, в ХУ—ХМИ ве- ках, когда никакого Кыргызского каганата не было и в помине, а на его руинах обитали деградировавшие ос- татки прежнего населения. Современная хакасская ин- теллигенция Чингисхана ненавидит — за разорение Кыргызского каганата в ХИ] веке, за то, что нашествие монголов прервало развитие цивилизации в Хакасии и отбросило хакасов на века.

То есть мне обидно и то, что моя подпись — под ог- рехами даже такого масштаба. Вдруг читатель сочтет, что я не знаю этих элементарных вещей.

Но в «России, которой не было» встречаются грехи и посерьезнее. Боюсь, что потуги ‘любой ценой дока- зать — не было никаких монголов, события XII века сводятся к вражде Северо-Восточной Руси с Южной и с Западной Русью, не особенно состоятельны. Не буду отрицать хорошо известного, но до последних лет скры- ваемого или полускрываемого — действительно, исто- рия шла совсем по-разному в разных регионах Руси. На Северо-Востоке, Юге и Северо-Западе формирова- лись разные типы общества. Противостояние Московии и остальной Руси было таким жестким, что еще в ХУ— ХМ веках литовская дипломатия отказывалась призна- вать московских царей (ханов? каганов?) князьями всех русских. Лишь часть русских была «московитами». Для западных же русских, вполне возможно, русские их Московии, верные пособники татар, могли сами вос- приниматься как татары. Здесь А.А. Бушков глубоко прав, и спасибо ему за все собранные материалы.

Но вот в целом попытки реанимировать убогую ги- потезу Морозова—Носовского—Фоменко выглядят жал- ко, и принимать их всерьез невозможно. И как Вы по- нимаете, читатель, под этой частью эпистолярного на- следия А.А. Бушкова я не готов подписаться.

Особенно удивляет пиетет А.А. Бушкова к Н.А. Мо- розову. Во многих книгах Александр Александрович считает своим долгом всячески клеймить позором «ин- теллигенцию» с ее невежеством, идеологичностью, не- умением серьезно трудиться. Но ведь Морозов — как раз типичный интеллигент! Не имеющий систематиче- ского образования, нахватавшийся поверхностных зна- ний в разных областях, строящий смехотворные умо- зрительные схемы по великому невежеству своему.

Прочитав мое послесловие к «Руси, которой не бы- ло», московские коллеги сделали мне два соболезную- щих и по нашему времени дорогих телефонных звонка.

— Как ты в такое вляпался?!

Приходилось подробно объяснять, как дело было.

— Ну ясно... — облегченно вздыхал коллега, убе-

дившись, что я вляпаться — вляпался, но все-таки не свихнулся. — Бушков действует, как герои его рома- нов... Это он что, у них учится?

Не берусь отвечать на последний вопрос — кто у кого учится, не знаю. Но, во всяком случае, историю своего участия в пропаганде фоменкизма-носовскизма я честно изложил.

Почему это все неправда

Ну, во-первых, потому, что во всех русских ле- тописях есть выдержки из «Повести временных лет». Вовсе не только в Ипатьевской и Лаврентьевской лето- писях. «Повесть временных лет» вовсе не стала извест- на в результате некоего внезапного открытия. Она бы- ла известна всему образованному русскому обществу со Средневековья. Я уже обращал внимание читателя на то, что все русские летописи во всех землях и горо- дах начинаются или с Сотворения мира, и тогда вклю- чают в себя «Повесть временных лет», или прямо начи- наются с «Повести...».

Если считать все славянские летописи подделками, созданными по заданию Романовых, то у меня возника- ет одно лишь смиренное замечание: это надо же, какой масштаб должна иметь работа по подтасовке летопи- сей! И в кабинет польского чиновника Быховца, и в скромную украинскую Диканьку, ив городские архивы Витебска и Смоленска прокрались коварные агенты Романовых. Если учесть, что украинские летописи пи- сались и в ХУП веке, я позволю себе восхититься еще одним: как же долго действовала программа замены «правильных» летописей на «неправильные», подтасо- ванные! И через сто лет после воцарения династии дей- ствует программа: как написали новую летопись, сразу же ее подменить! Куда там «жидомасонскому мировому правительству»'!..

Если же исходить из подлинности летописей, то приходится признать: «Повесть временных лет» пре-

красно знали и считали подлинной во всех концах не- объятного славянского мира. И использовали везде, где считали свое княжество, свою землю частью Руси. И это заставляет принимать Нестора-летописца всерьез.

Кстати, таким же образом получается и с «Русской правдой». Почему-то и в летописных сводах, и в юриди- ческих документах (вплоть до «Литовских статутов», о которых речь еще пойдет впереди) есть отсылки к «Рус- ской правде», причем четко различается «Правда Яро- слава» и «Правда Ярославичей». Если следовать логике моих не очень грамотных «оппонентов», то и «Русская правда», «Правда Ярослава», должна быть составлена то ли Калитой, то ли его близкими родственниками в X\ веке.

Но ведь на Западе Руси ни Иван Калита, ни его бра- тья не были, выражаясь мягко, очень популярными людьми. Об этом, впрочем, как раз подробно пишут и Фоменко с Носовским, и особенно подробно — А. Буш- ков. Неужели юридический кодекс, придуманный в Восточной Руси, мог бы лечь в основу юриспруденции Западной?! Не говоря уже о примитивности этого ко- декса. В ХМ веке «Русская правда» могла стать основой для дальнейшей разработки права, но вот заимствовать такой кодекс из другого государства не было никакой необходимости.

Во-вторых, все летописные сведения проверяются по другим летописям. Источники разных племен и на- родов свидетельствуют об одном и том же и указывают на один и тот же возраст событий.

Упоминания славян и славянских городов Куявии, Артании и Славии известны из арабских летописей, из сочинений путешественников УП —1Х веков. Ну ладно, агенты Романовых и туда, в арабский мир, пробрались, уничтожили «правильные» летописи и коварно подбро- СИЛИ «неправильные».

Но о событиях в Киевской Руси пишут и польские, и венгерские, и скандинавские летописи [Х, Х, Х] веков.

В «Песне о Нибелунгах» упоминается «киевская зем-

ля», Гапа ги Юемеп. Слово «Русь» неоднократно появ- лется во французских романах и поэмах XИ —XИ веков.

Аахенские анналы писались в УШ-—1Х веках, в эпоху Карла Великого, и велись на отменном верхненемецком языке. В этих анналах есть запись под 800 годом о том, что в Аахене появились какие-то незнакомые люди, на- зывающие себя «славянами» и «русью». Эти рослые, сильные люди, заросшие бородами, охотно рассказали, что живут они в городе Киеве, принадлежат к племени полян, платят дань хазарам, а их владыка называется «каган».

Рассказав сказочку про то, как деятели эпохи Воз- рождения писали за античных людей все их книги, Н.А. Морозов позабыл придумать — кто сочинил скан- динавскую руническую письменность? И кто, а глав- ное, зачем сочинил аахенские архивы? В том числе и совершенно необязательную запись о появлении в Аа- хене киевских славян?

А Фоменко с Носовским запамятовали рассказать, как агенты Романовых подменяли документы в поль- ских и венгерских архивах. Образованные они были, эти агенты, столь блестяще владевшие и труднейшим венгерским языком!

А главное, все написанное везде, от Скандинавии до Багдада, очень уж дополняет друг друга, очень уж ло- жится в некую единую концепцию. `

Не хочу создавать у читателя впечатления, что все так уж и совершенно понятно в этих древних сообще- ниях, и так уж все однозначно. Попадаются и совершен- но фантастические, просто малопонятные сведения. На- пример, ибн-Фадлан, арабский путешественник У ве- ка, весьма подробно описывает «огромного, грузного зверя», живущего в южнорусских степях. По описанию этот зверь очень похож на шерстистого носорога. О су- ществовании в историческое время этого зверя ледни- ковой эпохи нет никаких других сведений, кроме под- робного, очень точного описания ибн-Фадлана. Но что

126

делать с самим описанием, к какой категории истори- ческих сведений его отнести — не знаю, не знаю...

Или вот все те же арабские путешественники так же подробно, очень точно описывают «дивов» — огромных обезьян, живущих в стране русов на деревьях. Подроб- но описывается, как русы находят «дивов» по издавае- мому ими пронзительному свисту (Соловей-разбойник?), ловят сетями и приручают. Во время сражений с по- ловцами, по данным арабов, русы использовали таких «ДИВОВ»: «Дивы» дрались огромными дубинками и неко- торые были так страшны, что приходилось держать их на цепи.

Оставляю это сообщение без комментариев, просто как пример — не все нам так уж понятно, однозначно, так уж ложится в официальные версии.

В-третьих, источники по истории Киевской Руси на- ходят и много позже воцарения Романовых. Например, «Слово о полку Игореве» найдено только в 1792 году. Есть много свидетельств того, что «Слово» хорошо зна- ли на Руси в ХУ—Х\У веках. В 1307 году писец Панте- леймонова монастыря переписывал «Апостола» и выра- зил возмущение междоусобицами князей цитатой из «Слова».

По некоторым данным, в ХУ веке списки «Слова» имелись в Москве, Пскове и в Белозерском монастыре.

Князь А.М. Курбский тоже знал текст «Слова» и раз- мышлял о местоположении речки Каялы.

Но тот список «Слова», который А.М. Мусин-Пушкин нашел в Ярославле и опубликовал в 1800 году, список ХУ века, найден только в 1792 году. Как же его про- смотрели агенты Романовых?!

С берестяными грамотами Новгорода получилось еще интереснее: об их существовании мир узнал толь- ко в 1950 году. С тех пор каждый археологический се- зон в Новгороде приносил новые и новые открытия бе- рестяных грамот.

По этому поводу можно сделать три предположения, два из них в духе Фоменко:

127

1. Агенты Романовых нашпиговали культурный слой Новгорода берестяными грамотами.

Правда, при этом не очень понятно, как археологи ХИХ—ХХ веков ухитрились просмотреть «перекоп» — следы того, что в культурном слое кто-то копался. Раз- личать перекоп от «стерильного», нетронутого веками слоя археологов учат еще после | (первого) курса, во время археологической практики.

Как видно, с археологами тоже здесь что-то нечис- то, и потому приходится плавно перейти ко второму

предположению. 2. Все археологи, филологи, лингвисты, историки, которые занимались этими грамотами, — агенты Рома-

новых, и это они специально делали письмена на бере- сте. Так сказать, утверждали право на престол уже не существующей династии.

Правда, в этих сильных, глубоко продуманных и дос- товерных версиях отсутствует один небольшой, но очень интересный штришок: и сам факт находок берестяных грамот, и их содержание «работают» только против убогой идейки Носовского и Фоменко. Что же они ма- ху-то дали, агенты? Или, может, кто-то их перекупил?

Могу посоветовать Фоменко—Носовскому—Бушко- ву написать еще один исторический триллер, в котором агенты тибетских боддисатв, жидомасонов и космиче- ских пришельцев будут перекупать агентов Романовых, устраивая на фоне древнерусских городов перестрел- ки из блайзеров, гейзеров, арбалетов, пулеметов и на- ганов.

Ах да! Есть еще версия.

Перестать заниматься чепухой и изучать историче- ские источники, в том числе и берестяные грамоты, про- фессионально — то есть с учетом обстоятельств на- ходки и характера документа. И признавать подлинны- ми, если документ этого заслуживает.

В-четвертых, существуют ведь данные не только ис- торических источников. Есть, например, археологиче- ские данные о том, что в УП—X веках на Руси сущест-

вовало двенадцать общностей... не знаю, как назвать их точнее. Ведь археологические данные не позволяют говорить, что это именно племена. Но общности есть, их именно двенадцать, и занимают они именно те мес- та, о которых говорил Нестор.

С одним из племен, тиверцами, получилось вообще интересно. Нестор писал о них, что тиверцы «сидяху по Днестре».

Долгое время Нестора понимали весьма буквально: «на Днестре» — значит, непосредственно на берегах реки. Несколько поколений археологов пытались ис- кать тиверцев на берегах Днестра. Не найдя племени, ученые начали вообще сомневаться в существовании тиверцев и стали склоняться к мнению, что Нестор, всегда вроде бы точный, «все придумал». Возникли да- же не лишенные остроумия догадки — почему, для чего Нестор мог придумать тиверцев? Может быть, вопреки претензиям Византии на эту землю? Или чтобы племен оказалось ровно 12, священное число? Или перепутал славян с людьми совсем другой культуры?

Только в конце 1940-х годов молодой московский ученый Г.Б. Федоров сделал вполне безумное предпо- ложение: а что, если Нестор имел в виду, что тиверцы «сидяху» не по самому берегу Днестра, а на его прито- ках? Берега Днестра везде высокие, слой почвы нетол- стый, много выходов камня-известняка. Редкие села ле- жат на высоких берегах, далеко от воды. Неудобно и брать воду, и для земледельческого хозяйства. А на при- токах было удобно жить для земледельцев.

Преодолев огромное сопротивление почтенных мэт- ров («разве вы не знаете, что тиверцев найти нельзя?!ь, «многие их искали...», «бесперспективное занятие; зай- митесь чем-нибудь другим»), Георгий Борисович полу- чил, наконец, право произвести археологическую раз- ведку. Не сумей он получить результат за этот месяц, вся научная карьера Г.Б. Федорова могла бы пойти прахом. Но все дело-то в том, что тиверцев он как раз и нашел...

Получается, что сообщаемые Нестором сведения подтверждаются, и подтверждаются так, что лучшего нельзя и ожидать. Вероятно, и в остальных случаях на Нестора имеет смысл полагаться, не выясняя — а поче- му он придумал то или иное?

Отмечу еще огромное количество находок [X—XШ веков, происходящих из Западной Европы; это и мечи, и украшения, и монеты-динарии. Монеты, кстати, очень хорошо датируются.

В-пятых, раскопки во многих русских городах вы- явили слой монгольского нашествия. Конечно, сам по себе «след набега, след пожара» доказывает только то, что город брали штурмом, и не более того. Да только вот в некоторых городах места, где шел самый отчаян- ный бой, где «лежал живой на мертвом и мертвый на живом», не были расчищены и убраны.

Например, древняя Рязань находилась в 12 километ- рах от современной; называя вещи своими именами, после нашествия русские люди просто отстроили дру- гой город, в другом месте и дали ему прежнее название.

В Киеве и в Любече город отстраивали поверх слоя погрома и пожара: просто разровняли все, что можно, и стали строить город поверху.

Что тут поделаешь! «След набега, след пожара» от- крывает не очень приятные зрелища. То есть, может быть, Бушкову с его культом империй, войны, физиче- ской силы и прочими пережитками младшего подрост- кового возраста это зрелище и понравилось бы. Боль- шинству же людей оно категорически неприятно. Слой заполняют обугленные обломки бревен, костяки мно- жества порубленных саблями, проткнутых копьями и стрелами людей. По положению скелетов видно, что многие пытались выбраться из завала еще живых и уже мертвых, когда рухнули горящие дома, погребая под собой людей.

Так вот, часть погибших — рослые европеоиды, воо- руженные прямыми мечами, типично русскими щитами, в столь же типичных панцирях и кольчугах. А другая

часть — смесь европеоидов, людей с легкой монголоид- ностью и даже выраженных монголоидов. И эти люди вооружены кривыми саблями, щиты у них маленькие круглые, типичные для верховых, а панцири типичны для Центральной Азни.

Есть и страшноватенькая находка в Киеве, часть слоя гибели города — полуземлянка гончара, в одной половине которой располагалась мастерская, в другой, отделенной печкой, — жилая часть.

У входа в землянку лежат двое: среднего роста че- ловек с легкой монголоидностью, в типичном для степ- няков шлеме, с кривой саблей. И рослый, без панциря, с топором. На полу мастерской — скелет молодой жен- щины, в позе распятой; в руки скелета вогнаны два кин- жала, лезвия которых уходят глубоко в земляной пол. А на печке, в другой «комнате», — скелетики детей че- тырех и пяти лет.

Если Фоменко, Носовский и Бушков не в состоянии объяснить находку, я, кажется, берусь это сделать. Мон- голы (те самые, несуществующие) ворвались в жилище гончара, убили хозяина. Пока вымышленные монголы убивали их отца и насиловали мать, дети забрались на печку. А когда рухнула горящая кровля дома, монголы выбежали из дома так поспешно, что не успели его ог- рабить и не успели унести своего убитого.

Комментировать нужно?

В-шестых, прекрасным аргументом против Морозо- ва—Фоменко—Носовского—Бушкова стали раскопки Древнего Новгорода. Раскопки в Новгороде, помимо всего прочего, позволили создать два новых и очень точных метода датирования. Один — по слоям уличной замостки. Каждые сорок

лет положенные на коровьи челюсти дубовые плахи зарастали грязью — и приходи- лось укладывать новые слои. Между слоями замостки находят и монеты, и яркие, датирующие веши, и бере- стяные грамоты с датировками.

Кроме того, известен слой, который можно датиро- вать едва ли не до года. До завоевания Новгорода Ива-

ном Ш здесь строили из местного белого камня. После завоевания города московитами строительство из бело- го камня запретили, и строить стали строго по-москов- ски, из красного кирпича. Еще в конце 1930-х годов была найдена эта граница вольности новгородской.

Так что точнейшее датирование слоев городской за- стройки в Новгороде — дело совершенно обычное. До- шло до того, что один мой знакомый, научный сотруд- ник Эрмитажа, стал датировать время написания фре- ски, исходя из формы изображенных на этой фреске замков. На фреске изображен Христос, крушащий за- поры ада. И эти запоры, естественно, художник изо- бразил такими, какие видел и знал: замки его времени. А замки, найденные в Новгороде при раскопках, имеют точнейшие даты благодаря слоям уличной замостки. Возраст находок каждого слоя можно определить с точ- ностью до 10—20 лет.

Так вот, самые ранние слои замостки в Новгороде датируются X веком. И признать фальсификацией при- ходится не традиционную хронологию, а как раз вы- думки фоменок и носовских — ведь каждый слой пере- крывается всей толщей позднейших...

Впрочем, тут тоже вопрос к «оппонентам» — они что, никогда не слыхали не только про Ярославово дво- рище, но и про раскопки на Неревском конце Новгоро- да? Как говорит один мой нерадивый ученик: «У всех бывает, не у всех проходит».

Второй созданный в Новгороде метод датирования — дендрохронологический. Дело в том, что сочетание хо- лодных и теплых годов совершенно уникально. Никогда не бывает повторения именно таких оттепелей, замо- розков, сроков наступления холодов, таких сочетаний холодного и теплого периодов. Рисунок годовых колец любого дерева, когда каждое кольцо «шире на 30%» или «вдвое уже» предшествующего, совершенно уникален — как, прошу прощения за банальность, отпечатки паль- цев человека.

Значит, можно построить шкалу изменения толщины

этих срезов по годам; шкалу настолько древнюю, для какой только хватит материала. И можно определить, в какой из годов этой шкалы было срублено конкретное дерево, найденное при раскопках.

Вторая проблема в том, чтобы точно знать, на какой год приходится хотя бы одно кольцо — и тогда можно определить точную дату рубки дерева. Первые образ- цы точного датирования были получены на деревьях, срубленных в 1920-е годы, и теперь можно получить точные даты рубки дерева для любой эпохи, лишь бы в культурных слоях находили деревянные настилы мос- товых, срубы домов.

Дендрохронологический метод родился в Новгороде, и именно в нем время постройки всех мостовых опре- делено с точностью до года. Первая мостовая Великой улицы на Софийской стороне была построена в 953 го- ду, а первая мостовая Михайловской улицы на Торго- вой стороне сооружена в 974 году [47. С. 33].

Сейчас этот метод широко применяют в Северной Европе, и ученые действуют не железной линейкой и подсчетами на клочке бумаги, как в 1950-е годы, а спе- циальными линейками, на

которые нанесены десятые и сотые доли сантиметра, лупами и компьютерными про- граммами, которые сами обрабатывают данные.

В Англии дендрохронологическая шкала доведена до Римской эпохи. Известны римские крепости, камни ко- торых положены на бревна, срубленные в 156 году по Р. Х. А в этой крепости найдены и монеты, и «датирую- ЩИе» металлические изделия...

Не исключаю, что по своей неслыханной наглости Фоменко с Носовским и по этому поводу заявят что-ни- будь в духе: агенты Романовых подкинули эту римскую крепость со всеми находками.

Но если быть хоть немного серьезным, увы, Фомен- ко! Его «хронология» не выдерживает никакой, даже са- мой поверхностной, критики...

И вся так называемая теория Фоменко и Носовского «летит» как фанера над Парижем. Вместе с такой же «теорией» их учителя Н.А. Морозова и всеми россказ-

нями их последователя А. Бушкова про Александра Невского, который и есть Бату-хан.

Вот все сказанное выше и позволяет мне утверждать: принятая хронология Руси — вполне «правильная» хро- нология. По крайней мере, в основных частях она вер- на и полагаться на нее вполне можно.

Должен также разочаровать сторонников Бушкова и Фоменко: Киевская Русь тоже была. Иван Калита — вовсе не то же самое, что и Рюрик, а его отдаленный потомок. И монгольское нашествие тоже было, жесто- кое и страшное. И династия русских князей не тожде- ственна татарским ханам...

А коли так — пора начинать наш рассказ, уже не отвлекаясь на бредни, может быть и почтенного, но не очень образованного народовольца, «гроссмейстера» Коли, не умеющего ходить конем, бравых математиков, Е.. Блаватской с пачкой писем от слуг-«махариш» и про- чей несерьезной публики.

Глава 5 СТРАНА РОССИЯ

...Мне чудится, что Россия — колония какого-то могу- чего имперского духа. В самом этнониме «русский» слы- шится плененность, принадлежность, а не самостоя- тельное бытие. Китаец, турок, немец, жид — все они обозначены именем существительным, все суть сами по себе. Только русский — имя прилагательное. Были попытки ввести другие имена: русичи, россы, но они не привились. Народ сознавал себя русским (барским, царским, казенным, русским). Русские не владеют Россией; они принадлежат Руси... И началось это не в 1917 году, а лет на тысячу раньше.

Г. Померанц

Уже лет двести историки спорят о происхожде- нии слова «Русь». Диапазон предположений невероятно велик и включает, разумеется, прямо противоположные утверждения. Иногда утверждается даже, что название

страны начинается от русых кудрей. Там, где живут русые, — там Русь. ` Более серьезные гипотезы делятся на две довольно различные группы.

Согласно одним гипотезам, Русь и славяне — изна- чально совсем не одно и то же. Русь — это германское племя, завоевавшее часть славянских земель. Или сло- во «Русь» считают более поздним и выводят его из на- звания германского народа-завоевателя. Росомоны, рос- сы или россохи...

Ни для кого не тайна, что варяжские, скандинавские княжества заложили основу государственности Древ- ней Руси. В финском языке слово Кио{ обозначает «швед». Что Рюрику возле Стокгольма поставили памят- ник — это, конечно, эмоции... но кто знает! Может быть, шведам и следует считать Рюрика дорогим соро- дичем и предком?

Исследователи напоминают о существовании и Ка$- 1ап4'а — области в Южной Германии, и острова Рю- ген... Впрочем, остров Рюген — славянская Руана или Руяна века до XП; так что германцы-Русь вряд ли вы- шли именно отсюда.

Много раз в истории человечества случалось так, что завоеванные перенимали и язык, и обычаи завоева- телей, и даже его самоназвание. Потомки тех, кого за- воевали англы и саксы, стали называться англичанами, и даже гордиться этим именем. Лангедокцы и гасконцы не забыли, что они — потомки жителей особых стран, не подчиненных никому. Но и название «французы» они к себе тоже относят.

Некоторые историки всерьез считают, что нечто по- добное произошло и на Руси. Имя захватчиков — росо- монов, россов — стало самоназванием народа.

Есть убедительное мнение, что часть славян (спра- ведливости ради — и не только славян, но об этом впе- реди) и впрямь переняла самоназвание «ядра» будущего суперэтноса. Но что это ядро было вовсе не герман- сКиМ.

До сих пор впадает в Днепр его правый приток — речка Рось. Протекает она через Черный лес, по назва- нию которого названа чернолесская археологическая культура, и большинство археологов считают, что эта культура праславянская. Многие полагают, что и до чернолесской культуры в этих местах обитали славяне, и не одно тысячелетие.

Может быть, россами называлось одно из племен, входивших в племенной союз полян, и ставшее самым главным, самым сильным племенем из союза? Тем пле- менем, вокруг которого собирались остальные?

Если это так, то мы до сих пор называем себя так же, как славянское племя россов, обитавших на речке Рось.

Интересное предположение высказал Дмитрий Уль- янов'. По Ульянову, россы, русские — это «лучшие» лю- ди. Выходцы из разных родов, ставшие вне родовой ор- ганизации, и есть русь, русские.

Ульянов пишет остроумно и доказывает свои поло- жения убедительно и красиво. Но даже если он и прав, все равно ведь непонятно — откуда взялось само сло- во? Может быть, как раз «лучшие» люди разных племен и родов и назывались по имени главного, самого «луч- шего» племени? Так ведь и происходило во множестве других случаев. Когда Северная Франция завоевала Прованс и Лангедок, все жители этих земель, которые шли служить королю Франции, становились как бы французами. Гасконец Д'Артаньян изображен Дюма как раз в тот момент, когда он совершает этот путь — из гасконцев во французы.

Так же развивались события и в сотне других мест, от Японии до Испании. Так могло происходить и на Ру- си, в бассейне Днепра.

Вне зависимости от того, кто прав и откуда пошло

1 <. <. =

На всякий случай уточняю, что к Владимиру Ульянову и ко всей

его семье он не имел решительно никакого отношения. Однофамиль- цы, и только.

136

СЛОВО «россы», русскими стала называть себя часть славян. Вне зависимости от того, откуда пришли и с ка- кого времени известны славяне, в | тысячелетии по Р.Х. славяне уже обитали в Центральной и Восточной Ев- ропе. А русскими стала называть себя... часть славян — точнее сказать невозможно. То ли подданные герман- цев-россов. То ли подданные Киево-Новгородской Ру- си, ядром которой стало племя рось. То ли те, кто со- гласился называть словом «рось», или «русь», лучших людей всех родов и племен. То ли потомки росомонов.

Но в любом случае русские, росские, русь — это часть славян. Насколько же велика эта «часть»? Как она представлена на карте?

В Х—ХИ веках, до монголов, это было сравнительно ясно. Русью была страна, располагавшаяся в границах Киево-Новгородской Руси. Само название «Русь», «ро- СЫ», «русины» относили к себе потомки «двенадцати племен», о которых писала «Повесть временных лет». Стремясь к продвижению в Церковь своих людей, Яро- слав Мудрый в 1051 году проставил в митрополиты ру- сина Иллариона.

Позже все становится далеко не так определенно. Приходится разграничивать понятия, которые сегодня в Российской Федерации мало кто умеет разделять: по- нятия «страна» и «государство». И в ХМ, и в ХУ, и в ХМ ве- ках существует страна Русь. Страна — понятие геогра- фическое и культурно-историческое. Русь была геогра- фической территорией, на которой продолжали оби- тать потомки «двенадцати племен», бывшие подданные киевских Великих князей.

Русь говорила на одном языке и прекрасно осозна- вала свое культурное единство, но в ее пределах поя- вилось много разных государств. С разным политиче- ским строем, с разной религией, с ориентациями на разные цивилизации и страны. Судьбы разных частей Руси неизбежно начинали расходиться.

«Руссией владеют ныне три государя, большая часть ее принадлежит великому князю московскому, вторым

137

является великий князь литовский, третьим — король польский, сейчас владеющий как Польшей, так и Лит- вой», — писал Сигизмунд Герберштейн во второй поло- вине ХУ! века [48. С. 59].

А.А. Манкиев в своей книге «Ядро российской исто- рии» пишет о народах «...Московских, Руских, Польских, Волынских, Чешских, Мазоветских, Болгарских, Серб- ских, Кроатских и прочих всех, которые обще Словен- ский язык употребляют» [49. С. 151].

Так же точно и Гизель говорит о народах «Москов- ских, Славенороссийских, Польских, Волынских, Чеш- ских, Сербских, Карвацких и всех обще, елико их есть, Славенский язык природно употребляющих» [50. С. 7].

Как видно, все авторы весьма определенно разводят «МОСКОВСКИХ» И «русских», выделяя еще и «чволынские» народы как нечто особое. Особенно интересна форму- ла Гизеля о «славено-российских» народах. Что суще- ствуют народы «славенские», но не российские, — оче- видно. Но формула заставляет предположить — бывают еще народы и российские, но не славенские. Запомним это.

Сами русские, «русины» и на Северо-Западе Руси, и жившие на территории Польско-Литовского государст- ва, отделяли себя от Москвы. На рубеже ХУ и ХУ! ве- ков литовские политики категорически отказывались именовать восточного соседа державой всея Руси.

По-видимому, литовцы хорошо знали и четко разде- ляли русских и московских. И опасались (право, не без оснований), что московские, «москали», будут претен- довать на земли всех русских, включая те, что вошли в Великое княжество Литовское.

Менее ясен вопрос — а не считали ли литовцы и се- бя тоже частью Руси? По крайней мере, какая-то часть их вполне могла думать именно так.

Завоевание Новгорода совершалось с такой отвра- тительной жестокостью, сопровождалось настолько откровенным и разнузданным грабежом, что оправды- вать его приходится только соображениями «общей

138

ПОЛЬЗЫ», «прогрессивной роли Москвы» и самой острой «государственной необходимостью». По официальной версии, Москва «объединяла русские земли», и это бы- ло, среди прочего, необходимо для установления торго- вых и политических отношений с Германией и Сканди- навией. Но как раз с этими целями завоевывать Новго- род не было никакой необходимости — как и «рубить окно в Европу». И торговля с Европой, и признание -в ней Северо-Западной Руси частью Европейского мира было свершившимся фактом.

Другое дело, что «ч...московское правительство по- пыталось установить непосредственные отношения с Западом» [51. С. 76]. И что московское правительство, как видно, не устраивала политическая независимость от них русских — где бы, в каких бы государствах они ни жили; что само право их жить вне Московского го- сударства подвергалось сомнению, что «концепция цен- трализованного государства круто замешана на моско- воцентризме» [52. С. 16].

Приходится пересмотреть привычную трактовку со- бытий и Ливонской войны, и Петровских завоеваний «исконных русских земель» в Прибалтике. В качестве основного мотива выходит стремление Москвы быть единственным русским государством. А сама возмож- НОСТЬ «других»; «немосковских», русских на самостоя- тельные сношения с иноземцами, на самостоятельное политическое бытие вызывала у Москвы истерику.

На первый взгляд, Российская империя объединила разорванную было Русь. К концу ХУП века возникло государство, в которое вошли все земли Древней, Ки- евской Руси. Государство, которое создали русские.

«Россия в собственном смысле слова занимает вели- чайшую в мире площадь, граничащую с севера Белым и Словенским (Балтийским) морями, с запада — рекой Вислою до Карпат включительно, с юга — Русским, или Черным, морем и с востока Уральским хребтом» [5].

Это мнение разделяли такие крупные ученые, как В.О. Ключевский и С.В. Соловьев.

139

У них получалось так, что в начале XX века ‹рус- ские» живут там, где мы их давно не «обнаруживаем». Картина, идиллическая для сердца «патриота».

Еще в начале XX века, до 1914 года, на географиче- ских картах «русские» жили от Тихого океана до преде- лов Австро-Венгерской империи. Никаких белорусов и украинцев. Никаких галичан. Это в советское время го- ворилось о «трех братских народах»: русских, белору- сах и украинцах. В Российской империи такими глупо- стями не занимались. В число русских однозначно вклю- чались даже те, кого в Польше, Словакии и Австрии называли «русинами». Причем если в католических, но славянских странах к «русинам» относили православных, то в Австрии «русинами» называли галичан и жителей Волыни. Славянское происхождение этих католиков достаточно сильно отделяло их от немецкого населения Австрии.

И в Средневековье, и на протяжении всего ХУШ и XX веков никому не приходило в голову, что русские и русины — это два разных народа. Всем было очевидно, что народ это один, и так было до Первой мировой вой- ны. Вот в начале этой бойни руководителей общины русинов пригласил к себе министр внутренних дел Ав- стро-Венгрии граф Черни (сама фамилия, кстати, неоп- ровержимо свидетельствует о славянском происхожде- нии предков графа). Граф Черни предложил русинам объявить себя особым народом, который не имеет ни- чего общего с русскими и с

Российской империей. То- гда они могут рассчитывать на лояльное отношение Ав- стрийского государства и на помощь в организации культурной автономии — создании печати на своем язы- ке, преподавания на русинском языке в школах и так далее.

Граф Черни не скрыл, что правительство опасает- ся — если русины будут считать русских дорогими со- племенниками, то Российская империя легко найдет среди них своих шпионов и агентов влияния. Австрия не допустит, чтобы русины стали «пятой колонной» для

140

Российской империи; если они не согласятся с предло- жениями Австрийского правительства, они подверг- нутся репрессиям как жители враждебного государ- ства.

Руководители общины согласились с предложения- ми австрийцев. Община приняла решение своего руко- водства.

Но до этого все думали не так, и притом в разные исторические эпохи — по-разному.

Потому что историческая реальность такова: рус- ские — это, конечно же, не все славяне. Но «русские» — и несравненно более широкое понятие, чем «москови- ты». Или, скажем так, московиты — одна из территори- альных групп русских.

Русские и русины — это два названия одного и того же народа. Разница в названиях, конечно же, есть, и скажу откровенно, слово «русин» мне нравится значи- тельно больше «русского». Потому что русские — это некое притяжательное название, в котором главным яв- ляется то, что люди принадлежат земле. Русские — принадлежащие России.

А русины — это название самодостаточное. Такое же, как поляки, англичане, шведы или, скажем, ката- ЛОНЦыЫ.

В современной польской литературе используются обе формы названия — и русские, и русины. Государ- ство обычно называется русским, такой формы, как «русинское государство», я не встречал. Но и для со- временных поляков мы вполне можем быть названы ру- синами.

Какая форма предпочтительней? Вопрос в том, что признается главным. Или «мы» — часть страны, ее при- надлежность и атрибут. Или «мы» важны именно как совокупность людей с общей культурой, историей и языком.

Но названия — одного народа. Народа, в начале XX века жившего от австрийских владений Габсбургов и западных районов Польши до Калифорнии и Аляски.

141

Народа, который может жить в одном государстве, а может — в разных. Части которого могут иметь одну историческую судьбу, а могут — и разную.

Глава 6 ГЕОГРАФИЯ СЛАВЯН

— Историки не любят географии... — Нет, что вы, историки-то любят. Это дураки географии не любят. А география — их...

Разговор на конференции по социоестественной истории

Русь — часть славянского мира

Русь так велика, что разные группы русских жи- вут в очень разных условиях. Не принимать это во вни- мание попросту рискованно — всегда есть опасность не понять, не учесть каких-то важных обстоятельств.

Но Русь занимает только часть славянского мира. Ее судьба — часть судьбы других славян. А судьбы славян- ского мира тесно связаны с огромностью пространства между Балтикой и Средиземным морем.

Где появились первые в истории славяне, народная память удержала очень слабо. По «Повести временных лет», славяне — «родом с Дуная» и по дороге на Днепр пересекли Карпаты.

В пользу отрогов Карпат, обращенных к Дунаю, го- ворит контрастность, мозаичность ландшафтов в этом месте. Может быть, «Повесть...» и не врет.

Но так же «подозрительны» все вообще места, где есть лесные поляны, заканчиваются горы или проходят леса и степи. Северные отроги Карпат ничуть не менее контрастны, чем южные, и некоторые ученые всерьез полагают, что славяне появились в верховьях Вислы. Стоит ли упоминать, что первыми высказали такое пред- положение ученые-поляки? Честно говоря, сам не могу сказать, важно ли это.

Есть теория появления славян на Верхнем Днепре. Ее очень любят ученые русского происхождения.

Существует теория возникновения славян на восто- ке Карпат, в долине реки Тисы, на территории совре- менных Волынской и Львовской областей Украины. Уче- ные какого народа особенно любят эту теорию, не так уж трудно догадаться.

Есть и другие теории, еще более экзотические — например, итальянской прародины или выводящая сла- вян с Северного Кавказа.

Место появления славян, как видит читатель, остает- ся куда как неясным. Но хорошо известно, какую тер- риторию славяне считали «своей» и на какой террито- рии они обитали в УШ-—Х веках. Тогда землей славян была огромная, редко заселенная территория: от Бал- тики до Адриатического моря и от центра Европы до бассейна Дона.

Это Центральная Европа — территории, на которых располагаются сейчас Польша, Чехия, Словакия, вос- точная часть Германии от бассейна реки Эльбы-Лабы. И это западная часть Восточной Европы. Но далеко не ВСЯ Восточная Европа! Это центр и север Украины, юг Белоруссии, крайний запад современной Российской Федерации.

На этой территории известны самые древние архео- логические культуры, которые уже наверняка созданы славянами: тушемли-колочинская, черпеньковская, пражско-корчакского типа, мощинская и т.д.

Южная Европа, все, что к югу от Дуная, — изначаль- но не славянская земля. Но, возникнув, новая культура и должна распространяться везде, куда в состоянии проникнуть. А имперские земли манят и богатством, и цивилизацией — каменными строениями, письменно- стью, многолюдством, разнообразием, яркостью жизни. Так же «тянуло» германские племена в Италию, Галлию, Испанию. И к богатству, и к новым возможностям.

Что происходило со славянами в 1У—У!] веках, нам судить очень непросто, — письменности у славян еще

нет, археологические данные отрывочны, неточны. К счастью, есть книги, написанные представителями более цивилизованных народов.

В [У —М веках Дунай перестал быть рекой романи- зированных племен иллирийцев и стал славянской ре- кой. И к северу, и к югу от Дуная славянское населе- ние преобладало. В

Македонии, где когда-то в Пелле кривой Филипп приглашал Аристотеля для обучения Александра, возник славянский этнос с таким же на- званием: македонцы. Даже в саму Грецию славяне про- никали, и не по одному человеку. В УП веке славяне со- ставляли 80% населения Пелопоннеса (правда, уже к ХФ—Х! векам они оказались полностью ассимилирова- ны). В 622 году славянский флот появился даже у бе- регов Италии. Славяне переселялись на субтропиче- ские имперские земли — на Крит, в Малую Азию, в Италию.

Арабы тоже хорошо познакомились со славянами. Ибн-Фадлан в У веке обнаружил славянских пересе- ленцев на Северном Кавказе.

Византийский писатель Прокопий Кесарийский мно- го писал о славянах, и от него мы знаем, как именно в это время славяне проникали на юг, за Дунай, в корен- ные земли Восточной Римской империи.

Прокопий написал несколько книг, из которых ос- новные — официозная книга «Войны», в которой он возводил императора Юстиниана на пьедестал почти что живого бога; и книга «Гайная история», где Проко- пий смешивал императора-благодетеля с грязью. Но в обеих этих книгах, написанных в 550—553 годах, он уделял большое место славянам, подробно описывал их вторжения в Империю. От него мы знаем, что славяне взяли такую крупную крепость, как Топер [53].

Много интереснейших вещей о славянах написал Иордан, по происхождению гот [54]. Он хорошо знал славян, проникающих за Дунай, а уже Поднепровье и территория современной Чехии были для него дикой

северной периферией, где слишком холодно и о кото- рой мало что известно.

О чем это свидетельствует? О. том, что в \У|-—УП ве- ках родина славян сильно приросла югом.

Вообще «нечто» постоянно и упорно влекло славян- ские племена на юг (даже когда обстоятельства требо- вали от них движения на север и восток, в холодные области). Движение русских и малороссов на юг в ХУ—ХУП веках удерживалось только татарской опас- ностью. Но при первой же возможности славяне нача- ли заселение Кубани и Причерноморья — причем явно без качественного изменения привычных форм хозяй- ства.

Не забираясь на север дальше южного берега Бал- тики, славянские племена сумели расселиться даже в полусубтропических и субтропических землях Балкан- ского полуострова.

И все-таки «южный вектор» славянской экспансии дал не очень большие результаты. Возник, конечно, мир задунайских славян, но в большей части земель они не прижились. Ни Северный Кавказ, ни Крит так и не ста- ли славянскими.

На юг, во-первых, двигаться оказалось очень непро- сто — юг плотно заселен, и никто добром своих земель не отдает.

Во-вторых, проникшие на юг быстро ассимилируют- ся — то есть смешиваются с другими племенами и на- родами, в тамошней-то разноплеменности и плотно- сти населения! На юге живут народы цивилизованные, сильные, и именно они поглощают полудиких пришель- цев-славян, а вовсе не славяне их. В жилах современ- ных сирийцев, греков, турок немало славянской крови. Ну и что? К распространению на юг славян это не при- вело, а скорее только усилило местные народы прито- ком славянской крови, и только.

Почти одновременно с «южным вектором» славян- ского расселения возник и «восточный». Если славяне и появились на Днепре, то получается, на восток они на-

чали двигаться даже несколько позже. В ПХ веке под современным Воронежем появляется одно-единствен- ное славянское поселение. Но и в X веке весь бассейн Дона — не славянская земля.

Точно так же и по Оке, и Волге, и по всей террито- рии, которую мы сейчас называем Русским Севером, в УП веке совсем нет поселений славян. В 1Х веке там появляются отдельные славянские поселения. В X веке славянское население там уже присутствует, к ХШ — преобладает.

Только в Х\У веке славянское население становится преобладающим в междуречье Оки и Волги, и только в ХМ веке славянское расселение достигает Заволжья.

Получается, что целое тысячелетие, с [У по ХУ век, славянский мир становится все больше по территории, и в основном за счет восточных, в меньшей степени южных земель. Но есть в этом еще одна сторона, и ее необходимо обсудить.

На всей восточной территории расселения славян одновременно обитают и другие, неславянские племе- на: балтские, финно-угорские. Вся территория Волго- Окского междуречья, Северо-Восточной Руси — это зем- ля финского племени меря. Финские племена водь, весь, чудь заселяют весь Русский Север и северо-запад.

Впрочем, и это все в истории достаточно обыденно. Расселяясь как можно шире, новый народ занимает, за- воевывает, захватывает земли с разноязычным, разно- культурным населением. Это население совсем не обя- зательно так уж радо пришельцам, и очень часто при- ходится покорять их силой оружия. Другое дело, что при благоприятном стечении обстоятельств «завоеван- НЫе» постепенно перенимают культуру «завоевателей», их язык, образ жизни и даже самоназвание. «Завоеван- ные» сливаются с «завоевателями», перестают отделять себя от них, и возникает новый народ, состоящий из ПОТОМКОВ И «завоевателей», и «завоеванных».

Потомки славянских поселенцев на востоке и мест- ных финно-угорских племен говорили на славянском

языке, называли себя «славянами» и «русскими», и все дружно считали своей родиной Волго-Окские ополья и Поволжье. ,

Итак, славянский мир становится все больше и боль- ше, распространяясь на юг и восток. И оставался пока чем-то единым — даже в У!-—Х веках. Намереваясь перенести столицу в Искоростень на Дунае, Святослав скорее «возвращался домой», чем «уходил из дома». Ки- рилл и Мефодий в том же 1Х веке создавали письмен- ный и церковный язык не для одного какого-то племе- ни, а для всех славян.

Но вот дальше судьбы разошлись. Огромность тер- ритории с неизбежным разнообразием климатов, почв, фаун, речных систем быстро привела к сложению у сла- вян нескольких и разных систем хозяйственной деятель- ности. Слишком в разных условиях они жили. Соответ- ственно, сложились разные типы славянских культур.

Славяне расселились на территории, где при всем желании нельзя было вести хозяйство одними и теми же методами. На разные народы, даже на разные циви- лизации, развела славян не история, а сама по себе гео-

графия.

Север и юг

На юге славянского мира тепло. Южнее Дуная климат близок к субтропикам. Здесь не надо много зем- ли, чтобы прокормиться самому и прокормить семью. Земледелие здесь важнее скотоводства, и люди гото- вы распахать почти всю землю, которая годится под по- севы.

Там, где такой земли много — то есть на всех равни- нах, где горы и море не теснят человека с плугом и мо- тыгой, — во всех таких местах люди будут жить очень плотно. В каждой деревне будет жить много людей. Ведь главное для земледельца — доступность своей земли. Если каждому земли нужно много — приходится селиться подальше друг от друга. Если земли каждому

нужно меньше, участки невелики — можно селиться тесно, вплотную друг к другу. А ведь люди в прошлом старались далеко не расходиться без нужды: вместе и веселее, и безопаснее.

На юге часты сильные ветры, особенно опасные по- тому, что леса на равнинах давно нет. На юге — про- блемы с водой. Тем более что людей много. Большие, многолюдные села юга не стремятся к возвышениям, наоборот. Большие села юга жмутся в понижения, что- бы спастись от ветров и оказаться поближе к воде.

На юге выгодно разводить сады. Яблоки, груши, оре- хи, персики — вовсе не лакомство, а самая обычней- шая пища. При осадах, нашествиях, войнах сушеные фрукты — очень выгодный вид запасов: легкие, долго хранятся. И вкусные. Значит, окрестности сел юга, их неказистые домики скроет сплошной покров фрукто- вых деревьев. Весной нежное бело-розовое кипение вызовет обострение романтических чувств у юношей и девушек. Осенью звук падения спелых плодов — инте- рес совсем другого рода.

На юге тепло. Не нужны бревенчатые срубы, не обя- зательна каменная кладка. Можно сделать не избу, а хату. По мнению многих ученых, само слово «изба» — не коренное славянское слово. Оно происходит от гер- манского ${иБе — штабель и занесено к славянам гер- манским племенем готов. «Штабелем» клали бревна, делая теплое в любом климате, надежное, удобное жи- лище.

А вот хата, по мнению тех же ученых, — как раз ти- пично славянское, искони славянское жилище, и пер- воначально хата не имела ничего общего с избой. По- тому что стены хаты делались из переплетенного лоз- няка — плетня, обмазанного сверху глиной. Сделать та- кую хату можно быстро, и трудовых затрат на построй- ку нужно немного, особенно если и пол сделать земля- ной или обмазанный глиной.

На юге мало хороших пастбищ, трудно прокормить рабочую лошадь. К счастью, рабочая лошадь на юге и

не особенно нужна. Земли у хозяина мало, лошадь мож- но заменить медлительным, туповатым, но более выгод- ным волом. На воле так много не вспашешь, но и по- ле на юге маленькое, и лето долгое — торопиться не надо.

На севере леса теснят пашни, окружают небольшие деревушки. Почвы скверные, большое значение имеет скотоводство. Для ведения хозяйства нужно много зем- ли, и люди живут на расстоянии друг от друга. Дома строят из бревен, снабжают большими печами. Нужно возить лес на постройки, потом дрова на всю зиму. Распахать нужно большие поля, вдалеке от дома. Каж- дую весну нужно вывезти много зерна для посева, мно- го навоза для удобрения поля. Каждую осень — выво- зить урожай.

Значит, необходима рабочая лошадь. Обширные пространства лугов, полян, лесного высокотравья дела- ют выгодным скотоводство. Некоторые ученые считают даже, что и корова на севере нужна была вовсе не толь- ко для мяса и молока, но и для навозного удобрения. Само земледелие властно требовало тут соединять зем- леделие со скотоводством.

На севере выгодно использовать лес. Зачем разво- дить сады, тратя неимоверные силы, если можно соби- рать прямо в лесу малину, землянику, голубику, черни- ку? Если там же можно брать грибы и орехи-лещину? В лесу можно охотиться, в том числе и на крупного зверя. Один лось или медведь дадут столько же мяса, как и забитая свинья или корова. А их ведь не надо вы- ращивать. |

Если читатель утомился следить за моими рассужде- ниями между севером и югом, я попрошу — поверьте, это очень важно! Эти различия крайне важны для того, чтобы понять разницу между славянским севером и югом. Потому что за этими различиями в образе жизни, в способах ведения хозяйства, даже в облике жилища стоят огромные различия в общественной психологии.

`149

Такие большие различия, что людям становится трудно понимать друг друга.

Чтобы жить на севере, нужно вести более сложное, многовариантное хозяйство. Нужно и пасти разные по- роды скота (а пасти их надо в разных местах), и заго- тавливать им сено или веники на корм. Нужно постоян- но помнить, что сеять и на каком из каменистых, бед- ных полей. Надо собирать ягоды, грибы, выращивать огородные овощи, ловить рыбу и охотиться... то есть нужно постоянно думать, рассчитывать, решать само- му, брать на себя ответственность. И делать это прихо- дится волей-неволей несравненно чаще, чем южанину.

Населенные пункты лежат далеко друг от друга, в случае несчастья, нападения волков или врагов помочь чаще всего некому. Значит, надо быть самостоятель- ным, умелым, объединяться с соседями, но самое глав- ное — уметь помогать себе самому.

И еще... Северянин много может получить от своего многосложного хозяйства.

На юге повседневная еда — фрукты, которые лаком- ство для северянина. Но на севере масло и мясо — то- же повседневные продукты. На густо населенном, бед- ном юге лакомство — как раз скорее масло.

Но сколько бы ни получал северянин, немного он может отдать. Ему нужен крепкий, теплый дом. Теплая одежда — те самые меха и кожи, которые роскошь на юге. Калорийная еда — без нее он не сможет работать. Даже лошадь на севере надо подкармливать овсом, вме- сто того чтобы съесть этот овес самому. Нужно расчи- щать лес под пашню, рубить на дрова — нужен желез- ный топор. На плуг нужен железный сошник. Слиш- ком многое необходимо северянину отставить себе для жизни и для ведения хозяйства. Слишком мало можно отнять от его хозяйства без риска погубить самого зем- ледельца.

На юге крестьянин мог взять с земли гораздо боль- ше, чем ему необходимо потребить. И для ведения хо- зяйства не так много ему было нужно и не нужен был

150

прочный, большой дом, теплая одежда зимой. На юге всегда оказывалось много тех,-кто сидит на шее у зем- ледельца.

На севере лес присутствует в повседневной жизни людей. Лес начинается тут же, зубчатая стена видна с крылечка, рисуется на фоне заката. Красиво, интерес- но... и далеко не безопасно. Потому что в лесу есть грибы и ягоды, но еще там есть медведи, волки и рыси. А лось, кстати говоря, бывает опасней медведя. Летом медведь человека обычно не трогает, а вот лосю, быва- ет, очень не нравится, когда по его территории ходят всякие двуногие.

Уютные девичьи занятия типа сборов ягод и грибов легко прерывались зверьем и тоже требовали храбро- сти, силы характера, ответственности.

А охота?! Даже в наше время, с карабинами и дву- стволками, охота на крупного зверя требует, как ино- гда говорят, мужских черт характера. Говоря попросту, это бывает и опасно, и страшно. Что ж говорить о вре- менах, когда медведя брали у берлоги на рогатину, а лося — во время гона, в октябре: тогда разъяренные быки не замечают ничего вокруг. Охота для средневе- кового человека означала необходимость идти против обезумевшего, дико храпящего зверя весом в полтон- ны, с горящими глазами, рогами-лопатами, копытами побольше коровьих.

Для жизни на севере необходимо было быть не толь- ко активным и самостоятельным, но и смелым. Необхо- димо было уметь владеть оружием, преодолевать страх, боль, томление тела, не желающего рисковать.

В феодальных обществах Европы охота считалась не просто привилегией знати. Она была способом тре- нировать молодежь, приучать будущих воинов к опре- деленному образу жизни, формировать в них нужные задатки. Известен случай, когда арабские послы, при- бывшие от знаменитого Гаруна Аль-Рашида к престолу Карла Великого, позорно бежали во время охоты на зубров [55].

В обществе, образом жизни которого была война, считалось необходимым научить будущего рыцаря- всадника скакать весь день на лошади, точно пускать стрелу, принимать на копье огромного зверя. И уметь подстраховывать друг друга, помогать товарищам, на- деяться на выручку стоящих и скачущих рядом. Нако- нец, он должен был привыкать к чувству опасности, к виду крови, смерти, туш зверей со страдальческим смертным оскалом, самому акту убийства. И получать от всего этого удовольствие!

Не случайно же вся атрибутика европейских охот, этого развлечения знати, включает столько черт веде- ния боевых действий. Выезжали на охоту коллективно, во главе с сеньором, строго соблюдая все обществен- ные ранги и различия. Действовали корпоративно, точно так же, как будут действовать на войне. Даже охотни- чий рог прямо происходит от римского буксина, кото- рым созывали «своих» в рыцарских дружинах европей- ской земельной аристократии.

В Европе дворянство далеко не случайно сделало охоту своей наследственной привилегией. Дело здесь, право, вовсе не только в бедности охотничьих угодий. Допустим, лесов и правда было мало в южной, субтро- пической Европе — в Италии, на юге Франции — в Лангедоке, в Провансе. А в Британии?

В знаменитом Шервудском лесу, прибежище Робин Гуда, простолюдин вполне мог бы застрелить оленя. Во-первых, умел застрелить. Во-вторых, оленей было еще много. Ясное дело, не потому введена была смерт- ная казнь за убийство животного, что король был пато- логически жаден и жесток. А потому, что не нужны были королю и его приближенным простолюдины, умею- щие пройти лесными тропками, уловить движение в кус- тах, успеть натянуть лук, послать стрелу. Если им по- зволить, они ведь смогут так же стрелять и не только в оленей, а чего доброго, и в королей?! Или уж, по край- ней мере, в шерифов?! Кстати, Робин Гуд как раз и до-

казывает, что подозрения феодалов очень даже не бес- почвенны.

Ну так вот — та самая охота на славянском севере была самым обычным, повседневным занятием. Так сказать, видом хозяйственной деятельности.

В Британии же, получается, феодалы пытаются жить так, как мужики живут на славянском севере... а для простолюдинов устроить образ жизни жителей славян- ского юга. Без привычки к оружию, самоорганизации, дисциплины... Без бытовых привычек европейского дворянства и крестьянства севера Европы.

Такие же различия между севером и югом были, ко- нечно, не только в славянском мире, но и в романо-гер- манской Европе. Не случайно у норманнов была пого- ворка: «На юге легче гнутся спины». Неудивительно — на севере (Скандинавия, Дания, Германия, Польша) ак- тивное, самостоятельное крестьянство привыкло к ору- жию, которым и охотилось, и отбивалось от противника.

Вот и корни социальной психологии. Жизнь на севе- ре формировала типы людей, которые различались, про- шу прощения, как лошадь и все тот же неизменный вол.

Северянин просто по необходимости оказывался не- сравненно инициативнее, активнее, бойчее южанина. Он даже говорил быстрее, напористее, меньше выяс- нял ранг незнакомого собеседника. И уж, конечно, он несравненно больше уважал самого себя, и спина его гнулась непросто.

Люди севера — самостоятельные, предприимчивые, свободолюбивые — вовсе не привыкли, что ими кто-то командует, тем более завоеватель. И взять с них можно сравнительно немного, хотя привыкли они жить... ну, богато — это сильно сказано. Но обеспеченно — это уж точно.

Даже завоевав землю северян, трудно было сделать их рабами. Само хозяйство требовало никак не рабских черт характера: инициативы, самостоятельности, пред- приимчивости. А даже сделав их рабами, трудно было разбогатеть их трудом.

На юге было легче завоевывать людей, подчинять их своей воле («легче гнулись спины»). А завоевав, легче было использовать их труд для обогащения.

Любопытная деталь — в крестьянских погребениях севера, скажем Новгородчины, довольно часто попада- ются золотые украшения. В сельских кладбищах Болга- рии века с 1Х золота практически нет. На Юго-Западной Руси — Украине века с ХП — тоже нет. На юге общест- венное богатство быстро перераспределяется. Рядовой сельский работник там быстро становится беден.

Весь юг — и славянский, и европейский (кстати го- воря, и Византия) — это нищее крестьянство и сравни- тельно обеспеченное дворянство, феодалы на Западе; сравнительно обеспеченные горожане, бюрократы — на востоке. Таковы Лангедок, Прованс, да вообще поч- ти вся Франция, Италия, Испания, Балканы — и Гре- ция, и славянские земли к югу от Дуная.

Но совсем не таковы Скандинавия, Дания, Новго- родская Русь да и Британия, где так и не возникло ни- когда слоя зависимых крестьян-рабов. А национальным героем стал Робин Гуд, а вовсе не ноттенгемский ше- риф.

В славянских землях очень легко определить грани- цы распространения южного типа хозяйства. Для этого вовсе не нужно быть профессиональным историком, нет нужды поднимать документы... Для этого достаточ- но сесть на поезд, идущий из Петербурга в Крым или на Кубань, и разница между севером и югом предста- нет предельно наглядно.

Чем дальше на юг — тем меньше лесов, тем виднее рука человека во всем. Но примерно до Харькова поезд будет грохотать на стыках, проносясь через сравни- тельно редкие деревни, в каждой из которых живет не- сколько десятков, самое большее — несколько сотен человек.

Эти деревни хорошо видны. Если даже их не поста- вили на возвышении, они все равно выделяются на ме- стности, среди полей.

Южнее Харькова деревни становятся все больше, занимают все большую площадь и станут менее замет- ны. Эти большие деревни начнут. жаться к понижени- ям, где меньше чувствуются ветра и где не так далеко до воды. Деревни прижмутся к днищу логов, распадков, балок.

Итак, вся Белая Русь (Белоруссия), вся Польша, вся Российская Федерация от широты, по крайней мере, Брянска и Смоленска — это зона северного типа хо- зяйства. Разумеется, четкую границу-линию провести никто не сможет, но вся современная Украина, кроме, может быть, крайнего запада, и все страны славян к югу от Дуная — Болгария, Македония, Сербия, Черногория, — это зона распространения южного типа хозяйства.

Это следует иметь в виду, говоря о многих социаль- ных и культурных размежеваниях и даже о политиче- ских событиях, например о польско-казацкой войне ХУП века. В этой войне друг против друга идут люди, разделенные не только политически.

Сталкиваются люди, сформированные непримиримо разными системами ведения хозяйства. Люди с разны- ми бытовыми привычками, разным пониманием общест- венной иерархии, вообще понимания, что даже это та- кое — «общество». Люди с разной картиной мира, раз- ными системами ценностей. Люди с совершенно разным мировоззрением и миропониманием.

Восток и запад

Границы севера и юга в славянских землях еще можно выявить, хотя по неизбежности примерно. Границы востока и запада определить невозможно в принципе, потому что восток — понятие совершенно условное. Это не географическое понятие. В каждую историческую эпоху «восток» славянской истории ока- зывался в другом месте, постепенно смещаясь к геогра- фическому востоку. Так же и Дикий Запад США в каж- дую историческую эпоху чуть ли не каждое десятиле-

525

тие находился в другом месте, постепенно «дрейфуя» на запад.

Славянам изначально повезло — у них было куда больше земли, чем у германцев. Все племенные земли всех германских племен, в общем-то, невелики: от Рей- на до левых притоков Эльбы, от Северного моря до се- верных отрогов Альп. Всего-то километров 200—250 на 450—500. Вот и все они, пространства ранней гер- манской истории.

Не случайно ведь германцы еще до Рождества Христо- ва захватили и заселили Скандинавию, уже во |—И ве- ках по Р.Х. начинают расселяться на юг, в земли Запад- ной Римской империи. Идут целыми племенами, под ко- мандой вождей; идут не просто завоевать и ограбить, а чтобы осесть на захваченных землях.

Напомню, с чего началось германское завоевание территории Римской империи. В 365 году готы просили римлян отвести им хоть какое-то место под поселение. Римское правительство согласилось взять готов в союз- ники-федераты, то есть выделить им земли для поселе- ния и нанимать на службу в армию. Была выделена и своего рода «гуманитарная помощь», то есть помощь продовольствием. Но римские чиновники помощь по- просту украли. Готы не получили того, что обещало им... более того — что уже выделило им римское пра- вительство! А голодали готы жестоко; так жестоко, что были случаи продажи в рабство собственных детей. Этих детей, кстати, тоже скупали римские чиновники, укравшие пищу целого народа.

И тогда готы восстали. Считается, что боеспособные мужчины составляют примерно 20% всего народа. На- род из 350—400 тысяч человек мог выставить не менее 60 —70 тысяч солдат — по самому скромному подсчету.

Готы взяли Рим в 410 году. Расселяясь по Италии, готы отобрали треть всех земель у владельцев. Грозные численностью, готовые превратить всех мужчин в вои- нов... шли в земли Империи и все остальные племена — грозные, но и полуголодные, в самом прямом смысле

156

слова. Бургунды, франки, лангобарды, вандалы, саксы, англы... все они шли в Империю, буквально спасаясь от голода. Эти германские племена стремились к ПЕРЕ- СЕЛЕНИЮ. Уходили с родины, переселялись до послед- него человека готы, вандалы, бургунды, свевы, ланго- барды, франки.

В отличие от германских племен, славяне имели мно- го свободных земель. Плотность населения у них была гораздо меньше, меньше и земельный голод. Не случай- но же на востоке Империи, имевшей дело со славяна- ми, давление варваров на имперские земли было не- сравненно слабее, чем на западе. Есть, конечно, много причин, по которым пала Западная Римская империя и сохранилась Восточная. Но одна из них, несомненно, состоит именно в этом: у славян было много земли. Не было необходимости любой ценой ворваться в Кон- стантинополь, которая привела в Рим вандалов и готов.

Славяне не переселялись, а РАССЕЛЯЛИСЬ. На но- вые места уходила лишь часть населения, а все старые земли славяне полностью сохранили.

Что вытекает из обилия земли? Славяне могли брать от леса, реки и степи больше и непринужденнее, чем германцы. Брать можно было любым способом, не очень задумываясь о последствиях. Истощили участок земли? Есть другие, ничуть не меньше и не хуже. Не ловится рыба? Будем ловить в соседней.

Разумеется, никакая земля не может оставаться не- истощимой. Вопрос только в том, как долго удается ее насиловать. В этом плане интересно проследить, какую роль в жизни славян играли самые примитивные формы использования земли: охота и рыбная ловля.

Археологи давным-давно научились изучать кухон- ные ямы, в которые человек сбрасывал пищевые остат- ки после своих обедов и ужинов. По костям, которые находят в этих ямах, легко сделать выводы — домашние или дикие животные шли в пищу и в каком соотноше- нии, много ли ловили рыбу и какой и т.д. Если в кухон- ной яме находят кости бобров, зубров, оленей, лосей,

кабанов, а кости домашних коров и овец встречаются редко, какой вывод следует сделать? Ясное дело: до- машнего скота было мало, резали его редко, берегли. А охота на разных животных занимала в хозяйстве очень заметное место. Такой состав костей типичен, например, для поселений лужицкой культуры, распро- странившейся в Польше на рубеже П и [тысячелетий до Р.Х.

А в дальнейшем кости диких зверей в кухонных ку- чах последовательно убывают. Особенно в кухонных кучах сел и деревень: охота все больше становится за- нятием все менее значительным, а там и делом феода- лов, а не основной части населения.

Уже в кухонных кучах ранних славян, в УШ—Х ве- ках, кости диких зверей и домашних животных состав- ляют примерно 15—20% всего костного материала. А вот на востоке у славян, живших по Дону, на крайней вос- точной периферии, — порядка 50%. Как в культурах, предковых для славян!

В кухонных кучах сел Польши, Чехии, Волыни уже в [Х веке кости диких зверей — скорее исключение из правила. На Украине они исчезают чуть позже — к ХЛ веку.

На северо-востоке кости зверей в сельских кухон- ных кучах обычны и в Х\, и в ХУ веках, составляя в отдаленных районах до 30% всех костей. А посещав- шие Московию в Х\У|--ХУЛ веках иностранцы описыва- ли, что в хозяйстве охота занимает несравненно боль- шее место, чем в хозяйстве европейских стран.

На западе Московии охота перестает быть такой уж значимой в Х\]|—ХУП веках, но на востоке Московии, в Заволжье, а тем более на Урале, в Сибири роль охо- ты сохраняется и позже. В Восточной Сибири — до ХХ века.

Ничуть не менее интересные выводы можно сде- лать, выясняя, где и когда исчез метод земледелия, ко- торый называется длинно и красиво: подсечно-огневой.

Первоначально леса всей Европы умеренного пояса

осваивались этим методом. Состоит он в том, что чело- век ищет подходящий, удобный участок леса. Умение его найти — такое же искусство хозяина, как выбирать семена на посев или хранить урожай всю зиму. Уча- сток чаще всего небольшой — ведь работать на нем будут не на рабочей лошади, а мотыгами. Семья может обработать вручную не больше гектара земли — вот и предельный размер участка.

Участок выбирают заранее, за год-два до того, как на нем будут работать, а то и за несколько лет. За год- два деревья подсекают, чтобы движение соков прекра- тилось, деревья погибли бы и хорошенько просохли. А весной, выбрав сухую погоду, участок поджигают. Это тоже одно из ценных умений сельского хозяина — выжечь участок так, чтобы не заполыхал весь лес. А по- том участок с еще дымящимися корневищами и еще те- плой золой обрабатывают и сажают зерно.

В первый год урожай колоссальный — с целинного участка, удобренного пеплом сгоревшего леса, можно получить в сорок, пятьдесят, даже в сто раз больше зерна, чем посадил. На второй год урожай поскром- нее — сам-30, даже сам-10. На третий год может быть еще меньше. За эти годы ищут, намечают новые участ- ки, а на четвертый-пятый год истощенную землю за- брасывают. Может быть, к ней вернутся через много лет. Может быть, не вернутся никогда.

Способ ведения хозяйства, конечно же, очень при- митивный. Для такого хозяйства нужно много незасе- ленной, покрытой лесом земли. Как только плотность населения станет больше, для подсечно-огневого зем- леделия земли начинает не хватать. Люди вынуждены жить на большом расстоянии друг от друга, без круп- ных деревень и сел и жить полуоседло — с полной го- товностью, что в один прекрасный момент подходящих участков поблизости не окажется и придется уходить в другое место, где такие участки еще есть, переселяться туда, откуда они доступны для пешего хода.

Это очень расточительный способ ведения хозяйст-

ва. При нем постоянно гибнут большие массивы леса, а вместе с ними — множество мелких животных и расте- ний (не говоря о самой древесине). Такой способ веде- ния хозяйства могут позволить себе только люди, у ко- торых очень, очень много земли.

Большинство ученых считают, что подсечно-огневое земледелие характерно для носителей пшеворской ар- хеологической культуры. Эта культура распространена была в Южной Польше, в примыкающих к ней областях Украины во П веке до Р.Х. — У веке по Р.Х. Носители этой культуры знали и двуполье, но подсечно-огневое и переложное земледелие у них, судя по всему, преоб- ладало.

Но в У1 веке по Р.Х. подсечно-огневого земледелия уже нет ни в Польше, ни в Галицко-Волынской Руси.

В X веке подсечно-огневое земледелие исчезает во всех землях Киево-Новгородской Руси, кроме Северо- Востока.

На Северо-Востоке Руси подсечно-огневое земледе- лие исчезает только к ХУ—ХУ| векам, к эпохе Ивана Ш и Ивана ПУ Грозного.

Уже из этих данных видно, что граница варварских, примитивных форм хозяйства все время смещается на восток. Что во всем славянском мире давно вынуждены были уйти от тех форм природопользования, которые на Северо-Востоке Руси, в Московии, продолжали со- храняться как самые обычные до самого недавнего вре- мени.

Это касается не только форм ведения хозяйства, но и общественных отношений. «Большая семья», в кото- рой взрослые братья и их семьи не разделяются, ведут общее хозяйство, в России-Московии исчезла только после реформ Петра Великого. Петр [ввел подушную подать, взимая ее с каждого взрослого мужчины. До него подать взималась с «дыма» — то есть с домашнего хозяйства. И получается, что государство само делало выгодным не разделять хозяйства, сохранять совмест- ное проживание как можно большего числа людей.

Крестьянская община в Германии исчезла уже в ХШ веке. В Польше, на Волыни — в ХУ веке. В Российской империи общине нанес удар П.А. Столыпин в 1905 го- ду, а в СССР крестьянскую общину-колхоз сохраняли до самого последнего времени.

Дело, разумеется, вовсе не только в охоте и в под- сечно-огневом земледелии. И трехполье можно вести очень по-разному. Например, можно забрасывать зем- лю, как только она становится менее урожайной, и пе- реселяться на еще не тронутые, целинные земли. Там тоже вырубается лес, заводится трехпольное хозяйст- во... до того, пока земля родит. Вроде бы мы имеем де- ло с вполне оседлым населением... а на самом деле де- ревня переезжает каждые 20—30 лет.

Реалии и подсечно-огневого земледелия, и «переез- жающих» деревень заставили ученых ввести хитрый термин «относительная оседлость», Или «частичная оседлость».

Восток славянского мира — это и есть те области, где еще сохраняется первобытное изобилие природных ресурсов, где можно вести формы хозяйства, исчезнув- шие во всем остальном мире.

Славянский восток — это область, где можно не за- ботиться о сбережении природных ресурсов, где мож- но брать все что хочешь и в каком угодно количестве.

Восток — это место, где можно не заботиться об от- ходах. Ни об отходах производства, ни об отходах соб- ственной жизнедеятельности. Где нагадил — можно не убирать, можно уйти на восток.

Птичка какает на ветке,

Баба ходит за овин,

Так позвольте вас поздравить С днем ваших именин.

Так хулиганил Александр Сергеевич Пушкин в 1822 году. Так сказать, молодой поэт резвился. Но и в 1905 году Антон Павлович Чехов замечал,

что «пренебрежительное отношение к отхожему месту» в России приводит ко множеству болезней и эпидемий.

А Вам, дорогой читатель, я советую ровно одно: по- бывать в любой из стран Прибалтики или в Польше. Ну, и посетить там это самое отхожее место — хоть в частном доме, хоть в любом учреждении... А если вы последуете моему совету, вам останется только одно — сделать выводы. Делать их за вас я не вижу никакой нужды.

Но славянский восток — еще и область, где все про- блемы хозяйственного и общественного развития мож- но решать предельно просто — переходя на новые зем- ли. А это имеет очень серьезные психологические, нрав- ственные, культурные и даже политические следствия.

Кризисы природы и общества

Всегда и во всех случаях кризис начинается с того, что земля оказывается не в состоянии прокормить столько людей. Историки давно ввели термин «относи- тельное перенаселение». «Относительное» потому, что перенаселена страна только при существующем спосо- бе производства; а стоит изменить систему производ- ства, и никакого перенаселения не будет. В Скандина- вии времен викингов (Х—ХИ вв.) жило меньше миллио- на человек, и им — при тогдашнем-то малолюдстве — остро не хватало хлеба. Сегодня, при вдесятеро боль- шем, подходящем к 12 миллионам человек, населении Скандинавии, вопрос о голоде, что называется, не стоит.

Во время относительного перенаселения людям не хватает еды, и это сразу вызывает множество не толь- ко материальных, но и духовных проблем, сомнений, поисков. Раньше-то ведь всем хватало пищи! Что же произошло теперь?!

Возникают сомнения и в религиозных догмах, и в «правильности» собственного поведения, сомнения в самых фундаментальных духовных ценностях, в богах, во всем привычном, устоявшемся за века (казалось, что

162

и на века!) комплексе представлений о самих себе, о человеке, о мире,

Общество ведь всегда полагает, что должно жить и живет «правильно», в соотвествии с коренными закона- ми мироздания. И пока оно «правильно» живет, будет этому обществу благо — в том числе и хлеб насущный.

Есть в этом убеждении что-то детское, что-то от «ес- ли я буду хорошо себя вести, мама даст мне конфету». Да, есть. Но такова человеческая психология, что поде- лать! В ней и правда очень много детского.

Когда начинается кризис природы и общества, это достаточно страшно. Земля перестает родить; исчеза- ют привычные с детства пейзажи и ландшафты; начи- нает не хватать еды; появляется множество нищих, больных и несчастных, обездоленных людей; начина- ются эпидемии; появляются новые, невиданные болез- ни. Вся жизнь общества и все существование привыч- ной природной среды одновременно оказывается под угрозой.

И люди невольно задают вопрос: что же все-таки произошло? Одни пытаются понять, что они сделали не так? Другие — что всегда было не так? Третьи прихо- дят к выводу, что в мире вообще ничего особенно хо- рошего нет, рассчитывать не на что и миром правит зло и Сатана. Во всяком случае, «правильными» ответами на вопросы пока не обладает никто. Эти ответы пред- стоит еще найти.

Когда начинается кризис природы и общества, пе- ред испуганным, мечущимся обществом стоит выбор из четырех перспектив. Одна, казалось бы, самая простая: научиться получать с той же земли больше продуктов. Но как раз эта перспектива требует жесткого переос- мысления всего прежнего пути, пройденного общест- вом. И поиск нового пути. Такого, в котором появятся новые ответы на самые основные вопросы: кто я та- кой? Как устроен мир? Где границы дозволенного? Это — поиск новой гармонии с окружающим миром.

163

Гармонии, при которой можно будет получать больше всего необходимого с той же площади земли.

Например, так было при переходе от подсечно-огне- вого земледелия к регулярному трехполью, а потом к многополью. Когда стало необходимым жить всю жизнь в одних и тех же многолюдных деревнях, возделывать из года в год одно и то же поле. Прогресс очень долго рисовали строго в розовых тонах: как обретение новых возможностей, решение проблем и так далее. А есть ведь и другая сторона прогресса, страшная и безоб- разная.

Во-первых, не все в состоянии перейти к новому мировоззрению, к новому образу жизни. Хорошо, если можно просто бежать... например, на редко заселен- ный, богатый ресурсами восток. А если бежать уже некуда? Все верно, тогда — умирать. Между прочим, некоторые племена индейцев Южной Америки выбрали именно такой путь. Жизнь оставила им только два вы- бора: переход к земледелию или смерть. И люди выби- рали смерть. Садились на деревенской площади, при- носили маленьких детей. Потесней прижимались друг к другу, пока были силы — пели песни. И умирали.

Не уверен, что история «прогресса» наших предков была менее драматичной. Только индейцы яна умирали в XX веке на глазах у европейских путешественников, а славяне становились земледельцами, отказывались от подсечно-огневого земледелия уже очень давно. Грязь, жестокость и кровь — давно забыты, осталось луче- зарное зрелище «прогресса». Так сказать, восхождения к более совершенным формам жизни.

Во-вторых, за «прогресс» всегда есть и цена — отказ от какой-то части своей культуры. И потому «про- гресс» — путь не только приобретений, но неизбежных потерь. Что мы утратили вместе с подсечно-огневым земледелием, наверное, мы никогда так и не узнаем. По крайней мере, до конца.

Люди всегда если и не понимают этого сознатель- но, то уж, во всяком случае, чувствуют двойственность

«прогресса», даже самого необходимого. И еще раз по- вторяю с полной убежденностью: люди не любят «про- гресса».

Скажем откровенно — общество очень не любит развития. Потому что развиваться — это изменяться. А изменения непредсказуемы и для общества в целом, и для его отдельных членов. Никто не знает, что будет лично с ним, если начнутся изменения. С ним лично, с его детьми и внуками, с его общественным кругом, с людьми, похожими на него психологически.

Люди не любят развития, не любят любых перемен. Если есть хоть малейший шанс избежать развития — общество будет его избегать до последнего. Или уж ес- ли перемены неизбежны, пусть их будет поменьше...

Во время кризиса природы и общества есть и еще три возможности, кроме развития.

Можно завоевать богатую и культурную страну и какое-то время жить за ее счет. Рано или поздно завое- ванная страна или стряхнет с себя завоевателей, или ассимилирует их. Но какое-то время так жить можно! В этом случае можно и не решать никакие вопросы развития общества. Не надо отказываться от наследия мудрых предков, пересматривать привычные нормы че- ловеческого общежития, не надо работать ни больше, ни лучше, чем раньше. Можно еще какое-то время жить так, как привыкли, совершая только одно усилие — что- бы завоеванная страна, паче чаяния, не освободилась.

Так жили норманны в Бретани и в Сицилии, франки в Галии, готы — в Италии, вандалы — в Северной Аф- рике.

Есть и другая возможность — расселиться в геогра- фическом пространстве, освоить новые земли. Для это- го нужно иметь большой запас свободных земель, при- чем таких, на которые можно переселиться, не меняя привычных форм хозяйства. Тогда тоже можно не ре- шать никаких насущных проблем. У тебя мало хлеба? Переселяйся! Так двигались по земле племена индоа- рийцев, завоевавших Индию, но не для того, чтобы ее

ограбить (грабить было особенно нечего), а чтобы в ней поселиться и жить. Так действовали буры в Юж- ной Африке, уходя жить от побережья океана в бога- тые саванны за реку Вааль. Так расселялись племена германцев в Скандинавии.

Третий способ выглядит страшнее всех, но он и лег- че: надо, чтобы людей опять стало поменьше. Хорошо, если сам бог послал подходящую эпидемию или голод. Как, например, стало просторно в Европе после панде- мии чумы в XM веке! То уже начинался протестантский переворот, коренное изменение религии, образа жизни и форм человеческого общежития. Начинался, кстати, в славянской Чехии, о чем еще пойдет речь. А тут погиб- ла треть населения, и на какое-то время

стало ненуж- ным ни открывать Америку, ни реформировать католи- ческую религию! Вот радость-то!

Но общество умеет и организовывать свою жизнь так, чтобы людей все-таки становилось поменьше. Те же походы викингов... В морские походы на непрочных дощатых судах-драккарах, «драконах моря», отправля- лась молодежь. Молодые мужчины, цвет нации. Без труда, без усилий которых не сможет существовать на- род. Гибель каждого из которых будет означать и ги- бель не родившихся от него детей, и гибель всех, кто не сможет прокормиться без именно этой пары рук.

Сколько скандинавских парней ушло на дно морей, было убито в сражениях, умерло от. непривычной пищи и скверной воды в чужих странах, знает только Гос- подь Бог. Но, во всяком случае, цифру эту надо помно- жить, по крайней мере, на 6 или '7 — это и будет циф- ра человеческих потерь Скандинавии в эпоху викингов.

На примере Скандинавии, кстати, очень хорошо видно, как совмещаются все три способа избежать раз- вития.

Удастся завоевать большую и богатую страну? На- пример, Бретань или Сицилию? Очень хорошо! Избы- точное население уходит туда, проблема снимается.

Удастся найти «пустую» страну с похожей природой

и климатом? Исландию, Гренландию, Америку? Еще лучше! Туда можно расселиться — и проблема тоже будет снята.

А если даже завоевать никого не удается, а новые страны не находятся — тоже неплохо! Молодежь гиб- нет, людей становится меньше, проблемы можно уже не решать, развиваться необязательно.

Скандинавия времен викингов успешно избегнула «ужасов» развития. Вот только впоследствии это ей ма- ло помогло — все равно настал момент, когда пришлось меняться и меняться.

Вернемся к славянскому миру

В славянском же мире этот момент отсрочить оказалось много проще. Славянский восток всегда имел возможность не развиваться, снимая все проблемы пе- ренаселения простым перемещением людей на еще «пустые» земли. На самом деле земля могла быть вовсе и не пустой, но финно-угорские племена чуди, мери и муромы всегда были слабее славян, менее развиты, ра- зобщены. А то, что для мери и муромы было густонасе- ленными землями, для славян представлялось вполне «ничейными» лесами.

Разумеется, этот «восток» все время перемещается, движется, не остается на одном месте. Этот «восток» исчезает там, где поселения людей уже не окружены сплошным массивом непроходимых, никем не населен- ных лесов. Где волей-неволей приходится переходить к более сложным формам хозяйства... и к более слож- ным видам общественных отношений — тоже.

Постепенно, по мере продвижения славян на этот «пустой» для них восток, появляются и такие славян- ские общества, у которых физически нет возможности неконтролируемого использования природных ресур- сов и нет перспектив расселения.

Во-первых, исчезала «дикая» природа, и вместе с ней иссякали и все «халявные» природные ресурсы.

Во-вторых, на пути к еще нетронутым ресурсам вос- тока оказывались другие славянские общества. Уже в ХУ—ХУ веках Волынь и Юго-Западная Русь никак не могут воспользоваться

пока не тронутыми ресурсами Волго-Окского междуречья, направить туда потоки пе- реселенцев — там, пся крев, лежит Московия!

Глава 7 МЕЖДУ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Когда на Земле неурожай, мне надо знать, что Венера шумит в пшенице.

Рэй Бредбери

Славянский мир на своей огромной территории изначально оказывается связан с разными центрами цивилизаций. Причем разные его части — с разными ци- вилизациями.

Византийское притяжение

Часто, слишком часто Московскую Русь называ- ЛИ «наследницей Византии». Логика проста — раз пра- вославие, значит, та же линия развития. В действитель- ности культурная преемственность Руси, и тем более Московии, от Византии достаточно спорна. Прямые влияния Византии, конечно же, были особенно во вре- мена Киево-Новгородской Руси, но об их прочности можно спорить...

Уж если говорить о прямых наследниках Византии, то это — славянский мир за Дунаем: Сербия, Маке- дония, Болгария. По аналогии с западом задунайское славянство — это Франция православного мира. По- скольку здесь история славянских народов протекает на имперской территории, в смешении с населением Империи.

Если продолжать аналогию, то Пелопоннес можно

уподобить Италии, а вторгшихся туда славян — готам, которые войти в Италию — вошли, но быстро оказа- лись там ассимилированы, и их потомки заговорили на итальянском языке. |

Есть, конечно, немалая разница: там, на западе, Им- перия пала. Жившим в разных частях Галлии римлянам было некуда деваться. Даже соберись они в Италию (куда их никто не звал), там ведь тоже всем командова- ли варвары. Римское общество не имело никакой иной перспективы, кроме как слиться с «варварским» обще- ством завоевателей. В числе прочих никакой другой перспективы не было у людей опытных, богатых и об- разованных, владельцев поместий и патрициев.

После захвата славянами Фракии и Македонии в ста, в двухстах верстах от завоеванных земель проходила граница никуда не девавшейся, вовсе не уничтоженной Византии, Восточной Римской империи. Туда мог уе- хать любой, кому по какой-то причине не хотелось жить среди варваров или служить их вождям.

В результате слияние варварских и имперских эле- ментов шло гораздо более вяло. Но шло!

Храм Софии в г. Сердика (ныне — София) построен в \| веке — в византийское время и на византийской (тогда) территории. Но эта купольная базилика продол- жала функционировать и под властью болгарских ха- нов, а тем более после христианизации болгар и славян.

Первые крепости в Плиске и в Пловдиве обнаружи- вают поразительную преемственность от византийской традиции.

Знаменитый Мадарский всадник — наскальное изо- бражение всадника с собакой и пронзенного копьем льва — очень похож на мозаичные изображения Ви- зантии.

Церковная архитектура и церковные росписи обоих Болгарских царств восходят к тем же, византийским стереотипам. Это касается даже тырновской школы стенописи, которой по

справедливости гордятся болга- ры как своим национальным достижением (церковь Святого Бояна в современной Софии).

169

Чем позднее шедевры — тем они самостоятельнее от византийских образцов. Быстро формируется собст- венная восточнохристианская культура. Некоторые болгарские ученые допускают, что мусульманское за- воевание прервало уже шедшее развитие болгарской культуры по европейскому типу.

Даже после мусульманского нашествия сохраняется традиция восточнохристианской культуры (церковь Петра и Павла в Велико-Тырново).

Культура сербов обнаруживает такую же зависи- мость, но собственной стабильной государственности у сербов не было. Потому сербы и не могли создать шедевры монументальной архитектуры и живописи.

В орбите западного христианства

Полабские славяне и славяне Центральной Ев- ропы оказываются в зоне влияния западнохристиан-ской цивилизации. И в зоне действия Огапа МасВ Оз- {еп — хищного напора немцев на восток, начавшегося еще в Х веке. Ширмой для «дранга» часто оказывался Крестовый поход — ведь немцы-христиане завоевыва- ли земли славян-язычников.

Все земли к востоку от Эльбы-Лабы и до Одры-Оде- ра давно видятся нам как коренные немецкие земли... Тогда как еще в Х веке здесь обитали лютичи, бодричи (ободриты), лужичане — славянские племена. Немцы хорошо знали их, и случалось, Карл Великий использо- вал славянские племена как союзников, ограждал свою империю от их набегов, мстил за убийство «своих». Но — что характерно — в свою державу их земли не вклю- чал, своими подданными не делал. Карл Великий счи- тал, что восстанавливает Западную Римскую империю... Что-то удерживало императора от того, чтобы считать славян частью этой империи.

Первый раз завоевал земли славян по реке Лабе От- тон | в середине Х века и создал там несколько погра-

170

ничных графств. Уже в 983 и 1002 годах славяне вос- стали и обрели независимость.

Опасный враг заставлял объединяться в государст- во. В 1044 году князь бодричей Готшалк объединил бодричей, лютичей и поморян в единую Вендскую дер- жаву. При Готшалке и его преемнике Крутом (1066— 1093) Вендская держава могла отбивать катящиеся с запада волны «Дранга нах Остен». Державу разрывали на части местный сепаритизм отдельных племен и борь-ба язычников и христиан. Одни славяне готовы были принять крещение, другие готовы были воевать до по- следней капли крови, лишь бы никогда не надевать креста.

Новый король Вендской державы, славянин с не- мецким именем Генрих, сын Готшалка, призвал немец- ких епископов. Власти Владимира у него не было, и по Лабе не поплыли кумиры, как поплыли по Днепру Пе- рун и Хорс. Возник только новый, еще более жесткий раскол на христиан и язычников. Измученная внутрен- ними распрями, Вендская держава, спотыкаясь, шла к своей гибели и окончательно распалась около 1129 года.

В 1147 году саксонские князья Генрих Лев и Альб- рехт Медведь начали новый Крестовый поход. Князь бодричей Никлот нанес рыцарям ряд поражений, сжег Любек, построил крепость Добрин, заключил переми- рие. Но ведь ничто не изменилось: сильным западным герцогствам, опиравшимся на поддержку всего христи- анского мира, по-прежнему противостояли разобщен-ные языческие племена.

В 1160 году война вспыхнула вновь: Генрих Лев зая- вил, что Никлот нарушил условия мира. Правда ли это? Кто знает...

Никлот погиб в одной из стычек на границе, а к 1170 году земля лютичей стала основой графства Бран- денбург. Земля бодричей — основой графства Меклен- бург.

Липовый город, Липск, стал Ляйпцигом. В России этот город называют почему-то «Лейпциг», произнося

171

«Е» вместо «Я». Бранный Бор стал Бранденбургом; Мишны — Мейссеном (тем самым — мейссенский фар- фор). Берлин образовался из двух славянских поселе- ний, в 1307 году слившихся вместе.

Территория Германии увеличилась вдвое, на новые земли хлынул поток переселенцев, а славяне оказались очень быстро онемечены. В ХУП—ХУП веках немецкие ученые будут записывать последние слова и фразы на языках лютичей и бодричей. Язык лужичан проживет дольше, и у немецкого писателя Эрика Шриттматера, который сам говорил, думал и написал несколько книг на немецком языке между 1930 и 1960 годами, был дед, который еще мог сказать несколько слов по-лужицки.

А на землях славян к востоку от Лабы, на этой вто- рой Германии, по размерам больше первой, выросли большие княжества, в которых власть князей была не- сравненно сильнее, непререкаемее, чем на западе той же Германии. Города на востоке имели меньше приви- легий, крестьяне оказывались бесправными крепостны- ми. По словам Киплинга, «десять заповедей не имели силы к востоку от Суэца». Ну, а римское наследие не имело силы к востоку от Лабы. То есть имело, конечно, но эдак слабенько и временами едва теплилось.

Выводы? Первый вывод в том, что у германцев тоже есть свой восток и запад, в точности как у славян. Вто- рой состоит в том, что в Х—ХШ веках для славян Цен- тральной Европы самым важным, самым судьбоносным событием стал сам факт принятия или непринятия хри- стианства, в любой из его версий. Как бы ни относить- ся к Огапа Маб Озеп, факт остается фактом — герман- ское нашествие окончилось плохо только для языче- ских племен.

Действительно — полабские славяне были и ушли из исторического бытия язычниками. В 1169 году мек- ленбургские рыцари разрушили общее для них святи- лище Арконы (на острове, который славяне называли Руяна, а немцы — Рюген). К этому времени чехи уже 200—250 лет были христианами, поляки — почти 200 лет.

172

Получается — больше двух веков полабские славяне упорно не принимали нового, и даже князья с христи- анскими именами и титулами королей ничего не смогли изменить. |

Может быть, католицизм слишком сильно ассоции- ровался с агрессией иноязычных, инокультурных при- шельцев? Возможно, племенные боги вопринимались как знамя сопротивления? Очень может быть. Но это уже ничего не меняет. Язычество тех, кого завоевыва- ют, делало агрессию морально оправданной.

Язычество же разобщало. Против всего христиан- ского мира каждое племя, чуть ли не каждый род взы- вали только к «своим» племенным богам, искали идеала только в уходящей старине, оказываясь во все более изменившемся, все сильнее отошедшем от этой «стари- ны» мире. И проиграли, как тремя столетиями раньше саксы.

Не парадокс ли, что христианизировали полабских славян саксонские рыцари — сами жертвы Крестового похода Карла Великого?!

Точно так же вся Северная Польша, все языческое прусское Поморье было сравнительно легко завоевано крестоносцами. Как и языческие племена эстов, латов, латгальцев. Там, где идеалом служила только племен- ная старина, где призывались только местные, племен- ные боги, — там крестоносцы проходили как нож сквозь масло.

Консолидация нескольких племен под властью Пяс- тов, конечно же, усиливала позиции поляков. Болеслав Храбрый на рубеже тысячелетий полностью остановил немецкую агрессию против Польши. Но ведь и Венд- ская держава отнюдь не была игрушечной. Мечи бод- ричей и лютичей тоже были из железа, и не раз удава- лось им нанести серьезные поражения нападавшим.

Так что совершенно неизвестно, как сложилась бы судьба и поляков, не начнись христианизация страны и народа — еще при Мешко 1, с 966 года. И чехов, не крестись они в [X веке.

Факт есть факт: все племена западных славян, не принявшие христианизации, исторически погибли и бы- ли онемечены. Но те, кто пошел по пути христианиза- ции, избежали гибели.

Это повторилось и с балтскими племенами пруссов и литовцев (жемайтов, аукшайтов, ятвягов). От упор- ных язычников — пруссов — осталось только название страны. Жмудь оказалась завоевана немцами, хотя и с огромным трудом. И неизвестно, как сложилась бы даль- нейшая судьба аукшайтского Великого княжества Ли- товского, не пойди оно на Кревскую унию с Польшей (1385 г.) и на принятие католичества в 1387 году.

Вдалеке от цивилизации

А ккакой цивилизации тяготела в те же времена Русь? Невозможно ответить однозначно. Приняла пра- вославие... Значит, к византийской? Но, во-первых, первоначальное Крещение Руси прошло, похоже, все- таки по латинскому обряду [46]. А первоначальное кре- щение чехов, кстати говоря, — по византийскому. Во-вторых, в Крещении Руси и характере всего рус- ского христианства ярко проявляется как раз то глав- ное, на что просто приходится обратить внимание: на Руси очень быстро, за какое-нибудь столетие, вырас- тает какая-то причудливая «собственная» версия право- славного христианства. | И вообще совершенно все, что заимствует Русь, упорно и незаметно, словно бы само собой, изменяется и переделывается, порой вплоть «до полного наоборот». Есть такое понятие — «дистанционное обучение»: когда ученик вообще не видит учителя, а учитель — ученика и обучение проходит по книжкам, конспектам и выполнению заочных письменных заданий. Это даже не заочное обучение, при котором ученик все-таки не- часто, но является на сессию, слушает лекции и обща- ется с профессурой. Это еще «дистанционнее». Если говорить о его качестве, то специалисты говорят, что

пять заочников — это один очник. А пять «дистантни- ков» — это один заочник.

Ну так вот, Русь воспринимает импульсы от центров цивилизации «дистанционно». И от Западной и Централь- ной Европы, и от Скандинавии, и от Византии — дале- ко. Из Византии вроде и импульс посильнее, и сама Ви- зантия поближе, но и из нее — все очень и очень «дис- танционно». И от других центров цивилизации вроде бы попадают разные идеи, вещи, монеты, способы обра- ботки земли и выделывать кожу. И они тоже принима- ются.

Русь — не единственная часть славянского мира, ко- торая непосредственно имеет дело с кочевым степным тюркским миром. Славян в бассейне Дуная, к югу от Дуная, завоевывали и авары, и тюрки-болгары, давшие имя славянскому народу.

Скорее уж Русь разделяется на две неравные час- ти: на юг и юго-запад — бассейн Днепра, лесостепь, постоянно имеющий дело со степняками. Юг, откры- тый влиянию со стороны Великой степи, — тюркской скотоводческой цивилизации. И север, где тюрок-степ- няков если и видали, то разве что мирных торговцев или членов посольства. Русь оказывается разделена этим

неодинаковым историческим опытом. На экологи- ческие различия — северный и южный тип ведения хо- зяйства — накладывается еще и разный исторический опыт.

А Северо-Запад Руси к тому же оказывается в ряду культур, которые на научном жаргоне называют иногда циркумбалтийскими — от латинского «циркум» — во- круг. Получается — «вокругбалтийскими».

Циркумбалтийская Русь

Вроде бы все понятно: циркумбалтийские куль- туры — это те, которые лепятся вокруг Балтики. Те, для кого Балтийское море — это свое, внутреннее озе- ро. Циркумбалтийские страны — это Швеция, Финлян-

дия, Российская Федерация, Эстония, Латвия, Литва, Польша, Германия, Дания. Однако в число тех, кого считают циркумбалтийскими народами, удивительным образом не попадают ни немцы, ни поляки, ни рус- ские. Наверное, это народы очень большие, в жизни которых Балтийское море играет не особенно боль- шую роль.

Новгородская Русь, русский Северо-Запад сфор- мировался в качестве циркумбалтийского варианта русской культуры. И оказался, разумеется, в тес- нейшей культурной связи с лидером циркумбалтийских стран — Скандинавией. Может быть, даже имеет смысл назвать этот вариант «скандинавской Русью»? Не знаю.

Раскопки в Старой Ладоге, на южном берегу Ладож- ского озера, в Новгороде, Пскове показали очень силь- ное присутствие варягов в этих городах. Вплоть до X! ве- ка влияние Скандинавии на Северо-Западе прослежи- валось однозначно. В культуре Новгорода тоже хоро- шо заметно многое, что объединяет его со Скандинави- ей. Хотя бы обычай организовывать молодежные ватаги ушкуйников.

Ушкуйники появились в 1320-е годы и оставили о своих торгово-разбойничьих экспедициях примерно такую же память, как и варяги и норманны. Ушкуйни- ки (от слова «ушкуй» — речное парусно-весельное судно) двигались по рекам, проникая в бассейны Вол- ги и Камы. В 1360 году захватили город Жукотин на Каме. В 1366 году захватили Нижний Новгород, пере- бив там татарских и армянских (и что греха таить — и часть русских) купцов. В 1371 году захватили Ко- строму и Ярославль. В 1375 году разбили войско ко- стромичей, захватили Кострому и доплыли до Астра- хани, где наконец были разбиты татарами.

В середине XM века они открыли и тоже, естествен- но, ограбили Великую Биармию — на территории со- временной Перми.

Впрочем, новгородцы отнюдь не брезговали и мор-

ским разбоем — порукой чему хотя бы сделанные в Бремене ворота храма Софии Новгородской. История, прямо скажем, разбойничья, вполне в духе эпохи ви- кингов. Потому что новгородцы, вообще-то, планирова- ли разграбить шведский город Сигтуну — как раз для того, чтобы сперeть эти ворота. Но оказалось, что во- рота уже похищены эстами, и эсты уже возвращаются домой с воротами... Новгородцам, естественно, «при- шлось» отнимать ворота именно у эстов, и вот они, эти немецкие ворота, красуются в храме Софии, вызывая удивление, даже раздражение своей совершеннейшей чужеродностью.

Вот видите?! — торжествовали неонорманнисты. Ушкуйники — те же варяги-норманны. Скандинавских вещей в культурном слое полно. Значит, было влияние, и очень сильное!

Но это — Новгородская Русь, Северо-Запад. А Ки- евская Русь, Юго-Запад, «дистанцирована» даже от та- кого сомнительного центра цивилизации, как Скандина- вия. Киевщина поневоле имела дело не с самими циви- лизационными центрами, а с их окраинами. Не с Римом и Италией, а с Германией и Польшей. Не со Скандина- вией, а с Новгородом. Не с Багдадом и Самаркандом, а с Шемаханским ханством на берегах Каспия. Исключе- ние составляет все-таки Византия, и не случайно ее влияние все же сильней. Но после нашествия монголов и с Византией Киевщина взаимодействует слабее, чем с Сербией и Болгарией.

Получается, что славянский мир, благодаря огромно- сти занимаемой им территории, изначально оказывает- ся разорван между несколькими центрами развития ци- вилизаций.

А часть территории восточных славян, по сущест- ву, вся Русь в ее историческом развитии, оказалась да- лека вообще от любых центров цивилизационного раз- вития.

Глава 8 ЕВРОПА ДВИЖЕТСЯ НА ВОСТОК

Человечество вовсе не стоит перед выбором между «модернизацией и прогрессом» или «застоем и реакци- ей». Дух модернизации выпущен из бутылки, и вопрос стоит только так: приведет ли он человечество к само- уничтожению или к дальнейшей жизни?

Э. Шумахер

Вообще-то, Европа — не географическое поня- тие. Нет такого материка — Европа. Европа — это та- кая «часть света», то есть некое условное, исторически сложившееся понятие.

Первым ввел эти понятия Анаксимандр, живший еще на рубеже УП—У] веков до Р. Х. в Малой Азии, в городе Милете.

С точки зрения Анаксимандра, центр почти плоской, еле выпуклой Земли занимало Средиземное море, а обитаемая земля, Ойкумена, делилась на две равные части — Европу и Азию. Анаксимандр и не думал при- писывать какие-то различия обитателям Европы и Азии. Сначала не думали и другие греки.

Но опыт жизни подсказывал: в Европе и в Азии жи- вут совершенно по-разному!

В Греции-Европе была частная собственность. Соб- ственность, которая принадлежала отдельному челове- ку и которую никто не мог отнять или присвоить. В Гре- ции и власть, и общество охраняли частную собствен- НОСТЬ.

В Европе жили граждане: люди, обладавшие неотъ- емлемыми правами. Никакая власть не могла отнять у гражданина его права или действовать так, как будто у него нет прав. Граждане сходились на площади и вы- бирали должностных лиц своего государства. У граж- дан была собственность, а у государства никакой соб- ственности не было. Если гражданина выбирали на го-

сударственную должность, он оплачивал необходимые расходы из собственного кармана.

Чем богаче был человек, тем более высокое положе- ние он занимал. Частная жизнь человека определяла его положение в обществе.

В Азии — в Персии, в городах Сирии, в Египте — не было частной собственности. Там была только собст- венность общины и собственность государства. Если человек делал карьеру и занимал в обществе высокое положение, он становился богаче. Но человек не мог иметь собственность, которая не зависела бы от общи- ны и от государства.

В Азии не положение человека в обществе зависело от успеха в частной жизни, а богатство зависело от об- щественного положения.

В Азии не было граждан; все были подданными ца- ря. У любого человека власть могла отнять его собст- венность, а с ним самим поступить как угодно.

Община тоже не поддерживала ни прав человека, ни его прав на собственность. Членам общины не хоте- лось, чтобы кто-то стоял вне общины и не зависел бы от нее.

Во всем тогдашнем мире только в двух обществах были такие же правила жизни: в самой Греции и в Рим- ской республике. Почему именно здесь, каким путем Греция и Рим стали Европой — ученые спорят до сих пор. Но история шла так, как она шла — только в этих двух маленьких обществах, на полуостровах в Среди- земном море, в УП—У веках до Р. Х. появилось граж- данское общество.

В УТ, в\У, даже во П веке до Р. Х. те земли, которые для нас неотъемлемо связаны со словом «Европа» — Франция, Британия, Испания, — вовсе не были Евро- пой до римского завоевания. Здесь, как везде, были свои дикие и полудикие племена, свои вожди, свои об- щины. И никакой частной собственности, никаких гра- ждан не было и в помине.

Греция не умела передавать главное в своей культу-

ре другим народам. Даже когда при Александре Маке- донском греки завоевали почти всю известную им Азию, они не смогли сделать ее Европой. У них не было меха- низма превращения подданных в граждан, разрушения общины, становления частной собственности.

А везде, где чужие земли завоевывали римляне, по- являлись граждане и появлялась частная собствен- НОСТЬ.

Римская империя несла смерть и порабощение всем, кто не мог отбиться от ее железных легионов. Но еще она несла идею гражданского общества.

На завоеванных территориях строились римские го- рода, и отслужившие свой срок легионеры становились ветеранами, получая право на землю и на помощь в подъеме хозяйства. Если даже ветеран уже имел «чис- то римскую» семью, его дети и внуки женились на ме- стных уроженках.

Захват рабов был чудовищно жестоким действом. Но чем дальше, тем меньший срок раб оставался ра- бом. Неэффективность рабского труда была уж очень очевидной... Выучившего язык, начавшего понимать но- вые правила игры раба старались отпустить на свобо- ду. Вольноотпущенник сохранял связи с хозяином, ста- новился чем-то вроде крепостного, а его дети и внуки, конечно же, тоже становились римлянами.

Римским гражданином можно было и стать. Тот, кто был материально обеспечен, кто владел латинским язы- ком и был готов ассимилироваться в римской культуре, легко становился римским гражданином, а его потом- ки — ромеями, римлянами. В Галлии местные кельтские- гэльские языки исчезают уже века через два после за- воевания. В Иберии-Испании только на северо-востоке страны, в Басконии, сохранились местные иберийские языки: племя басконов отказалось учить чужой язык. До сих пор баски, говорящие на своем невероятно слож- ном, очень древнем языке, резко выделяются среди ис- панцев, чей язык из современных романских языков ближе всего к древней латыни.

Те, кого завоевали римляне, сами стремительно ста- новились римлянами. Не случайно же в 218 году импе- ратор Каракалла издал эдикт, по которому почти все население империи стало гражданами. Итог ассимиля- ции был подведен.

Римская империя пала, и те, кто ее завоевал, все эти готы и вандалы, были ничуть не лучше тех, кого погло- тила империя — иберов, галлов и белгов: такие же ди- кие. И еще в одном они оказывались точно такими же, даже вломившись в империю: растерянными перед гро- мадностью того, что увидели.

Потому что можно победить армию и на плечах бе- гущих вломиться в город, нахально объявивший себя Вечным. В город, куда вели все в мире дороги, и по этим дорогам свозили награбленное со всего мира. Память народов сохранила, как вандалы срывали с храмов по- золоченную черепицу, спутав ее с настоящим листовым золотом, как их вождь Аларих запустил копьем в мра- морную статую и на всякий случай убежал от гигант- ского, в два человеческих роста, белого воина, не дрог- нувшего от удара.

Можно вломиться в дома и храмы, вытащить на ули- цы, прямо в грязь, награбленное за века по всему миру. С шумом поделить, тыкая немытыми пальцами, обгры- зая траур под ногтями. Захватить клин южной, теплой земли, навсегда избавиться от голода, с гарантиями, на века. Все можно — завоевали, твое, володей... Вла- деть — можно. Не получается тихо, тупо радоваться, без размышления. Не получается гордиться собой, чув- ствовать себя лучше тех, кого завоевал, чью армию по- зорно гнал с победным племенным воплем и воем.

Потому что есть соблазн не только в богатствах, ско- пленных за века государственного разбоя. Не только в теплой, не знающей снега земле, покрытой апельсино- выми рощами. Соблазн таится в самих здешних людях: в их мозгах, поведении, в их отношении ко всему су- щему.

Потому что империя рухнула, но города живут по

Римскому праву. А победители, может быть, и сделали бы что-то, но понятия не имеют, что надо делать, что такое вообще «города», и почему им самим так неуютно от этого слишком сложного, мало понятного быта, в ко- тором неотъемлемо присутствует письменность, Рим- ское право, космически громадный Бог, странно не лю- бящий жертвы; который мог бы разметать все челове- чество одним дуновением своим, но который почему-то полюбил людей и даже умер за них в своем Сыне.

Потому что вокруг, на развалинах когда-то велико- лепных городов, даже в нищенских деревушках, живут люди, для которых свобода — вовсе не светлый идеал и не мечта, а повседневная реальность; то состояние, в котором живет множество людей. Люди, привыкшие стоять не в рядах клана, рода и войска, а стоять совсем одни, сами по себе, перед государством, мирозданием, историей, царем, военачальником, их непонятным, не- видимым Богом.

Победителю, начальнику, хозяину почему-то тоже хочется такого же. Почему?! Он и сам не может объяс- нить. Жить сложно, быть лично свободным, выломить- ся из толпы общинников, завернутых в медвежьи шку- ры, хочется так же, как хочется смотреть на закат, умываться росой, любоваться красивыми дикими зверя- ми, видеть дальние страны, любить умную, добрую жен- щину. Хочется потому, что полудикий варвар, оказыва- ется, сам носит в себе такую возможность, такое стрем- ление. Он только не знал в родных германских ельни- ках, что он этого, оказывается, хочет.

С вандалами, готами, лангобардами происходило то же, что и с иберами, кельтами и ретами — с теми, кого завоевала империя: они становились римлянами. Про- никаясь духом Великого Рима, вчерашние варвары са- ми надували щеки, грезя величием цезарей; они еще мечтали об империи, не ведая, что создали Европу.

В 800 году короля франков, завоевавшего почти всю бывшую империю, Карла Великого короновали как императора: последняя попытка восстановить Запад-

ную Римскую империю. Разумеется, не получилось, и на развалинах построенного Карлом сформировались постепенно страны, известные и теперь: Италия, Фран- ция, Германия.

Впрочем, сам не ведая того по своему невежеству, Карл включил в свою империю и тех германцев, кото- рые отродясь не жили в границах прежней Римской империи. Руками его рыцарей Европа расширилась за счет саксов, крещенных огнем и мечом. А Шотландия и Ирландия сами приняли христианство, добровольно сделавшись Европой.

В Х веке от Р. Х. граница Европы проходила по реке Лабе и по узким проливам Скагеррак и Каттегат, отде- лявших пока языческую Скандинавию от уже цивилизо- ванного мира.

К Х! веку в западном христианском мире оконча- тельно сложилось новое общество — и похожее, и не похожее на римское.

Новое общество было совершенно непохоже на об- щество римлян и эллинов: по-другому устроенное, оно знало совсем другие общественные институты. Это бы- ла не единая империя, прорезанная хорошими дорога- ми, с одним законом и одним языком. Множество кня- жеств и королевств говорили на разных наречиях, вра- ждовали, даже воевали друг с другом.

Общество цементировало только три сущности, ко- торые признавали все:

1. Единая церковь, у которой был один глава — па- па римский.

2. Язык — латынь понимали все, и каждый образо- ванный человек должен был знать латынь. Только на латыни писались книги, делались летописные записи, официальные документы. Латынь учили все, кто хотел быть понятым за пределами самой ближайшей округи. Ведь не было еще ни немецкого, ни французского, ни английского языков. Было множество наречий, диалек- тов, языков, и порой очень различавшихся даже в са- мой небольшой местности.

3. Римское право. Сложное Римское право учитыва- ло много чего и было совершеннее, удобнее бесчис- ленных «варварских правд». Однако чужое всем завое- вателям, приемлемое для всех, оно связывало новую ЁЕв- ропу со старым Римом не менее прочно, чем церковь.

Договор, кстати, в западном христианстве считался делом СВЯЩЕННЫМ. Франциск Азисский, одолев си- лой креста страшного волка-людоеда, не убивает чудо- вище, а заключает с ним договор: если люди будут по- ставлять волку еду, обещает ли он не нападать на них и на их скот? И волк «принимает договор наклонением своей головы». И договор выполнялся до самой смерти волка, прошу заметить [56. С. 46].

Общественные институты нового общества: универ- ситеты, вольные города, система вассалитета — напо- минали Рим не больше, чем всадник на коне — легио- нера-гражданина.

Новым было отношение к труду. Империя презирала физический труд — презренное дело презренных ра- бов. С Х| века западнохристианская церковь стала счи- тать труд необходимым для спасения души. Монахи ста- ли не просто уходить от мира, чтобы созерцать себя и Бога в отдалении от людей. Монахи начали трудиться и считали труд средством спасения.

В античное время горные работы считались прокля- тием даже для рабов. В рудники ссылали закоренелых преступников, политических врагов, захваченных с ору- жием бунтовщиков. В рудники продавали самых силь- ных рабов, и за год-два-три раб, если не убегал с пол- дороги, превращался в никчемную развалину.

В Европе в Х|!--ХШ веках горное дело поднимали свободные монахи, давая мирянам пример нового отно- шения к труду. Европейское общество становилось все более активным, трудолюбивым, деятельным.

И все же это общество было очень похоже на рим- ское; практически у всех в Европе была хотя бы части- ца того, что имели граждане в Риме.

184

Как и в Риме и Греции, огромное значение имела ча- стная собственность.

Очень большое значение имел не приказ и не тради- ция, а договор. И договоры между людьми рассматри- вались как священные.

Человек в Европе воспринимался как отдельная, особенная личность, вне общины и вне государства. Даже если он лично не свободен, он не свободен имен- но лично, а не как член какой-то группы.

Церковь и учение церкви имели колоссальное влия- ние на общество. И церковь тоже утверждала идею Личности человека. Личность для церкви — понятие священное. Ведь человек живет вечно, а все государст- ва и империи — временны. Человек, душа которого ра- но или поздно пойдет к Богу, старше и «главнее» импе- рий, королей и государств — учила церковь.

Все члены этого европейского общества имели хоть какие-то права, и никакая власть над ними не могла быть вполне безграничной.

Даже замордованные мужики-вилланы имели хотя бы отсвет личных прав. Даже по отношению к ним бы- ло позволено не все.

Вольные самоуправлявшиеся города, воздух кото- рых делал человека свободным, стали так просто рас- садниками идеи личной свободы, рыночных и правовых отношений.

Иу дворянства — и у высшего, при королевском дворе, и у мелкого, служилого, в глухой провинции — идея личности была в ряду важнейших.

Рыцарь, вообще-то, означает всего-навсего «Кег» — «всадник», на тогдашнем немецком, и не более. Точно так же, как старофранцузское «шевалье» происходит от «шШеваль» — лошадь. Рыцарская конница была основой армии и в Византии, и в мусульманских странах, и в Индии. ,

Но только в Европе рыцарь был в первую очередь личностью, носителем идеи личной, персональной чес- ти. Он лично, сам должен был не только ни в коем слу-

185

чае не ронять свою личную, персональную честь и честь всего своего рода; он должен был еще следить за поддержанием порядка и справедливости в мире. Мож- но сколько угодно смеяться над рыцарскими историями про схватки с великанами, чудовищами и драконами, над чудовищным самомнением рыцарства, над их пове- дением забияк, способных вести себя как мальчишки-хулиганы в возрасте Тома Сойера — «я тебе покажу!». Но как бы ни устарели одни идеи, ни казались стран- ными другие, ни вызывали улыбку третьи, а рыцарь был носителем важнейшей и далеко не устаревшей идеи — идеи личности. Личной ответственности, лич- ной совести, личной верности, личного благородства.

Рыцарь или свободный барон не могли жить сами по себе, но и не были подданным графа, герцога или коро- ля. Благородный человек вступал с вышестоящими не в отношения подданного, а в отношения вассала. Это бы- ли договорные отношения; вассал и сюзерен договари- вались, что они будут делать вместе; вассал не стано- вился бесправным подданным, зависящим от каприза вышестоящего.

Феодальная, разделенная на множество княжеств, жестокая Европа все-таки не настолько бесправна, как Азия. В ней нет того повседневного рабства... по суще- ству дела, всех. Того

рабства, к которому люди привы- кают как к естественному состоянию и не понимают, что, вообще-то, может быть иначе.

В Х| веке на северо-западе бывшей Римской импе- рии родилось очень агрессивное общество. Не успела родиться Европа, как тут же начала Крестовые походы И «Дранг нах остен».

Про «Дранг» мы уже говорили. А первый Крестовый поход папа Урбан И провозгласил в 1095 году, и с тех пор их состоялось восемь.

На Переднем Востоке больших успехов крестонос- цы так и не добились. Даже то, что удалось завоевать, постепенно оказалось потеряно. Повторилось то же, что и во времена Александра Македонского, когда эл-

линистические государства простерлись до самой Ин- дии: Восток не принял европейского типа общества, построенного на частной собственности, личной сво- боде и договоре вместо приказа.

Но Европа постоянно расширялась, включала в се- бя, по крайней мере, славянские территории.

Способов было реально два, они часто применялись вместе — как это мы видели на примере полабских сла- вян:

1. Крещение язычников. Церковь делала новообра- щенных едиными с остальной Европой. Несла новым христианам идею личности, идею принадлежности к цивилизации. Язычники, став христианами, постепенно сами становились европейцами.

2. Завоевание, то есть насильственное включение в Европу как рабов или данников завоевателей.

Ирландия и Скандинавия стали Европой через кре- щение. Саксы — через завоевание и крещение. Славя- не... Тут есть случаи и крещения, и завоевания. И дей- ствует знакомый механизм — кто принял крещение, тот отбился от завоевания и вошел в Европу уже сам.

К ХИ веку весь германский мир уже оказывается ча- стью Европы, а славянский между ХЛ и ХУ веками раз- деляется на тех, кто принял христианство, отбился от завоевателей «Дранга» и построил собственные госу- дарства. И тех, кто сам не захотел в Европу, и кого по- вели, потащили, погнали под конвоем, превращая в ра- бов и онемечивая по дороге. Воистину, понимающего необходимость ведет, непонимающего — тащит.

Очень интересно и полезно проследить за тем, как Европа ползет на восток на средневековых картах. По этим картам очень хорошо видно, кого европейцы счи- тают, а кого не считают людьми своего общества. «Ев- ропа тогда кончалась границами Польши», — утвержда- ет Н.В. Гоголь. Он не точен: в ХУ веке граница Европы проходила по границам Великого княжества Литовско- го, то есть прошла через Россию.

По мнению европейских картографов, в ХУ веке За-

падная Русь была уже частью Европы. А Восточная Русь, Московия, — не была. И еще того хуже... По мне- нию картографов, и самого слова «Московия» можно было и не применять. Европейцы понимали отношения вассалитета, но плохо понимали отношения данничест- ва — когда можно платить дань и не быть частью госу- дарства, которому платишь. Раз Московия платит дань татарскому хану, значит, не существует никакой само- стоятельной Московии, а есть Великая Татария, и Мос- ковия — лишь ее часть. На картах Московию, вполне мотивированно, показывали как Великую Татарию — никак не отделяя от других владений татарских ханов.

И даже хуже... Московию, вернее, владения татар- ских казанских ханов, называли Великая Тартария. Раз- ница как будто в одной букве, но смысл-то меняется чрезвычайно. Получается, что Московия — это Тартар, как бы страна чертей.

Так и продолжалось до середины ХУ столетия, ко- гда граница Европы опять существенно передвинулась на восток. В конце ХУ — начале ХУ века Московская Русь перестала платить дань татарским ханам, а торго- вые пути через Новгород и города Великого княжества Литовского связали Московию с Европой. Русских луч- ше узнали в Европе; западных русских и веком раньше признавали европейцами, а теперь благодаря им стали так же относиться и к восточным.

И в середине ХУ! века границу Европы картографы проводят по Волге. Не было случая, чтобы границу Ев- ропы географы отодвинули назад, на запад. И что бы ни творилось в Московии почти два столетия, рубеж остается тот же. Еще во времена Петра | Азия начина- лась в двухстах верстах от Москвы, а заводы Демидова располагались в самой что ни на есть Азии.

Российская империя становится на цыпочки, изо всех сил хочет быть Европой. Татищев, птенец гнезда Петрова, устраняет обидный географический факт, пе- реносит границы Европы и Азии на Урал. Наверное, многие из моих читателей постарше уже знакомы с сис-

темой Татищева: когда граница Европы и Азии прохо- дила по вершинам Урала, разделяя его на две равные части, а потом — по реке Урал до ее впадения в Кас- пийское море.

Но весь Кавказ — от самых его низких предгорий, от Куры и Кубани — был для Татищева Азией. И все владения Османской империи — тоже. И Крымское ханство, вассал Османской империи, и все владения Турции в Греции и в славянских землях за Дунаем.

Румянцев-Задунайский воевал в Азии. Потемкин от- воевывал берега Черного моря, закладывал Одессу — в Азии. Мужики переселялись на Кубань и в Ставропо- лье — в Азию.

На рубеже ХУ и ХХ веков границу Европы и Азии стали проводить через Босфор и Дарданеллы, а Север- ное побережье Черного моря от устья Дуная до устья Днепра именовали Европой. Но еще Александр Сергее- вич Пушкин совершил путешествия в АЗИЮ — в Крым и на Кавказ.

Только в конце первой половины ХХ века границу Европы стали проводить привычно — по самым высо- ким вершинам Кавказского хребта, разделяя Кавказ на Северный, европейский, и на Южный, лежащий в Азии.

Вот эту систему и преподавали в школе еще в 1960-е годы. И автор этих строк, и другие люди столь же по- жилые и почтенные, кому за сорок, должны помнить из школьной географии это удобное, простое: граница Европы пробегает по вершинам Урала, по реке Урал, по берегу Каспия, по главным вершинам Кавказского хребта, по Черному морю, по Босфору и Дарданеллам.

Вот потом опять начались сложности: Европа про- должала расширяться. Во-первых, запротестовали Ар- мения и Грузия. Как же так?! Земли почти первобыт- ных мусульманских племен — в составе Европы?! Хад- жи-Мурат, Шамиль с его мюридами — европейцы?! А в то же время получается, Армения, первая в мире стра- на, где христианство стало государственной религией во П веке по Р. Х., — часть Азии?! Армения и Грузия

настаивают на том, чтобы считать их частью Европы (и не без оснований).

Во-вторых, о своей принадлежности к Европе не- двусмысленно заявляет Турция. С ХУП века ее терри- тория, как и территория Российской империи, лежит и в Европе, ив Азии. А турки считают, что уже много де- сятилетий, даже веков, в Турции осуществляется евро- пейский тип развития... По крайней мере, с конца все того же ХУ века. В Турции, между прочим, даже вы- пускаются

карты, на которых все Закавказье и вся Тур- ция — Европа. Вопрос только в том, как скоро это нов- шество признают остальные европейцы. Но что при- знают, я не сомневаюсь.

А кроме того, с 1960-х гг. произошло странное и до конца необъяснимое событие: граница Европы удиви- тельным образом переместилась на восток и на Урале. Мне не удалось найти автора этого открытия, но теперь уже весь Уральский хребет оказался в Европе, а юж- ная граница проходит по речке Эмбе, «отдавая Европе» еще 200 километров.

В 1990-е г. встал вопрос и о статусе Сибири. Рань- ше это особого значения не имело, но в эпоху ослабле- ния национальных границ, «парада суверенитетов» и «построения европейского дома» — имеет. С одной сто- роны, Сибирь — это никак не часть Европы, даже если границу проводить и по Эмбе... А с другой — ну какой же Новосибирск — азиатский город, скажите на ми- лость?! И не один Новосибирск. Мой родной Красно- ярск — совершенно отвратительный город, нет слов. Экологически грязный, населенный процентов на 30 бывшими уголовниками, он создавался как город боль- шого машиностроения, через который можно качать богатства Сибири, но никак не в качестве форпоста культуры. Жить в нем для культурного человека даже не скучно — попросту душно. И тем не менее — не азиатский это город. Испанцы в Америке тоже строили города с одной целью — извлекать и вывозить в Испа- нию золото и серебро, какао и хлопок. Но это ведь не

делает «индейскими городами» ни Рио-де-Жанейро, ни Мехико, ни Буэнос-Айрес.

Сказанное, конечно же, относится и к Иркутску, и к Чите, и к Хабаровску, и к Владивостоку. Относилось бы и к Харбину, но его русское население уничтожено и разогнано коммунистами в 1945 году. Относилось бы и к Дальнему, и к Порт-Артуру, но их Никита Сергее- вич соизволил подарить Китаю. Но к Владивостоку и сегодня относится, это европейский город.

Путешествие Европы через территорию Российской империи завершается тем, что в документах СБСЕ по- является формула: Европа и Сибирь. Раз уж нельзя по- ка считать Сибирь частью Европы — пусть будет чем- то расположенным неподалеку. Уверен, что даже люди моего поколения доживут до того, как формула «и Си- бирь» окажется устаревшей, и Сибирь (и русский Даль- ний Восток) будут молча признавать Европой. А там и на картах покажут.

Разумеется, на этом приключения Европы далеко не исчерпываются: и обе Америки, и Австралия, и Южная Африка относятся к Европе точно так же, как Сибирь, и по той же самой причине. Но эта тема далеко выходит за рамки нашей книги, и развивать ее я пока не буду.

Для нашей темы важнее другое: Европа оказалась способной пройти ряд изменений, стадий развития, ко- торых не было нигде и которые изменяли саму Европу. Во многих странах сменялись целые эпохи в культуре, менялся политический строй. Иногда — в сторону боль- шей свободы, иногда — меньшей. Но нигде изменения не происходили постоянно, все время, сплошным пото- ком. Нигде эти изменения не означали все большего на- растания личной свободы и рационализации всей жиз- ни в целом.

Боюсь, тут невозможно обойтись без зубодробитель- ных терминов, да уж ничего не поделаешь. Только в Европе аграрно-патриархальное общество постепенно превращалось в урбано-сциентистское.

Аграрно-традиционное общество — это общество

людей, живущих общинами и стремящихся поступать так, как делали мудрые предки. Самостоятельная лич- ность у них не в чести, а создавать новые знания о ми- ре они считают не очень нужным. У них уже есть свя- щенные предания, Библия, Коран или сочинения Карла Маркса. В них уже содержится все нужное, остается только «правильно» прочитать, чем и

занимаются спе- циальные жрецы: священники, жрецы бога Тота, муллы или сотрудники кафедры истории КПСС.

Урбано-сциентистское общество — это общество, в котором главной единицей становится не община и не группа, а личность. Общество индивидуальных людей, для которых важна не традиция, а их личный успех, квалификация, знание. Сциенсис по латыни — «знание». Люди урбано-сциентистского общества знания о внеш- нем мире черпают из науки, наблюдения, исследова- ния, а не из опыта мудрых предков, которые и так все знают.

В разных концах мира возникали общества, в какой- то степени похожие на европейские, но только в Евро- пе общество прошло несколько стадий развития от аг- рарно-традиционного к урбано-сциентистскому.

Средневековое европейское общество было аграр- но-традиционным. Не в такой степени, как средневеко- вое общество мусульман или китайцев, — но все-таки. Если бы китаец или индус в X, ХП, даже в ХИ веке по- пал бы в Европу — он нашел бы там много знакомого. Те же крестьянские общины внизу, те же корпорации воинов, жрецов, администраторов наверху. И каждый из них, и европеец и китаец, могли бы понимающе кив- нуть: да, называется все по-другому — и обычаи дру- гие. Но суть одинакова, везде одно и то же. Разве что горожане уже и тогда жили не совсем так.

Но в ХМ веке китаец уже не совсем узнал бы евро- пейское общество. В нем уже было то, чего нет в Ки- тае, — огромное влияние на личность человека, на его способность творить, создавая произведения искусст- ва, вторую природу, уподобляясь Богу в этом творчест-

ве. А европеец счел бы Китай несколько пресным и скучным, не придающим должного значения творческой личности.

В ХМ веке разрыв оказался бы еще больше, в ХУП он стал таким огромным, что трудно стало понимать друг друга.

Чаще всего в развитии Европы выделяют давно и хорошо известные этапы.

Возрождение — ХМУ-—ХУ! века, Реформация — ХУ!--ХУП века, Просвещение — ХУП—ХУП века, Инду- стриализм — самый конец ХУП — весь XX, самое нача-

ло XX века. Но все это деление очень условно, относи- тельно. В действительности идет единый поток собы- тий, стремительные изменения и культуры общества, и внешних форм общежития.

Этот поток тем легче, что с римского времени в Ев- ропе не было общины. Каждый человек, даже самый бедный поселянин, лично стоял перед миром, и к нему обращались все проповедники и правители, на него об- рушивались все изменения в мире. В результате Евро- па постоянно изменялась, и изменялась вся, полностью, от крестьянских изб до королевских дворцов. У изме- нений было много направлений, но вот одно из глав- ных: законы и обычаи придавали все большее значение личности каждого человека. Все важнее становилось соблюсти интересы не только правителя и его окруже- ния, не только верхушки общества, но каждого или почти каждого человека.

С каждым годом жить в Европе становилось все удобнее и безопаснее.

Изысканная прелесть безопасности

Боюсь, что эту главу кто-то может принять за некий панегирик, прославление европейского пути раз- вития. Наши люди до такой степени идеологизированы, так привыкли, что всякая информация

обязательно долж- на нести в себе пропаганду, что непременно пытаются

ее искать даже там, где ее нет и в помине. Так вот: речь идет не об агитации и не о пропаганде.

Для содержания книги не имеет никакого значения, кто выступает «за» что или «против» чего. В том счисле не имеет никакого значения, «за кого» или «за что» рату- ет автор этой книги. Имеют значение факты. Тому, кто считает иначе, нижайшая просьба: попробуйте найти у меня хотя бы одно неправильное рассуждение или хотя бы одну подтасовку в фактах.

Что же касается моего предпочтения свободы — хо- лопству и прав гражданина включению в общины, каза- чьи курени и комсомольские организации (которого я и не считаю нужным скрывать), то позволю себе срав- нить судьбы двух людей ХУ! столетия, двух современ- ников. Опять же — не в порядке пропаганды, а в по- рядке информирования читателя.

...Они жили в одну историческую эпоху, почти что в одно и то же время, и были людьми одного обществен- ного слоя: Дарья Николаевна Салтыкова и маркиз де Сад. При стечении обстоятельств они вполне могли бы познакомиться. Роман все-таки маловероятен, потому что маркиз был младше Салтыковой на 10 лет, но зна- комство и дружба вполне могли быть.

Дарья Николаевна Салтыкова родилась в марте 1730 года и вошла в историю как страшная Салтычиха. Больная женщина, Салтыкова убила по меньшей мере 157 человек — в основном своих крепостных девок. «По меньшей мере» — потому что вполне возможно, не стали известны многие, как говорят юристы, «эпизоды» ее преступлений. Ну, а число тех, кто лишился по вине Салтыковой здоровья — и физического, и психическо- го, нам и вовсе неизвестно — никто никогда не считал.

В 1768 году все-таки состоялся процесс. Салтычиху приговорили к смертной казни, но добрая царица Ека- терина | не велела казнить смертию, заменила казнь на пожизненное заключение. До самой смерти, до 1800 го- да, а по другим данным, до 1801 года, Дарья Николаев- на Салтыкова находилась в одиночном заключении, на

цепи, в полном мраке. Свечу приносили вместе с едой, уносили, когда поест.

Маркиз де Сад попал в заключение по поводу, кото- рый может показаться смешным после истории Дарьи Салтыковой: маркиз, написавший к тому времени не- сколько статей и книг, решил, так сказать, перейти от теории к практике и выпорол бродячую торговку. Все- го-то?! Да, всего-то. За совершенное преступление мар- киз де Сад был арестован, попал под суд. В суде он про- изнес такие пылкие речи, что вызвали врачей... В тюрь- му маркиза посадили, вроде вменяемый, но был он уже под сильнейшим подозрением. Вскоре, еще до окончания срока, маркиз второй раз был обследован врачами и переведен в сумасшедший дом. В те времена разница между тюрьмой и сумасшедшим домом была не очень велика, но тем не менее.

Никто не лишал де Сада титула, он и умер маркизом. Никто не лишал его богатства, он и скончался состоя- тельным человеком. Более того — и в тюрьме, и в сума- сшедшем доме он писал книги. Эти книги находили сво- их издателей и читателей, казна маркиза прибывала.

Только в одном сумасшедший маркиз разделил судь- бу Салтыковой — до самой смерти, до 1814 года, он был лишен свободы. Никто, правда, с садистской мелочно- стью не уточнял, что сидеть он должен на цепи и жить в полной темноте. Никто не мстил ему за отвратитель- ные книги, за больную пропаганду своего уродства. Его даже водили гулять по улицам Парижа; маркиз раз- влекался тем, что покупал розы корзинками и с гадост- ной улыбкой швырял их в грязь, под колеса идущих экипажей. Ему это позволялось — законов, запрещав- ших мусорить на улице, еще не существовало; маркиз, помимо своего вывиха, оставался вполне вменяемым и тратил свои деньги как хотел.

Но богатый человек, известный писатель, носитель титула маркиза, де Сад был сочтен опасным для обще- ства — и его лишили возможности причинять вред и быть источником опасности для других граждан.

А Жиль де Ре?! Обрадуется иной читатель — он-то убил несколько десятков ребятишек! Вот видите?!

Вижу. Вижу, что Франция ХУ века больше похожа на Российскую империю ХУП века, чем на Францию ХУ. Простите, я об этом как раз писал: что Европа стремительно менялась. Стремительно и в очень боль- шой степени. В ХУ веке во Франции рабства, беспра- вия, холопства было очень много. В ХУ\УП веке, даже за- долго до революции 1789 года, стало намного меньше.

Вообще, «фактор времени» часто малопонятен рос- сиянину — даже ученому. Мне доводилось наблюдать, как вполне серьезные люди оказывались неспособны принимать во внимание быстро идущих изменений.

— У вас в Европе...

— Простите, в какое именно время?

И коллега недоуменно замолкает. Он не принял во внимание, что «у них в Европе» в разное время все бы- ло очень по-разному. В Российской Федерации и в дру- гих государствах России есть многочисленный контин- гент людей, очень не любящих того комплекса идей, ко- торые составили «европейскую идею» — гражданства, свободы, равенства людей перед законом, индивиду- альности и т.д.

Многовековое извращение русского ума под влияни- ем холопства и рабства заставило многих людей упоен- но доказывать самим себе и всем окружающим преиму- щества рабского состояния. И уж, во всяком случае, свыкаться с ним, отращивать как бы оболочку любви к несправедливости и неравенству. Они ищут обоснова- ний, объяснений и причин того, что рабом быть хоро- шо, а свободным — плохо. А главное — для того, чтобы обосновать: все это вранье — всякая там свобода, гра- жданское общество, независимость личности от госу- дарства. Что всего этого на самом деле вовсе и не су- ществует. Что все это — пропаганда, обман, надува- тельство.

Эти люди, естественно, очень не любят Европу, а уж одна мысль о том, что Европа имеет перед Россией

хоть какое-то преимущество, буквально приводит их в бешенство. Этим людям очень важно доказать, что ни- какого преимущества и нет, что «везде было, как везде», и что в Европе тоже происходили «такие вещи».

Получается не слишком убедительно — уже потому, что Европа у русского не только извне, но и внутри. Чтобы отказаться от того, что несет с собой европей- ский путь развития, приходится топтать что-то очень важное в самих себе, и потому неспокойная, недобрая позиция самоубеждения окончательно перехлестывает у них в натуральнейшую истерику.

Сколько нервов, эмоций и сил тратят эти бедолаги, чтобы обосновать главное вранье: в Европе человек так же слаб, незащищен, беззащитен, как и в Азии! Сколько сил приложил тот же А.А. Бушков, чтобы по- казать — Генрих У ничем не лучше Ивана Грозного!

Этим людям вполне искренне кажется, что самое главное в том, что в Европе тоже были садисты, подон- ки, тираны и всякая сволочь. А раз так, то чем же они лучше нас?!

Ну так вот: я в этой книге вовсе НЕ. ДОКАЗЫВАЛ, что европейцы чем-то лучше неевропейцев. Я также НЕ ДОКАЗЫВАЛ, что Европа неспособна порождать разного рода чудовищ. Взять того же Жиля де Ре, став- шего прообразом Синей Бороды. Барон де Ре в сере- дине ХУ века садистски убил несколько десятков ребя- тишек. Частью — приносил жертвы Сатане, частью про- сто развлекался таким образом.

Преимущество Франции перед Российской импери- ей в ХУ веке не в том, что в Российской империи мог- ла быть Салтычиха, а во Франции не могло быть марки- за де Сада. И тот, и другая вполне могли появиться, и появились. Более того, маркиз, судя по всему, гораздо опаснее Салтыковой. Во-первых, весь опыт человече- ства показывает — в совершении аналогичных престу- плений мужчины гораздо опаснее женщин: крупнее, активнее, предприимчивее. Они и придумают больше, и осуществить сумеют лучше.

197

Во-вторых, маркиз ведь умнее и образованнее. Сал- тыкова отличается от мужиков только тем, что сидит у них на шее и имеет право их мордовать вплоть до чело- векоубийства. Ее страшный порок груб, совершенно лишен рафинированности, выдумки, изыска. Ничего похожего на многообразные, яркие фантазии маркиза де Сада, который уж умеет сам себя потешить, расше- велить, развлечь. Маркиз способен много придумать и выразить придуманное в виде каких-никаких, а литера- турных произведений. Салтыкова же если и умела пи- сать, то очень плохо. И ничего никогда не читала.

Так вот, преимущество гражданского общества, лич- ной свободы и вообще Европы в том, что во Франции смертельно опасному, крупному и сильному маркизу ходу не дали. Фантазируешь? Фантазируй. Книги пи- шешь? Пиши, а найдутся любители — издавай их и про- давай, на здоровье. Но вот обидеть хоть кого-то, хотя бы бродячую торговку, уже нельзя. Общество не по- зволяет этого, и оно умеет оградить своих членов от насилия. Судьи социально гораздо близки маркизу, не- жели торговке, но они именно маркиза быстро отправ- ляют за решетку.

В Российской империи глупая, серая как мышь, при- митивная Салтыкова смогла стать убийцей 157 человек, а скорее всего и еще больше. Потому что она была по- мещицей, владевшей несколькими тысячами человече- ских существ, и все эти люди были в полной ее власти. Кстати, Салтыкова запарывала до смерти дворовых де- вок отнюдь не в такой уж глуши: в Подольском уезде Московской губернии. Мужики несколько раз обраща- лись с жалобами, но ведь по ЗАКОНАМ Российской им- перии жалоба на помещика каралась каторжными ра- ботами. Подчеркиваю: по законам. А священники отпе- вали жертвы, записывая в церковные книги самые фантастические причины смерти, и притом прекрасно зная настоящую причину.

Сохранилась придворная легенда: после осуждения Салтыковой Екатерина П изящно погрозила пальчиком

198

Шеншину: мол, ты тоже, смотри, доиграешься! Все ведь прекрасно знали, что Шеншин завел в своих имениях пыточные и подражает инквизиционному трибуналу. Так сказать, развлекается как может. Я же говорю — муж- чины обычно опаснее.

Салтыкова не так уж сильно вышла за рамки допус- тимого по законам Российской империи. Ее беда еще и в том, что она — не из придворных кругов. Так, мелкая дворяночка, которую вполне можно и осудить.

Так вот — преимущество Франции над Российской империей, Европы над Азией не в том, что люди там — совершенство и чистое золото.

Преимущество — в законах, защищающих человека. И в правилах жизни, по которым и маркиз не может обидеть торговку.

Право же, в некоторых отношениях лучше быть пре- словутой торговкой во Франции, чем помещиком. в Рос- сийской империи: безопаснее как-то.

Часть Ш НА ЗАПАДЕ РУСИ

...Не я Увижу твой могучий поздний возраст.

А.С. Пушкин

Что же произошло с землями Киево-Новгород- ской Руси после ее неизбежного развала в ХИ веке?

На развалинах огромного государства возникает мно- го государств гораздо меньшего масштаба. Действуют одновременно две тенденции: каждое из этих государств постоянно готово дробиться на еще меньшие. И вместе с тем жители этих государств прекрасно осознают, что все они — люди одного народа и обитатели одной стра- ны. И эти государства постепенно, медленно, но верно собираются в два больших: Московская Русь и Великое княжество Литовское.

Проследим, что происходило с теми землями Киево- Новгородской Руси, которые расположены вне Северо- Востока Руси и вошли в состав Великого княжества Литовского.

Начнем с того, что эти земли очень разнообразны. На них присутствуют оба типа ведения хозяйства: се- верный и южный. Они представлены не одной, а как минимум тремя разными линиями социально-экономи- ческого развития: Западной, Юго-Западной и Галицко- Волынской.

Что характерно, в ХШ— ХУ веках все эти земли — уже не «восток» славянского мира. Перспективы расто- чительного, бездумного ведения хозяйства здесь не прослеживаются, и «бесхозных» земель уже нет.

И все русские княжества от Волыни до Новгородка и от Вязьмы до Бреста постепенно «прибрала» Литва. Исключение составляет Галицкая земля, которая доста-

лась Польше. Но еще раз подчеркну — это одно из ис- ключений, а их немного. Великое княжество Литовское стало судьбой Западной Руси, и надо для начала выяс- нить, кто же это «собрал» почти все русские земли, кро- ме Галицкой земли, Северо-Запада и Северо-Востока?

Глава 9 ОТКУДА ЕСТЬ ПОШЛА ЛИТВА

Всякая сущность обладает происхождением. Не вся- кое происхождение порождает сущность.

Из высказываний философов

По официальной московской версии, литовские князья — это злобные враги русских, которые при пер- вом удобном случае захватывали их земли, временно оказавшиеся без отеческой руки Москвы. Как сказано в одном авторитетном справочнике, они «поддерживали сепаратистские настроения князей против Москвы».

В современной Литве, похоже, господствуют прямо противоположные, но вряд ли более осмысленные на- строения. Хорошо помню одного литовского археолога... Тогда, в начале 1980-х годов, Москва издала очередной секретный указ: не давать специалистам из Прибалтики защищаться и получать ученые степени! В Москве рас- поряжение выполнялось, а в Ленинграде — нет. Архео- логи из Эстонии, Литвы и Латвии ехали в Ленинград- ское отделение Института археологии АН СССР или в Ленинградский университет.

Ну вот, а знакомый литовец после второй рюмки коньяка стал рассказывать, как русские предали литов- ских князей и убежали в Москву. А получилось для них же хуже. Вот если бы они не предали Литву, так и жи- ли бы не в диком СССР, а оставались бы в цивилизо- ванном,

европейском Великом княжестве Литовском. Моя попытка задавать «неудобные» вопросы — напри- мер, о принятых законах, утверждавших неравенство

201

католиков и православных — воспринимались как со- вершеннейшая неприличность. Нечто вроде стремления пукать за столом или неумения есть ножом и вилкой. В этой среде к Великому княжеству Литовскому пола- галось относиться молитвенно; все, не соответствую- щее иконописному обличию этого государства, риту- ально полагалось не замечать.

Разумеется, обе позиции не имеют ничего общего с реальностью, причем в одинаковой степени. Это тот са- мый случай, когда идеология торжествует над истори- ей, логикой, здравым смыслом, исторической памятью... надо всем.

Реальность же, которую мы можем нарисовать — частью по археологическим данным, частью по поль- ским, литовским, русским, чешским, шведским хрони- кам, очень далека от любых идеализаций. Все было про- ще, жестче и грубее, чем хотелось бы любым идеологам.

Из тьмы времен встают непроходимые литовские ле- са. Литовцы гордятся этими густыми, дикими пущами. Даже сегодня и даже на сибиряка литовские леса, что называется, производят впечатление: на десятки верст, почти без разрывов, колышутся сплошные дубравы. Высокий подлесок, трава влажная до полудня, даже ес- ли день ясный. Шум деревьев под ветром, горьковатый аромат дубовых листьев, море грибов.

Эти леса предки литовцев расчищали, чтобы распа- хать землю под пашню. В этих лесах они охотились и пасли скот.

Внимательный читатель уже может сделать вывод, что там, где много лесов, там общественное развитие как-то не особенно торопится. И действительно, еще в [Х—Х! веках в Литве цивилизация, строго говоря, не на- чалась. Нет еще государства, торговых городов, школ, знати, каменных сооружений, письменности. Есть только племенные союзы, «земли», которые постепенно становятся государствами. Есть племенные вожди, ко- торые все быстрее становятся князьями (как говорили на Литве, кунигасами). Среди кунигасов выделяются

202

«старейшие» — кунигасы самых крупных земель: Дел- лтувы, Каршувы, Летувы. Самые крупные города — Тракай, Кернаве — начинают превращаться в города с торгово-ремесленным населением.

Уровень развития Литвы в это время примерно такой же, как на Руси веке в УП—УЙ, тремя веками раньше.

Разумеется, идет какое-то развитие, но очень не- спешно. Насколько не спешат люди в глуши литовских пущ, говорит такой факт: железные изделия появились в Литве еще в У веке до Р.Х., но местные железные ру- ды начинают разрабатываться почти тысячелетием поз- же — в [У—У веках по Р.Х. Да, в лесах не спешат. Ведь лес с его целинными почвами, рыбой, зверем, древеси- ной — сам по себе огромный природный ресурс.

Цивилизация, конечно, неизбежна, все идет к ней. Но это очень медленный процесс, и совершенно неиз- вестно, сколько времени он шел бы еше, если бы не внешние факторы.

В роли одного из внешних факторов выступила Русь, для которой цивилизация уже началась. Пример соседа всегда заразителен, особенно если с этим соседом мож- но торговать, и не без выгоды.

Но в роли самого главного внешнего фактора высту- пили немецкие рыцари. Папа Иннокентий Ш провозгла- сил Крестовый поход против прибалтийских язычни- ков. Целые духовные ордена —

меченосцев, тевтонцев, Ливонский орден — идут на литовские леса. И с запа- да, и от захваченных на побережье опорных пунктов типа Риги. Крестоносному войску помогают рыцари из Дании, наемники из разных немецких земель, даже из Франции.

С одной стороны — современная для того времени армия, прекрасно вооруженная и обученная, спаянная жесткой дисциплиной. Армия, многие солдаты которой прошли войну на Переднем Востоке, имеют опыт дру- гих войн. Эта закованная в сталь, мечущая арбалетные стрелы армия опирается к тому же на ресурсы чуть ли не всей католической Европы.

С другой — разобщенные полупервобытные племе- на, чьи воины-хлебопашцы не сравнимы с профессио- нальными солдатами Европы ни по выучке, ни по воо- ружению. Только что они покоряли куршей и латов, же- лезным сапогом топтали острова Сарему и Хиуму, ло- вили в рабство круглоголовых молчаливых эстов. Таких же, как литовцы, вряд ли лучше.

Казалось бы, и литовская земля обречена, как все прибалтийские земли. Но как часто бывает в истории, на передний план выступили факторы, которых никто не ожидал, и они-то, эти совсем новые факторы, и ока- зались самыми главными.

Перед лицом общей опасности литовские земли стре- мительно объединились. Вот он, первый, крайне важ- ный фактор. Один из «старейших» кунигасов, кунигас государства Летувы Миндаугас, которого на Руси назы- вали и называют Миндовгом, сумел покорить все ос- тальные земли и стать общим кунигасом всей Литвы.

Когда родился Миндовг, неизвестно. Правил он с 1230-х годов, ас 1240-х годов и возникло единое госу- дарство.

Железной рукой объединил литовские земли Мин- довг: Нальшанскую, Жетувскую, Жемайтскую, часть Ятвяжской; начал включать в состав своего государст- ва и некоторые русские земли: Черную Русь с города- ми Слоним, Новогородок и Волковыск.

Своей столицей Миндовг сделал Новогородок в бо- лее цивилизованной Руси. Так, Святослав хотел пере- нести столицу в Переяславль-на-Дунае. Так, вождь фран- ков Хлодвиг перенес столицу в старый галльский город Суассон.

В 1236 году войско меченосцев вторгается в Литву, но противостоят им уже не ополчения отдельных зе- мель, а мощная централизованная армия князя Миндов- га. Под Сауле (Шауляем) орден терпит поражение... да такое, от которого он уже никогда не оправился.

Сказался, конечно, и еще один, тоже никем не ожи- даемый фактор... Литовцы оказались очень хорошими

воинами. Мало того, что рослыми и физически сильны- ми (что тоже немаловажно в эпоху холодного оружия), но и стойкими, дисциплинированными, отчаянными, уп- рямыми.

Возможно, для кого-то из читателей мои слова про- звучат почти что как слова расиста, но что поделать! Разные народы рождают и воспитывают воинов очень разного качества.

Позволю себе маленькое отвлечение. Британцы про- шли всю Индию огнем и мечом и нигде не встретили особо ожесточенного сопротивления. Таково уж миро- воззрение и мироощущение индусов (если нужно мод- ное иностранное слово, пожалуйста: таков менталитет индусов), что даже члены традиционно воинских каст не проявляли особого боевого неистовства. Как иногда говорят, индусы — «невоенный» народ».

А вот при своем вторжении в Непал британцы вдруг потерпели поражение от маленького народа гуркхов. В конце концов и Непал в 1814 году капитулировал, но победа досталась британцам очень нелегкой ценой. Гуркхи уступали британцам и даже местным солдатам- сипаям в выучке, вооружении, очень часто и в здоро- вье — в конце концов, в сипаи брали самых выносли- вых, рослых и крепких, а гуркхи были плохо вооружен- ным, не очень сытым народом, который шел в бой под руководством деревенских старост. Но выкашиваемые артиллерийским огнем, размахивающие дедовскими ме- чами гуркхи заставили британцев себя очень и очень уважать. По определению генерала Макферсона, «эти коротышки дрались, как черти в аду», и заставили бри- танцев принять, что называется, нетривиальное решение.

Подписывая договор с раджой Непала, британцы осо- бо оговорили очень важный для них пункт: право вер- бовать в свою армию гуркхов. И вряд ли разочаровались: гуркхи оказались лучшими солдатами, какие служили Британской короне. В некоторых случаях они превос- ходили и британских солдат своим мужеством, дисцип- линой, боевыми качествами. В здании Британской им-

перии есть несомненная заслуга гуркхов. А вот заслуги других народов Индии в этом нет, что тут поделать!

Потому что есть на свете народы военные и невоен- ные. Вот сведения из менее экзотических мест: в 1230— 1283 годах Тевтонский орден завоевывает земли прус- сов и западных литовцев, в ХУ веке — эстов, ливов, ла- тов, куршей. Вся языческая Прибалтика покоряется немцам. Но попытка завоевать народ Миндовга сразу же приводит к поражению. Умывшись собственной кро- вью в 1226 году, крестоносцы вынуждены остановиться.

Аукшайты оказались отчаянными воинами. А их ку- нигас Миндовг был порою не только умен, но и хитер. Хочется сказать — хитер, как всякий первобытный че- ловек, еще не знающий, что лгать нехорошо. Он умел ждать нужного момента, а до него — лавировать, укло- няться и врать.

Тевтонский орден создан, чтобы нести свет христи- анства? Отлично! Тогда Миндовг примет христианство и сам будет христианизировать свою страну! В 1250 го- ду Миндовг заключает с Тевтонским орденом мнр, а в 1251 году принимает католичество. Не очень молодого кунигаса окунают в купель... и теперь агрессия против него и его земель уже вовсе не бесспорна, уже лиша- ется идеологического оправдания: «необходимости» христианизировать язычнинов.

Но вот 13 июля 1260 года при озере Дурбе войско доброго католика Миндовга встречается с войском дру- гих добрых католиков — с объединенным войском ли- вонских, прусских, датских крестоносцев. Скажем ко- ротко — войско доброго христианина Миндовга, совсем недавно принявшего католичество, наголову разбило крестоносное воинство. Настолько наголову, что в схват- ке погиб магистр Ливонии Бургард и маршал Пруссии Генрих Ботель.

Помогли «свои», бывшие в войске немцев. Кресто- носцы вели с собой много людей племени куршей, ко- торых они называли куронами. Курши — племя, родст- венное литовцам, — жили вдоль побережья Балтики, в

самых «янтарных» местах. Куршская коса, на которой добывается 99% всего мирового янтаря, — их племен- ная территория. В армии крестоносцев курши были на положении обозных мужиков, прислуги, саперов, вспо- могательных войск. Убедившись, что орден может и не выиграть, «союзники» взбунтовались и нанесли немцам удар в спину.

После поражения немцев тут же восстали куроны- курши, эсты, жмудь и пруссы. Эти востания, естест- венно, всячески поддерживались Литвой и не давали немцам завоевать новые земли, заставляя замирять уже захваченные. Миндовг же, добившись своего, преспо- койно отрекся от христианства. Но от борьбы с рыцар- скими орденами крестоносцев он и не думал отрекать- ся.

Уже под конец жизни, в 1262 году, Миндовг заклю- чает договор с Александром Невским — о совместном походе на немцев. Кто знает, какие последствия мог бы иметь такой поход?! Как изменилась бы история, кото- рую мы знаем сегодня?!

Но в 1263 году Миндовга убили его враги, заговор- щики из литовской знати: не в добрый час Миндовг от- нял жену у одного из них. Единое литовское государст- во распалось на прежние земли, и новгородско-литов- ский поход на немецких рыцарей не состоялся.

Уже в 1270 году Литва опять собрана кунигасом Трайдянисом, которого на Руси называли Трайден.

Княжил Трайден в Кернаве, которую и сделал сто- лицей всей Литвы, и прожил Великим князем недолго, 12 лет, до 1282 года. К Миндовгу он никакого отноше- ния не имел, государства от него не наследовал, а про- сто заново собрал страну. Видимо, подошло время Лит- ве быть объединенной, и ничего уже нельзя поделать.

Политику Миндовга Трайдент продолжал: поддержи- вал восстания в Земгале, у пруссов и у западных литов- цев. С орденских земель люди бежали, и Трайден селил беженцев в Литве и в городах Черной Руси. Русские земли по-прежнему входили в состав литовского госу- дарства.

В 1293 году литовские и русские земли снова «соби- рает» кунигас Витенис (Витень). Он просидит на пре- столе Великого князя долго, до 1316 года, и тоже будет вести политику, направленную против ордена. Даже Большая советская энциклопедия «похвалила» Витеня: «В 1307 им освобожден от немцев Полоцк» [57. С. 199]. Заметьте — все-таки «освобожден», а не «захвачен», хо- тя присоединения к Великому княжеству Литовскому русских городов всегда трактовали как «захват».

Ведь изгнание крестоносцев из Полоцка, разумеет- ся, не означает, что кунигасы и Великие князья Литов- ские — сугубые альтруисты. Говоря попросту, окреп- шее Литовско-русское государство проводит уже не только оборонительные операции. Изгнав немцев, они воцаряются в Полоцке сами; идет расширение Велико- го княжества Литовского.

В 1316 году Витеню-Витаустасу наследует Гедими- нас. Обстоятельства наследования и степень родства, вообще-то, не очень понятны. В западнорусских лето- писях Гедиминаса называют сыном Витеня. Польский историк Стрыковский называет его братом Витеня, а самого Витеня — одним из полководцев Трайдена.

Польский хронист Ян Длугош сообщает, что Гедими- нас был конюшим у Витеня, убил его и захватил власть. Вообще-то, Ян Длугош — очень серьезный хронист, и к сообщаемой им информации всегда имеет смысл при- слушиваться.

А в некоторых русских летописях сообщаются и еше более пикантные подробности. Что во время наше- ствия Бату-хана бежал в Литву полоцкий князь Вите- нец. Что правил в Литве 30 лет и был убит молнией. А после его смерти его слуга «именем Гедиминик» похи- тил не только его власть, но и старую жену Витенца и стал править, а от бабы прижил семь сыновей.

Говоря откровенно, в эту версию мне трудно пове- рить. Во-первых, сообщаются все эти гадости о Геди- мине в «Родословной Велико-Российского государства», писанной в Ярославле в 1668 году. Во-вторых, крайне

подозрителен этот полоцкий беглец Витенец, очень уж своевременно затесавшийся в число предков польских и литовских Ягеллонов. История эта слишком похожа на позднюю русскую попытку наложить лапу на род Гедиминаса. Что Н.М. Карамзин с удовольствием ее пе- редает [58. С. 279—280], понять несложно. Но вот ве- рить в нее очень трудно.

В-третьих, странная эта история с женой. То есть, конечно, женщина вполне могла быть бесплодна с од- ним мужем и родить семь сыновей от другого. Но воля Ваша, дорогой читатель, и в наши-то времена трудно представить себе, чтобы женшина, даже выйдя замуж совсем молоденькой, через тридцать лет лихо рожала бы от другого. Да еше семерых сыновей! А ведь в XM ве- ке женщина и в 30 лет считалась чуть ли не старухой.

В-четвертых, очень трудно представить себе, чтобы негодяй и убийца вдруг «переменил кожу» настолько, что стал рыцарем, воеводой и национальным героем. Мо- жет быть, так и бывает, но скорее всего очень редко.

Так что история сия отдает попросту провокацией. Будем исходить из того, что был Гедиминас литовец- аукшайт, скорее всего — родственник Витеня, и ни в каких грязных историях скорее всего не замешан. Бу- дут представлены более серьезные доказательства — будет и серьезный разговор, а пока для него нет осно- ваний.

Для русских и немцев Гедиминас был, конечно, Ге- димин; под этим-то именем он и вошел в историю, при- чем не только в историю своей маленькой страны.

На престоле Великого князя Гедиминас просидел 23 года, до 1341 года, создав за это время могучее и славное государство литовцев и русских. Он так и ти- туловался, вполне официально: «король литовцев и рус- ских». Он возглавил княжество, где еще не ушел до кон- ца в прошлое родоплеменной строй, а покинул этот мир феодальным владыкой, владельцем нескольких ог- ромных замков, по приказу которого собиралось вой- ско в несколько десятков тысяч сабель.

Гедиминас был первым Великим князем, который на- следовал родственнику. Когда он восходил на престол, еще было непонятно: утвердится ли наследственный принцип или после его смерти начнется новый кругово- рот междоусобиц. После смерти Гедиминаса Литва опять распалась на множество мелких княжений, но начало было положено: на престоле Великих князей Литов- ских осталась основанная им династия — пусть даже вернуть себе престол сыновьям Гедимина пришлось си- лой. Династия потомков Гедимина и сидела на этом престоле до самого конца истории Великого княжества Литовского.

В политике и Гедиминаса, и его потомков — Гедими- новичей было две главные линии: борьба с крестонос- цами, с Ливонским и Тевтонским орденами, и собирание русских земель. Именно что русских! Далеко не вся Литва входила в Великое княжество Литовское. Мало того, что ни родственные литовцам пруссы, ни западные литовские племена — курши не имели к нему никакого отношения... А ведь эти народы имеют к литовцам-аук- шайтам такое же отношение, какое к русским — даже не чехи, а скорее болгары и сербы.

Великое княжество Литовское создавали и жили в нем только аукшайты — один из племенных союзов ли- товцев. К Великому княжеству Литовскому не имели никакого отношения другие литовские племенные сою- зы — жемайтов и ятвягов. Ятвяги влились в состав Ве- ликого княжества Литовского только в XИ веке — мно- го позже, чем княжества Черной Руси. А Жемайтия бы- ла отвоевана у немцев и включена в состав Литвы только Витовтом в XУ веке, когда в Великое княжество Литов- ское входила почти вся Западная и Юго-Западная Русь.

Это выглядит так, как если бы Киевская Русь была бы государством полян и финно-угорских племен, но ни в коем случае не древлян и не кривичей. Или если бы в Польское королевство категорически не брали бы мазуров и поморян, но охотно включали бы литовцев и пруссов. Есть множество признаков, что аукшайты во-

все не считали жемайтов дорогими сородичами — в точности как полянам никакие соображения родства не мешали резать древлян в свое удовольствие.

Остается признать — Великое княжество Литовское было никак не племенным государством литовцев, не специфическим явлением для балтских народностей. Наиболее точно выразился о нем Гедимин, коронуясь «королем литовцев и русских». Да и само слово «княже- ство», которым назвал свое государство еще Миндовг, о чем-то да говорит. Мог ведь назвать и «Великим кунгас- СТВОМ» — прямой, кстати, аналог «Великого княжества». Мог назвать и королевством или герцогством, если бы так уж довлел бы к католической романо-германской Европе. Видимо, русское название своего государства и своего титула привлекло Миндовга много больше.

Впрочем, и правители Мазовии тоже называли себя князьями. Родственные великополякам племена мазу- ров создали собственное государство, независимое до 1526 года. А в названии своих правителей не стали обезьянничать, назвали их старым славянским словом «князь». Как видно, мазуры чувствовали себя не частью романо-германского мира с их королями и герцогами, а частью славянского мира. Как и люди Западной Руси. Как и литовцы-аукшайты.

Глава 10 НЕМЕЦКАЯ ОПАСНОСТЬ

Все, очевидно, несомненно, знали, что они были пре- ступники, которым надо было скорее скрыть следы своего преступления.

Граф Л. Толстой

Для того чтобы сделать вполне понятным и на- ше повествование, и политику Великих князей Литов- ских, нам придется потратить время для рассказа еще об одном явлении — зловещем, неприятном и опасном:

211.

о немецком нашествии в Прибалтику и на славянские земли.

Это явление стало едва ли не важнейшим событием во всей внешней политике всего севера Восточной Ев- ропы. Фактором, который действовал на поляков, Литву, народы Прибалтики, на Северную Русь, причем дейст- вовал с огромной силой и на протяжении, по крайней мере, четырех столетий.

С начала ХШ века, когда первые рыцарские ордена крестоносцев появились в Прибалтике (фактор начал действовать!), и до полного развала последних орденов под ударами Речи Посполитой, с одной стороны, и Мос- ковии — с другой, в середине ХУ! века, вся жизнь не- скольких стран и народов не могла быть понята без учета этого явления.

В 1200 году на 23 кораблях в устье Двины ворвался епископ Альберт из Бремена. Место было хорошо из- вестное, весьма подходящее для порта и торгового го- рода. Немцы захватили поселение ливов при впадении речки Ридзине в Даугаву, близ моря, и построили го- род, который сегодня называется Ригой.

В 1202 году создан новый рыцарский орден «Братья Христова воинства». Создают орден рижский епископ Альберт и папа Иннокентий Ш, с самого начала предна- значая его для захвата Восточной Прибалтики. Распро- страненное название «меченосцы» произошло от того, что на белом плаще рисовали красный меч и крест.

Папа в 1207 году закрепил за новым орденом треть завоеванных ими земель. Легко, наверное, дарить чужое!

Орден не только «обращал в христианство» латгалов, ливов и эстов. Он сразу же начал вторгаться в Полоц- кую землю, угрожал Новгороду и Пскову.

С запада, от границы Польши и Мазовии, надвигался Тевтонский орден. Возник этот орден в Палестине в 1191 году как объединение немецких рыцарей, о чем говорит уже название. Немецкие

крестоносцы исполь- зовали имя дикого племени тевтонов, вторгшихся когда- то в земли Рима и наголову разбитые в 102 году до

.212

Р. Х. Марием при Аквах Секстиевых, после чего прочно и навсегда исчезли из хроник.

В 1198 году папа Иннокентий Ш признал новый ор- ден. Война на Переднем Востоке во время 3-го Кресто- вого похода не покрыла Тевтонский орден неувядаемой славой. Салах-ад-Дином они были часто и позорно би- ТЫ, И «везло» им в основном при погромах Византий- ской империи.

К началу XШ века Тевтонский орден владел больши- ми землями в Германии и в Южной Европе, в «Рома- нии» — то есть на захваченной крестоносцами террито- рии Византии.

Появлению Тевтонского ордена у себя дома жители Прибалтики «обязаны» удельному князю Конраду Мазо- вецкому. В 1205 году Конрад Мазовецкий получил Ма- зовию, Куявию, Хелминскую и Добжинскую земли от своего брата Лешека. А после смерти Лешека в 1227 го- ду получил также Краков и все относящиеся к нему вла- дения. Конрад Мазовецкий был женат на Агафье Свя- тославовне, дочери перемышльского князя Святослава Игоревича, и имел от нее нескольких сыновей.

Кроме того, Конраду Мазовецкому очень докучали племена пруссов, которые постоянно вторгались в его земли. Есть основания полагать, что Конрад Мазовец- кий не меньше докучал пруссам, постоянно вторгаясь в их земли, но об этом можно только догадываться — не- грамотные пруссы не вели хроник.

Польские хронисты, в том числе и Ян Длугошь, опи- сывают Конрада Мазовецкого достаточно черными крас- ками. Жадный, нечестный король хотел загрести жар чужими руками и для этого позвал крестоносцев. Не- мецкий хронист Петр из Дусбурга описывает Конрада Мазовецкого как кроткого, богобоязненного монаржа, «славного христианнейшего правителя», «человеком, вполне благочестивым и ревнителем веры», на земли которого все время нападали злые язычники-прусы. Приходится сделать вывод, что оценка личности Кон- рада Мазовецкого сделана под слишком большим влия-

213

нием собственной принадлежности к тому или другому народу.

В 1226 году Конрад Мазовецкий заключил договор с Великим магистром Тевтонского ордена Германом фон Зальца (1210—1239) и подтвердил его в 1230 году сво- ей жалованной грамотой. По договору орден получил область Хелмно с правом расширять свои владения за счет прусских земель. Грубо говоря, все, что завоюет орден, надо делить пополам. Половина — ордену. По- ловина — Конраду.

Действительно ли так был наивен Конрад, рассчи- тывая покорять пруссов с помощью ордена? Как знать. Во всяком случае, дело было сделано, и крестоносцы утвердились в устье Вислы. Тевтонский орден лихо воевал с пруссами. Знаменитая рыцарская «свинья» вре- залась в неорганизованные толпы не знавших строя ди- карей. Стальное оружие, защищенные латами люди и кони шли против деревянных доспехов и охотничьих рогатин. Между 1230 и 1283 годами практически вся Пруссия и земли западных литовцев — ятвягов были покорены. К 1283 году огромная территория между устьями Вислы и Немана оказалась в руках ордена.

Но вот тут-то выяснилось, что делиться крестонос- цам необязательно. Папский престол вынашивал пла- ны создания в Прибалтике независимого орденского государства и полагал, что если крестоносцы завоюют земли язычников, то с чистой совестью могут взять их себе.

Булла папы Григория ПХ от 12 сентября 1230 года отдавала все земли пруссов Тевтонскому ордену, «во отпущении грехов, доколе будете выступать... за от- воевание земли сей из рук пруссов» [59. С.

265].

Тевтонский орден утвердился, окреп и плевать хо- тел на прежние договоры с Конрадом Мазовецким. Ок- реп еще немного — ив 1309 году захватил у Польши Восточное Поморье с городом Гданьском, который нем- цы называли Данцигом.

В том же 1309 году столицей Тевтонского и Ливон-

213

ского орденов сделалась крепость Мариенбург в Прус- сии вместо слишком близкого к польским землям горо- да Торуня. Из чего, разумеется, вовсе не следует, что орден сразу же отдал Хелмскую землю обратно поль- ским королям. |

Вообще, отношение к тому, кто имеет больше прав на Хелмскую землю, у историков находится в чересчур большой зависимости от того, поляки они или немцы. Поляки доказывают, что и в Хелмской земле всегда жи- ли одни только поляки. Немцы — что до X века в Хелм- ской земле жили пруссы и что в XИ веке Хелмская зем- ля была разорена войнами поляков и пруссов. И что владычество ордена было единственным способом пре- кратить междоусобицу, взаимные набеги, кровную месть и истребление младенцев в люльках.

Разобраться в этом бывает не проще, чем в том, кем же был Конрад Мазовецкий — святой креститель языч- ников или циничный мерзавец, обманутый еще больши- ми мерзавцами?

Пока же, в XИ веке, впущенные в Прибалтику орде- на множились, как бациллы в благоприятной среде.

В 1237 году Великий магистр Герман фон Зальца, пользующийся огромным влиянием при дворе импера- тора Священной Римской империи германской нации и в Ватикане, решил соединить Тевтонский орден и ос- татки меченосцев, уцелевших после разгрома под Шау- ляем. Новый, Ливонский, орден изначально создавался как подразделение Тевтонского ордена для ведения дел на востоке, в Ливонии.

Орден подчинялся Тевтонскому ордену в Пруссии и папе римскому. Ливонский орден тоже рос и укреплял- ся, не хуже материнского Тевтонского. К концу XИ ве- ка, после захватов всей Эстляндии (к 1346 году) и ост- рова Готланд (в 1398 году), владения Ливонского ор- дена составили почти 67 тыс. квадратных километров земли.

Стоило орденам объединиться, как в сфере немец- кого нашествия оказались Литва и Жемайтия: эти язы-

245

ческие земли лежали между владениями Тевтонского и Ливонского орденов и мешали их общению... ну, и еще мешали созданию единого государства. А кроме того, в руках у язычников оставались богатейшие земли, когда многие братья ордена оставались голодны и наги. Это нельзя было рассматривать иначе, нежели чудовищную несправедливость, и орден, конечно же, начал неспра- ведливость исправлять, со всем рвением детей божиих, очень чувствительных к несправедливости.

Скажем честно — орденские братья сделали все, что могли. И если на Земле еще можно видеть живого литовца — это никак не их вина: рыцари сделали все, что могли. С 1340 по 1410 год Тевтонский и Ливонский ордена предприняли 100 походов против Литвы. По во- енному походу каждый год, во многие годы — по два.

Впрочем, первые попытки вторгаться в Жемайтию были предприняты еще в начале XИ века и с моря. Крестоносцы захватили литовский город Клайпеду и построили на его месте крепость Мемельсбург. Отсюда они могли наносить удары почти по всей Жемайтии — ведь страна эта

небольшая, порядка 230 километров с востока на запад и 150 — с севера на юг. И это пло- ская, равнинная страна. В ней нет высоких гор, крутых откосов, бурных горных рек. Видно далеко, двигаться можно почти в любом направлении.

Крестоносцы нападали по ночам, истребляя все жи- вое на своем пути. На этом этапе для них было важно не столько захватить, поработить, ограбить, сколько истребить и запугать. Сохранились названия сел, в ко- торых после крестоносцев не осталось буквально ни одного живого человека: Юнигенды, Путеники.

Спасением Жемайтов стала система пильякалнисов. Пильякалнис — это или естественный холм, склоны ко- торого превращены в крутые откосы, или насыпной холм, искусственный. Для таких холмов мужчины носи- ли землю в мешках, женщины — в подолах. Раньше пильякалнисы использовали как родовое святилище главного божества жемайтов — Перуна, которого здесь

называли Перкунасом. Ну и как высокое, крепкое ме- сто, где можно в случае чего отсидеться.

Их было до полутора тысяч в небольшой Жемайтии. На прусской границе по всем путям, ведущим в глубь Жемайтии, пильякалнисы стояли на расстоянии пяти- шести километров.

К каждому пильякалнису вела кольгринда — извили- стая дорога, проложенная по дну озера, реки или боло- та у подножия рукотворного холма. В мирное время у всех изгибов кольгринд стояли вехи — воткнутые в дно жерди или ветки деревьев. В случае войны вешки сни- мали, и пройти становилось невозможно.

Пригодились и парсепилы — длинные узкие насыпи на пильякалнисах возле изваяний Перкунаса-Перуна. На них и раньше жгли костры в честь божества. Теперь на парсепилах складывали столько хвороста, что хвати- ло бы на сто богослужений. Огонь в алтарях поддер- живался круглые сутки. Как только с пильякалниса за- мечали, что крестоносцы перешли границу, на парсе- пиле поджигали все запасы хвороста. Днем сигнал подавал дым, ночью — свет костра.

Увидев сигнал, на других парсепилах тоже поджига- ли кучи хвороста. Огненная цепочка пробегала через страну, с некоторых городищ свет был виден за десят- ки километров. Через час-два вся Жемайтия знала, что началась очередная война. Женщин, стариков и детей уводили в дремучий лес, прятали в самых труднопрохо- димых болотах. Иногда в таких отрядах спасавшихся вообще не было мужчин — женщины сами умели найти тропки в глубь лесов и болот. Мужчины взбирались на пильякалнисы, и рыцарям приходилось вести трудную, опасную осаду каждого рукотворного холма. За это вре- мя к ставке Великого князя стягивались войска, и уже регулярная армия наносила удары захватчикам.

Между прочим, пильякалнисы есть в Литве и сейчас; к некоторым из них ведут кольгринды, сохранившиеся с незапамятных времен. Отношение к ним у литовцев своеобразное. Всех аспектов этого отношения ино-

странец, скорее всего, просто не способен понять, но вполне определенно присутствуют сентиментальные чувства и, пожалуй, немножко религиозные. Как у бри- танцев — к Вестминстерскому аббатству или у шотланд- цев — к Эдинбургскому замку. Мой литовский приятель- археолог весьма не советовал мне ходить по этим кольг- риндам одному:

— Понимаешь, Андреас... свалиться с кольгринды, я так думаю, не очень трудно...

Зная стиль общения литовцев, я «перевожу» — чу- жой человек с кольгринды почти обязательно свалится. Литовец же немного молчит, скупо улыбается уголками губ и заканчивает так же раздумчиво:

— А понимаешь... Не всякий жмудин будет тебя из болота вытаскивать.

Опять «перевожу» — если «чужой» полез по коль- гринде, туда ему в болото и дорога, нечего соваться на национальные святыни.

Сам разговор, кстати, проходил в обстановке почти идиллической: в конце недели беспрерывного праздно- вания защиты диссертации моего литовского коллеги. Шло изобильное застойно-запойное начало 1980-х го- дов. Мы лежали на кроватях в его комнате в общежи- тии, разомлев от водки и еды, и вот чего между нами никогда не было, так это национальных трений и несо- гласий (тем более что москалей мы оба дружно не лю- били, а Великое княжество Литовское и «лесных брать- ев» решительно приветствовали). Так что сказанное, как хотите, я намерен принимать всерьез и, если дове- дется побывать в Литве летом, без надежного прово- жатого ни на какой кольгринд не полезу. И Вам, чита- тель, не советую. |

К концу XM века, в 1382—1398 годах, крестоносцы захватили почти всю Жемайтию, и спасение пришло только извне, от Великого княжества Литовского... О чем ниже, в свое время.

Северо-Западная Русь не собиралась мириться с немецким господством в Прибалтике. Кроме того, бо-

гатства Новгорода принадлежали, опять же, православ- ным, а православные, конечно же, не имели никакого права ими владеть. Богатство Новгорода рассматрива- лось как особенно тяжелая несправедливость, и в на- чале 1240-х годов папский легат Вильгельм Моденский разработал план захвата Пскова и Новгорода (чем кон- чилось — известно, Ледовым побоищем 1242 года).

Но война шла и на территории современной Эсто- нии, порукой чему — судьба Вячко из Тарту (ударение полагается делать на первый слог, и притом это — ме- стная кличка, сокращение). Князь Вячеслав Борисо- вич, сын Бориса Давидовича, княжил в Кукейносе. В 1208 году крестоносцы подступили к городу и взяли в плен храброго князя. Вячко бежал на Русь, в Новго- род. По предложению новгородцев в 1223 году начал княжить в Юрьеве. В 1224 году магистр Ливонского ордена Альберт подступил к городу. Вячеслав Борисо- вич отказался капитулировать и погиб в рукопашной на стенах.

Для того чтобы понять ход всех остальных событий, всей политики и Польши, и Западной Руси, и Северо- Западной Руси, и всех племен и народов Прибалтики, причем решительно во всех остальных областях жизни, нужно хотя бы попытаться понять, что это реально оз- начает — жить под постоянным страхом завоевания, смерти, порабощения.

Крестоносцы приходили, чтобы прочно осесть на завоеванной земле, крепко усесться на шеи завоеван- ных народов и доить, доить, доить, доить, доить побеж- денных целенаправленно и полно, а потом завещать своим детям все то же право доить и доить. Да еще и изменять образ жизни и всю культуру завоеванных, как им хочется.

Завоевание Прибалтики, земель славян и балтов ста- ло продолжением пресловутого Огапд МасЬ Озеп. Первый этап Огапа МасЬ О$еп, натиска на восток, за- вершился в XИ веке завоеванием земель полабских сла- вян. Но и позже те же самые причины заставляли нем-

цев продолжать хищное движение на восток — относи- тельное перенаселение, избыток ртов и рук, которым нет применения на родине.

Крестовые походы, идея крещения язычников ока- зывались благовидным предлогом для продолжения «дранга».

К немецким рыцарям легко приставала накипь со всей Европы. Благородная идея нести крест в дикие земли и рисковать собой для воцерковления дикарей оказывалась удобным прикрытием для совсем не благо- родных поступков, для решения самых меркантильных делишек. В крестоносцы, конечно же, шли и фанатики, и третьи сыновья многосемейных рыцарей и баронов, которым не было доли на родине. Тот же контингент, что шел в Крестовые походы в Палестину. Но и люди, не ужившиеся в обществе из-за опасных, вредных, по- просту патологических черт характера, легко оказыва- лись в крестоносном воинстве.

Так, позже среди конкистадоров причудливо смеши- вались бедные рыцари, так сказать, «избыточное насе- ление», и всевозможные психопаты, садисты, пьяницы, патологические грабители, убийцы по призванию и про- чая сволочь. По отношению к язычникам допустимо бы- ло все, и грехи отпускались заранее. А для «завоеван- ных» речь шла о полной зависимости от воли всегда при- блудных, всегда случайных и очень часто — не вполне вменяемых людей.

Ордена были страшны не только своим вооружени- ем, дисциплиной и подготовкой солдат. Даже не тем, что религиозная идея позволяла делать из солдата-за- воевателя хоть в какой-то степени, но и солдата-фана- тика, равнодушного к ранам и самой смерти во имя сияющей Истины.

Самое страшное было в том, что за крестоносными рыцарями стояла вся романо-германская Европа. Рыца- ри побеждали далеко не всегда. Можно привести мно- жество примеров их, казалось бы, сокрушительных по- ражений.

В 1234 году новгородский князь Ярослав Всеволо- дович нанес им тяжелое поражение под Юрьевым.

В 1236 году был разгром под Шауляем, славное де- ло Миндовга. На Чудском озере в 1242-м Александр Ярославович Невский утопил основные силы Тевтон- ского ордена.

В каждом из этих сражений орден терял больше по- ловины своих людей и все руководство. Разгром был абсолютным, окончательным. Ни одно обычное госу- дарство уже не оправилось бы от любого из таких по- ражений... но не орден. Потому что и во всех странах — в Германии, Франции, Италии — продолжали подрас- тать злополучные третьи сыновья. Изо всех обществ Европы извергались злобные, подлые, преступные, отягощенные пьянством отцов и одержимые темными желаниями сыны. В обществе, где детей учили кре- ститься раньше, чем подносить ложку ко рту, выраста- ли новые фанатики, готовые отдать жизнь за воцер- ковление язычников. На место перебитых приходили новые и новые. Сменялись папы и неизменно поднима- ли руку в благословении своим верным сынам, прору- бающим сквозь орды полузверей-язычников дорогу Свя- тому кресту Господню.

В этом смысле Огапа Мас О${еп очень напоминает нашествия викингов или набеги ватаг германцев и сла- вян на империю. Каждый набег викингов можно оста- новить. Каждую ватагу варваров можно окружить и уничтожить. Но на их место неизменно придут новые и новые — просто потому, что так устроено извергающее их общество. И будет устроено, пока не научится по- лучать больше продуктов на той же территории.

До сих пор не все осмыслили это обстоятельство — в ХИ-—ХУ веках продолжался типичный Огапд Масп Оз$еп, лишь торопливо и небрежно прикрытый фиго- вым листочком Идеи. Крестовый поход должен был расширить семью христианских народов, но для про- возглашенной цели были избраны такие средства, что они давали прямо противоположный результат. Множе-

ство язычников умерли за свою веру вовсе не потому, что были глухи к могучей поэзии Библии, к проповеди Евангельских истин, и даже не потому, что так уж рва- лись умирать за своих племенных идолов. А ровно по- тому, что Слово Христово несли к ним не проповедни- ки, а закованные в сталь разбойники. Язычество стало для них символом нормальной человеческой

жизни, жизни племени, семьи и рода. Христианство — симво- лом рева боевых рогов, топота тяжелых рыцарских ко- ней, столбов дыма за зубчатой стеной леса.

Тому, кто готов осудить упорное язычество жемай- тов, пережитки язычества у эстов чуть ли не до нашего времени, посоветую одно: эдак живо, примеряя на се- бя, представить свою собственную семью, спасающую- ся в лесах, бредущую тайными тропками по колено в болотной жиже. Вот это мать ваших детей озирается с искаженным от страха лицом, прижимает к себе малы- ша: не топает ли позади немецкий кнехт. У Вас как с воображением, читатель? А еще лучше — представьте своих мать и отца или своих детей с веревками на шее, уводимых для принятия «таинства крещения» в камен- ные недра замка.

Кстати, и само крещение вовсе не было спасением от орденского нашествия. Ну ладно, пусть православ- ные, по словам крестоносцев, «такие христиане, что от их христианства самого бога тошнит». Хотя, замечу, са- мо по себе это довольно-таки опасно: самим решать, какой способ исповедания христианства правильный, а какой — нет.

Будем даже считать, что литовцы не особенно креп- ки в католической вере, используя ее порой так же не- принужденно, как князь Миндовг, вернувшийся потом в язычество.

Но в конце концов и поляки, и мазуры приняли кре- щение по католическому обряду, и вовсе не подверга- ясь насилию, еще лет за двести до описываемых собы- тий. Крещение последних германских племен и поляков произошло почти одновременно. Поляки молятся в кос-

телах, служат мессу на латинском языке и признают власть папы римского над церковью. Казалось бы, и для рыцарей орденов, и для папского престола уж они- то должны быть «свои».

Но вот в очередной раз дело доходит до новой вой- ны католиков-немцев и католиков-поляков. И всякий раз в рядах немцев-крестоносцев оказывался весь ев- ропейский «интернационал», а папа римский благослов- лял их оружие. Ни разу папа не запретил орденам вое- вать с его детьми — славянскими католиками. Получа- ется: даже немецкие разбойники в остальной Европе ближе и роднее, чем славяне — добрые католики.

Более того. С поляками и мазурами псы-рыцари вое- вали еще более жестоко. Сильная современная армия, централизованное государство делали завоевание труд- нее... НО «зато» и добыча, так сказать, созревший плод войны был бы в случае победы куда слаще. Ведь могу- чие армии с артиллерией и рыцарской конницей за- щищали-то как раз тучные, ухоженные посевы, торго- вые города, поместья и замки, в которых поднакоплено добра.

Централизованное государство к тому же препятст- вовало завоевывать, обирать, порабощать язычников. Литва и Польша страшно мешали крестоносцам, сковы- вали их силы, не давали завоевать до конца Жемайтию, разделаться в русскими княжествами, вторгнуться в Мазовию.

Славяне, балты или финно-угры, вошедшие в число цивилизованных народов, известные в сердце Европы не хуже немцев, вовсе не становились для них «свои- ми». Наоборот — вызывали невероятное раздражение.

Став частью «цивилизованного» мира, причем само- стоятельно, явно без усилий псов-рыцарей, славяне ста- вили под сомнение сам смысл Крестового похода, саму идеологию Огапа’а. А преступления, чинимые орденом против христиан, все-таки вызывали неодобрения ми- ра, форпостом и защитниками которого хотели пока- зать себя крестоносные разбойники.

Одна из любимейших легенд Московии, что она сво- ей грудью защитила Европу от монголов. Вспомним хо- тя бы ставшее классикой, из А.С. Пушкина: «России определено было высокое предназначение... ее необо- зримые равнины поглотили силу монголов и остановили их нашествие

на самом краю Европы; варвары не ос- мелились оставить у себя в тылу порабощенную Рос- сию и возвратились на степи своего Востока. Обра- зующееся просвещение было спасено растерзанной и издыхающей Россией» [60. С. 268].

И из записок графа Алексея Константиновича Тол- стого: «Какой могла бы быть Россия, если бы не про- клятые монголы!»

Но ведь с тем же успехом (и с таким же пафосом) можно сказать и иное: «А что осталось бы от России, захвати ее проклятые немцы!»

Весь ХИ и ХМ век страшная опасность висела над всеми русскими землями и землями всех прибалтийских народов. Западная Русь своей собственной грудью за- слонила и черноземный Юг, и княжества Северо-Вос- тока (зарождающуюся Московию) от опасности быть завоеванной немецкими рыцарями. Ни одно из этих кня- жеств ни разу не подверглось ни одному нападению тевтонцев! Ни разу не велись военные действия между Киевским, Тверским или Владимирским княжествами и армией меченосцев или ливонцев.

Кстати, вопрос — насколько вообще могли бы рус- ские княжества воевать с любым из орденов? Только Новгород и Псков могли эффективно воевать с Тевтон- ским орденом, а Туровское и Полоцкое княжества уш- ли под власть литовских князей именно потому, что не могли воевать с крестоносцами.

Что же до княжеств Юго-Запада и Северо-Восто- ка... Как мы увидим ниже, немцы почти всегда били монголов. Монголы почти всегда били русские княже- ства... Кроме княжеств крайнего Юго-Запада. Это на- водит на размышления.

Еще менее вероятно, чтобы княжества русского Вос-

224

тока, включая и Московское княжество, могли выдер- жать удар, сравнимый с ударом Великой войны 1409— 1411 годов. Итак, чтобы остановить агрессию, потре- бовались совместные усилия Польши и Великого кня- жества Литовского — объединенной Западной Руси и Польши.

Глава 11 МОНГОЛЬСКАЯ ОПАСНОСТЬ

Горе! Малый я не сильный, Съест упырь меня совсем!

А.С. Пушкин

Одновременно с натиском крестоносцев на Русь обрушился еще один враг: степные дикари из Монго- лии. Это нашествие было намного опаснее и страшнее тевтонского. Тевтонцы несли порабощение, подчине- ние славянского мира романо-германской Европе. Мон- голы несли разрушение и смерть, прекращение всякой вообще цивилизации, одичание и полную гибель.

Хотя бы такой факт: в 1240 году, чуть ли не одно- временно, тевтонцы берут Псков, а монголы — Киев. Тевтонцы оккупировали Псков почти на полгода, новго- родская армия брала его штурмом еще раз. Ни тевтон- цы, ни новгородцы города не сожгли, не разорили, его жителей не истребили. После оккупации тевтонцев Псков продолжает благополучное существование.

Что же до Киева... Итальянский миссионер и путе- шественник Плано Карпини проезжал Киев в 1246 го- ду — он направлялся в ставку монгольского хана с по- сольством. Карпини насчитал в когда-то громадном и роскошном Киеве всего 200 домов, жители Киева пока- зались ему запуганными и нищими.

Комментарии нужны?

...Вот сопротивление монголам и объединило Запад- ную Русь с Литвой-Аукшайтией.

225

8 - Буровский

Начало

В 1223 году хан половцев Котян сообщил сво- ему зятю, Мстиславу Удалому, новость: в степях поя- вился новый враг! Почти неизвестный народ, монголы, ворвался на Северный Кавказ. Сначала аланы и полов- цы выступили вместе, но послы монголов заверили по- ловцев: они воюют только против алан, а с половцами хотят заключить мир. Половцы сдуру отступили, а мон- голы сначала поголовно вырезали аланов, а потом уже напали на половцев.

Теперь половцы убеждали русских, что если им не помогут, то монголы вскоре и их разгромят. Мстислав Мстиславич Удалой собрал в Киеве совет князей Юж- ной Руси. Совет принял решение ударить на монголов на чужой территории, в степях.

Опять монголы уверяли русских через послов, что хотят перебить своих «холопов и конюхов» половцев, а против русских ничего не имеют. Они даже заявили, что мстят за набеги половцев на русские земли.

Русские князья не вступили в переговоры и попро- сту убили послов. Неблагородно, жестоко, в наруше- ние всех законов мира и войны. Это убийство послов, кстати, единственное за всю историю Руси. Видимо, русские князья настолько не видели в монголах челове- ческих существ, что не признавали за ними никаких прав ни на что. Даже на дипломатическую неприкосно- венность. Возможно, они так относились к монголам потому, что уже знали за ними какие-то особенно от- вратительные преступления.

Главной ударной силой русских князей были дружи- ны Мстислава Мстиславича и Даниила Романовича Га- лицкого. С. ними шли дружины киевлян и половцы. Во- семь дней русско-половецкое войско, перейдя Днепр, гналось за монголами. Русские не знали, что заманива- ние противника — типичный прием монголов, не менее типичный, чем вранье.

Монголы заманивали русских и половцев до реки

226

Калки... 16 июня 1223 года половцы и дружины Мсти- слава Удалого и Даниила Галицкого пересекли Калку. И тут-то навстречу им вышли главные силы монголов, о существовании которых русские даже не подозревали.

Дружина Мстислава потеряла больше половины своих, сам князь тоже был ранен; галичане полегли поч- ти полностью; раненого Даниила еле успели увезти.

В это время киевские дружины вообще не перешли Калку. Они наблюдали за битвой с вершины холма и не пришли на помощь, даже когда русские полки побе- жали.

Естественно, в последующие три дня киевляне отби- вали атаки монголов. К концу третьего дня монголы, окружив лагерь киевлян, обещали сохранить жизнь и отпустить русских на волю за выкуп. Князья согласи- лись, и монголы швырнули их связанными, настелили на князей доски и уселись пировать, славить свою по- беду под стоны умиравших. А большую часть войска, лишившегося князей, монголы легко перебили.

События 1223 года отражают основные стороны по- литики и военной тактики монголов: лживость, подлость, предательство, стремление разделять силы противника и бить его по частям. Много раз монголы заманивали противника, заставляли его растянуть коммуникации, скрывали главные силы до последнего момента. Такти- ка, тоже больше рассчитанная на обман, чем на пре- восходство в самом бою.

Кого и когда били монголы

До нападения на Русь монголы завоевали много азиатских государств: громадный Северный Китай, Ко- рею, Центральную и Среднюю Азию — то есть могучие государства шахов Хорезма, империю Си-Ся народа тангутов, много государств поменьше.

Монголы покорили, разорили и обезлюдили страну хакасов в Южной Сибири и чжурчжэней на Дальнем Востоке, вторглись в Персию и убили в ней треть насе-

ления, паровым катком прошлись по странам Закавка- зья, оставляя за собой пожарища и разрушения.

Монголов считали непобедимыми, азиаты боялись их панически. Сохранилась история про то, как монгол потерял меч и не мог убить некого хорезмийца. Убить же явно очень хотелось, и тогда монгол просто велел хорезмийцу лечь на землю и лежать, пока ему не по- зволят встать и уйти. Хорезмиец покорно лежал, пока монгол не сбегал за новым мечом.

В 1227 году умер старый неграмотный дикарь, пер- вый хан монгольской империи, Чингисхан. Он прямо завещал монголам завоевать все земли вплоть до «по- следнего моря», «моря франков» на далеком Западе. По- ход 1223 года был не более чем пробой сил.

Реально завоевывать западные земли мог улус (то есть удел) Джучи, среднего сына Чингисхана, — он распо- лагался к западу от Урала. Фактически нашествием ру- ководил внук Чингисхана, Бату-хан. На Руси его веж- ливо звали по имени-отчеству, Батыгой Джучиевичем. Автор относится к этой личности с таким отвращением, что тоже будет с ним вежлив.

В 1235 году хан Удэгей созвал курултай, на котором решено было начать поход на Европу, «к последнему морю».

В 1236—1237 годах монголы разбили и покорили мордву, башкир, черемис, алан, еще уцелевших полов- цев на Северном Кавказе. В декабре 1237 года начался их поход на Северо-Восточную Русь.

Средневековые летописи приписывают Батыге Джу- чиевичу орду то в 300, то даже в 500 тысяч всадников. Даже Карамзин писал про 300 тысяч монголов! В ХШХ— XX веках стало традицией «разоблачать» подсчеты пред- ков, доказывать, что Батыга Джучиевич не мог вести за собой больше 100—150 тысяч человек.

Но на всей Северо-Восточной Руси в ХШ веке жило не более 100 тысяч феодалов и горожан. То есть вы- ставить Русь могла не более 12—15 тысяч воинов.

В Рязани воинов было не более 3 тысяч, но когда

Батыга Джучиевич подступил к городу и потребовал дани, ему ответили: «Нас не будет, все сами возьмете». Азиаты так не поступали. Рязань стала первым евро- пейским городом, который захотели взять монголы.

Шесть дней осаждали город монголы, а взяв, огра- били и вырезали жителей до последнего грудного мла- денца и дряхлого старца. Вероятно, это была месть за сопротивление и тяжелые потери. Достаточно сказать, что в битвах погиб двоюродный брат Батыги Джучие- вича — Кулькан. Это при том, что ханы-чингизиды у монголов не принимали участия в битвах, руководили ими на расстоянии. Молодцы рязанцы! Наверное, они нанесли ответный удар, прорвались в расположение дикарей и убили одного из вожаков.

3 февраля 1238 года монголы подступили к Влади- миру и 7 февраля захватили его штурмом. Множество горожан, включая жену и невесток князя, пытались спастись в Успенском соборе. Монголы там всех пере- били и ограбили.

Великий князь Юрий Всеволодович старался со- брать всех князей и встретить врага в чистом поле. 4 марта на реке Сити монголы разбили русское войско, убили князя.

2 марта 1238 года, после двух недель осады и штур- мов, пал Торжок. Путь на Новгород открыт, но дойти до него монголы не смогли. Не прорвавшись в Новго- род, они разошлись по Руси широкой «облавой», брали и грабили малые города. Самый известный из них — Козельск, который монголы осаждали семь недель и прозвали «злым городом». Но и другие города Северо- Востока брать приходилось подолгу и трудно, планы монголов реализовывались не полностью.

Наверное, русские не читали сочинения евразийцев и не знали, что это к ним пришли дорогие сородичи с ПОХОЖИМ «стереотипом поведения». Еще русские не знали, что монголы непобедимы.

Через год наступил черед Юга и Юго-Запада. В мар- те 1239 года пал Переяславль. 18 октября 1239 года взят Чернигов. Монгольский хан Мункэ подступил к

Киеву, пытался «прельстити» киевлян. Зная цену словам монголов, киевляне не стали и слушать послов. Но князь Михаил вскоре бежал в Венгрию, не задержался в Кие- ве и Ростислав Мстиславич из Смоленска: оба понима- ли, что нашествие монголов — вопрос времени. Киевом овладел князь Даниил Галицкий, но сам он остался в своей новой столице — крепости Холм, а в Киев напра- вил своего наместника, воеводу Дмитра.

Осенью 1240 года монголы двинулись к «последнему морю» и по дороге осадили Киев. Летопись говорит, что от крика осаждавших, конского ржания, рева верблю- дов в самом Киеве не слышно было человеческого го- лоса. 6 декабря дикие ворвались в Киев; бой на улицах был страшен, город горел. Враги успели обрушить стены Десятинной церкви; рухнувшее здание погребло сотни женщин с детьми, спасавшихся от монголов и пламени.

Героические монголы, отважно рушащие камни на трехлетних малышей и беременных женщин, не полу- чили обычной для них награды за типичные для них светлые подвиги: они не смогли ограбить горящий го- род. Словно совершалась тризна по «матери городов русских»; в пламени невиданного пожарища ушел Древ- ний Киев со всеми своими богатствами. Добыча храб- рых завоевателей Вселенной оказалась не велика: серь- ги нескольких десятков киевлянок, отрезанных вместе с ушами. Слава героям?

Воевода князя Даниила Галицкого Дмитр был схва- чен тяжелораненым, и Батыга Джучиевич проявил ми- лосердие: помиловал Дмитра «мужества ради его» и да- же предложил вступить в монгольскую армию.

— Все равно скоро помру, — пожал плечами Дмитр. И действительно, дня через два умер.

Те, кто бил монголов

Положив под Киевом тысячи воинов, дикари ки- нулись на Галицкую Русь. Они взяли Галич и Влади- мир-Волынский, много других городов, но не смогли

взять города-крепости Кременец и Холм. Новая столи- ца Галицкой земли осталась в руках князя Даниила.

Монголы вошли в Польшу; они убили всех, кого смог- ли, сожгли и разрушили все, до. чего дотянулись. Вот только основных сил поляков они не разгромили и по- пользоваться богатствами польских городов не смогли.

Воевода Кракова Владимир разгромил один из мон- гольских отрядов и ушел в глубь страны — заманивал врага, как позже Кутузов заставит гоняться за собой Наполеона. Монголы не пошли за Владимиром — то ли узнали собственную тактику, то ли испугались непри- вычных лесов.

Монголы вошли в Краков, который жители оставили пустым и подожгли. Так много позже Москва «доста- нется» Наполеону — сожженной.

Сандомир был захвачен безлюдным — все его насе- ление погибло, даже монахи вышли на стены и полегли до последнего человека. Большая часть богатств горо- да тоже погибла в огне.

В Чехии король Вячеслав вместе с польским коро- лем Генрихом Благочестивым дал сражение при Лигни- Це 9 апреля 1241 года.

Генрих напал, не дождавшись короля Вячеслава: так был уверен в победе, что не хотел ни с кем делить сла- вы. Монголы опять заманивали противника, поляки на- ивно погнались за монголами (не было там воеводы Владимира!). Погиб сам Генрих, десять тысяч рыцарей. Погиб другой Генрих, герцог Силезии.

При появлении войска Вячеслава на другой день монголы бежали, не приняв боя. Города Лигнице они так и не взяли. Не взяли они и еще пять городов в Че- хии. При штурме города Олоомуца погибли главноко- мандующий — хан Пайдар и знатный монгол Мусук, брат младшей жены Батыги Джучиевича.

В Австрию монголы тоже не пошли — там их с боль- шим нетерпением готовился встретить герцог Фридрих Австрийский. Тяжелая рыцарская конница не эффек- тивна против легких всадников? Так писали многие ис- торики в России... Но тогда почему же монголы не ре-

шились пойти войной против рыцарской конницы авст- рийских немцев?

В Венгрии король Бела никак не мог помирить своих подданных: венгерскую и немецкую знать. Вельможи грызлись между собой, а все вместе выступали против половцев: король Бела позволил им прийти в Венгрию. Немцы из Саксонии, и особенно венгры, обвиняли по- ловцев в том, что они — шпионы и передовой отряд Ба- тыги Джучиевича.

В конце концов венгры убили хана Котяна и его сы- новей прямо на королевском совете. Сорок тысяч по- ловцев откочевали в Болгарию; что характерно — мон- голы туда даже не сунулись. Видимо, половцы уже прониклись европейским духом, дикари их тоже боя- ЛИСЬ.

Пытаясь дать бой на подступах к столице страны, король Бела сосредоточил свои силы в укрепленном лагере на реке Сайо. Даже в лагере знать продолжала грызню. Монголы разгромили короля Белу и взяли Буду и Пешт. Эти города достались им тоже пустыми, сго- ревшими: население их оставило, уничтожая свое иму- щество.

В январе 1242 года монголы вышли в Хорватию и в Далмацию, взяли Сплит и остановились, не доходя Трие-

ста. Вот они — воды «последнего моря»! Завещание Чингисхана уже начало исполняться! Казалось бы — осталось совсем: немного до Вене-

ции, Италии, Рима! От Сплита до Венеции ближе, чем от Киева до Кременца, до Парижа расстояние меньше, чем от Рязани до Киева.

Но Батыга Джучиевич не пошел на Венецию и Рим. Уже загнав коня по брюхо в море, уже поорав и пома- хав саблей над соленой водой, он повернул обратно, в родные соплеменные степи.

В низовьях Волги, близ современной Астрахани, он выстроил город Сарай-Бату и начал править своей им- перией оттуда. Больше ни разу Батыга Джучиевич не ходил походами на Европу. Даже и не пытался.

Почему?

Иногда неудачу похода к «последнему морю» объясняют непривычной для монголов природой, кли- матом... Мол, для них в Европе были сыро, лошадям ма- ло корма. Но и в Северо-Восточной Руси для них при- рода такая же точно непривычная.

Другие историки полагают — все дело в том, что Ба- тыга Джучиевич получил известие: умер каган Угэдей! Стремясь участвовать в выборе нового кагана, Батыга Джучиевич немедленно повернул в родные степи, в Ка- ракорум.

Но в этом случае кто мешал ему вернуться спустя год или два?

Типично утверждение, что Русь заслонила собой ос- тальную Европу. Ценой ее гибели Европа смогла уце- леть.

Это утверждение уже приходится принимать всерь- ез. Действительно, на Северо-Востоке монголы вели себя увереннее, наглее, чем на Западе. После Киева и Галича они становятся все слабее, нерешительнее. Мо- жет быть, и правда надорвались?

Но ив Европе монголы вели себя очень по-разному: из Чехии быстро ушли, в Австрию и в Болгарию не по- лезли. В Польше как будто победили, но даже не пыта- лись пойти дальше, в Германию. Вот в Венгрии и в Хор- ватии набезобразничали вволю!

Усталость сказывается, нет слов, но если противник разобщен, слаб, неуверен — сил еще очень даже хва- тает.

Осмелюсь утверждать: сказывались все три причи- ны — непривычная природа, смерть канага Удэгея, ус- талость и тяжелые потери после погрома Руси. Но да- вайте позволим себе заметить еще одну причину, по- следнюю: монголы попросту были разбиты!

Ни разу за время их войн в Азии — в Китае, в Сред- ней Азии, Южной Сибири, Центральной Азии, Великой Степи — нигде и никогда не погиб ни один из чингизи-

дов, родственников и потомков Чингисхана. Но стоило монголам войти в Рязанское княжество — и такие смер- ТИ ПОЯВИЛИСЬ.

Никогда не было такого, чтобы монголы брали и не могли взять вражеской крепости. Первыми такими кре- постями в истории их завоеваний стали не колоссаль- ные Хорезм и Бухара, не многотысячные города гро- мадного Китая, а маленькие города маленькой Галицкой Руси — Кременец и Холм. За ними были Лигнице и еще пять городов Чехии.

Никогда не случалось такого, чтобы монголы брали и не могли ограбить захваченный город. Первым таким городом стал Киев, потом были еще Краков и Сандо- мир, Буда и Пешт.

В Азии никогда не бывало так, чтобы защитники го- рода сами расточали и сжигали свое имущество, не от- давая захватчикам. На Руси примеров тому очень мно- го.

Ни разу ни в одной азиатской стране защитники го- рода не гибли до последнего человека, сознательно вы- бирая смерть — подчинению.

В христианском мире и женщины вели себя иначе. Нам известны имена многих тибетских, китайских, пер- сидских принцесс, «украшавших» собой гаремы потомков Чингисхана — чингизидов. Но ни разу знатная женщи- на не предпочла смерть союзу с кривоногим степным дикарем'. Рязанская княгиня Евпраксия была первой: во время штурма города, когда все уже было ясно, она бросилась с крепостной стены вместе с полуторагодо- валым сыном.

Такой же выбор сделала и неведомая жена гончара из Киева — дикари изнасиловали ее и убили, а вовсе не она пошла с победителями.

' Рассказывая сказки о цивилизованности монголов, наши евразий- цы как-то забывают упомянуть — монголы никогда не мылись. С рож- дения. Они считали, что грязь послана небом и кто моется — смывает с себя посланное небесами счастье. У азиатских принцесс были поис- тине незабываемые ощущения!

Царствие небесное вам, сестры, европейские рус- ские женщины. Да упокоитесь вы все там, где и все праведники упокоены. Как и во многих других случаях, вы задали планку. Поступать хуже и слабее вас мужчи- на не мог, не теряя личного достоинства и уважения к самому себе. Глядя на вас, и мы должны были или вы- мести со своей земли воющшую кривоногую сволочь, или погибнуть.

Европа, как видно, формировала и другой женский тип, которого не было в Азии, — такой же непостижи- мый для азиатов, как тип горожанина, жгущего собст- венный дом.

Никогда не было так, чтобы монголы не решались ворваться в какую-то страну. Первой такой страной стал Господин Великий Новгород. Спасли болота? На- верное... Но и в Господин Великий Псков монголы не пошли; стало быть, не в одних болотах тут дело.

Кроме того, они не пошли в Австрию, Германию, Болгарию, Византию. Италия — лишь седьмая страна, в которую они не решились пойти.

Остается сделать один вывод: монголам не хватило сил, они надорвались. Только вот не в Руси тут дело, не на ней сломалась монгольская сила. Владимиро-Суз- дальская Русь вела себя даже слабее, неувереннее Юго- Запада, не так героически, как Польша. Владимир, Мо- скву и Рязань монголы ограбили, Козельск и Торжок все-таки взяли... Это Киев и Краков сгорели, а Холм и Олоомуц отбились.

Монголов отбила Европа.

К тому же Европу завоевывать оказалось невыгод- но: строить империю выгодно только до тех пор, пока потери не велики, а добыча больше, чем можно зарабо- тать честным трудом. В Азии — в Китае, в Хорезме и в Персии — монголы теряли мало людей, а имущества приобретали много. В Европе потери монголов громад- ны, а захваченная добыча невелика: города горели, на- род разбегался, даже женщины кончали с собой. Гра- беж и насилие становились бессмысленны, не давали ожидаемых результатов.

Так за два тысячелетия до монголов громадная пер- сидская империя не смогла завоевать маленькую Гре- цию. Персы легко построили колоссальную империю в Азии, но сломались на греческих городах-государст- вах, выставлявших по 5, по 10 тысяч воинов против 500 и 800 тысяч воинов Дария.

Русь, не знавшая монголов

Но и в середине — конце XИ века, после наше- ствия Батыги Джучиевича, Русь могла воевать против монголов. Осталась Русь, монголов вообще не знавшая: Западная Русь, нынешняя Белоруссия, Северо-Запад- ная Русь, земли Пскова и Новгорода. Одновременно с Русью, завоеванной монголами, существовала Русь, ко- торая вообще не очень представляла себе — а кто это такие, монголы?!

В 1223 году в новгородских летописях сказано: «В том же лете приидоша к нам за грехи наши языци незнае- мые, их же добре никто не весть: кто суть, и откуда изидоша, и что язык их, и которого племени суть, и от- коле вера их».

И потом новгородцы не видели монголов и не имели с ними дела. В 1255 году они прогнали с княжения сы- на Александра Невского и пригласили княжить его род- ного брата, тверского князя Ярослава.

С большим трудом Александр подавил эти волнения и остался новгородским князем.

В 1257 году монголы проводят перепись населения, чтобы обложить налогами всех. Новгород отказался «даться в число», и в 1259 году Александр Невский явил- ся в Новгород с суздальскими полками; только тогда новгородцы «пошли в число», несмотря на «стон и скре- жет зубовный». Новгород платил дань, но ни разу в нем не появились монголы. Никогда.

Александр Невский был очень популярен в Новгоро- дев 1240—1242 годах — как сын Ярослава. Но потом эта слава померкла, и Александр, подручный монго-

лов, вовсе не был для Новгорода ни великим, ни слав- ным князем.

Потомки Александра тоже пытаются покорить Нов- город силами татарских орд. Младшие братья Алексан- дра, Ярослав и Василий, приглашали ордынцев для ус- мирения Новгорода в 1270 и 1272 годах. В 1283 году хан Ногай по приглашению сына Александра, Андрея, громит окрестности Новгорода.

Но что характерно — громят они именно окрестно- сти Новгорода, а в сам город не входят ни разу. И даже не пытаются его осадить или штурмовать.

Точно так же татары ни разу не пытались взять ни Псков, ни Полоцк, ни Пинск. Полоцк и Пинск просили помощи у литовского князя Гедиминоса — но помощи против тевтонцев, а не против татар.

Батыга Джучиевич не сумел взять Холма и не по- смел идти на Венецию и Рим? Но ни он сам, ни его по- томки не посмели даже подойти к Новгороду. В чем же тогда принципиальная разница между Новгородом и Полоцком, с одной стороны, Римом и Венецией — с дру- гой? Да ни в чем. Монголы лихо насилуют женщин и убивают детишек, такие подвиги им по плечу. Иногда они даже могут одолеть вооруженных мужчин: нава- лившись ордой в 100 тысяч человек против 10—12 ты- сяч. Это они молодцы! Но против европейской армии монголы — просто ничто. И сами они это превосходно осознают.

Русь, бившая монголов

Была Русь, которая била монголов.

Даниил Романович Галицкий не был человеком, ко- торый теряет время даром. После 1242 года он пере- строил свое войско, создав одну из самых сильных ар- мий в Европе. Армия состояла из трех частей:

1. Рыцарская конница с идеей личной ответственно- сти и чести, но с татарским уровнем дисципины, с раз- биением на десятки.

237

2. Легкая конница татарского образца. Эти всадники даже применяли костяные доспехи (как у татар), а не металлические пластины, как у рыцарей.

3. Пехота по-швейцарски — то есть фланги, кото- рые легко перестраиваются в каре с длинными копья- ми. Пехота, закованная в металл с головы до ног не ху- же рыцарей, легко противостояла коннице. Часть пехо- тинцев шла в бой с арбалетами.

Такая армия могла угрожать диким кочевникам уже всерьез, даже при большом численном перевесе.

Европа осталась Европой

В 1249 году монголы устроили еще один погром Галицкой Руси. Становится очевидно, что ввести окку- пационный режим они не могут, сил не хватит.

Но под угрозой набега и разорения Юго-Запад вы- нужден платить дань и признавать над собой главенст- во монгольского хана. В 1250 году Даниил Галицкий тоже съездил в Орду, и Батыга Джучиевич «принял его с честью». «О, злее зла честь татарская! — говорил по этому поводу сам Даниил.

Даниил Галицкий построил 14 городов — в том чис- ле такой значительный, как Львов. Все эти города были мощными крепостями, татары не брали их ни разу.

В 1254 году Даниил пошел на Унию с католической церковью. Папа римский прислал ему регалии коро- ля — корону и скипетр. В 1255 году он торжественно короновался в городе Дрогичине как король.

Одна из частей Большого Московского Мифа — ти- тул царей (аналогичный королевскому) первыми полу- чили Московские Великие князья в ХУ—ХУ!| веках. Но это — очередная неправда. Первым из русских князей такой титул получил князь Даниил Галицкий. Причем Ивана 1! в ХУ веке никто царем не признавал, он был чистой воды самозванцем. А вот Даниила — признавали.

Еще один миф — Даниилу Запад все равно не по- мог, оставил один на один с монголами. Из чего делает-

238

ся еще один далеко идущий вывод — что Запад никогда не считал русских ровней, не хотел принимать их инте- ресы всерьез, а тем более как свои собственные.

Но это неправда, католический Запад Даниилу очень даже помогал. В 1259 году на Галицкую Русь обруши- лась очередная орда, в ее отражении Даниилу помога- ли польские рыцари. После этого нашествия Даниил платил дань и клянялся ханам, но монголы не смогли разбить армий европейцев. Они срыли укрепления круп- нейших городов Галицкой Руси, но главной цели, унич- тожения независимого княжества, монголы все-таки не достигли.

Другое дело, что в этой жизни, и в политике в том числе, каждый ведет свою игру. Сам Даниил тоже ведь лихо воевал с Польшей и Венгрией, порой включал в состав своего государства польские земли: польский город Люблин и Люблинская земля оказались в составе Галицко-Волынского княжества с 1244 года.

После смерти Даниила в 1264 году начались новые «крамолы и междоусобия» бояр в Галиче, его государ- ство распалось на четыре части.

В 1323 году бояре позвали княжить мазовецкого кня- зя Болеслава. В 1340 году — Великого князя Литовско- го и русского Любарта.

В 1352 году польские короли и Великие князья Ли- товские и русские разделили Галицко-Волынское кня- жество. Галицкая земля осталась за Польшей, Во- лынь — за Литвой.

Из сказанного вовсе не следует, что поляки и литов- ско-русские князья благоволили к татарам. С ними они воевали самым решительным образом!

В начале ХУ века князь Гедиминас-Гедимин включал в свою державу не только Полоцкую и Пинскую земли, просившие защиты от Тевтонского ордена, но и Киев, просивший оборонить его от татар.

Великий князь Ольгерд Гедиминович в 1362—1363 го- дах разбил татар при Синей Воде, выгнал их прочь со всей Западной Руси, посадил в Киеве наместником сво- его сына с русским именем Владимир.

Гедимин и его потомки не ездили в Орду, не проси- ли ярлыков на княжение, тем более не подавляли го- родских вольностей силою татарских сабель. Времена- ми татарам удавалось победить, они устраивали набе- ги-погромы на Руси, а то и в Польше. Но власти татар не было там, где простиралась территория Великого княжества Литовского и Русского. В этих областях не происходило никаких изменений общественной жизни в сторону азиатчины.

«Монгольское иго уничтожило на Руси городское са- моуправление» [61. С. 145], — утверждает один из са- мых лучших современных учебников по истории. Фра- за эта доказывает только одно: даже у самых неглупых людей в наши дни срабатывает стереотип. Даже зная, что это вовсе не так, они невольно, чисто подсозна- тельно, сводят историю ВСЕЙ Руси к истории одного только Северо-Востонка.

Ведь даже если не поминать Пскова и Новгорода, то все города Руси, вошедшие в Великое княжество Ли- товское и Русское, управлялись вечами. А в ХМ—ХУ ве- ках получили Магдебургское право.

В Большой Московский Миф входит и такая байка: мол, пользуясь ослаблением Руси, Литва захватила часть русских земель.

Неправда! Литва объединила часть Руси и оградила ее от татар. И от всякой и всяческой татарщины.

Глава 12 СОБИРАНИЕ РУССКИХ ЗЕМЕЛЬ

Сколь достойно желание — скакать месте со всеми, под командой могучего, славного мужа.

Из Бертрана де Борна

Для описания политики многих государствен- ных деятелей противоречивость — это спасительное слово. Для описания политики Великого князя Гедими- наса в таком слове нет ни малейшей потребности. Да-

же хитрости Гедиминаса очень просты, прекрасно вид- ны и подчинены таким же простым, ясным целям. Поли- тика ясная и прямая, как лезвие рыцарского меча. А если сравнение покажется кому-то слишком высокопарным, пожалуйста: политика прямая, как оглобля. Уверен, кстати, что, восстань из гроба Великий князь и кунин- гас Гедиминас, он бы на «оглоблю» не обиделся.

Самым главным в этой политике, ее ядром, было со- бирание русских земель. Чтобы выжить в этом мире, надо быть большим и сильным. Эта истина оставалась бы истиной и не будь немецкого

нашествия. В эпоху же, когда нависла такая страшная опасность, выбор ока- зался очень уж небогатым: расширять свое княжество, сколько хватит сил, или исчезнуть.

Наивно считать Гедимина и любого другого полити- ка бескорыстным, действующим исключительно во имя «исторической необходимости» или на благо поддан- ным. Несомненно, Гедиминас хотел стоять во главе мо- гучего государства, с которым будут считаться в мире. Имя которого будет громко звучать и в Кракове, и в Па- риже, и в Риме, и в Константинополе. Хотел оставить детям больше, чем получил сам. Хотел славы — и при- жизненной, и посмертной. Вопрос в том, что небеско- рыстные действия Гедиминаса отвечали самым сокро- венным чаяниям Руси, разорванной на десятки госу- дарств. Русь помнила о своем единстве и очень хотела опять оказаться единой.

Гедимин, «король литовцев и русских», ни разу не воевал ни с одним из русских княжеств. Тем не менее при Гедимине вассалами Литвы оказались княжества Белой Руси: Минское, Лукомское, Друцкое, Турово- Пинское; Волынь в состав княжества не вошла. Но то- же сделалась вассалом. К концу правления Гедиминаса русские земли составляли три четверти территории его государства. А русские — 80 или даже 85% его под- данных.

Литва выступала в роли защитника против немецких рыцарей, против татар Золотой Орды, а потом против крымских татар. Во главе вассальных княжеств, как

правило, оставались князья прежних династий, Рюри- ковичи; никто не пытался их смещать или контролиро- вать внутреннюю политику страны. «Мы старин не ру- хаем, а новин не вводим» — так говорили послы Вели- кого княжества, договариваясь с будущими вассалами.

Вассальное русское княжество продолжало жить почти так же, как жило независимым, и только во взаи- моотношениях с внешним миром вассалитет что-то ре- ально значил: князь не мог сам заключать договоры, не мог вести самостоятельной политики, должен был во время войн выступать вместе с Великим князем в со- ставе его войска.

Кому-то такое «лоскутное» государство покажется странным. Что это за государственность, если внутри страны полным-полно «почти самостоятельных» терри- торий, которые имеют своих правителей, свои знамена, чеканят монету, держат собственную полицию и судят по своим законам?! Но в Средневековье это было обыч- нейшим делом. Французское королевство и в ХММ —ХУ ве- ках, и даже в ХУ! веке было, по существу дела, множе- ством государств — каждое со своими вооруженными силами, полицией, традициями, часто даже со своим диалектом. Мелкие государства входили в более круп- ные — в графства и герцогства; графства и герцогства были вассалами непосредственно короля.

Точно таким же государством-матрешкой были круп- ные немецкие государства типа Ганновера или Авст- рии, и Британия, испанские Кастилия и Арагон. Такова же была средневековая Япония, где владетельные кня- зья-даймё до XX века оставались неограниченными вла- дыками в своих владениях и только вассалами импера- тора, а не слугами.

Так что «лоскутность» Великого княжества Литов- ского — вовсе не какая-то его особенная черта, не про- явление «местной специфики» и не симптом слабости государства. Все было в Литве, как везде.

Иной читатель усомнится в сообщаемых сведениях: мол, не мог же быть столь «благороден» литовский Ве-

ликий князь. Какой смысл было ему вести завоеватель- ную политику, если не грабить, не смещать с престолов прежних владык, не ставить своих наместников, не де- лать государство-монолит?!

Я уже говорил и еще раз могу повторить с полной уверенностью — корысть в завоевании была. Но в том- то и дело, что в разные эпохи и при разных обстоя- тельствах и сама корысть бывает разная. Корысть Ги- диминаса состояла в том, чтобы стать большим и силь- ным. Присоединение к Литве русских княжеств на этих, более чем либеральных условиях, их вассалитет устраивали его целиком и полностью, потому что дос- тигалась его цель. Возникало государство, организован- ное почти так же, как феодальная Франция или Англия после норманского завоевания. Внутренне даже более сплоченное — потому что и французский феодализм возник как следствие завоевания, и норманны захвати- ли суверенное государство короля Гарольда, разделили между собой землю и жителей.

А Великое княжество Литовское возникало как поч- ти добровольное объединение. У всех подданных Ве- ликого князя Литовского были внешние враги, и какие! Крестоносные ордена — это раз. Татары Золотой Ор- ды — это два! Вскоре появился и третий общий враг: Московия.

Как пишут официальные советские справочники, Ге- диминас «поддерживал сепаратистские тенденции Смо- ленского княжества, поощрял союз Пскова и Новгоро- да против Москвы»[62. С. 316]. Разумеется, Гедиминас проводил антимосковскую политику. Он приложил все усилия, чтобы оторвать Псков и Новгород от союза с Москвой и присоединить их к себе. Псков и Новгород вовсе не хотели становиться вассалами Литвы, но и сделаться подданными московского то ли князя, то ли хана им улыбалось еще меньше. Смоленское княжест- во все сильнее тянулось к Литве и в конце концов во- шло в его состав.

Гедиминас активнейшим образом дружил с Тверью,

и это был как раз тот самый случай: «Против кого дру- жить будем?» Тут было ясно, против кого — против Мо- сквы, разумеется.

Трудно отделаться от мысли, что за противостояни- ем, за нарастающей враждой Москвы и Литвы стояла не только «конкуренция» двух центров, претензии на собирание русских земель; было и чисто эмоциональ- ное невосприятие друг друга. Слишком уж различны сами принципы, по которым живут Литва и Москва, их понимание друг друга и самих себя. Сталкиваются не просто два сильных княжества, спорящие из-за других, более слабых. Сталкиваются две разные цивилизации. Два мировоззрения, два принципа мироустройства.

Очень характерно, что Москва вовсе не забыла, что Гедиминас был ее врагом; даже когда Великое княже- ство Литовское давно уже исчезло с карты, москали изо всех сил тщились представить Гедиминаса врагом Руси и русских. Но концы с концами не сходятся. Геди- мин не только окружал себя русскими, не только гово- рил и писал на древнерусском языке, не только назы- вал себя «королем русских». Ханов Казани и Астрахани не объявляли врагами Москвы, а Гедиминаса сплошь и рядом объявляли.

При том, что русский язык никогда не использовался татарами для писания летописей. Но древнерусский язык был официальным языком Великого княжества Ли- товского, на нем велось и делопроизводство. На нем писались летописи.

А кроме того, Гедиминас еще и смешивал кровь сво- ей династии с кровью русских князей. Начнем с того, что женат он был на Марии Тверской и имел от нее це- лый выводок детей.

Сын Гедиминаса, Любарт, был женат на русской княжне и княжил на Волыни, в коренных русских зем- лях. Другой сын, Ольгерд, первым браком женат на ви- тебской княжне Марии Ярославовне, вторым — на тверской княжне Ульяне Александровне. Дочь Гедими- на, Мария, в 1320 году вышла замуж за тверского князя

Дмитрия Михайловича. Все это, несомненно, составные части политики по вовлечению Твери в свою орбиту, политика отрыва ее от Москвы. Если в Твери будет си- деть полулитовская династия, многое меняется и, ко- нечно же, в пользу Литвы!

Но ведь это же факт, что дети Гедиминаса — русские по матери, а его внуки и от сыновей, и от дочери рус- ские еще в большей степени. Трудно представить себе русофоба, так активно смешивающего с русскими кровь.

Так что политику Гедиминаса, конечно же, можно назвать антимосковской, и по справедливости. Но вот антирусской... Гм... скорее уж ее можно назвать «про- русской», и в очень, в очень большой степени.

Еще раз подчеркну — трудно сказать, насколько Ге- диминас и его потомки считали «своими» жемайтов. А вот по поводу русских тут вопросы просто неуместны.

Вторым важнейшим направлением политики Гедими- наса была борьба с крестоносцами. Тевтонский орден постоянно вторгался в земли Литвы. Конечно, в беско- нечных лесах нетрудно было и спрятаться от нашест- вия. Не случайно же еще в XX веке ходила легенда, что в Литве водятся мамонты, но их никак не могут най- ти в пущах. Но, во-первых, какое-то это все же не кня- жеское дело — бежать в леса при приближении про- тивника, отдавая свою землю на разорение. Мамонты — бог с ними, а вот руководители государства... Во-вто- рых, лесов-то ведь все меньше. Насчет мамонтов труд- но сказать, а вот что прятать армии все труднее — это

факт. От орденских нашествий надо активно оборонять- ся, и в конце XШ — начале XM века в Литве идет фор-

сированное строительство замков; здесь Гедиминас про- должает начатое еще Витенем. Строятся замки на 6е- регу Немана, вдоль границ владений ордена — в Кауна- се, в Велюона. Строятся и в глубине страны — Ариога- ла, Укмерке и другие. В 1323 году в письмах Гедимина впервые упоминается Вильнюс. Развалины замка Геди-

минаса сохранились в Вильнюсе, в самом центре го- рода.

Гедиминас не был бы литовским князем-кунигасом, если бы только отсиживался за стенами крепостей. Он совершил ряд удачных походов против ордена и в 1331 году наголову разбил вторгшихся рыцарей под Пловца- ми. Эту победу долго и с удовольствием вспоминали в Литве, на Руси и в Польше.

Даже кончил свою жизнь Гедиминас очень харак- терно: в 1341 году он был смертельно ранен в битве при Велюоне. В этом сражении, кстати, рыцари впервые применили порох: они-то были на высоте всех техниче- ских достижений Европы.

Да, если кто-то и был противоречивым государст- венным деятелем, то уж никак не старый аукшайт Геди- минас!

Третьим направлением политики Гедиминаса стал поиск надежных союзников.

Немецкие крестоносцы были врагами всей Прибал- тики, всего севера Восточной Европы. Против такого врага союзники нужны были всегда, нужны всем — ведь очевидно, что никто не мог разбить его поодиночке.

Великое княжество Литовское, государство литов- цев и русских, мгновенно оказывается не просто участ- ником событий, но лидером народов и племен Прибал- тики. Великое княжество не только само ведет войну, и очень часто — с превосходными результатами. Оно поддерживает, даже организует сопротивление мест- ных племен, их восстания против немцев, а проиграв- шие могут бежать в Литву. Но и Великое княжество Литовское не может одно противостоять Тевтонскому и

Ливонскому орденам. Нужны союзники, и вопрос, так сказать, в «качестве» этих союзников. Одно дело — племенное ополчение куршей и жмудинов, совсем дру- гое — могучая армия герцога, короля или Великого кня- зя. Гого, кто сможет бросить против немцев броненос- ную рыцарскую конницу, повести в бой тысячи... а луч- ше и десятки тысяч воинов.

Уже Миндовг заключил договор с Александром Нев- ским, Грайдент и Витень не отказывались объединять усилия со всеми, кто мог помочь им против ордена.

Но все это были отдельные поступки, целиком обу- словленные ситуацией. Гедиминас и тут оказался пер- вым: он действовал жестко, масштабно и предельно по- следовательно.

Разумеется, русские князья, от Твери до Волыни, были его союзниками. Но, во-первых, как говорят аф- ганцы, «один враг — много, сто друзей — мало». Против такого врага, как орден, не может быть «слишком мно- го» союзников. Во-вторых, русские княжества, конеч- но, союзник понадежнее латгалов... Но ненамного. Русь сама дрожала перед татарами; даже Новгород, бо- ясь нашествия, платит Золотой Орде дань. Даже Дани- ил Галицкий ездил в Орду.

Гедиминас ищет союзников, которые сами никому дани не платят. В 1322 году Гедиминас заключает союз с князем Мазовии, в 1325 году — с Польшей. Союз скре- пляется браком дочери многодетного Гедиминаса, Ал- доны, с польским королем Владиславом Локетком.

Так были заложены основы дружбы с другим сла- вянским государством, а политика Великого княжества Литовского оказалась развернутой не только на восток и на юг, но и на запад.

Это было выгодно уже потому, что мазовшане и по- ляки и правда никому не платили и ничьими вассалами не были.

Сын Гедиминаса Ольгерд княжил с 1345 года по 1377-й и продолжал дело отца. Он выиграл битвы с крестоносцами на реке Стреве (1348) и при деревне Рудаве (1370). Присоединил к Великому княжеству Литовскому Смоленск, Брянск, Киев, Подолию и укре- пил отношения с другими княжествами, уже вассаль- НЫМИ.

В 1362 году Ольгерд Гедиминович наголову разбил татар Золотой Орды при Синих водах, в Подолии, и тем

самым подтвердил, что Русь не зря видит в Литве за- щитника против татар.

Он пытался распространить свое влияние на Псков и Новгород и в этом тоже продолжал дело отца. Но ре- зультаты и у него были очень незначительны. Свободо- любивые до анархичности новгородцы не восприняли очень уж «указчивого» князя, и Новгород в «сферу влия- ния» Литвы не вошел.

Москва все выше поднималась над остальными кня- жествами, все агрессивнее себя вела, и Ольгерд Геди- минович, король литовцев и русских, не собирался смотреть на это сквозь пальцы.

Он даже попытался заключить антимосковский союз с ханом Джанибеком в 1349 году, но татары в очеред- ной раз выказали себя союзниками очень ненадежны- ми, и совместные походы на Москву не состоялись.

В 1368—1372 годах Ольгерд поддержал Тверь про- тив Москвы и совершил на Москву три похода — в 1368, 1370, 1372 годах. Москву, правда, Ольгерд так и не за- воевал и даже тестю помог весьма слабо. Тверь была захвачена Москвой, правда, нескоро, в 1485 году, но к этому Великие князья Литвы уже не имели отношения.

Новые серьезные перемены, своего рода «качест- венный скачок», произошли в годы правления сына Ольгерда, которого в Литве звали Йогайла, на Руси — Ягайло, а в Польше — Ягелло.

Кое в чем Ягайло выступил таким же продолжате- лем, как и отец. Например, он продолжал антимосков- скую линию в политике и в год Куликовской битвы, в 1380 году, заключил договор с ханом Золотой Орды Мамаем против Москвы. По договору Ягайло должен был встретиться с Мамаем, двигаясь с севера по Оке. Мамай шел с юга, и официальная версия состоит в том, что Ягелло просто не успел соединиться с союзником. Московское войско успело разбить Мамая до соедине- ния с Ягелло, и Великий князь испугался и ушел обрат- но в Литву.

С первой частью этой версии я готов согласиться.

248

Может быть, и правда не успел? А вот про «испугал- ся» — тут что-то у меня много сомнений. Не тот был че- ловек Ягайло, чтобы «пугаться» или «опасаться» чего-то. Совсем не тот. Не берусь указать на причины, поме- щавшие Ягайло обрушиться с севера на измученное, растянувшееся в преследовании войско победителей. Или нанести внезапный удар по Москве.

Наверняка причины были. Об одной из них, скорей всего неглавной, я осмелюсь сделать предположение. И российская, и советская историография, особенно сталинского времени, изо всех сил тщилась изобразить Ягайло чудовищем, которого трясло при виде русского лица, при звуках русского языка.

...А на каком языке пела ему колыбельные песни ма- ма, тверская княжна Ульяна Дмитриевна? Какое лицо склонялось к нему с момента появления на свет, впеча- тавшись навеки в память?

Внук русофила Гедимина, «короля литовцев и рус- СКИХ», сделался маниакальным русофобом?! Очень со- мнительно, и не только потому, что Ягайло русский по матери, бабушке и прабабушке; русский на 87,5% сво- ей крови. Но и потому, что Ягайло почти во всем про- должал и внешнюю, и внутреннюю политику деда и от- ца; при нем в Полоцке, Витебске, Новгороде Север- ском, Киеве, на Волыни и в Подолии сохранялись мест- ные княжения, во главе которых часто стояли князья Рюриковичи. Со многими из этих князей сын русской княжны Ульяны поддерживал самые теплые отноше- ния. Русский язык оставался государственным языком Великого княжества Литовского.

Врагом Москвы Ягелло, несомненно, был, причем последовательным и убежденным. Но может быть, ак- тивные действия на Руси вести ему было психологиче- ски сложнее, чем против немцев или против Орды? Ко- нечно, это всего лишь недоказанное предположение, не больше того, и любой имеет право в нем сомневать- ся. Но и автор имеет право сделать такое предположе- ние, пока не доказано обратное. Тем более что нет в

249

моем предположении ни малейшего покушения на ис- тину в последней инстанции.

Впрочем, в европейскую историю Йогайло-Ягайло- Ягелло вошел вовсе не за свою неудачную попытку окончательно разделаться с Московией. Можно считать эту неудачу Перстом Божьим, можно скрежетать зуба- ми по ее поводу, но имя Ягелло обессмертилось совер- шением совсем других, несравненно более масштаб- ных поступков.

Внук Гедиминаса и сын Ольгердаса заключил Унию с Польшей, был избран польским королем и основал династию Ягеллонов, правившую почти двести лет в Поль- ше, Великом княжестве Литовском, в Венгрии и Чехии.

Он же, Ягайло, сокрушил наконец мощь Тевтонско- го ордена. Кроме того, имя Ягелло живет в названии Краковского университета.

Краковский университет стали называть Ягеллон- ским после того, как Король польский Владислав [Ягел- ло реформировал университет, превратил его в подо- бие знаменитой Сорбонны.

Глава 13 РУССКИЕ НА ПОЛЬСКОМ ПРЕСТОЛЕ

В эти времена уже можно выделить личностей истин- но великих.

О. Егер

Остановить ордена удалось, только объединив два могучих славянских государства — Великое княже- ство Литовское и Польщу.

Впрочем, Польша в конце ХУ века отнюдь не нахо- дилась на самой вершине могущества. Со смертью без- детного Казимира Ш пресеклась древняя династия Пяс- тов. Трудно сказать, действительно ли основоположни- ком рода был крестьянин-колесник Пяст. Вопрос при- мерно такой же, как — а правда ли, что Киев назван по

имени князя Кия? Или от имени перевозчика Кия? «Ки- ев перевоз»? На такие вопросы всегда крайне трудно отвечать. |

Легендарное происхождение Пястов от крестьяни- на-колесника не роняло их в глазах других дворян, а скорее добавляло им популярности. Ведь Польское ко- ролевство родилось не как следствие завоевания, в от- личие от всех государств на территории Западной Ев- ропы. Польская знать не происходила от завоевателей, захвативших чужую территорию; она имела тех же пред- ков, те же корни, что и весь народ. Знать в Польше не была замкнутой корпорацией, противопоставленной остальному народу, и не боялась остальных поляков.

Тем более что первым, точно известным Пястом был король Мешко [— известным уже не из легенд, а из ис- торических хроник; король, огнем и мечом сплачивав- ший первое польское государство в 960—992 годах. Вторым Пястом был его сын Болеслав, принявший ти- тул короля.

Пясты — это династия «чисто польская», к тому же народная по происхождению. С ней связаны первые века польской истории. Отношение к Пястам у поляков вообще теплое и немного сентиментальное. В ХУП— ХУП веках, когда выбирали королей Речи Посполитой, «ПЯСТОМ» назывался кандидат на престол — поляк. К их чести будь сказано, поляки выбирали в короли вовсе не по национальному принципу; побывали на их пре- столе немцы, шведы и французы — лишь бы люди ока- зались хорошие. Но называться пястом пусть недолго, пусть накануне провала-невыбора — это было почетно.

И вот в 1370 году эта династия пресеклась. Родная, народная, ну очень польская династия.

Славянские страны часто губила династическая не- разбериха. В романо-германском мире действовал свод жестких, но зато удобных и понятных всем правил. У власти стоит одна семья. Отцу наследует старший сын. Ни дядя, ни племянник не могут быть наследника- ми, если не пресеклась прямая линия наследования.

Жесткий закон наследования позволял избегать междо- усобиц, страшных семейных ситуаций, когда родные и двоюродные братья вцеплялись в глотки друг другу. И когда любой, кто бы ни стал королем, обречен был править с опытом отце- и братоубийства.

Но и страны со старой римской традицией оказыва- лись на грани гражданской войны, если вдруг пресека- лась династия. Так, в Британии после низложения по- следнего прямого представителя династии Плантагене- тов, Ричарда |, сложилась ситуация, которая просто не могла не привести к междоусобице. Она и не замедли- ла начаться, в 1455 году взорвавшись настоящей вой- ной между

Йорками и Ланкастерами. Ведь оба клана были родственниками ушедших Плантагенетов, имели равные права на престол и примерно равные военные и экономические ресурсы. Тридцатилетняя война Алой и Белой роз разорила Британию, привела к огромным материальным и человеческим потерям. Не говоря ни о чем другом, погибла большая часть феодальной знати.

А в XУ веке в Польше бескоролевье продолжалось уже второе десятилетие, с 1370 года. В 1383 году дош- ло до разодравшей Польшу междоусобной войны фео- дальных домов — Гжималитов и Налэнчей. Гжималиты отстаивали право на престол одной из дочерей Людо- вика Венгерского. Его жена была дочерью польского короля Владислава Локетека, и ее дочери хранили кровь Пястов. Налэнчи отстаивали права Анжуйской дина- стии. До событий в британских масштабах пока не дош- ло, но дойти могло, если не появится новая династия, которая устроила бы всех.

Польская знать колебалась. Новый король был не- обходим, желательно, чтоб молодой и перспективный. Но попытка найти и избрать такого короля, одного из знатных и владетельных, вполне могла плавно перейти в гражданскую войну с непредсказуемым результатом.

Гжемалиты вроде бы победили, на престол села Яд- вига Пяст, которой не было и одиннадцати лет и кото- рую гнездинский архиепископ короновал как КОРОЛЯ (женщины права занимать польский престол не имели).

Одиннадцатилетняя королева — это было опасно. Государство в любой момент могло сорваться в новую гражданскую войну, и малопольская знать разработала неглупый план: посадить на польский престол человека со стороны... Тоже, разумеется, не кого попало, а, на- пример, Великого князя Литовского. То есть кандидату- ры-то назывались разные, но Ягайло понравился больше.

Польша, как видно, тоже искала союзника посерьез- нее. Да еще такого, который может навести порядок в самой Польше.

Великолепная идея нуждалась в реализации, и для начала неплохо было бы узнать, что об этом думает бу- дущий польский король. Необходимо было встретиться с Ягайло и предложить ему польский престол... На пер- вый раз, конечно, тайно. Известно, что такие встречи были, но сколько состоялось тайных встреч и где, мы скорее всего не узнаем уже никогда.

На поверхности событий стало возведение на пре- стол Ядвиги Пяст и подписание договора о династиче- ском союзе Польши и Великого княжества Литовского 18 августа 1385 года в замке города Крево. Договор так и называется: Кревская уния.

Согласно пунктам Кревской унии Великий князь Ли- товский Ягайло вступает в брак с Ядвигой Пяст, доче- рью Людовика Венгерского. При этом Ягайло перехо- дит в католичество вместе со всеми своими родствен- никами и со всеми подданными.

По Кревской унии предполагалась инкорпорация Литвы... а говоря попросту, без жаргонных юридиче- ских словечек, включение Великого княжества Литов- ского в состав Польши. Литва должна была стать ча- стью Польши и одновременно должна способствовать возвращению отторгнутых у Польши земель.

Трудно сказать, почему Великий князь Ягайло под- писал такого рода документ. То ли очень уж хотелось ему стать польским королем. То ли его совсем уж «дос- тали» крестоносцы. Так что было все равно, с кем иметь дело. Во всяком случае, Ягайло текст Унии подписал.

При том, что он не мог не понимать: для очень многих из его подданных, в том числе для большинства литов- ско-русских феодалов, содержание Кревской унии бы- ло совершенно неприемлемым.

Уже сам всеобщий переход в католицизм...

Во-первых, Литва к тому времени оставалась языче- ской, по крайней мере, на 50—60%, и местные язычни- ки вовсе не торопились становиться верными сынами апостольской церкви.

Во-вторых, православные подданные Великого кня- зя совершенно не собирались перекрещиваться в като- лицизм. Судя по всему, византийская вера вполне уст- раивала их, и даже пример братской Польши не застав- лял поторопиться.

В 1387 году новообращенный язычник Ягайло дал «привилей» феодалам, исповедующим католичество. Под- тверждались их вотчинные права, они освобождались от части натуральных повинностей в пользу Великого князя. Католики получали право участвовать в сейме, иметь гербы, занимать государственные должности.

Впервые в истории Литвы православные и католики были поставлены в неравное положение, и на право- славных это произвело не самое лучшее впечатление... Скорее всего и на многих католиков — тоже. Борьба за правильную веру путем ведения военных действий очень уж напоминала действия Тевтонского ордена... С кото- рыми литовцы были уж слишком хорошо знакомы.

А кроме того, далеко не все подданные Великого кня- зя — и простонародье, и горожане, и воины, и знать — так уж стремились к пресловутой «инкорпорации.. Ве- ликое княжество привыкло числить себя вполне само- стоятельной державой и далеко не без серьезных ос- нований. Вопрос был только в том, кто сможет возгла- вить Великолитовскую партию и какие формы примет борьба против «инкорпорации».

Чтобы понять, кто стал лидером Великолитовской партии, необходимо заняться еще немного династиче- скими делами: правящим в Литве домом Гедиминаса.

254

Из детей Гедиминаса, погибшего в 1341 году под Ве- люоной, фактически княжили двое. Альгердас-Ольгерд и Кейстут, который фактически разделил с Ольгердом великокняжеский престол. Никаких обычаев, а тем бо- лее законов о единонаследии и о правилах наследова- ния тогда в Литве не существовало. Фактически власть брал тот из сыновей, у которого были желание и сила. В ходе династических «разборок» — дележки наследст- ва Гедиминаса, Кейстут явился в Вильно «конно, людно и оружно», выгнал из замка младшего брата и сделал Ольгерду предложение, от которого тот не, смог отка- заться.

Кейстут не претендовал на первые роли, но, если Ольгерд был, по его мнению, не прав, высказывал свою позицию более чем решительно. И Ольгерд фактически правил самостийно до тех пор, пока Кейстута его ре- шения тоже устраивали.

Кейстут пережил Альгердаса и в правление Ягайло пытался навязывать ему свое мнение так же решитель- но, как и его отцу Ольгерду. Например, Кейстуту очень не нравился союз Ягайло с Тевтонским орденом... Со- юз, конечно же, был временным, непрочным и нужен был Ягайле ровно затем, чтобы развязать ему руки для борьбы с Москвой. Для «окончательного решения мос- ковского вопроса», так сказать: чтобы никто не ударил в спину, пока он будет срывать стены Московского Кремля и сажать на московский престол кого-нибудь из своих родственников.

Трудно сказать, кто был дальновиднее в этом раздо- ре. Если Кейстут сомневался, что орден способен вы- держать договор, то ведь и Ягайло можно назвать кем угодно, только не жертвой патриархальной доверчиво- сти и наивности. Уж, наверное, он хорошо знал, что та- кое орден и насколько ему можно верить. А вот что Ягайло больше боялся Москвы, говорит скорее в его пользу. Может быть, Ягайло был или умнее, или интуи- тивнее остальных? Может быть, он понимал или просто смутно предчувствовал, что орден доживает последние десятилетия, а с Москвой все намного сложнее?

Во всяком случае, Ягайло не был «чересчур» прямо- линейным, «слишком» порядочным человеком, не спо- собным на двуличие и подлость. Судя по всему, этот человек был готов очень на многое, лишь бы достиг- нуть своей цели. Такие, кстати, и впрямь бывают очень дальновидны. Он заключил пресловутый союз с орде- ном, он подписал Кревскую унию, поставив Литву на грань гражданской войны. Наконец, он стал убийцей Кейстута: в 1382 году Кейстут был захвачен своим пле- мянником Ягайло и убит.

Так вот, Витаустас (Витовт) был сыном, и достой- ным сыном своего мятежного отца, Кейстута. Тогда, в 1382 году, Витовт бежал во владения ордена и просил у него помощи — разгромить двоюродного брата и убий- цу отца. За помощь в этом Витовт был готов отдать кре- стоносцам Жемайтию... В смысле, был готов от имени Великого княжества Литовского согласиться не помо- гать Жемайтам и признать Жемайтию законным владе- нием ордена.

Свести счеты с Ягайло тогда Витовт не смог и впо- следствии не пытался сделать это ни разу. Простил смерть отца? Не думаю. Отказался от личной мести, чтобы не ослаблять династию и государство? Это бо- лее вероятно.

Родился Витовт в 1350 году, и во время подписания Унии ему было уже 35 лет. Возраст, в котором и в на- ши дни людей принимают всерьез; по понятиям же Средневековья, это не первый год зрелости.

В 1385 году Витовт не был противником союза Поль- ши и Литвы, он был сторонником Литовской державно- сти. Он не был врагом католицизма, скорее относился к нему так же равнодушно, как и к любой другой рели- гии. Но он был сторонником мирного сосуществования католиков и православных.

Вражда с могучим Витовтом могла дорого обойтись Ягайле: за Витовтом пошло три четверти Литвы. Чтобы не оказаться свергнутым с престола (а тогда и в Поль- ше он был бы никому не нужен), Ягайло предпочел пой-

ти на соглашение и отступиться от части положений Кревской унии.

В 1392 году в Острове было подписано, а в 1401 го- ду в Вильно подтверждено соглашение, по которому Витовт был признан пожизненным правителем Литвы (фактически Великим князем). Но только пожизненным, без права передачи титула! Витовт умирает — и власть в Великом княжестве Литовском опять переходит к Ягайло. А пока пусть царят в Великом княжестве Ли- товском прежние порядки, без‘католицизации и без ин- корпорации в Польшу. В документах Витовта порой на- зывают Великим князем (тадпиз Аих), а Ягелло — вер- ховным князем (зиргети$ их).

Вряд ли родившийся в 1348 году Ягайло рассчиты- вал пережить Витаустаса, родившегося в 1350 году. И впрямь, хотя оба они оказались куда как долговечны, ни один не «обогнал» другого. Король Польши скончал- ся в 1434 году в возрасте 82 лет, пережив на 4 года двоюродного брата. Фактический Великий князь Литов- ский Витаустас умер в 1430 году в возрасте 80 лет, про- сидев 38 лет на литовском престоле.

Итак, двоюродные братья поделили королевский и великокняжеский престол. По понятиям того времени, всякий государственный союз был как бы союзом мо- нархов, личным союзом людей, воплощавших в себе го- сударственность. Уния Великого княжества Литовского и Польши была скреплена брачным союзом Ядвиги Пяст и Ягелло. Родственные отношения Ягелло и Ви- товта были для современников верным гарантом реали- зации Унии (пусть не совсем такого, какой замыслили поляки, без поглощения Литвы).

Ягайло взошел на престол под крестильным именем Владислава... Оставшись Ягайло, так сказать, «в быту». Большинство подданных продолжали называть его так. Он оказался хорошим польским королем: в меру отваж- ным, энергичным, умным. Он умел находить общий язык с самыми

разными людьми, бурно пил и плясал на пи- рах, радуя сердца буйной шляхетской верхушки. Он был популярным королем, а это очень важно в Польше.

Польская знать была верхушкой народа, а не замк- нутой гильдией потомков тех, кто захватил страну. Здо- ровая общинная демократия жила в сердце шляхты, не очень сильно оттесненная идеей феодальной иерархии. Аристократия не слишком боялась выносить сор из ко- ролевского дворца и вовсе не считала себя так уж и ниже королей. Избранный на престол король особенно нуждался не только в формальной власти, позволяю- щей казнить и миловать; да такой власти у него и было явно меньше, чем у Византийского базилевса, москов- ского Великого князя, даже у Великого князя Литвы. Выбранный польский король особенно нуждался в ав- торитете, в популярности. Без них, без желания идти за ним и добровольной готовности слушаться он бы просто не смог править Польшей.

Так вот, Ягайло быстро стал популярен. И благодаря светским мероприятиям: пирам, пьянкам, охотам, прие- мам, общению со множеством людей, в буйном стиле тогдашней шляхетской жизни, пьяноватой и прожорли- вой. И разумности принимаемых решений. И взвешен- ному балансированию между сил тогдашней междуна- родной политики. Например, между римским папой, под- державшим крестоносцев, и самими крестоносными орденами. Благодаря откровенной подготовке к войне с Тевтонским орденом. Что воевать придется, понимали все, и идея войны с орденом в Польше была очень по- пулярна. Ягайло сумел стать лидером этой популярной идеи.

Авторитета ему прибавили и еще два обстоятельст- ва: Ягеллонский университет и его собственная жена.

Краковский университет основан в 1364 году Кази- миром Великим. Это один из первых государственных университетов Европы, и уже тогда он числился в силь- нейших. Слава Краковского университета сделалась велика, и отношение к нему у поляков было гордели- вым и серьезным. Примерно так относится народ к то- му, что на его территории находится самый большой в мире замок или выкопана самая глубокая шахта.

Вторым источником авторитета Владислава | Ягел- лона стала его собственная жена, Ядвига Анжуйская- Пяст. Тощая, как щепка, и легкая, как былинка, всегда в грубых монашеских платьях, она вела жизнь настолько подвижническую, что в народе стали чтить ее как но- вую святую. Воспитанная в роскоши, при богатом дво- ре, королева совершенно отказалась от золота, жемчу- гов, ожерелий, перстней, серег и прочих мирских укра- шений. Она даже скрывала лицо под повязкой, чтобы зрелище собственной красоты не возбудило в ней грех гордыни.

Многие видели в церкви сияние, разливающееся во- круг поднятых в молитве рук королевы.

Некие «заслуживающие доверия почтенные люди» рассказывали, как Христос лично беседовал с короле- вой во время литургии.

Говорили, что одно прикосновение королевы исце- ляет больных и расслабленных членами.

’ Толпы дворян ломились в Краков, чтобы быть пред- ставленными святой королеве. Толпы горожан мчались туда же, чтобы посмотреть на королеву. Толпы кресть- ян из разных концов королевства прибывали, чтобы просить помолиться о ниспослании дождя, хорошей по- годы, об изобилии рыбы в озерах и о здоровье пчел и хорошем медосборе. Все молитвы королевы, естест- венно, тут же бывали услышаны и просьбы незамедли- тельно удовлетворялись, что и отмечалось «всем коро- левством». Толпы нищих ломились у ворот краковского замка и везде, куда шла королева.

Можно, конечно, поспорить — а так ли уж счастлив человек, чья монашески одетая жена передвигается строго в окружении монахов, монахинь, юродивых, ни- щих, алчущих исцеления калек, посланцев Ватикана, умиленно сюсюкающих пожилых дам? Но имеют ли во- обще всякие глупейшие понятия о счастье или о семей- ной жизни какое-то отношение к делам государствен- ным? Не для того женятся короли. Не для того они за- нимаются лю... гм... гм... не для того занимаются они

интимными деталями важнейших государственных про- цессов. Постижимо ли нам, простым смертным, где па- рят души монархов при вершении дел семейных... то есть, в смысле, династических?

В конце концов королева Ядвига в 11 лет исполни- ла долг монахини, вышла замуж за дикого литовца (37 лет от роду) и тем спасла Польшу от ужасов меж- королевья. Тем самым она, по мнению летописи, про- явила «благоразумие и зрелость, достойные почтенного возраста».

Испорченные простолюдины могут пожалеть коро- леву (и ее будущего мужа). Еще более испорченные типы даже свяжут судьбу королевы Ядвиги и ее свое- образный, очень уж монашеский образ жизни. Эти ис- порченные типы могут даже сказать какую-нибудь не- слыханную гадость: например о том, что Ядвига Пяст из- ломала собственную судьбу и что от несчастной жен- щины и ожидать ничего другого невозможно. И что по- нятно, отчего «дикий» Ягелло сам ударился в религиоз- ный фанатизм, и что еще хорошо, что не начал заво- дить любовниц. Некоторые дамы его еще и пожалеют, что уж совершенно нестерпимо.

Но, конечно же, таких гадостей никогда не скажут те, кто понимает: короли и королевы слеплены из совсем особого теста, чем все остальные люди, и что не нам понять высоких мер, Творцом внушаемых вельможам.

Много лет брак остается бесплодным. Трудно ска- зать, в пылкой ли любви супругов тут дело, в юности ли полуребенка-Ядвиги или в чем-то еще, но факт остает- ся фактом. Только на седьмой год супружества нако- нец-то совершается то, зачем и задуман был этот дина- стический брак: на свет должен появиться младенец, по материнской линии восходящий к легендарным пер- вым Пястам.

Может быть, иные из читателей сумеют найти что-то возвышенное в этом повороте судьбы... Любуются же люди всевозможными катастрофами, несчастьями и ужасами? Эстетизируют же они несчастную любовь,

развалы семей и ситуации, когда «гладят, глядя в пото- лок, чужих и нелюбимых»?

По мне же, весь этот династический брак Владисла- ва Ягелло и Ядвиги Пяст окончательно приобретает от- тенок какого-то мрачного издевательства, когда 17 ию- ля 1399 года 18-летняя королева умерла, пережив свою дочь на три недели.

Позволю себе еще одно циничное замечание дикаря, плохо понимающего суть монархии: давно известно, что в безлюбом браке не живут дети, что поделаешь... Бывает очень жаль несчастной королевы с ее выверну- той, прервавшейся на самом взлете судьбой, не согре- той хотя бы детьми.

Владиславу Ягелло все-таки было полегче: даже по- ка и продолжался постылый брак, он мог много чем за- няться: охотой, войной, политикой, турнирами, пирами- попойками.

Да и, попросту говоря, не он помер родами, и мно- гое оказалось впереди у короля, не разменявшего еще и шестого десятка.

И после смерти Ядвиги Пяст в его праве на польский престол никто не сомневался, оставалось обеспечить преемственность и основать династию. «Пришлось» Ягелло жениться второй раз... а потом третий и четвер- тый. От четвертой жены, Сонки (Зофьи) Голшанской, у него родились Владислав (1424) и Казимир (1427). Почти наполовину русские, они окончательно утверди- ли свою полурусскую династию на краковском троне.

Если учесть, что Ольгерд — Альгердас, сын Гедими- наса, долгое время княжил в Витебске, а Ягайло родил- ся от тверской княжны Ульяны, то приходится признать: в 1386 году польским королем стал сын витебского князя и тверской княжны. Человек, в котором не было ни капли польской крови, но на три четверти русский. И более того: человек, находившийся в родстве практи- чески со всеми княжескими дворами Руси — и Запад- ной, и Северо-Восточной.

Судите сами: отец Ягелло, Ольгерд, имел ни много

261

ни мало 21 ребенка. То есть в те времена такое число родившихся не вызывало удивления: детей всегда рож- далось много, уже хотя бы из-за полного отсутствия контрацептивов. В основе демографии и хижин, и двор- цов одинаково лежало рождение детей если не каждый год, то почти каждый.

Удивительным было то, что почти все дети Ольгерда выжили, стали взрослыми и что от них пожилой Оль- герд имел полчища внуков, раскиданных по четырем странам. Потому что чаще всего почти все родившиеся дети, процентов 70—80, умирали лет до пяти. И взрос- лые тоже гибли гораздо чаще, особенно мальчики, на- чинающие взрослую жизнь. Их убивали на войне и на охоте, они заболевали в путешествиях и странствиях, а тогдашняя медицина в основном помогала им быстрее помереть. Взрослые супруги, родившие 15 или 20 детей, внуков имели от одного-двух-трех детей... прямо как в наши дни.

А Ольгерд, поразительно плодовитый, фантастиче- ски удачливый в своих потомках, стал родоначальни- ком нескольких династий, и каких!

Позволю себе привести здесь всех детей Альгирдаса Гедиминовича, так сказать, в хронологическом порядке.

Дети от первого брака, с Марией Ярославовной Ви- тебской: 1. Андрей, князь полоцкий. 2. Дмитрий, князь брянский, друцкий, стародубский и трубчевский. Он стал предком князей Трубецких. 3. Константин, князь черниговский, затем чарторыйский, предок князей Чар- торыйских. 4. Владимир, князь киевский, затем копыль- ский, предок князей Бельских и Слуцких. 5. Федор, князь ратненский, предок князей Сангушко. 6. Федора, которая вышла замуж за Святослава Титовича, князя карачевского. 7. Агриппина-Мария, замужем за Бори- сом, князем городецким. 8. За Иваном, князем ново- сильским и Одоевским, была еще одна дочь Ольгерда, но ее имени мы не знаем.

Дети от второго брака, с княжной Ульяной Алексан- дровной Тверской: 1. Йогайла-Ягайла-Ягелло-Влади-

262

слав, о котором уже много говорилось, польский ко- роль Владислав П Ягеллон. 2. Скиргайло-Иван, князь трокский и полоцний. 3. Корибут-Дмитрий, князь нов- город-северский, збарашский, брацлавский, винниц- кий, женат на княжне Анастасии Рязанской. 4. Лиг- вень-Семен, князь новгородский, мстиславский (женат на Марии Московской). 5. Коригайло-Казимир, намест- ник мстиславский. 6. Вигунт-Александр, князь кернов- ский. 7. Свидригайло-Болеслав, князь подольский, чер- ниговский, северский, брянский, Великий князь Литов- ский, затем князь волынский. 8. Кенна-Моанна, замужем за князем Поморским. 9. Елена — жена князя Боров- ского и Серпуховского.

10. Мария — за бояриной Войдылой, вторым бра- ком — за князем Давидом Городецким.

11. Вильгейда-Екатерина вышла замуж за герцога Мекленбургского. Благодаря ей наследники Ольгерда оказались уже в пятой стране, помимо Польши, Мазо- вии, Великого княжества Литовского и Московской Ру- си. 12. Александра — замужем за князем Мазовецким. 13. Ядвига — замужем за князем Освенцимским.

Добавлю к этому перечислению еще и Анну, дочь Кейстута, сестру Витовта, вышедшую замуж за Конра- да Мазовецкого, независимого князя Мазовии...

Сказанного вполне достаточно для вполне обосно- ванного утверждения: в 1386 году на престол Польско- го королевства взошла Западная Русь. Если чьи-то пре- тензии задеты, а чьи-то великопольские чувства это обижает, я буду рад выслушать возражения и протес- ты. Только вот привести их будет совсем непросто.

Конец ордена

Но вся история про то, как русско-литовская династия села на польский престол, — все это, по правде говоря, лишь вступление к главным событиям.

Все понимали, что большая война с орденом — лишь вопрос времени. Такая война, которая решит раз и на-

всегда: сожрет ли орден славянские земли или он сам будет стерт с лица земли. Одной из причин Кревской унии 1385 года был самый откровенный страх перед орденом, причем страх и в Польше, и в Литве.

Насколько правы были все, ожидая новых неприят- ностей, показывает — уже в 1394 году началось насту- пление ордена. Такое страшное, что раздавались даже голоса — а не лучше ли аукшайтам вообще уйти из Литвы? Поискать себе более спокойную землю, где нет немецких орденов? Немцы подступили под Вильно, в очередной раз пытались взять город, разоряли Же- майтию.

В 1401 году жемайты подняли новое восстание про- тив ордена. Ах как просил орден не вмешиваться и Ви- товта, и Владислава Ягелло! Как просил не мешать рыцарям бороться с язычниками! Как хотелось им пе- редушить по-тихому жемайтов, без необходимости от- влекаться на войну с регулярными армиями!

Польша и мазурские княжества явной помощи не да- ли (хотя множество беженцев нашли укрытие в лесах Мазовии). А вот князь Витаустас помощь жмудинам оказал. Еще раз уточню: совершенно не очевидно, что он считал жмудинов дорогими сородичами. Судьба мя- тежной Жемайтии постоянно становилась разменной монетой в его разборках с орденом. Фактически так было и сейчас — решительной помощи вооруженной рукой Витовт не оказал, и его брат не начал с орденом войны из-за судеб и жизней десятков тысяч жмудинов. Но Витаустас поддерживал повстанцев оружием, сна- ряжением и хлебом, стараясь изо всех сил, чтобы вос- стание продолжалось подольше, обескровливая и Жмудь, и орден.

Восстание кончилось разгромом язычников и страш- ной резней во всех землях, до которых орден смог до- тянуться. Если на Земле еще оставались живые жмуди- ны и продолжали поить ужей молоком и кланяться Перкунасу, это, право, никак не вина орденских рыца- рей, они сделали все, что в их силах.

Великая война 1409—1411 гг.

«Шел слепец, запнулся о камень и упал... Упал он потому, что слеп, ну и все-таки причиной стал ка- мень.

Так объясняли в Литве и в Польше значение раздо- ров из-за крохотного заштатного замка Дрезденко. За- мок был ничтожный, и если спор из-за него привел к войне, то только потому, что все и так было готово. И Польша в унии с Литвой, и дряхлеющий, но грозный Тевтонский орден хотели разрешить шаткое равнове- сие — каждый, конечно, в свою пользу. Разгромив сла- вянские страны, Тевтонский орден получал если не перспективу (исторической перспективы бытия у него не было), то, по крайней мере, оттяжку.

Но сначала, конечно же, орден пытался стравить со- юзников. На роль третейского судьи в споре ордена и Польши орден пригласил Великого князя Литовского. Отношения Витаустаса и Ягелло не могли быть ни хо- рошими, ни доверительными после убийства Кейстута. Не так уж давно Витовт просил у ордена поддержки против Ягелло, используя Жмудь как разменную монет- ку в переговорах. К тому же и Витовт мог вызвать раз- дражение у Ягелло, который ведь любил сына мятеж- ного Кейстута не больше, чем был им любим.

Будь сказано к чести обоих славянских государей: ни Ягелло, ни Витовт на провокацию не поддались. Зная через своих шпионов, что происходит в Мальборке, Ягелло тоже попросил Витаустаса быть посредником. Витаустас с Ягелло не поссорился, а Дрезденко прису- дил Польше.

Впрочем, находились предлоги и помимо Дрезденка. Новый, только что избранный Великий магистр Тевтон- ского ордена Ульрих фон Юнгинген однозначно вел де- ло к войне.

Когда польские послы приехали поздравить Ульриха фон Юнгингена с избранием, он демонстративно уехал из Мальборга. Он повелел в сношениях с Польшей и

Литвой использовать строго немецкий язык вместо тра- диционной, для всех одинаково чужой латыни.

Немцы захватили силой старопольский замок Сан- ток. Витовт спровоцировал новое восстание в Жмуди и помогал уже не только оружием и хлебом, но и людь- ми, вводя в битвы своих вассалов.

Весной 1409 года война фактически началась, 6 ав- густа 1409 года Магистр Ульрих фон Юнгинген офици- ально объявил войну Польше и Литве.

Орден продолжал получать поддержку из всей Ев- ропы. Союзники были фактически изолированы ото всех; от стран Западной, романо-германской Европы они были уж очень далеки — и по расстоянию, и по культуре.

С теми, кто мог бы помочь, орден вступил в перего- воры заранее. Смущенные поддержкой язычников со стороны Литвы и Польши, чешский король Вацлав, вен- герский король Зигмунд Люксембургский пошли с ор- деном на соглашение, не став поддерживать Польшу и Литву.

До 83—85 тысяч человек, считая с наемниками из разных стран Европы, собрал орден. До сотни артил- лерийских орудий было у него.

Литва и Польша собрали под свои знамена до 100 ты- сяч человек, в том числе 30 тысяч союзных татар и 4 ты- сячи чехов и моравов. Причем были эти чехи вовсе не рыцарями, даже не вооруженными горожанами, а табо- ритами Яна Жижки. Народ был страшненький, буйный, но уж, конечно, куда более слабый, чем рыцарская кон- ница и закованные в сталь кнехты с копьями и арбале- тами.

Реально силы были неравны, и перевес оставался на стороне ордена. 3 июля 1410 года Ягайло начал насту- пление на Мариенбург. Ульрих фон Юнгинген тоже вы- ступил на юг, навстречу, и 15

июля 1410 года союзная польско-литовская армия встретилась с главными сила- ми ордена между деревушками Танненберг (Стембарк)

266

и Грюнвальд. Тут шли уже по территории Пруссии, от- сюда и немецкие названия.

В наше время Танненберг называется Стемборк, но это не древнее название, а очень новое: в 1945 году часть территории Восточной Пруссии отошла к Поль- ской республике, и селение назвали «правильно», как подобает «исконно польской деревне». Но я нигде не встретил «донемецких» славянских названий этих се- лений.

Тут же, возле Танненберга и Грюнвальда, в преде- лах движения армий, есть несколько деревень с двой- ными, немецко-польскими названиями: Логдово (Ло- гдау), Людвиково (Людвиксдорф), Ульново (Фаулен). Есть откровенно польское озеро Любень, из которого вытекает река Маржанка. А ниже по течению Маржан- ки показана деревня Зеевальде (Озернолесная), тоже без славянского аналога.

Вот к западу от озера Любень и между всеми этими деревнями 15 июля 1410 года начали строиться армии. В те времена строились они долго, не спеша. Армия не вступала в бой сразу, с марша. Правильно выбрать ме- сто для боя, построиться было делом небыстрым, тре- бовавшим вдумчивого отношения. Часто проигрывал тот, чье построение оказывалось хуже.

Историки, которым можно доверять, считают: на сто- роне ордена было порядка 27 тысяч человек, 51 зна- мя — то есть 51 отряд.

Союзники привели на поле 32, тысячи человек в со- ставе 91 хоругви. Цифры сильно расходятся с приве- денными выше; данные Кучинского расходятся с дан- ными Длугоша и Пашуто и Ючаса. Хронист, современ- ник и участник битвы, писавший на латинском языке, мог и преувеличить масштаб сражения: такое очень час- то водилось за средневековыми хронистами, сообщав- шими совершенно фантастические сведения о сражаю- щихся армиях. Тем более исторической науке как-то и неизвестны средневековые армии численностью поряд-

267

ка 100 тысяч человек. С другой стороны, современные историки тоже могут ошибаться.

Во всяком случае, под Танненбергом сошлись ос- новные силы и союзников, и ордена, и эти силы были приблизительно равны.

Все пишущие на эту тему сходятся и в том, что вой- ска ордена были лучше подготовлены и вооружены, чем польско-литовско-русские. В их рядах были француз- ские и английские рыцари, накопившие огромный опыт войны на Переднем Востоке.

Преимущество союзников было духовного свойства: они сражались за свою свободу.

Союзники построились в три линии на фронте дли- ной два км. Польские войска встали на левом фланге, в составе 42 польских, семи русских и двух чешско-мо- равских хоругвей под командованием коронного мар- шала Збигнева из Бжезя и мечника Зындрама из Маш- КОВИЦ.

На правом фланге встали 40 литовско-русских хо- ругвей под командованием Великого князя Витовта. На правом же стояла и татарская конница — ведь привел ее тоже Витовт.

Ставка Владислава Н Ягелло расположилась позади всех линий войск.

Немцы сначала построились в три линии, но потом, чтобы расширить фронт до 2,5 километров, перестрои- лись в две линии.

На правом крыле встали 20 знамен Гуго фон Лих- тенштейна, на левом — 15 знамен Валленрода, а в ре- зерве — 16 знамен под личным командованием Маги- стра.

Впереди, перед войском, поставлены были бомбар- ды и встали шеренги арбалетчиков.

Сражение и началось залпом из этих бомбард, при- чем ядра не долетели до поляков и литвинов и никакого вреда никому не причинили.

Тогда Витовт бросил на врага татар и первую линию

268

своей конницы. Удар нацелен был на левый фланг ар- мии ордена, на котором находился и Магистр.

Рыцари Валленрода контратаковали, тронув коней шагом и постепенно ускоряя движение. Удар был стра- шен — грохот столкнувшихся всадников был слышен за многие версты, — и конница Витовта побежала. Часть рыцарей поскакали в погоню, но не все.

Отбив атаку, ордынские войска двинулись вперед, с пением победного гимна. Вступили в бой вторая и тре- тья линии литовских войск, но крестоносцы отбили их и продолжали наступать. Наступающие потеснили и польские войска на левом фланге.

Здесь, в самом центре союзной армии и правее всех на «польском», левом фланге, стояли смоленские войска по командованием князя Семена Лингвена Ольгердови- ча. В первый момент блестяще атакующие немцы вкли- нились между смоленскими полками и остальным вой- ском.

«В этом сражении лишь одни русские витязи из Смо- ленской земли, построенные тремя отдельными полка- ми, стойко бились с врагами и не приняли участия в бегстве. Тем заслужили они бессмертную славу. И ес- ли даже один из полков был жестоко изрублен и даже склонилось до земли его знамя, то два других полка, от- важно сражаясь, одерживали верх над всеми мужами и рыцарями, с какими сходились врукопашную, пока не соединились с отрядами поляков».

Так писал Ян Длугош, крупный католический ие- рарх, епископ Львова, автор «Истории Польши» в 12 тол- стых томах. Часть его хроники переведена на русский язык [63].

Пока русские из Смоленска рубились, сковав дейст- вия крестоносцев, польские хоругви перестроились (на это в те времена необходимо было время) и нанесли удар по правому флангу ордена. Им удалось сделать главное — прорвать фронт Лихтенштейна и заставить его рыцарей перейти к обороне.

Одновременно Витовт нанес удар по левому флангу,

269

по рыцарям, возвращавшимся после преследования его отступившей конницы. Вернувшиеся после преследо- вания врага потрепанные рыцари Валленрода пытались атаковать, но были отброшены и уничтожены.

Войска Лихтенштейна оказались зажаты между поль- ским и литовским флангами, фактически окружены, и тогда Магистр Ульрих фон Юнгинген лично повел в бой свою армию-резерв, 16 хоругвей.

Но резерв был больше у союзников: Ягайло ввел в бой свою третью линию, до сих пор не участвовавшую в битве. Подоспели вернувшиеся на поле хоругви Ви- товта. Крестоносцы оказались окружены, отступили к Грюнвальду; потом, к вечеру, все больше хоругвей пред- почитало окружению и гибели — бегство. Большую часть отказавшихся бежать быстро перебили победители; поч- ти все бежавшие оказались переловлены или истребле- ны. С поля боя спаслось

буквально несколько сотен че- ловек. Несмотря на перспективу большого выкупа, плен- ных брали очень мало.

Трудно сказать, каковы были потери обеих сторон. Во всяком случае, погибло более 600 «опоясанных» ры- царей и руководители ордена во главе с Великим маги- стром. И Валленрод, и Лихтенштейн не ушли с поля боя.

Кровавое торжество Польши и Литвы означало прак- тически полное изменение не только хода войны, но и всей политической ситуации в Восточной Европе. Ор- ден зашатался; стало очевидно, что ‘славянские страны сильнее его и могут его уничтожить. До сих пор многие ученые всерьез осуждают Владислава Ягелло за нере- шительность. Надо было, мол, сразу же идти на Мари- енбург, брать крепость, добивать орден, пока не поздно.

Почему это не было сделано? Почтение к священ- ным религиозным реликвиям, хранившимся в Мариен- бурге? Страх перед мнением Европы, для которой кре- стоносцы оставались борцами с язычеством? Желание закончить миром с теми, на чьей одежде нашиты огром- ные кресты? Такого рода чувства могли еще обуять Вла- дислава Ягелло (хотя и на него все это не очень похо-

же). Но уж у Витовта такого рода соображений не мог- ло быть по определению.

Стремление к миру? Но война шла между неприми- римыми врагами. Впервые за 200 лет (два столетия!!!) открылась возможность нанести страшному врагу окон- чательный удар, и я с трудом могу представить себе поляка, который бы этого не хотел.

Может быть, союзная армия была истощена, обес- кровлена на поле боя? Может быть, ее силы оказались подорваны сильнее, чем хотели бы признать и вожди союзников, и их хронисты? По крайней мере, я не ви- жу других причин для поведения, которое неизменно ставят в вину Ягелло: вялое, нерешительное продолже- ние войны. Может быть, польский король просто соби- рался с силами?

По мнению решительно всех историков, Торуньский «Вечный мир», подписанный 1 февраля 1411 года Вла- диславом Й Ягайло, Великим князем Витовтом и пред- ставителями ордена, не отражал масштабов победы [64].

По Торуньскому «Вечному миру» орден отказался от претензий на Добжиньскую землю, уплачивал значи- тельную контрибуцию. По Торуньскому миру Жемай- тия воссоединилась с остальной Литвой и уже никогда не выходила из состава ее земель.

Наверное, для современников не так уж важны были пункты Торуньского договора или размеры добычи. Сам факт: орден потерпел сокрушительное поражение.

И все-таки проблема оставалась, потому что оста- вался орден.

Тринадцатилетняя война 1454—1466 гг.

Во владениях ордена оставались польское По- морье и Пруссия, и далеко не всем обитателям этих зе- мель нравилось владычество псов-рыцарей. Ну, допус- тим, крестьян как-то никто особенно не спрашивал. Верхушка дворянства — это и был сам орден или близ- кие к нему люди.

Но существовали еще и такие беспокойные элемен- ты, как горожане и мелкое рыцарство. Это слой не особенно богатый, но и далеко не бедный, без больших привилегий и родословных, уходящих в эпоху Великого переселения народов, но и без неприятной современ- ному человеку крестьянской униженности. Зародыш среднего класса, этой общепризнанной основы совре- менных европейских наций.

В ХУ веке горожан было еще немного, всего 4—5% населения; крохотный островок индивидуализма, лич- ной независимости и труда по договору и за деньги в море людей, живущих подневольным аграрным трудом; в море замков и крестьянских хижин, общинности и дикого бесправия, можно сказать, решительно всех.

Для государства и для феодалов горожане были од- новременно очень полезными людьми: ведь именно че- рез них шла торговля, ремесленное производство, у них скапливались какие-никакие, а деньги. Без денег госу- дарство больше не могло существовать, и короли, и герцоги вынуждены были все серьезнее прислушивать- ся к голосу горожан.

С другой стороны, сам род занятий горожан требо- вал некоторого образа жизни — скажем, некоторых га- рантий безопасности и человека, и его собственности со стороны государства и закона. Требование казалось феодалам просто вопиюще возмутительным. Почти та- ким же возмутительным, как требование позволить вся- ким худородным горожанам, которые и копья-то дер- жать толком не умеют, самим решать, какие с них надо брать налоги и на что эти налоги будут тратиться.

В результате горожане постоянно оказывались и по- лезными, даже необходимыми, и в то же время неспо- койными, склонными к бунтам и ниспровержению ос- нов. К тому, чтобы ставить под сомнение то, в чем нис- колько не сомневались ни дворяне, ни крестьяне: например, пользу общинной, роевой жизни. Горожане были подозрительны и неприятны: очень уж отлича- лись они и от крестьян, и от дворян, от сословий аграр-

ного, земледельческого, общества. И по роду занятий, и по образу жизни, и по своему мировоззрению.

Феодалы сопротивлялись, как могли, изо всех сил старались дать как можно меньше прав и свобод наглым и развязным горожанам. И останавливал их только страх зарезать курочку, несущую золотые яички. Ну и страх, что сосед разрешит горожанам больше и горо- жане перекинутся к нему... Гак было везде, прямо ска- жем, и вопрос состоял только в том, как много смогут вырвать города из глотки королей и князей и сколько феодалы смогут отнять у горожан.

Но в Польше и Литве города давно уже жили по Ма- гдебургскому праву — сами выбирали должностных лиц, сами собирали налоги и пошлины и были весь- ма независимы от феодалов и даже от королевской власти.

Ни о каких таких новшествах, как Магдебургское право, и речи быть не могло во владениях Тевтонского ордена. Здесь действовали совсем иные правила игры, пришедшие из другой эпохи. И не только в эпохе дело, конечно... Государство ордена оставалось государст- вом, возникшим вследствие завоевания, и со всеми «за- воеванными» там и обращались соответственно. В не- мецком языке до сих пор существует отвратительное слово «ЧпаещзсП» — в буквальном переводе «не не- мец». То есть лицо, которое по происхождению не яв- ляется немцем.

Большинство горожан на территории ордена снача- ла было немецким. Потом появились, разумеется, и поль- ские ремесленники и купцы, а в Гданьске-Данциге они составляли большинство: ведь Гданьск уже был захва- чен орденом как крупный морской порт и торгово-про- мышленный центр. За два столетия жизни в Прибалти- ке даже сами немцы утратили гонор завоевателей. Это были уже некие местные немцы, Оз{5еедец{сКВеп, то есть прибалтийские немцы. От О$ё5ее — немецкое на- звание Балтийского моря; «восточное озеро» в букваль- ном переводе. И Решзспеп — «дойчен», то есть самона-

звание немцев. И эти «местные немцы» уже совсем не обязательно хотели жить под орденом. Их тоже манило Магдебургское право, привлекали пониженные ставки налогов...

Горожане и мелкое рыцарство Поморья и Пруссии все больше тяготятся властью орденской олигархии, все сильнее хотят отойти к Польше. Основную роль в дальнейших событиях сыграл союз городов Пруссии и Поморья — Прусский союз. На арену истории все уве- реннее выходили горожане.

В феврале 1454 года, в годы правления Казимира 1\У Ягеллончика, Прусский союз отказал в повиновении ордену и заявил о присоединении к Польше. За несколь- ко недель городские ополчения овладели всеми города- ми и крепостями Поморья и Пруссии, вышибли из них солдат ордена и попросили Польшу принять в свой со- став эти земли [65].

Младший сын Владислава, Ягелло, был яблочком, ко- торое недалеко укатилось от яблоньки. Нежная и, надо сказать, вполне заслуженная любовь к ордену сочета- лась в нем с хитростью и государственным умом. Его не нужно было долго уговаривать немножечко помочь повстанцам, и началась новая война.

Эту войну было очень трудно проиграть, и тем не менее очевидная победа все оттягивалась и оттягива- лась. Одна причина ясна — Казимир 1\ был сыном сво- его отца еще в одном отношении: он гораздо больше боялся проиграть, чем хотел выиграть.

Вторая причина пикантна: орден смог опереться на Балтийские страны, которые опасались выхода Польши к Балтике. Датчане очень не хотели этого выхода, не желая пускать к морю нового конкурента.

Война тянулась тринадцать лет и так и вошла в ис- торию, как Тринадцатилетняя война 1454—1466 годов.

19 октября 1466 года Польша и Тевтонский орден заключили наконец мир. По Торуньскому миру 1466 года орден отдал Польше Восточное Поморье с Гдань- ском, Хельминскую и Михайловскую земли с городом

274.

Торунем, то есть не только вернул Польше ее истори- ческие земли, но и обеспечил Польше выход к Балтике.

Уменьшившийся почти вдвое. орден признал себя вассалом Польши. Были и еще стычки и небольшие вой- ны. В одной из них принимал активнейшее участие епи- скоп города Торуня, неплохой врач, математик и меха- ник, некий Миколай Коперник. Среди всего прочего, он так хорошо расположил артиллерию замка Фромборк, что штурмующие его орденские войска за два часа стрельбы потеряли половину наличного состава и в па- нике отступили.

В общем, близ орденских земель и впоследствии бы- ло много приключений, способных вызвать восторг у пятиклассника, у взрослого же человека вызывающих скорее некоторое раздражение.

В 1511 году магистром Тевтонского ордена стал Альбрехт Гогенцоллерн; в 1485 году утвердившийся на престоле курфюрстов города Бранденбурга. В 1517 го- ду Лютер прибил свои знаменитые листы к дверям церк- ви. Началась большая смута, Реформация. В ходе Ре- формации население в Германии уменьшилось на треть, кое-где исчезло и совсем. В обезумелой стране царил ОДИН ТОЛЬКО «закон» — право сильного. Воспользовав- шись страшной смутой, в 1525 году Альбрехт объявил территорию Тевтонского ордена своим наследствен- ным княжеством — герцогством Пруссия. С тех пор нет никакого Тевтонского ордена на карте, есть Бранден- бурско-Прусское государство, потом Пруссия.

Можно долго рассказывать, как расширялось это жуткое государство, какие формы крепостного права установились в нем, как прусские курфюрсты купили себе королевский титул, как... но все это выходит за границы нашего повествования. Главное — с Тевтон- ским орденом покончено, хотя и не так радикально, как он этого заслуживал.

Остался, правда, еще восточный аппендикс Тевтон- ского ордена — Ливонский орден, на который не на- шлось пока своих Ягелло и Витовта. Военная мощь Ли-

вонского ордена разлетелась вдребезги под первыми же ударами московитских войск. Московиты били ли- вонские войска так же уверенно, как их самих били шведы и поляки.

Ливонская война началась в 1558 году, и тут же Ли- вонский орден пал, территорию его начали делить со- седи, и этот осколок самых мрачных страниц Средне- вековья навсегда исчез из истории и с географической карты.

Глава 14

ЖИЗНЬ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА. ВЗЛЕТ ДО РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ. 1410—1569 ГОДЫ

Традиции традициям рознь. Одно дело — традиция ве- кового рабства и феодального застоя, и совсем дру- гое — традиции свободы, демократии. Нас интересу- ют именно эти традиции Западной Руси... которые унаследованы от Киевской Руси.

А.Ю. Дворниченко

Витаустас-Витовт княжил как независимый князь до своей смерти от старости, до 1430 годв. После него Великим князем Литовским, Русским и Жмудским стал младший сын Ягелло, уже упоминавшийся Казимир. Старший сын Ягелло, Владислав, с 1434 года стал ко- ролем Польши и с 1440 года — королем Венгрии.

Но в 1444 году Владислав ! погиб в неудачной бит- ве с турками при Варне, в битве, открывшей туркам путь к Константинополю. В Польше же настало беско- ролевье и стала необходима уже привычная эклессия. В 1457 году Казимир 1\ Ягеллончик был выбран поль- ским королем и опять соединил два титула вместе. До 1492 года Унии ничто не угрожало.

Но в 1492 году, помимо других событий, произошло и это — преставился, вернул Богу душу Казимир \\, и

на два престола выбрали двух его сыновей: Яна — на польский престол, Александра — на литовский.

С избранием двух сыновей Казимира на разные пре- столы Уния распалась, но в 1501 году Ян | Ольбрахт, король Польский, умер, и после избрания Александра польский и литовский престолы объединились все тем же способом — путем соединения двух титулов в руках одного человека.

Младший сын Казимира У, Сигизмунд | Старый, стал королем Польши и Великим князем Литовским в 1506 го- ду и оказался долговечен, правил до 1548 года.

Ему наследовал сын, Сигизмунд | Август. После его смерти в 1572 году и в Польше и в Литве династия Ягеллонов прервалась.

На время правления Витовта и Казимира {У прихо- дится высший взлет государственности Великого кня- жества Литовского, Русского и Жмудского. Потом, в ХУ столетии, начались постоянные войны с Москов- ской Русью и постоянные же «отъезды» в Московию православных князей и бояр.

А ХУ век — это век присоединений и территориаль- ного роста. В начале ХУ века Великий князь Витовт присоединил к Великому княжеству Литовскому Смо- ленскую, Орловскую, Калужскую,

Тульскую, Курскую земли. Граница государств проходила восточнее Вязь- мы, в районе Можайска, — совсем недалеко от Москвы.

Поход на татар по наущению Тевтонского ордена привел только к разгрому Литвы в битве на Ворскле в 1399 году. Попытка сыграть роль в политике татар, по- садить на престол хана Тохтамыша, вопреки желанию Тамерлана, провалилась. Но сама затея, кстати, гово- рит о масштабе литовско-русской политики того вре- мени. Ни одно государство того времени не посмело бы бросить Тамерлану вызов. Московитов же бил даже Тохтамыш, и приснись московскому князю война с Же- лезным Хромцом, он бы, наверное, проснулся с криком.

Но и проиграв одну кампанию, Витовт умел побеж- дать татар и присоединил к Великому княжеству еще и

Нижнюю Подолию — территорию между устьями Дне- стра и Днепра. Территория Великого княжества Литов- ского, Русского и Жмудского простерлась «от можа до можа»: Балтийского — на севере, Черного — на юге.

90% территории и населения Великого княжества Литовского и в это время оставалось русским. Запад- ная Русь стала могучей европейской державой и оста- валась таковой до самого слияния Великого княжества с Польшей.

Это было государство, население которого пользо- валось свободой, неслыханной для Северо-Восточной Руси.

Обитатели вассальных государств

Начать, вероятно, следует с того, что все рус- ские княжества включались в Великое княжество. Ли- товское строго на основаниях вассалитета. Князь ста- новился подданным Великого князя, но подданным свое- образным. И Великий князь как сюзерен, и князь как вассал брали на себя обоюдные обязательства. Под- черкиваю — обоюдные.

Из отношений вассалитета вытекали, по крайней ме- ре, три важнейших следствия, и оба они имели прямое отношение к тому, как пошла вся дальнейшая история Великого княжества Литовского. =

Во-первых, как бы ни велика оказалась по договору власть сюзерена, она обязательно имела ограничения. Вассал имел права, и по отношению к нему можно бы- ло далеко не все. Отношения вассалитета были дого- ворными, были юридическими, и они воспитывали в ду- хе уважения к договорам, к законности и порядку и князей, и всех их подданных. В Уставных грамотах — грамотах договора, по которому князь «держит» землю, договаривается Великий князь, с одной стороны, и князь от имени всей земли, всей вечевой земли — с другой.

И в этом нельзя видеть только некую идущую с За- пада идею. Нет! Договорный строй государства восхо-

дит и к традициям Древней Руси. «Привилеи», давав- шиеся Великими князьями князьям отдельных земель, — это не просто перечисления дарованных привилегий, как можно заключить из названия. Это фактически до- говоры между князем и подданными, и эти «привилеи» обнаруживают несомненные черты «ряда», то есть до- говора времен Киевской Руси. Древняя Русь была не- сравненно более культурной страной, чем Аукшайтия, и ассимиляция шла в обе стороны.

А люди, правившие в городах от имени князя, до ХУ! века назывались «наместниками» и «тивунами». Слово «тиун (тивун)» в Западной Руси вовсе не исчезает, как в Восточной.

Во-вторых, отношения вассалитета вполне можно было и разорвать — как и всякие договорные отноше- ния. И сюзерен, и вассал, если они оказывались недо- вольны другой стороной, имели и право, и вполне ре- альную возможность прервать отношения. Вассал не мог безнаказанно совершить измену — бросить сюзе- рена во время войны, вступить в сговор с его врагом, соблазнить его жену, подбивать на бунт других васса- лов. Это сурово осуждалось и кодексом рыцарской чес- ти, и законами. И население тоже не прощало тому, кто отступался от «правил игры».

Если вассал совершал недостойный, подлый посту- пок, низкий по мнению общества, в котором он жил, ему грозило не только и даже не столько преследова- ние по закону. Грозило и это — совместный поход сю- зерена и всех остальных его вассалов на того, кто ока- зался недостойным.

Но было и другое, более важное. Вассалы наруши- теля получали право тоже нарушить клятву верности. А без вассалов самый сильный князь сразу оказывался без войска. Родственники нарушителя отворачивались от него; самые преданные уговаривали каяться, искать примирения с сюзереном. Жены отказывали в общей постели. Взрослые дети недоумевали. И даже просто- народье, всегда согнутые в покорности хлопы, осудят.

В темную голову забитого, нищего люда, до сих пор ло- мавшего шапки, может вползти опаснейшая мысль, чре- ватая поджогом, бунтом, невыходом на барщину: а вдруг наш князь — вовсе не настоящий князь?! А как вы по- нимаете, такая мысль не приведет к улучшению отно- шений.

Итак, отношения вассалитета были чем-то осново- полагающим для феодального общества, чем-то без пре- увеличения священным, и ни сюзерен, ни вассал не мог- ли безнаказанно нарушить условий договора или на- нести внезапный удар в спину.

Но вассал вполне мог поменять сюзерена и не стано- вился от этого ни предателем, ни нарушителем обычая. Вассалитет вовсе не требовал от него, чтобы вассал всегда, всю жизнь был предан только одному сюзере- ну. Испортились отношения с Великим князем Литов- ским? Можно пойти в вассалы Тевтонского ордена. Можно в вассалы Москвы. Можно — в вассалы поль- ского короля. И Швеции. И Чехии. И Венгрии. Все оди- наково можно; все одинаково не будет позором.

В той реальности, в которой жила Западная Русь, князья могли выбирать между Великим княжеством Ли- товским и Московией. «Отъезжая» в Москву, князь во- все не нарушал обычаев, законов и традиций. Он только пользовался своим правом — таким же очевидным, по- вседневным, как солнечный свет или плодородие земли.

А вместе с князем «отъезжала» и земля. Князь был только живым воплощением; чем-то вроде ходячего символа своей земли. Если разрывалась вассальная связь Великого князя и князя Смоленской, Полоцкой и какой угодно иной земли, тем самым разрывалась связь этой земли и Великого княжества Литовского. Князь становился вассалом Великого князя Московского. Зем- ля входила в состав Московского княжества, Московии. Все на законном основании, все в полном соответствии с традицией. Разрушение Великого княжества Литов- ского в ХУ—ХУ\У веках происходило в полном соответ-

ствии с его собственными законами, обычаями и тради- ЦИЯмМи.

В-третьих, неукоснительно действовал принцип «вассал моего вассала — не мой вассал». Князь киев- ский, черниговский или пинский становился вассалом Великого князя. Но не его подданным. Русские земли продолжали историю, начавшуюся при Рюрике (а ско- рее всего и до Рюрика). Ученые всерьез спорят — на кого распространялись «привилеи» и «статуты» Великих князей Литовских. Есть серьезные основания полагать, что в ХУ и даже в ХУ веке к жителям русских кня- жеств его указы относились далеко не всегда. Для рус- ских князей это было и плохо, и хорошо.

Плохо пото- му, что в результате они не получали права участвовать в управлении всем Великим княжеством, не станови- лись придворной знатью. Хорошо потому, что каждый из них оставался правителем своей земли; никто не лез в традиции управления русскими землями, и каждая земля продолжала свою историю.

Во всех русских городах сохранялся вечевой строй. В том числе и в городах, где потом московские князья искоренят самую память о вече: в Смоленске, в Брянске. Не только в Новгороде и Пскове, но и в Смоленске, и в Пинске, в Киеве, в Турове роль князя становится «слу- жебной». Земля договаривается с князем, и отношения земли и князя определяются «рядом». В Полоцке тради- ция договоров князей и вечевого строя так сильна, что начинают говорить о «полоцком праве» и «полоцком кня- жении» как об эталоне.

В 1471 году умирает последний князь киевский Се- мен Олелькович. Великий князь Литовский пользуется этим, чтобы упразднить княжество, и сажает своего воеводу и наместника Мартина Яновича Гаштольда. Ки- евляне восстают, не желая принимать к себе католика. Но восстают очень цивилизованно, вовсе не устраивая «русский бунт, бессмысленный и беспощадный... И это не «бунт на коленях», подача челобитных и проливание слез. Киевляне собирают вече и предъявляют Великому

князю ряд требований, опираясь на традицию своей земли. Великий князь Казимир, сын Ягелло, вступает с Киевом в самые серьезные переговоры. В это самое время, кстати, происходит битва на Шелони, когда вой- ска московского князя разбили новгородское ополче- ние, а Иван Ш велел увезти вечевой колокол в Москву. Вечевые традиции на Западной Руси, как видно, про- должают существовать. Более того, они становятся не- отъемлемой частью политической традиции Великого княжества Литовского. Ведь в этом княжестве «старин не рухали».

Перспектива Великого княжества Русского

В 1430 году скончался Витовт, и Великим кня- зем стал младший брат Ягайло, Свидригайло Ольгердо- вич. Может быть, Свидригайло и сидел бы себе на троне (он имел на него полное право), если бы не вступил в борьбу с Польшей. Польша захватила Подолию, и в оче- редной (в который уже!) раз брат пошел на брата войной.

Войну Свидригайло проиграл и в 1432 году был сверг- нут с трона. Попытки Свидригайло снова овладеть пре- столом в 1435 году завершились его разгромом у Виль- комира, в современной Белорусии. Так же безнадежны оказались его войны в 1437 и 1440 годах. С 1440 года безвременье кончилось, и на престол Великого князя сел Казимир, младший сын Ягайло. Старший сын Ягайло, Владислав Ш, с 1434 года сидел на польском престоле, ав 1440 году был выбран еще и на венгерский. После того как Владислав Ш погиб в битве при Варне в 1444 году, Казимир ПУ Ягеллончик стал и польским королем, восстановив Унию.

Свидригайло окончательно потерял возможность за- нять Великокняжеский престол и в 1452 году умер в Луцке, владея Волынью.

Казалось бы, заурядная феодальная война, что в ней?! Но в том-то и дело, что опирался Свидригайло в основном на районы с русским населением и на рус-

ских князей. Русские князья провозгласили Свидригай- ло «Великим князем Русским»; над Западной Русью все- рьез реял проект «Великого княжества Русского». Ак- тивнее всего поддерживали эту идею как раз районы с самыми прочными традициями вечевого строя.

В «Истории Украинской ССР» восстание Свидригай- ло трактуется даже как «национально-освободительное движение в Великом княжестве Литовском в ХУ веке» [66. С. 114]. Говорить о широком национальном движе- нии, в общем-то, не приходится. За Свидригайло шел феодальный

класс, да и то не весь; шли городские ве- ча; говорили эти люди от имени всей «земли» и говорили по традиции очень уверенно, но слой этот был очень узок. И сомнительно, чтобы им удалось поднять широ- кое народное движение, даже если бы они захотели. Но они и не захотели.

Но «движение Свидригайло», или «востание Свидри- гайло», ясно показывает — русские князья уже не до- вольны существующим положением. Или правительст- во Великого княжества Литовского включит их в состав своего феодального класса, наравне с литовскими фео- далами, или они отделятся, создав собственное госу- дарство. А это будет означать, что Великие князья Литовские останутся с 15% своей территории — с Аук- шайтией и давно прикипевшей к ней Черной Русью.

С конца ХУ века пошел процесс включения русского феодального класса в состав литовского шляхетства. А честнее и правильнее сказать — в это время форми- руется шляхетство, и русские принимают в его форми- ровании самое активное участие.

Дворянство и шляхетство

Ни в Евроге, ни на Руси в Х, Х, даже в ХИ веке не было никакого такого «дворянства». Если бы житель королевства франков, современник Карла Великого, услышал бы это слово, ему пришлось бы долго объяс- нять, что бы это все значило. Рыцарь — это был для не-

го рыцарь, граф — это был граф, а оруженосец — ору- женосец. И не было слова, которым можно было обо- значить их всех и много других групп «дворянства». Тем более что многие «дворяне» Европы имели собственные земельные владения, которых их нельзя было лишить ни при каких обстоятельствах, и в этом отношении на- поминали вовсе не русских дворян, а тогда скорее уже бояр.

И когда под одно слово «дворяне» или «дворянство» подводят все многообразие землевладельцев, служилых людей, обладателей различнейших привилегий, возни- кает, мягко говоря, некоторая путаница.

Точно так же и в Киевской Руси никакого такого «дворянства» не было и в помине.

Была «нарочитая чадь», «лучшие люди» — местная родовая знать, главы крупнейших и богатейших семей и общин.

Были бояре — владельцы наследственных земель- ных владений, которые князь не мог отнять.

Были дружинники — служилые люди, прямой аналог западного рыцарства. «Старшая дружина» вместе с боя- рами «думала думу» вместе с князем, могла давать ему советы. И бояре, и дружинники могли получать «корм- ления», «уделы», то есть территории, дань с которых они собирали в свою пользу.

А дворянства не было, и «Русская правда» его не зна- ет. Ни «Правда Ярослава», созданная в Х] веке, в эпоху Ярослава Мудрого. Ни «Правда Ярославичей», сыновей Ярослава и его внука Владимира Мономаха, — перера- ботка и доработка Х|—ХИ веков.

Дворянство позднейших времен в Российской импе- рии, как и те, кого называют этим словом в Европе, по своему происхождению восходит к этим разнообразным группам знати. Вот только способы формирования «дво- рянства» там и здесь очень различны.

Вы никогда не задумывались, читатель, над близо- стью однокоренных слов, производных от простого сло- ва «двор»?.. Я имею в виду хорошо знакомые по истори-

ческим сочинениям... и не только: дворянин, дворянст- во, дворник, дворня, дворовая девка, придворный.

Слова-то однокоренные. В русском языке «дворя- нин» — это человек не самостоятельный по определе- нию. Человек, чье общественное положение определя- ется не его имуществом, не его привилегиями или пра- вами, а тем, что он находится на боярском или княже- ском дворе и несет службу. Разумеется, его положение все же лучше положения дворника или дворовой девки и часто приближалось к положению придворного (так сказать, того же дворянина, но только на Царском дво- ре). Но положение дворянина имело с положением двор- ника больше общего, чем кажется: и тот и другой не имели никаких прав, не были самостоятельны экономи- чески и социально и полностью зависели от воли вла- дельца «двора».

В Х|—ХИ веках на Руси бытовало понятие «вольные слуги» — в отличие от феодальнозависимого населения имения боярина. С XM века боярин «жалует» «вольному слуге» землю — прообраз поместья.

Складывается централизованное государство — и дворянству даются земли-поместья («по месту»). Зем- ли эти не их, и как только дворянин перестает нести службу или несет ее плохо — земли уже можно отби- рать. Это и называется «условное держание» — то есть держание земли на определенных условиях. В отличие от землевладельца, дворянин ест'и пьет до тех пор, по- ка его служба устраивает настоящего хозяина земель, будь то крупный феодал или государство.

Добавим к этому, что в Московии не было ни обоюд- ных вассальных клятв, ни рыцарского кодекса чести, тоже обязательного и для вассала, и для сюзерена, ни тем более составления каких-либо договоров. Соответ- ственно, ничто не гарантировало дворянину его поло- жения, даже если он будет нести службу самым исправ- ным образом. Назовем вещи своими именами: гарантия прав появляется только там, где отношения сторон стро-

ятся на договоре. И там, где есть кому проследить за условиями выполнения договора.

Скажем, в Британии условия соблюдения Хартии вольностей были очень простыми: сто самых знатных баронов Британии обязаны были объявлять королю вой- ну, как только он нарушит хотя бы один пункт этой са- мой Хартии вольностей. В этом случае был договор, бы- ли и силы, способные заставить осуществлять договор, даже если одна из сторон хочет этот договор нару- ШИТЬ.

Если же договор между сторонами отсутствует и ес- ли некому проследить, соблюдаются ли писаные зако- ны и традиции, никто не защищен от действий другой стороны. Разница в том, что дворянину разрывать от- ношения невыгодно, а порой просто смерти подобно. А вот хозяину земель... В каком-то случае и ему неум- но сгонять дворянина с земли. А в каком-то может ока- заться и выгодным — если можно посадить на эту землю лучшего «вольного слугу». Или князь, боярин, государ- ство сгоняют того, кто стал неприятен им, не вызывает уважения, вызвал раздражение или неудовольствие. И сажают на его место вовсе и не лучшего... Но более приятного, так скажем. Ведь в любом случае ответ на вопросы «Кто получает поместье? Кто остается в поме- стье?» зависит только от произвола хозяина земли.

А ведь лишение поместья будет для дворянина тем же, что и революция — для представителя привилеги- рованного класса: потерей и общественного положения, и средств к сущетвованию, и всего привычного мира.

Вот тут-то общественное положение дворянина и впрямь приобретает много, чересчур много общего с положением дворника и даже, увы, дворовой девки. По- тому что если он останется условным держателем зем- ли, то вовсе не потому, что проявлял где-то отвагу, пе- реносил тяготы походов, лазил на крепостные стены с саблей в зубах. Не потому, что его седеющая не по го- дам голова прорублена в нескольких местах, а ноющие кости предсказывают скверную погоду за неделю. Если

286

дворянин останется сидеть и спокойно помрет в своем поместье, если он сам и его дети не будут разорены, то по единственной причине — по милости владельца земли.

Сходство общественного положения порождает и сходство общественной психологии. Дворянин с его «ус- ловным держанием» земли, разумеется, приложит все усилия, чтобы его службишкой были как можно более довольны, чтобы не возникало никаких трений, никаких проблем, никаких неудовольствий и сложностей... Ко- нечно же, он окажет хозяину какие угодно услуги, лишь бы он не прогневался, не обиделся, остался бы доволь- ным, явил бы ясное личико, не лишил бы поместья, не пустил бы на снег, пожалел бы малых детушек, благо- детель он наш, кормилец, поилец, земной бог и власте- лин живота нашего.

Слово «дворянин» впервые упоминается в Никонов- ской летописи под годом 6683-м от Сотворения мира (1174 по Р. Х.), и не как нибудь, а в рассказе об убий- стве Великого князя Владимирского Андрея Боголюб- ского. «Гражане же боголюбсти (из города Боголюбо- во. — А.Б.) и дворяне его (Андрея) разграбиша домъ его» [67. С. 233]. Сообщение, на мой взгляд, очень од- нозначное — дворяне в этом тексте упомянуты именно как дворня, как слуги, живущие на дворе Андрея Бого- любского. И ведут они себя тоже как дворня и дворни- ки, а отнюдь не как люди, обладающие понятием о чес- ти нобилитета и о поведении, подобающем для элиты.

Осмелюсь напомнить самое ужасное — что такова общественная психология не подонков общества, не идиотов, не нищих на паперти и не бездомных пропойц, променявших жизнь на бутылку с сивухой. Так вынуж- дены вести себя представители общественной элиты, военная и административная верхушка общества. Вы- нуждены? Несомненно! Но проходят поколения, психо- логия укореняется, становится чем-то совершенно ес- тественным, даже разумеющимся само собой. Тем бо- лее что дети с малолетства наблюдают за унижением отцов и дедов, за общей обстановкой в своем общест-

287

венном кругу и совершенно оправданно учатся на при- мере старших.

А вот в Европе это было совсем не так; «дворянства» в том смысле, в котором это слово применяется к знати Московии и Российской империи, не было.

В Европе было одно слово, пришедшее еще из Рим- ской империи... И отнести к самим себе это слово не отказались бы ни «нарочитая чадь» и бояре, ни князья, ни дружинники.

В латинском языке есть несколько слов с корнем деп — хорошо известных современному человеку хотя бы уже через школьную программу по биологии — ге- ны, генетика, муха дрозофила, передача наследствен- ных признаков, убийство Николая Вавилова.

В поздних вариантах латыни, на которых говорила огромная империя, деп$, депИ$ означало род, порода. Вообще всякая совокупность живых существ, связан- ных общим происхождением. Соответственно, депи!$ по латыни — соплеменник, сородич. Непосредственно от этих слов происходят старофранцузское депИ| — родовитый, благовоспитанный и депИБотте. ЧепИ|- Ботте — слово, существующее в современном фран- цузском языке и переводимое на русский как «дворя- нин». От французского слова происходит, учитывая произношение, и английское депЧетап — джентльмен. Джентльмен — не что иное, как местная, британская модификация все того же корня «гентил» (в британском произношении — «джентил») [67. С. 248].

Если сделать смысловой перевод, получается что-то вроде «человек, имеющий происхождение». В условиях феодализма это человек, чьи предки уже были извест- ными и благородными. В наше время и в наших услови- ях про людей этого типа и круга говорят что-то вроде «интеллигенция далеко не первого поколения».

Другим словом является также восходящее к латин- скому слово «поЫе» — что можно перевести как «луч- шие» или «избранные».

В современном английском языке поЫе («ноубл»)

имеет значение «благородный» и может быть использо- вано как имя собственное и как слово «дворянин».

Соответственно, поЫе\могпап — дворянка. А «из знат- ной семьи» — оЁ поЫе фатйу.

Принадлежность к мелкому и среднему дворянству обозначается словом дегигу («джентри»), происхожде- ние которого я не выяснил. Причем «мелкое» и «сред- нее» дворянство определяется исключительно по раз- меру доходов, а не по числу привилегий.

Естественно, во французском и английском языках и двор как хозяйственная единица, и королевский или императорский двор (в языке эти понятия различаются) обозначаются совсем другими словами.

В английском языке двор — уагА («ярд или я’д»); «ноя ярд» — это только тот самый двор, который метут, пус- тое пространство перед домом; а вот домашнее хозяй- ство — теща!. При этом дворец правителя обозначает- ся пришедшим из французского словом сои[(«курт»). Перевести на английский слово «дворник» невозможно, таких реалий в Британии нет. А дворня будет Поцзе- зе!{$ от Воуз — дом и позднего латинского слова «сер- вы» — лично зависимые слуги, или тета|$ — то есть «люди хозяйства», — но в их число включаются вовсе не только прислуга, но и садовники, огородники, пасту- хи; это работники, обрабатывающие поля, и даже зави- симые люди, которые самостоятельно ‘работают на фермах. Все это — Почц$е-зег{$.

Как видно, в западных европейских языках нет ни- какого общего корня для тех слов, которые остаются однокоренными в русском — для дворянина, дворянст- ва, дворни, дворника и двора. Сами языки не сближают эти совершенно разные понятия. И в переводе — ложь! Потому что русский аналог сам собой, по нормам рус- ского языка, заставляет нас предположить совсем дру- гой смысл, которого не было в латыни, во французском и в английском.

В романо-германской Европе дворянство — нобили- тет, гентильмены, то есть некие «лучшие» люди. Те, чьи

предки уже были известны, благородны, занимали пре- стижное место в обществе.

В русском языке этим словам больше всего соответ- ствует слово «знать». То есть знаменитые, известные и притом — потомки знаменитых и известных.

Нельзя, конечно, сказать, что на Руси вся знать сво- дилась к дворянству и что дворянство — это вся рус- ская знать. Но на Московской Руси дворянство на- столько преобладало над всеми остальными группами знати — тем же боярством, что постепенно поглотило все эти группы, стало само именем нарицательным для всей русской, и не только знати.

Точно так же и немец прекрасно поймет слово «но- билитет», а в самом немецком дворянин — Е’аепапп, то

есть знатный. Е’а4еМаи соответственно — дворянка. Е’ае!еще, А’Аейде — дворяне. При этом двор по-немецки Но дворня — Нoе-

зтае; а дворник — НаизКпесй{ (здесь слово произво- дится от Наи$ — дом и КпесбЕ — слуга, батрак). Как видите, ни малейшей связи «двора» и «дворника» с «дво- рянством,».

В польском языке есть коренное польское слово, обозначающее дворянина, — «землянин». То есть, по- просту говоря, землевладелец, а все же никак не двор- ник. Есть и еще одно слово, означающее дворянство: «можновладство». То есть имеющие право владеть. Смысл тот же.

Но вообще-то в Польше очень мало использовалось это слово, а в Литву — Западную Русь — оно практи- чески не попало.

В Польше было два слова для обозначения разных групп знати, и оба эти слова стали очень известными, международными; они наверняка хорошо известны чи- тателю.

Крупных дворян, владевших обширными землями, называли «магнаты». Слово происходит от позднелати- ского Мадпаз или Мадпай1$, то есть богатый, знатный человек. Магнаты — это те дворяне, которые имели свои

частные армии, а часто и прочие атрибуты государства в своих владениях.

Дворяне, которые были не так богаты и должны бы- ли служить в армиях (в том числе у магнатов), называ- лись шляхтичами, шляхтой. Польское слово «шляхта» ($2|1acMa) происходит от древненемецкого з1аЩа, что значит «род, порода». Слово известно, по крайней мере, с ХШ века. Первоначально так называлось рыцарство, низшая: часть военной аристократии, служилое дворян- ство.

Смысл понятен: то же, что И «гентил» — «имеющие происхождение». Только не по-латыни, а по- немецки.

Отсюда пошло и польское слово «шляхетство» ($71а- сресёмо), что чаще всего переводится как «дворянство». И зря переводится, потому что это глубоко неправиль- ный перевод. Шляхетство никогда не было сословием, значимым только потому, что оно сидело на чьем-то дворе и получало пожалование из чьих-то ручек.

Во-первых, значительная часть шляхетства имела собственность, в том числе землю. А поскольку отобрать у них эту собственность было нельзя в принципе, то шляхтич при желании мог вообще нигде не служить, ничем не заниматься, валять дурака и просто жить в свое удовольствие, не особенно обременяя себя служ- бой. Редко, но примеры такого рода бывали.

Во-вторых, шляхетство имело права. Неотъемлемые права, которые тоже не могли быть отняты без самых веских оснований. Шляхтич, как и дворянин в странах Западной Европы, имел право личной неприкосновен- ности. Нравы оставались дичайшие, в школах при мо- настырях шляхетских недорослей монахи секли, случа- лось, и девочек, и совсем больших парней, но поднять руку на взрослого шляхтича не мог даже король. Даже по суду к шляхтичу не могли быть применены позоря- щие наказания. К шляхтичу в любых обстоятельствах обращались уж по крайней мере вежливо.

Более того. Шляхетство имело столько прав и при- вилегий, что их обилие поставило под сомнение саму

польскую государственность... Ни в одной стране — ни европейской, ни азиатской — дворянство, еггелентен, эдельманы, не было настолько привилегированным со- словием. Польша в этом отношении вполне уникальна.

Оформление шляхетства как осознающего себя со- словия со своими привилегиями, ограничениями, своей системой корпоративного управления произошло в ХММУ— ХМ веках, и происходил этот процесс так своеобразно, что результаты его трудно назвать иначе, нежели при- чудливыми.

Юридическими документами, оформившими шляхту как сословие, стали Кошицкий привилей Людовика | Анжуйского от 17 сентября 13774 года. Шляхта поддер- жала Людовика как кандидата на престол Польши, и за это на нее распространились права, которыми до сих пор обладали только высшие феодалы. В числе прочего права не платить почти никаких налогов, кроме обяза- тельства служить королю и занимать различные долж- ности (от этого «налога», кстати, шляхта никогда и не отказывалась).

В 1454 году, в разгар войны с орденом, шляхта от- казалась воевать, пока король не даст всего, чего тре- бует шляхта. И Казимир ПУ дал шляхте Нешавские ста- туты, подтвердив ее привилегии, расширив ее права в управлении государством: например, в выборах короля на сеймах и сеймиках. Кроме того, шляхта получила не- подсудность королевским чиновникам, кроме разве что самых тяжелых преступлений.

В 1505 году шляхетский сейм в городе Радом издал постановление, вошедшее в историю как Радомская конституция. Король признал Конституцию, и она ста- ла законом. Согласно Радомской конституции король не имел права издавать какие-либо законы без согла- сия сената и шляхетской посольской избы. Закон об «общем согласии», «либерум вето», означал, что любой закон мог быть принят, только если все дворянство Поль- ши не возражает. Даже один голос «против» означал, что закон «не прошел».

Шляхтич имел право на конфедерацию — то есть право на создание коалиций, направленных против ко- роля.

Шляхтич имел право на рокош — то есть на офици- альное восстание против короля. Шляхтичи имели пра- во договориться между собой (конфедерация) и вос- стать (рокош).

Комментировать не берусь, потому что аналогии мне неизвестны. Радомской конституцией окончилось оформ- ление политической системы, в которой сейм стал ос- новным органом государственной власти, стоящим вы- ше короля.

Конечно же, между шляхтичами существовало ог- ромное различие в уровне доходов, а тем самым и в ре- альной возможности реализовать свои привилегии. Ра- зумеется, какой-нибудь пан Ольшевский в продранных на заду шароварах, родом из Старовареников, где. под- текает прохудившаяся крыша, только очень теоретиче- ски был равен королю или даже богатому пану. Но маг- наты никогда не были отдельным сословием и посте- пенно вошли в шляхту на самых общих основаниях. Самый богатый пан, обладатель сотен деревень и горо- дов, главнокомандующий частной армии, вынимавший из ножен саблю с рукоятью, осыпанной крупными ал- мазами, имел в законе те же права и обязанности, что и пан Ольшевский, не больше и не меньше. И на любом сейме и сеймике пан Ольшевский из Старовареников точно так же топорщил усы, выпячивал грудь и был го- тов хоть сейчас применить свое право на «ШБегат уе».

Разумеется, такого пана Ольшевского было не так трудно подкупить, и даже вовсе не деньгами, а просто устроив пир на весь мир. Чтобы оголодавшие по своим Староварченикам паны ольшевские, поев «от пуза» кол- бас, окунали роскошные усы в немереное число кру- жек с пивом и вином... и голосовали, как их просят, по- хорошему.

Но необходимость покупать, запугивать, убеждать, уговаривать сама по себе ставит богача-магната на одну

доску с самым захудалым, лишившимся всяких средств к существованию шляхтичем. Даже самая нищая, не имевшая постоянных доходов шляхта, носившая не очень почетное название «загоновой», имела нечто не- отьемлемое, присущее ей по определению, и с этим при- ходилось считаться всем — и королям, и магнатам.

— Цыц! Молчи, дурная борода! — заорал Государь Московский и всея Руси Иван Ш на старого, всеми ува- жаемого князя Воротынского. Только что «отъехавший из Литвы» князь не набрался еще московского духа; он осмелился, видите ли, возражать царю — нашему ба- тюшке и тут же получил урок.

Можно, конечно, и не пострадать от барина... я хо- тел сказать, конечно, от царя. Например, боярин Иван Шигона очень даже выслужился перед Василием Ш, сыном Ивана Ш и отцом Ивана ПУ. Василий Ш решил постричь в монахини жену, Соломонию. Причиной ста- ло то ли бесплодие Соломонии, необходимость иметь наследников. То ли, как говорили злые языки, страст- ное желание царя жениться на Елене Глинской. Ситуа- ция возникла деликатнейшая, и весьма выигрывали в ней понятливые слуги — например, митрополит Даниил с его проповедями о том, что бесплодное дерево истор- гается из сада вон.

Или как Иван Шигона. Соломония ведь не хотела в монахини; билась, кричала, сорвала с себя монашеский куколь, топтала ногами. Нужен был тот, кто усмирит постылую царицу. Иван Шигона здесь же, в церкви, прошелся по Соломонии плетью, усмирил ее, заставил принять постриг и стал этим очень любезен сердцу Ве- ликого князя. Он сделал придворную карьеру — в отли- чие от всяких шептателей и болтунов, втихаря осуж- давших Государя Всея На Свете за развод с женой, возведение на престол девицы сомнительного пове- дения.

Чем отличается поведение дворянина Ивана Шигоны от дворни, бегущей вязать Антипа по единому манове- нию даже не руки — бровей барыни (помните сцену из

«Муму»)? Дворня даже лучше, потому что ни при каких обстоятельствах не могла бы поднять руку на барыню, жену барина, чтобы там барин ни выделывал.

Так вот — я не идеализирую политического строя ни Польши, ни Великого княжества Литовского. И не пы- таюсь рассказывать сказки о фактическом равенстве всех шляхтичей перед законом. Фактического равенст- ва перед законом, кстати, и сейчас нигде не существу- ет, хорошо если декларируется юридическое равенст- во. Но по крайней мере шляхтич, как он там ни был по- рой беден и угнетен, никогда не был и не мог быть ничьим рабом и холуем, как Иван Шигона и митрополит Даниил.

Любой «загоновый» пан Ольшевский из Староваре- ников привык, что он для всех «пан», а его жена «пани»; что говорить с ним надо с уважением, что права его не- отъемлемы и что он не кто-нибудь, а шляхтич. Дети смотрели, как перед их папой снимают шляпу, слыша- ли, как с ним говорят на «вы»... и учились. С детьми и внуками самого занюханного пана Ольшевского, кото- рому мама и бабушка, может быть, только что постави- ла заплатку на исподнее, не приключилось бы того, что с детьми знатнейшего князя Воротынского, побогаче иного магната. Не получили бы они такого же «урока».

При этом в Польше дворян было много, в отличие от прочих стран Европы. В Великой Польше шляхты было до 8% населения, в Мазовии — даже до 20%, в разных областях Великого княжества Литовского — от 3 до 6%. То есть школу цивилизованной жизни, уважения к че- ловеческой личности, и в том числе к самим себе, про- ходил довольно заметный процент народонаселения.

Интересно, что слова «шляхетство», «шляхетность» «шляхетный», «шляхетский» широко употреблялись в Российской империи в ХУ веке. Слово вошло даже в название учебных заведений: Сухопутный шляхетский корпус (1732), Морской шляхетский корпус (1752).

По-видимому, было в этом слове нечто достаточно

привлекательное, в том числе и для жителей Россий- ской империи.

В Литве долгое время, по существу, до присоедине- ния остатков Западной Руси к Российской империи, со- хранялось и слово «боярин». Но слово это имело немного иной смысл, чем в Московской Руси. Там, в Московии, чем дальше, тем больше лишались права неприкосно- венности и сами бояре, и их земли. В Литве бояре так и остались людьми, обладавшими полным набором «ры- царских» шляхетских привилегий и прав, владельцами неотторгаемых земель.

Но бояре не были тогда, в ХЛУ—ХУ! веках, и не ста- ли впоследствии символом рыцарства, а вот шляхетство таким символом стало, и не только в Литве и на Восто- ке Европы.

В Великом княжестве

Что характерно, процесс становления шляхты, ее превращения в силу большую, чем королевская власть, происходил и в Западной Руси — Литве. Развитие шло в том же направлении — от сильной княжеской власти ко все большему расширению прав шляхты и ослабле- нию Великих князей.

В ХУ веке литовские князья имели даже больше власти, чем киевские. Великий князь Литовский был неограниченным правителем, вече в его землях не су- ществовало. Рада при князе напоминала Боярскую ду- му — совещательный орган, а не законодательный.

Князь считался верховным владельцем всех земель, и он лично утверждал все акты о передачи недвижимо- сти из рук в руки.

Кроме того, он считался собственником всего дос- тояния государства. Государственная казна носила на- звание «господарского скарба», то есть княжеского иму- щества.

Земли, в том числе и в Черной Руси, получали из рук КНЯЗЯ «привилеи» или уставные грамоты. Но это были

не договоры князя с местным князем или с населением, а просто пожалования. Которые князь может дать, а может и отобрать.

В ХМ веке политический строй Литвы больше по- хож на московский, чем на польский. Но в ХУ веке все стало меняться в ту же сторону, что и в Польше.

С середины ХУ века Совет великого князя постепен- но трансформировался в Раду панов (Совет знатней- ших вельмож). По «привилею» 1447 года и по «приви- лею» князя Александра 1492 года Рада панов фактиче- ски ставила под свой контроль власть Великого князя.

В конце ХУ — начале ХУ! века при активном участии Рады был создан новый судебник, а князь Александр обязался не посылать послов, не отнимать должностей, не раздавать в держание пограничных замков, не про- водить государственных расходов, не судить, не вести внешнюю политику без участия Рады.

Рада из чисто совещательного органа все больше ста- новится зародышем парламента (пока — по воле Вели- ого князя!).

На Московской Руси это — время Ивана Ш, время закручивания гаек, превращения уже не только дворян, но и бояр в забитых, «знающих свое место» слуг Вели- кого князя. Время, когда царь-батюшка изволил драть свое священное горлышко, не погнушался лично обла- ять старого князя Воротынского. Время, когда царь Иван ! засыпал во время пира и все бояре и дворяне боялись шелохнуться — вдруг, проснувшись, царь-ба- тюшка прогневается на них за беспокойство?!

...Стоит ли удивляться, что Литва становится весьма привлекательна для бояр и дворян? Ведь в Литве и в Польше шло расширение прав и свобод, а в Московии их в то же время зажимали.

Другой орган власти шляхты, который выдвигал кан- дидатов на пост Великого князя, назывался Тайная рада.

В соответствии с законом 1492 года носителем вла- сти в Литве становился не князь, а бояре и дворяне, шляхта, органом власти которых был их съезд — сейм.

297

На Вальном сейме, где выбирался Великий князь, присутствовали князья и бояре, на «Великих вальных сеймах», где принимались законы, — вся шляхта.

В ХУ веке православные войти в Тайную раду не могли. Фактически, конечно, верхушка православной знати участвовала в работе Тайной рады, но тайно, не- легально. Только в 1563 году, когда было уже поздно, вероисповедные ограничения были отменены. Но в Валь- ном сейме с 1492 года участвовали и православные — опыт «восстания Свидригайло» был все же учтен.

Весь Х\У! век роль князя все больше становилась служебной — как в Польше и как в Новгороде Великом! Его земли становились не вотчинными, а должностным владением, так как должность князя стала выборной.

Если раньше государственная казна называлась «гос- подарским скарбом», то теперь она стала называться «Земским скарбом», то есть общественной собственно- стью, князь даже не мог брать деньги из казны без со- вета с Радой.

В «Общеземских привилеях» ХМ и ХУ, тем более ХУ! веков Великих князей неоднократно подчеркивалось, что князь имеет право подвергать панов и шляхту лич- ным наказаниям и конфискациям не иначе как по суду и на основании закона.

Чиновники могли судить шляхтича лишь за некото- рые преступления: разбой, убийство, насилие над жен- щиной, ранение шляхтича. За все остальные преступ- ления судебное разбирательство вел лично князь.

Эти же «привилеи» давали шляхте корпоративные права: собираться на сеймы, занимать высшие долж- ности в государстве, и главное — выбирать Великого КНЯЗЯ.

Литовские статуты — сборники законов Великого княжества Литовского, выходившие с 1529 по 1569 год, отражают тот же процесс, что и польские законы ХИУ— ХУ! веков — отток реальной власти от Великого князя, приобретение шляхтой все большей власти, независи- мости, самостоятельности.

298

Когда в 1508 году Михаил Глинский «поссорился» с Великим князем Сигизмундом и бежал в Московию, это вовсе не было актом протеста против национального или религиозного угнетения. Никто Михаила Глинского и не думал угнетать, а восстал он потому, что Великий князь Сигизмунд не отдал ему «головой» его кровного врага, пана Заберезского, и даже прямо не велел вести частную войну. «Восстание» Михаила Львовича Глин- ского и состояло в том, что он напал на Гродно, убил своего врага и велел нести перед собой пику с его от- рубленной головой. Великий князь объявил «посполито рушенье» — сбор всех верных Великому князю людей, а Михаил Глинский бежал в Московию со всем своим кланом.

В Московии он тоже быстро «восстал», потому что Василий Ш дал ему в кормление Медынь и Малый Яро- славец, а Глинский хотел Смоленск. Ну, и «побежал» обратно в Литву. Тут-то и проявилась коренная разни- ца между этими государствами — Михаила Глинского поймали,

заковали, и не сносить бы ему головы, если бы он не заявил о переходе в православие, а Елена Глинская не стала бы женой царя.

Автор совершенно не собирается идеализировать своеволие и сумасбродный гонор феодальной вольницы. Поведение князя Михаила, соответственно неродного деда Ивана [\, отнюдь не было поведением мудрого го- сударственного деятеля, ни даже беглеца от дискрими- нации. Это поведение совершенно отвратительного, одуревшего от безнаказанности самодура. Когда пле- мянница, став вдовой Великого князя Московского, за- морит дядюшку в тюрьме голодом, свершится страшная, отвратительная, но справедливость: Михаилу Глинскому отольется тем же, что он всю жизнь нес другим людям.

Но «восстание» Михаила Глинского — прекрасный показатель того, что у русской православной шляхты все меньше резонов создавать собственное государст- во. В Литве у них возможности почти те же, что иу ка- толической шляхты в Польше, и пользуются они ими не менее самоубийственно.

На другом общественном полюсе

Не следует, впрочем, видеть в Великом княже- стве Литовском такого уж идеала свободы. Даже и полной аналогии с Западной Европой тоже не было. Там, во Франции, в Италии, постепенно все станови- лись свободнее. На периферии же Европы свобода од- них совершенно последовательно будет покупаться не- свободой других. В те же самые века — ХУ и Х\|, когда шляхтич в Великом княжестве Литовском становился все свободнее и свободнее, приобретал действительно очень большой диапазон прав, полным ходом шло за- крепощение крестьянства.

Феодальная зависимость крестьян существовала все- гда, изначально — уже как обязанность платить налоги, нести повинности в пользу государства или того, кому государство велит нести эти повинности. Крестьянин должен был ремонтировать мосты, давать подводы для перевозки грузов, поставлять панам молоко, яйца и ово- щи, ткать полотно.

И в законе крестьянин не был равен дворянину. Еще «Киевская правда», родившаяся в Х! веке, дополненная в ХП и ХШ веках, придавала огромное значение тому, кто обижает кого. Если дружинник князя обижает дру- гого дружинника — пусть платит за это такие деньги, чтобы искупить причиненный вред. За оторванное ухо полагается один штраф-вира; за выбитый глаз — уже другая, за оторванные пальцы — третья. Нехорошо при- чинять ущерб друг другу, и причинивший признается виновным и должен этот вред исправить. Справедливо? Вполне справедливо.

Если дружинник обижает холопа, это тоже нехоро- шо: пусть платит деньги владельцу холопа за причинен- ный его собственности вред. В своем роде тоже спра- ведливо, хотя справедливость получается какая-то вар- варская, немного отдающая то ли временами Древнего Рима, то Ли «Хижиной дяди Тома».

Но уж если холоп обижает дружинника!!! Тут-то на-

ступает очередь какой-то совсем уже страшненькой, прямо-таки вампирической справедливости: по «Рус- ской правде» дружинник имеет полное право безнака- занно убить холопа, и даже денег его хозяину платить не надо. Хозяин сам виноват — зачем плохо следил за своей собственностью?!

Великое княжество Литовское оставалось частью Европы и в конце ХП, и в Х\, ив ХУ веках. Но его пра- вящий класс, конечно же, и не думал вводить законы, по которым общество начнет жить спустя века (да и не имел о них ни малейшего представления). Общество в княжестве оставалось феодальным, и крестьянин был неравноправен. Неравноправен в законе, нес феодаль- ные

повинности. Судебник Казимира 1468 года оста- вался не более демократичен, чем «Русская правда» или московский Судебник Ивана Ш 1492 года.

И здесь постепенно шло закрепощение крестьянст- ва, ограничение его прав и свобод. Формально данные Великим князем «привилеи» относились, естественно, к дворянству. Не вонючим же мужикам давать привиле- гии, не их же доступ к Великому князю регулировать! Но привилегии феодалам давались за счет мужиков. По- тому что это были привилегии брать, запрещать, поль- зоваться и заставлять: и чем дальше, тем таких приви- легий делалось больше.

«Привилеи» 1387, 1432, 1434 годов давали все боль- ше привилегий феодалам, все больше отнимая у кре- стьянства.

«Привилей» 1447 года, данный Казимиром [\, подтвер- дил все «привилеи», выданные в 1387, 1432 и 1434 го- дах, и превратил феодальную зависимость в оформлен- ное крепостное право. Крестьянин становился «крепок земле» и окончательно не мог с нее уйти по своей воле.

В ХМ веке в Великом княжестве Литовском возник- ло даже что-то вроде конституции. Кодексы феодаль- ного права утверждались в 1529, 1566, 1588 годах и назывались Литовскими статутами (от лат. %а во — «по- становляю»).

Статут 1588 года был подготовлен как свод всего литовского права — на тот случай, если Литва останет- ся в составе одного государства с Польшей и если она станет самостоятельной. Статут подробно определял юридический статус разных сословий, их отношения друг с другом и с государством.

Так вот, по Статуту 1588 года создавалось единое сословие крепостных крестьян. В это сословие влива- лись разные группы закрепощенных слуг, разные раз- ряды крестьян. Раньше каждая группа слуг, каждый разряд крестьян были закрепощен по-своему, и каждый крестьянин был не свободен индивидуально. Теперь крепостными стали все, и притом одинаковыми крепо- стными. Больше никто не выбивался из общей картины.

Впрочем, и помимо Статутов закрепощение шло че- рез саму систему землепользования.

В 1547 году Сигизмунд Август издал правила пере- устройства великокняжеских земель: «Уставу на воло- КИ». И власти провели «волочную померу» — обмер и передел земель в великокняжеских, а потом и в част- ных владениях.

Это был первый земельный кадастр, первое подроб- ное описание всех земель княжества, введение строгой системы использования всех земель.

Что значит «волочная»? Волок был главной мерой из- мерения земли в Великом княжестве Литовском. Во- лок — это было столько, сколько может обработать один человек, если будет пахать на лошади. Считалось, что если один работник поднимает больше волока, то земля окажется попросту плохо обработанной. Если мень- ше... Ну зачем же крестьянину пахать меньше, чем он физически способен?!

Волок равнялся 30 моргам, или 19,5 десятины. По волочной помере каждый крестьянский двор получал в трех полях по 33 морга земли. Раньше было больше? Отрезали. Раньше было меньше? Давали еще. Почему в трех полях? Потому что трехполье. Не умеешь так хо- зяйствовать? Научим. Не хочешь трехполья? Заставим.

За каждую волоку крестьяне работали на барщине по два дня в неделю кроме остальных повинностей — строительства дорог, поставки панам овощей, молока, птицы.

После волочной «померы» крестьянин не мог ссы- латься на то, что его семья держала эту землю с неза- памятных времен. Связь с бывшими наследственными наделами земли разорвалась. Всю землю дало государ- ство! Крестьяне были уравнены между собой и все дружно обречены платить, платить и платить. А глав- ное — работать и работать. Земля в Великом княжест- ве Литовском родила хорошо, феодалам был выгоден фольварк — то есть собственное хозяйство, клин соб- ственных земель, обрабатываемых мужиками.

Столетия спустя ученые нашли определение: фоль- варочно-барщинный способ ведения хозяйства.

Глава 15 ГОРОДА РУССКОЙ ЕВРОПЫ

— Я русский и в то же время европеец. — Так не бывает...

— Почему?!

— Так они там все несчастные...

Разговор на научной конференции

Кто такие горожане

Во всех странах Средневековья были крестьяне и гм... гм... ну пусть будет так, использую привычное слово: были дворяне. Но не везде были горожане. То есть города были везде абсолютно, в любой минималь- но цивилизованной стране. Но вот горожане как осо- бое сословие, как особая группа людей со своими нра- вами, привилегиями, чертами быта, живущая по своим особенным законам, — такое было не везде. Города были везде, а вот горожане — только в тех

странах Европы, которые приняли наследие Великого Рима. В Риме каждый город имел «свою» сельскую ок- ругу, и этой округой управлял муниципалитет — вы- борный орган горожан. Город был привилегированный, потому что в нем жили граждане, имевшие право изби- рать и быть избранными в местные органы власти. А де- ревня оставалась бесправной, в ней жили обитатели вилл — вилланы.

Город как административная единица у римлян на- зывался с!\Ка$. К концу империи с \Ка$ было общепри- нятое название городской общины. В этом смысле сло- во сохранилось до сих пор в романских языках. Тем же словом называли совокупность всех граждан (<!уез) римского государства. «С1\!$ Котапиз$ зит! Я римский гражданин!» — гордо говорил римлянин, носитель не- отъемлемых гражданских прав. Тот, за кем стояла не- обозримая мощь колоссальной империи. Даже и вне пределов империи эта формула помогала избежать ме- стного правосудия. Один человек слаб, но в защиту своих граждан империя, не задумываясь, бросала зако- ванные в броню, хорошо обученные легионы.

От этого слова пошло и современное интернацио- нальное слово «цивилизация» — так прочно в сознании западных европейцев утвердилась связь города, куль- туры и гражданского общества.

А сельский округ, принадлежащий городу и управ- ляемый из города, назывался рад. Житель пага в позд- ней Римской империи назывался радапоз, или радапиз, и отсюда как раз происходит современное слово «пога- НЫЙ».

Вторгаясь в пределы империи, варвары грабили, раз- рушали, сжигали города. Завоевав куски империи, фран- ки, вандалы и бургунды убеждались, что города все-та- ки необходимы, но что делать с ними — не знали. Ни в одном кодексе законов раннего Средневековья, до 1Х— X веков, нет даже упоминания городов. Деревня была варварам понятна, там шло смешение варварских и рим- ских законов, обычаев, образа жизни. Обнищавшие, пус-

теющие города продолжали жить по римским зако- нам, оставались осколками уже не существующего об- щества.

До конца Средневековья города оказались крохот- ными островками гражданского общества в беспре- дельном море живших общинами деревень.

В странах, возникших на месте Римской империи, сохранялось уважительное отношение к горожанам и пренебрежение к сельским жителям, крестьянству. Вил- лан — это невозможно перевести ни русским «крестья- нин», ни немецким «бауэр». Это — деревенщина, лапот- ник, холоп. Сиволапое быдло, мордовать которое, изде- ваться над которым — признак хорошего тона.

В странах, не входивших в империю или в которых практически сменилось население (как в Британии), к крестьянству относились получше. Свободные бонды Скандинавии, английские йоменри — крестьяне-серед- няки, бауэры Германии вызывали уважение независи- мым поведением, самостоятельностью, практичностью. Крестьяне не просили ни привилегий, ни земель, а сами могли помогать королям и герцогам... если считали нужным. Составляя 80—90% населения, они хранили вековые традиции народа, его историческую память, его дух. «Купецкое происхождение не есть подлое», — по слухам, поговаривал Григорий Шелихов, открыва- тель Русской Америки.

Жители Скандинавии, Британии, части Германии со- гласились бы — «крестьянское происхождение не есть подлое». И польские Пясты скорее выигрывали в глазах шляхетства, «скакнув» в короли из мужиков.

Крестьяне могли стать рыцарями — для этого было надо «всего-навсего» купить полное рыцарское воору- жение и боевого коня. В Германии, в Скандинавии бы- вали периоды, когда короли охотно верстали в рыцари богатых мужиков. Да и крестьянское ополчение оста- валось очень грозной силой: северный тип развития, господа! Столетнюю войну для Англии чуть было не выиграли английские лучники, все как один происхо-

дившие из йоменри. Помешали им все те же горожане, французские горожане, вышедшие на историческую арену под знаменами Жанны д’Арк.

Но и в этих странах, за пределами бывшей империи, тоже появлялись горожане. Общество развивалось, возникало разделение труда, города становились нуж- ны. Эти новые города, выросшие уже после падения Западной Римской империи (Магдебург, Эдинбург, Гды- ня, Краков), все равно жили по тем же законам, что и древние города из сердца римского мира — Женева, Орлеан или Неаполь. Жить по этим правилам было удоб- но и очень привлекательно для горожан. Судите сами: во времена сплошного рабства, сплошной личной зави- симости горожанин рабства не знал. Совсем. Человек, включенный в списки городских граждан, не мог быть продан в рабство, не мог лично зависеть от кого-то. Бо- лее того — в городе не мог жить раб. «Городской воз- дух делает свободным» — и всякий, кто проживет в го- роде год и один день, получает свободу, даже если на нем — ошейник раба. В городе нельзя держать рабов.

Город управлял собой сам, через выборный муници- палитет и через выборного голову. В городе улицы рас- ходились от площади, на которой стояли собор, в кото- ром по воскресеньям собирались все жители города, и ратуша — здание, из которого управлялся город. На той же площади по субботам шумел рынок и бил фон- тан, из которого горожанки брали воду.

Феодалы очень любили владеть городами — у горо- жан водились деньги. Феодалы очень не любили, когда города становились «вольными» — то есть когда они никому не платили. Города хорошо знали отношение к ним феодалов, и каждый город окружал себя стенами повыше и покрепче, чем иной королевский замок.

В городе трудно было сделать большие запасы про- довольствия, тем более — воды. Осада дорого обходи- лась феодалам, но еще дороже — горожанам. Скучив- шись за тесным пространством, за

стенами, город жил грязно, неуютно, без отдельных комнат для детей и без

306

садиков перед коттеджами. Эпидемии косили горожан, и город часто превращался в мышеловку. Но зато — свободно. В странах, где в деревнях жили вилланы, го- рожане были единственными свободными людьми, кро- ме дворянства. И даже свободнее дворян, потому что не были обязаны ни службой королям, ни кодексом ры- царской чести.

И за свободу — боролись. Расскажу одну историю... Из тех, которые называют «историческими анекдотами», потому что достоверность их сомнительна. Но если да- же история и выдумана... Впрочем, надо рассказать са- му историю.

...Когда-то, в середине X! столетия, на улицах некое- го города появился незнакомый человек. Он просил подаяние, брался за какую угодно работу и тем кор- мился первые несколько месяцев. Потом он стал помо- гать зеленщику в его торговле; появился свой угол, по- стоянный источник дохода. А через один год и один день жизни в городе человек пришел на Ратушную площадь и дернул веревку колокола... Такие колокола стояли на многих площадях. Тот, кто просил справед- ливого суда, мог прийти и дернуть за веревку. Горо- жане соберутся на сход и дадут тебе то, что сочтут справедливым.

Город согласился дать незнакомцу гражданство, и в списки граждан внесли имя, которое он назвал. А еще через год город осадило войско грозного герцога. На этот раз герцог просил не денег, не подчинения города. Он просил только одного: выдать ему бывшего слугу; человека, который оскорбил его, герцога, обесчестил его дочь, обманул его доверие.

Город должен подумать. Сколько надо думать горо- ду? Сутки. Хорошо, сутки герцог подождет.

В лагере герцога высоко горели костры, доносились разухабистые песни, стук молотков — сколачивали ле- стницы. А в ратуше заседал Совет самых знатных се- мейств города, собиравшийся по самым важным пово-

307

дам. Прошел день и вся ночь до утра, и городской маги- страт вышел к герцогу.

— Человек обманул город, и мы накажем человека сами, — сказали старейшины герцогу. — Город не мо- жет выдать того, кого признал гражданином.

— Но он обманул вас!

— Это дело города. Мы не можем отдать граждани- на. Никто не будет уважать город, который отдает сво- их граждан.

— Гогда я пойду на ваш город и возьму свое силой.

— Но может быть, герцог возьмет у нас выкуп?

— Нет. Герцог не возьмет ничего, кроме крови сво- его обидчика.

— Тогда — война.

— Война.

Раз за разом шло на приступ города закованное в латы феодальное войско. Герцог был богат, к стенам приставляли широкие лестницы, по которым подни- малось по три воина в ряд. Герцог был очень могущест- вен, тысячи работников насыпали вдоль стен города валы, чтобы можно было подняться на уровень стен и метать стрелы в защитников, а потом перекинуть мос- тики. Десятки защитников города полегли в самые пер- вые дни; собор наполнился гробами.

Не стало подвоза свежей пищи, вода плохая. Нача- лись болезни, люди болели, умирали.

Специальные машины бросали в город камни, горя- щую паклю, и скоро появилось много раненых. Занима- лись пожары, от дыма стало нелегко дышать.

И тогда новый гражданин сам пришел в ратущу и предложил: пусть он уйдет и пусть герцог сделает с ним все, что хочет, но пощадит остальной город. Опять весь день и всю ночь заседал Совет самых знатных го- рожан. Наутро Совет постановил: продолжать войну с герцогом до тех пор, пока герцог не отступится от го- рода или пока в городе есть еще живые люди. А обид- чику герцога город запрещает уходить и запрещает от-

давать себя во власть герцога. Раз он гражданин, его судьба — в руках города, а никакого не герцога.

Конец рассказывают разный: и что герцог взял город и совершил свою месть. И что герцог города не взял. Называют даже фамилии потомков обидчика герцога, до сих пор здравствующих в Орлеане. Или в Тулузе — есть и такая версия.

Говорят еще, что незнакомец все-таки тайно, среди ночи, спустился по веревке со стены, ушел в лагерь к герцогу! Герцог убил врага, а наутро снял осаду горо- да. И тогда город вычеркнул его из списков граждан. Не за то, что навлек на город бедствия, а за то, что ос- лушался города. Тот, кто не подчиняется городу, не достоин носить имя его гражданина. Есть и такой ко- нец истории.

Не буду спорить, насколько подлинна эта история, какие реалии за ней стоят и в каком городе произошли эти события. Гораздо важнее, по-моему, само желание рассказывать такого рода истории, утверждая свое пра- во на свободу. А если о реалиях, стоящих за красивым вымыслом (или все-таки не вымыслом? Кто знает!)... Реалии в том, что горожане были вооружены не хуже феодалов, отважны, и справиться с ними оказывалось все труднее. Феодалы обожали рассказывать сказки о трусливости, подловатости горожан, которые если и побеждают, то только ударяя в спину, исподтишка.

Но 11 июля 1302 года под городом Куртре во Флан- дрии горожане били вовсе не в спину. В 1300 году ко- роль Франции захватил богатую Фландрию, множество городов которой могли дать приличный доход. Вот толь- ко горожане думали иначе и в 1302 году восстали, пе- ререзав и разогнав королевских наместников. И рань- ше не вся Европа так уж хотела стать подданными ко- ролей, в том числе и короля Франции. Но раньше про- тив Карла Великого выступало или племенное ополче- ние саксов, или рыцарская конница Тосканы. Теперь же ни рыцари, ни мужики Фландрии не участвовали в «Брюггской заутрене», когда жители города Брюгге, а

потом и остальных городов Фландрии дружно резали людей короля.

11 июля 1302 года под Куртре королевское войско во главе с родственником короля, графом д’Артуа, встретилось с народным ополчением Фландрии под ко- мандованием башмачника В. Жилье. Граф д’Артуа вел 10 или 12 тысяч всадников; 7,5 тысяч из них были «опоя- санные» рыцари, имевшие право на всевозможные зна- ки отличия. Городское ополчение составляло не мень- ше 13 — не больше 20 тысяч человек — точнее сказать невозможно. Никто из знатных не сомневался, что все будет, как всегда, и вечер 11 июля станет вечером рез- ни бегущих горожан — тех, кто еще сможет бежать. Никто из них ведь не понимал, что на арену истории вышла новая сила и что теперь все будет по-другому.

Земля дрожала и гудела, когда тронулись шагом и, все ускоряя движение, пошли в полный опор 10 тысяч закованных в сталь латных всадников. Казалось — нет в мире силы, способной выдержать удар рыцарского войска. Но горожане мало походили на шатавшихся от голода вилланов. Их оружие было не хуже рыцарского, а кирасы, может быть, и крепче — ведь делали их для себя.

Горожане стояли плотным строем — в каре, уставя длинные копья. Рыцарские кони не шли на копья, вски- дывались на дыбы, падали, скакали вдоль каре. Удар конницы не опрокинул горожан; рыцари оказались ос- тановлены, потом отброшены.

Опять дрожала земля — но уже под копытами бегу- щих. Горожане бежали вслед и часто догоняли — ры- царский конь в латах, под тяжелым всадником, не мог долго скакать в полную силу. 4 тысячи рыцарских тру- пов нашли победители на поле своей славы, 700 пар золотых шпор собрали они, и потому битва у Куртре вошла еще в историю как «битва шпор».

Рыцарство Франции стонало, что никогда не опра- вится от столь страшного поражения, а гадкие горожа- не, не умеющие должным образом почитать феодалов и

феодальную систему, прибили рыцарские шпоры к го- родским воротам Куртре. Всякий входящий в ворота волей-неволей вспоминал о победе городов над рыцар- СКИМ ВОЙСКОМ. |

Время стерло горечь поражения. Но даже в ХУ, в ХУ веках вежливые люди не говорили с французски- ми дворянами о битве при Куртре, о воротах с набиты- ми на них шпорами — это была та самая веревка, о ко- торой не надо говорить в некоторых домах.

При каждом удобном случае города старались осво- бождаться от власти даже самых милых феодалов, и к ХУ веку мало было в Западной Европе городов, при- надлежащих феодалам. Это на окраинах Европы, в том числе в Великом княжестве Литовском, еще и в Х\[, и даже в ХУЙ веке оставались частновладельческие го- рода.

Города жили по своим законам. Эти законы прямо восходили к Римскому праву. Ведь это были законы для свободных людей, для граждан, и даже королевские грамоты для дворян не очень подходили горожанам. В Германии и славянских землях города управлялись чаще всего по кодексу, разработанному в городе Ма- гдебурге.

Магдебургское право

Большая советская энциклопедия о Магдебург- ском городском праве не очень высокого мнения: «Оно служило средством закрепления привилегий немецких купцов и ремесленников на заселяемых ими соседних и дальних территориях и сопутствовало немецкой коло- низации Чехии, Силезии, Польши, Литвы и Галицко-Во- лынской Руси» [68. С. 602].

Можно, конечно, спросить у авторов статьи, где они нашли немцев в Витебске и уж не были ли немцами войт, бурмистр и другие должностные лица во Львове ив Гродно?! Всплеснуть руками и ужаснуться: это на- до же, куда немцы, оказывается, пролезли! Можно спро-

сить и о ином, уже нисколько не издеваясь. Например, не стыдно ли взрослым дядям заниматься такой гадо- стью, как подтасовка исторических фактов, и науськи- вать невежественных людей на представителей иного народа — в данном случае на немцев? Если имеет смысл задавать такие вопросы продуктам пятисотлетнего раз- вития Московии, конечно. У холуев совести нет и чести тоже. Это у феодалов и горожан совесть была... Осо- бенно у тех, кто веками жил по Магдебургскому праву.

Карамзин и Соловьев просто не замечают того, что многие города Западной Руси управлялись по традици- ям Магдебургского права. Ни строчки они об этом не пишут, что поделаешь.

А Магдебургское право — это вот что: свод основ- ных законов, по которым может управляться торгово- промышленный город. Сложился этот свод в Магдебур- ге в XИ веке из разных источников. Из привилегий, дан- ных городскому патрициату архиепископом Вихманом в 1188

году. Из постановлений суда шеффенов Магде- бурга. Шеффены — это судебные заседатели, опреде- лявшие наказание вместе с судьей; своеобразные пред- шественники суда присяжных.

Важным источником Магдебургского права стало Сак- сонское зерцало: сборник феодального права, состав- ленный в 1221—1225 годах шеффеном Эйке фон Реп- КОВЫМ.

Это было первое универсальное законодательство, которое можно было применить в любом городе и ко- торое исходило из права города на самоуправление. По Магдебургскому праву город был сувереном и законо- дателем, и все остальные пункты права исходили имен- но из этого.

Магдебургское право применялось во многих горо- дах — уж очень оно было удобным. По традиции суд Магдебурга был высшим толкователем Магдебургского права, высшей апелляционной инстанцией.

Польские города давно жили по Магдебургскому пра- ву и называли иногда его «немецким». Складывалась пи-

кантная ситуация, когда немцы Тевтонского ордена прилагали колоссальные усилия, чтобы не дать жить по «немецкому праву» городам орденских земель с их сме- шанным славянским и немецким населением. А поль- ские короли тоже прилагают все усилия, чтобы дать этим городам «немецкое право».

Впрочем, еще до вымирания Пястов и воцарения Ягеллонов Казимир Ш в 1365 году учредил высший апел- ляционный суд в Кракове, запретив обращаться в Ма- гдебург по любым спорным вопросам. Поляки сами ста- новились специалистами, не нуждались в других толко- вателях.

На территории Великого княжества Литовского Ма- гдебургское право получили: Брест (1390), Гродно (1391), Слуцк (1441), Киев (1494—1497), Полоцк (1498), Минск (1499), Могилев (1561), Витебск (1597).

Велик соблазн описать Магдебургское право как раз- витие вечевого строя — от патриархальной сходки до строгой организации граждан, но это не так. Вечевые традиции даже мешали утверждению Магдебургского права: сталкивались две очень разные традиции. Ско- рее можно говорить о взаимном проникновении двух традиций демократии, в результате чего городская де- мократия в Польше и Великом княжестве Литовском сложилась совсем не такая строгая, не такая формали- зованная, как на романо-германском западе.

Для решения важных вопросов собиралась «грома- да» — сходка всех горожан.

Для управления городом и для суда над горожанами и избиралась Рада — совет во главе с бурмистром и лавничий суд во главе с войтом.

Особенность менее строгого применения права на славянском востоке: в обоих выборных коллегиях час- то менялось число членов. Иногда в некоторых городах создавалась еще третья, никак не предусмотренная в Магдебурге коллегия: совет тридцати или сорока вы- борных от цехов, который контролировал Раду в деле управления финансами и благоустройством.

Город имел собственные доходы: часть торговых по- шлин поступала в распоряжение Рады. Рада отвечала перед громадой за расходование денег.

Спустя века таким же образом будет жить в Россий- ской империи земство — в режиме самоуправлення, со своими финансами. Но земства появятся только во вто- рой половине XX столетия, а Магдебургское право вве- дено в городах Западной Руси в ХЛУ—Х\У] веках. В Рос- сийской империи городское самоуправление никогда не достигнет этого уровня.

В 1802—1808 годах в Киеве воздвигли монумент в честь получения городом Магдебургского права в 1494— 1497 годах. Любопытная деталь: в Российской империи ставят монумент чужому достижению, но сами-то прав не дают! А вот в Великом княжестве Литовском город получает право на самоуправление.

Главную роль в городах Великого княжества Литов- ского играли не бояре, как в Новгороде, а богатые куп- цы, которые занимали все выборные должности, — как в Италии, Нидерландах, в Германии, в Польше. Тоже ев- ропейская черта.

На Востоке, скажем, в Китае или в Индии, были го- рода в десятки раз больше и в сотни раз богаче любой европейской столицы, а тем паче Минска, Львова или Вильно. Горожан же на Востоке вполне определенно не было. В Китае, правда, не было и такого замордо- ванного, нищего, одичалого крепостного крестьянства, как во Франции или в Италии. Но там не возникло и го- рожан как особой категории людей, которые резко от- личаются и от крестьян, и от дворян. Нигде горожане не выделялись из обычных классов аграрного обще- ства.

А в Европе было еще что-то третье — горожане. Ве- ликое княжество Литовское принадлежало Европе.

Горожане несли особые черты характера, малопо- нятные (порой — малоприятные) для аграрных классов общества: и для дворян, и для крестьян. Горожане бы- ли индивидуалистами. Горожанин очень хорошо отде-

лял самого себя от общества и свой интерес — от инте- реса общества, короля или города. Горожанин плохо понимал, почему он должен скрывать свое желание на- житься и почему о его добрых делах никто не должен знать. В поведении горожанина проявлялось то откро- венное своекорыстие, которого западный русский во- все не стеснялся. То показная, широкая благотвори- тельность. Города жили гласно, шумно, открыто... По- европейски.

Два слова о городских ансамблях

Нет ничего нового в том, что городской ансамбль, даже отдельные здания несут в себе информацию и оказывают воздействие на человека. Говорить об этом подробно в этой книге нет ни малейшей возможно- сти — тут тема для книги совершенно отдельной. Здесь, на этих страницах, я позволю себе отметить только два, и очень важных, обстоятельства: старые русские горо- да сохраняли хотя бы элементы того, древнего ансамб- ля, времен Киево-Новгородской Руси.

В Гродно — Борисоглебская церковь, постройки XП века. Во Львове — белокаменная церковь Святого Ни- колая XИ века. Особенно многое сохранилось, конечно же, в Киеве.

Это и Софийский собор постройки 1037 года, и церк- ви Кирилловская (XЛ в.), Спаса на Берестове (1113— 1125).

Это и комплекс сооружений Выдубецкого монасты- ря, известного с 1070 года. Михайловская церковь по- стройки 1070—1088 годов функционировала и в XУ, и в XУЙ веках.

Это и Киево-Печерская лавра, «печеры» которой из- вестны с языческих времен, отстроенная в 1051 году.

Речь даже не о том, что эти сооружения были свя- щенными и очень важными для всего восточнохристи- анского мира местами и что они привлекали паломни- ков со всего православного мира.

А о том, что в совсем не древнем, жившем уже в со- всем ином мире городе существовали, и совсем не в ви- де руин, вполне «живые», действующие памятники про- шедшей эпохи. И это не только очень украшало жизнь, но и давало весомое, грубое, зримое, материальное осознание своего культурного наследия.

И второе... В Великом княжестве Литовском почему- то очень мало строили. Реально возводились в основ- ном крепостные сооружения, а вот в древнерусских го- родах с ХУ по ХУ век построено очень мало, и то, что сделано, не идет ни в какое сравнение с сооружениями времен Древнего Киева. И такое положение дел, неза- висимо от чьего-либо желания, показывало русскому человеку — вот, была когда-то великая эпоха! Эпоха, в которую строились достойные ее сооружения. А те- перь, в Великом княжестве Литовском, героической эпохи уже нет, она закончилась.

Причем и в Московии, и в Польше в эти годы возво- дятся величественные сооружения, которые сами по себе демонстрируют мощь создавшего их общества и государства. Эти сооружения очень различны по на- значению: в Москве непрерывно строится и перестраи- вается Кремль, и система связанных с ним сооружений, символизирующих могущество московского государст- ва. В Польше монументальная скульптура, скажем так, несравненно более многообразна.

Но в любом случае Западная Русь в Х!У—ХУ| веках оказывается не тем местом, в котором продолжается история.

Кстати, и после Люблинской унии в Великом княже- стве Литовском строят крайне мало. Но все-таки в рус- ских городах появляются мощные каменные сооруже- ния, и, кстати говоря, не только у католиков.

В Минске в 1622 году возводится православная Пе- тропавловская (Екатерининская) церковь, барочные мо- настыри бернардинцев и бернардинок.

В Гродно — многочисленные барочные монастыри, в том числе Иезуитский костел в 1667 году, костел и

316

монастырь бернардинцев, который начали строить еще В «литовское» время, в 1505 году, перестраивали до 1618 года, да так до конца и не достроили.

В конце ХУ! века возводится дворец Стефана Бато- рия, который в ХУШ веке столько раз перестраивался, что совершенно утратил первоначальный облик.

В Полоцке строятся каменные православные цернви, которое хоть и не имеют особенной художественной ценности... но ведь строятся!

В Киеве возводится удивительной красоты костел. Вот в Польше традиция монументального строительст- ва никогда не угасала, и возведение каменных соору- жений велось очень активно и в ХУ—ХУ| веках «до Унии», и в Х\У[—ХУП веках — «после Унии».

Из всех крупных городов Западной Руси только Львов с 1349 года оказывается в составе коронных зе- мель Польши и был польским городом все время, кроме краткого и совершенно бесследного пребывания в со- ставе Венгрии (1370—1387). И это очень сказалось на формировании его ансамбля.

Напомню, что Львов впервые упомянут в летописях под 1256 годом. Основан галицко-волынским князем Даниилом Романовичем и назван в честь его сына Льва.

С XII века известна не только белокаменная цер- ковь Святого Николая, но и костелы Марии Снежной и Иоанна Крестителя.

В ХУ—ХУ веках (1360—1493) возводится готиче- ский кафедральный собор. В том же, ХИ веке армян- ской общиной строится Армянский собор (первона- чальное ядро возведено в 1363—1370). В Х\У|-—ХМП ве- ках в соборе появятся скульптурные надгробия и резные алтари, капеллы (усыпальницы) в стиле ренессанс, а православная община выстроит комплекс сооружений Львовского православного братства — Успенскую цер- ковь, часовню Трех святителей, колокольню Корнякта.

В ХУ веке в стиле барокко возведены костелы бер- нардинцев (1630), доминиканцев (1749—1764), а во- круг площади Рынок — много сооружений чисто граж-

317

данского назначения: королевский арсенал в стиле клас- сицизма — ратуша на площади Рынок. В кварталах вокруг площади Рынок в Х\У1—ХУШ веках сооружено много частных каменных домов, и некоторые из них представляют несомненную художественную ценность (например, дом Корнякта).

Помимо всего прочего, многообразие постоянно воз- водившихся и достраивавшихся монументальных со- оружений создавало ощущение продолжающейся исто- рии. Во Львове героическая эпоха не окончилась со взятием Киева монголами; причем в устройство и укра- шение своего города внесли свою лепту и православ- ные, и армяне.

Планировка и Львова, и городов Великого княжест- ва Литовского складывалась в русле европейской тра- диции. В Европе вообще не было представления о том, что все центры городской жизни должны быть как-то объединены в пространстве. В тесноте средневекового города и собор, и ратуша лепились тут же, на торговой площади. Но стоило городам окрепнуть, разрастись, вы- лезти из-за крепостных стен, и выяснилось, что центр деловой и торговой жизни может находиться совсем не там, где находится религиозный центр. А король или герцог так вообще вполне может жить не в столице, а в своем замке или в особом своем городке типа того же Версаля.

И самое главное, очень трудно сказать, какой из «цен- тров» города главный. Религиозный? Королевский? Ку- печеский? Местного самоуправления? Города Европы росли стихийно, хаотично, не подчиняясь идее свести все воедино, к какому-то одному центру, выразить од- ну, заведомо всеми разделяемую идею. Сама планиров- ка города отражала гражданский дух компромисса, гражданского согласия, внутреннего диалога. Церковь должна была по-хорошему договориться с городским магистратом. Королю было разумнее всего вступить в диалог с церковью. Самым богатым купцам мог дорого обойтись конфликт с королем. Все нуждались во всех,

318

все договаривались друг с другом. И если горожане Средних веков — предки нынешнего среднего класса, а гражданская община города — предок нынешнего об- щественного устройства, то диалог нескольких центров и источников власти лежит в основе современной ци- вилизованной государственности. Планировка городов лишь отражала эти общественные настроения.

Я был бы рад сообщить читателю, что практически одновременная перестройка собора и сооружение ком- плекса Православного братства во Львове свидетельст- вуют о мирном сосуществовании католиков и православ- ных. К сожалению, все это было совершенно не так.

Глава 16

ПРОКЛЯТАЯ ПРОБЛЕМА ПОЛЬШИ И РУСИ

Идут славянофилы и нигилисты,

У тех и у других ногти нечисты.

Ибо, если они не сходятся в теории вероятности, То сходятся в неопрятности.

И поэтому нет ничего слюнявее и плюгавее Русского безбожия и православия.

Граф А.К. Толстой

Почему же все-таки ХУ век стал последним ве- ком роста Великого княжества Литовского? Почему во время Витовта, в начале — середине ХУ столетия, дос- тигнут предел территориального расширения княжест- ва? Еще что-то, конечно, происходит — идут какие-то войны, принимаются решения, заседают сеймы и сей- мики. Впереди — весь ХУ век, несколько войн с Мос- ковией (1500—1503; 1507—1508; 1512—1522; 1534— 1537). Еще будут создаваться Литовские статуты, впе- реди Волочная помера и превращение любого шляхти- ча едва ли не в суверена. Строятся костелы, монасты- ри, гробницы, частные дома. Создаются великолепные произведения искусства. Иван Федоров, Петр Мстисла-

вец и Франциск Скорина печатают книги на русском и славянском языках.

Но уже произошел надлом. В конце ХУ века отъез- жают в Москву князья областей с Верхней Оки — Но- восильские, Одоевские, Воротынские, Белевские, Вя- земские. Вместе с ними «отъезжают» и их земли, — ведь они вассалы, а не рабы Великих князей.

В 1500 году от Литвы отторгаются владения князей новгород-северских и черниговских.

В начале ХУ] века Литва отдает Москве десятки го- родов, в том числе Брянск и Смоленск.

К середине ХУ] века Великое княжество Московское начинает новую агрессию, вторгаясь в пределы Ливо- нии. Ив 1569 году Великое княжество Литовское при- нимает Унию с Польшей, сливается с ней в одно госу- дарство.

Объединительный сейм, в работе которого приняли участие феодалы и Литвы, и Польши, начал работу в январе 1569 года, в пограничном городе Люблине.

Литовская сторона, правда, в марте прерывает пере- говоры... по их мнению, поляки пытаются не соединить государства, а включить Литву в Польшу, Литва же на- стаивает на полном паритете объединяющихся госу- дарств.

И тогда поляки делают ход неоднозначный, но, несо- мненно, очень умный: польский король обратился к ме- стным сеймикам, обещал при присоединении к Польше равные гражданские права, участия в совместном сей- ме и помощь Польши в обороне восточных границ Лит- вы (то есть против татар и московитов).

Шляхетская республика манит сильнее, чем возмож- ность участия в делах господаря! Сбывается мечта рус- ской шляхты о равных с католиками правах. Шляхта подляшья, Волыни, в Брацлавском и Киевском воевод- ствах хочет тех же привилегий, что и в Польше, сейми- ки этих областей заявляют, что уходят под польскую корону. Остановить их нет ни закона, ни сил, ни серь- езных оснований, и в результате Великое княжество

уменьшается более чем вдвое. От государства Витовта отрывается южная, самая теплая, плодородная и насе- ленная часть.

Об этих событиях и думает герой Л. Никулина: «И виновники тому сами же русские дворяне, отдавшие в шестнадцатом веке Киевскую Русь и крестьянство во власть польской короне и фанатикам ксендзам». Все почти так, только сама-то русская шляхта получила пол- ные руки прав

и привилегий. Как в Польше. С этих пор не одни поляки-католики, но и православные русские люди имели право «либерум вето» и выбирали своих ко- ролей. Это-то чем так уж плохо?

Уния все-таки подписана 28 июня; 1 июля ее утверди- ли раздельно депутаты польского и литовского сеймов.

Согласно Люблинской унии 1569 года возникало но- вое государство, в которое входили и Польша, и Лит- ва — Речь Посполитая (К2есгрозроШа), что в переводе означает «республика». «Польское королевство и Вели- кое княжество Литовское есть один единый и недели- мый организм, а также не разная, но единая Речь По- сполитая», — говорится в акте Унии.

Республика имела общего короля, избираемого со- вместно шляхтой Польши и Литвы. Единообразное го- сударственное устройство предполагало введение од- них и тех же административных единиц: воеводств и поветов. Создавалась одна денежная единица — зло- тый; отменялись взаимные пошлины. Согласно Унии Ли- вония рассматривалась как общее владение Литвы и Польши. На международной арене Речь Посполитая выступала как одно государство.

При этом Речь Посполитая состояла из двух частей: Короны и Княжества. У Короны столицей был Краков. Он был столицей и для православных русских людей, людей, живущих в Киеве или во Львове. Столицей Кня- жества был Вильно. А новой и общей столицей всей Речи Посполитой становилась Варшава.

Согласно Унии в Литве сохраняется свое особое за- конодательство и суды; отдельные высшие администра-

тивные должности; своя казна, войска. Официальным государственным языком Княжества остался древне- русский. На русском языке писались все официаль- ные документы вплоть до 1791 года: Конституция 3 мая 1791 года в Речи Посполитой отменила остатки литов- ской государственности.

Фактически Люблинская уния завершила давно шед- ший процесс объединения Литвы и Польши, начав- шийся Кревской унией 1385 года.

«По единодушному и обоюдостороннему постанов- лению, воле и согласию мы присоединили, склонили и привели Польское королевство и Великое княжество Литвы к братскому союзу, желая им быть господином и повелителем» — так говорилось в «Привилее», который подписал Казимир Ягеллончик в 1447 году.

Поляки любят подчеркивать равноправный характер Унии, равенство двух государств, вошедших в единую Унию. Если многих сведений вы не найдете в учебни- ках и справочниках Российской империи и СССР, то в польских учебниках и исторических сочинениях для массового человека вы не найдете ни малейшего упо- минания о восстании Свидригайло и о том, что за ним стояло.

Так же точно поляки совершенно справедливо под- черкивают более передовой, более европейский харак- тер Польши в сравнении с Литвой, но очень не любят упоминания того, что в Речи Посполитой польский эле- мент абсолютно преобладал. Именно в эту эпоху часть летописей Великого княжества Литовского написана на польском языке, а у литовской шляхты обостряется ком- плекс неполноценности. А «на самом деле» Литва вошла в Речь Посполитую на условиях, которые гораздо бли- же к «инкорпорации», чем принято полагать (во всяком случае, принято в Польше). Временами у самих поль- ских историков прорываются убийственные призна- ния — например, когда на одной из карт Речи Посполи- той в учебном пособии под надписью «Великое княже- ство Литовское» стоит: «к Польше с 156%». Но как вы

понимаете, под надписью «польское королевство» от- нюдь не стоит аналогичная надпись — «к Литве с 156%». И становится очень ясно, кто же к.кому присоединился.

Что называется, вот и проговорились...

В середине ХМ] века у начавшего отставать и разва- ливаться Великого княжества Литовского выбор ока- зался небогатый — или под Москву, или под Краков. И получается, что возможности самостоятельного раз- вития Великого княжества Литовского оказались ис- черпаны всего за сто лет после «века Витовта».

Почему?! Официальное мнение советской историо- графии — потому что разные территории Литвы очень различались по уровню социально-экономического раз- вития и потому что не было жесткой централизации. Великие князья литовские сохранили в присоединен- ных землях большую автономию — и это-то привело к гибели их государственности.

По поводу системы вассалитета уже приходилось говорить — в ХМ веке Великое княжество Литовское было ничуть не менее централизованным, нежели лю- бое другое государство, в том числе и в Западной Ев- ропе.

Другое дело, что в ХУ, тем более в ХУ] веке система вассалитета становится, мягко говоря, несколько арха- ичной... Как видно, Литва не прошла ни того же пути, что и страны Западной Европы (но этого пути не про- шли и Польша, и Германия), ни пути, аналогичного пу- ТИ «собирания русских земель» Московией. Так что главный вопрос следует задавать все же иначе, в иной редакции: не «почему Литва недостаточно централизо- вана?». А скорее так: «что помешало Литве в ХУ—Х\М] ве- ках стать более централизованным государством?»

Во всяком случае, «неравномерность развития» тут решительно ни при чем. В Московию вошли цивилизо- ванные земли русского Запада и Северо-Запада, а вме- сте с ними — и первобытные племена «самояди», для которых не только строительство каменных городов, но и самое примитивное земледелие — далекое будущее.

И ничего, «неравномерность развития» нимало не меша- ла Москве усесться чугунной задницей что на Новго- род, что на самоядь.

Иногда упоминается и «национальный гнет в бело- русских и украинских землях»: особенно настаивают на этой версии на Украине и в Белоруссии. Причем ес- ли при советской власти они говорили о национальном гнете Польши, то теперь речь последовательно ведется О «национальном гнете» и поляков, и русских.

Ну допустим, ни украинцев, ни белорусов не было еще в ХУ! веке. Но ведь и действительно именно рус- ские составляют большинство населения Великого кня- жества Литовского, но не они создают эту империю. Не они — имперский народ, совершивший завоевания. Они — потомки тех, чьи земли завоевал аукшайт Геди- минас и его полурусские потомки. То есть русские — на положении завоеванного большинства. Как китайцы под маньчжурами или как славяне в империи немцев Габсбургов. Восстание Свидригайло как раз и показы- вает, что противоречия между русскими землями и аук- шайтскими — были.

Ни в Польше, ни в Литве русские не составляют пра- вящего слоя, а вот в Московии — составляют, и в этом — ужасный соблазн! Великому княжеству Литовскому при- ходится совершать специальные усилия, чтобы оста- ваться «королевством литовцев, русских и жемайтов». В этом они очень проигрывают Московии, нет слов.

Но есть много причин сомневаться, что «националь- ный гнет» так уж помешал бы единению жителей Вели- кого княжества Литовского. Дело в том, что — ну хоть вы меня убейте — не было

никакого такого националь- ного гнета ни в Литве, ни даже в Польше!

Могло быть неравноправие земель, но никак не на- родов. 90% всей знати Литвы — русского происхожде- ния, включая и саму династию потомков Гедиминаса. Литература, официальное делопроизводство, богослу- жение, обучение в учебных заведениях — все это в прин- ципе осуществляется строго на русском языке. И если

324

-=——-

русский человек поднимается в верхи общества, полу- чает образование, он «выходит» исключительно из сво- ей локальной этнокультурной группки, из своей мест- ности; но получение образования, карьера, проникно- вение в придворные круги даже вовсе не требовали отказа от своего языка или национальной принадлеж- ности.

Скорее надо уж тогда говорить о национальной дис- криминации литовцев — им-то приходилось учить не- родной язык для поступления на государственную служ- бу, для занятия науками и искусствами.

И в Польше, как хотите, не вижу я никаких «анти- русских» или там чантиукраинских» настроений. Для них, собственно говоря, не было и никаких оснований до того, как Юго-Западная Русь, будущая Украина, не оказалась в составе коронных земель. Пока совместное бытие под польской короной не оказалось чревато сплошными гражданскими войнами, да еще и прямым приглашением Московии поучаствовать в них (во внут- ренних, казалось бы, делах Речи Посполитой).

Естественно, антирусские настроения в Польше очень укрепились после разделов Польши и особенно после всего, что наворотили в Польше русские каратели, дей- ствовавшие от лица и Российской империи, и Советско- го Союза. В 1795, 1831, 1863, 1920, 1945 годах. Но это все — дела только грядущих дней; то, что сбудется очень не скоро, после ХУ] века.

А вот в ХУ, ХУ, даже в начале ХУЙ века определен- но не было в Польше никаких дурных чувств в отноше- нии русских. Более того — «русская шляхта» составила очень заметный процент шляхты Речи Посполитой. Са- мые знатные, самые богатые магнаты всей конфедера- ции Республика — это русские по происхождению: Чарторыйские, Сапеги, Вишневецкие, Радзивиллы, Огин- ские, Острожские, Лисовские, Потоцкие. Некоторые из моих читателей наверняка встречали эти фамилии в числе «польских панов» и очень может быть — в числе злейших врагов Руси. Хотя бы в тексте озорной песен- ки времен Гражданской войны:

325

Сахар Бродского, Шинель Потоцкого, Красна армия жида Троцкого.

В этой песенке потомок «русской шляхты» князь По- тоцкий выступает в роли то ли поляка, то ли еврея, но уж никак не русского человека.

Помнят псы-атаманы, Помнят польские паны.

Песенка, в которой за одни скобки выносятся «псы- атаманы и польские паны», анекдотична до предела. Ни один уважающий себя «пес-атаман», что называется, не сел бы какать на одном гектаре с «польским паном», и это отношение вполне взаимное. А кроме того, «поль- ские паны», если вдуматься, — в лучшем случае напо- ловину русские.

Эти же фамилии «поляков» мелькают в тексте Алек- сея Константиновича Толстого, в его «Ночи перед при- ступом»:

Валя толпою пегою, Пришла за ратью рать,

С Лисовским и Сапегою Престол наш воевать.

Лисовский и Сапега — в качестве врагов Русского престола, в качестве завоевателей... До чего грустно!

В исторической перспективе «русская шляхта» пере- ходила в католицизм — при том, что для каждого се- мейства сроки были, разумеется, свои. «Русская шлях- та» верно служила польским королям; так получилось, что служила даже вернее этнических, природных поля- ков — она меньше была развращена неимоверными привилегиями. В отношении русской шляхты польское государство проявило исключительную терпимость, и именно эта терпимость, полное равноправие право- славного шляхтича и шляхтича-католика приводили к такой легкой, естественной полонизации.

Разумеется, «русская шляхта» постепенно смешалась

326

с поляками, перешла в католицизм и постепенно пере- стала вообще от поляков отличаться.

Но, во-первых, процесс этот очень постепенный, за- нимающий буквально века. В XM веке мы имеем дело с русскими православными магнатами. В ХУЙ — начале ХУП века — с уже, как правило, окатоличенными, но все еще осознающими себя «русской шляхтой». И толь- ко к середине ХУП века, к эпохе разделов Польши, по- нятие «русской шляхты» полностью утрачивает всякий смысл.

Как прикажете приписывать «антирусские» настрое- ния, какую-то специфическую «русофобию» потомкам русских православных людей?! Даже Потоцким и Чар- торыжским XX века, отстреливавшимся от банды Туха- чевского и подумывавших о судьбе предков, отбивав- ших казачий «потоп» в ХУП столетии, русофобия вряд ли так уж свойственна. А еще в начале ХУЙ века, как мы увидим, «русская шляхта» вполне могла мечтать о воссоединении всей Руси в едином униатском государ- стве...

Проклятым вопросом, расколовшим Великое княже- ство Литовское (да и Речь Посполитую), стал вопрос не национальный, а религиозный.

Волею судьбы вероисповедные проблемы оказались гораздо сложнее, чем проблемы национальные. Хотя, конечно, одна проблема, один тип разделения людей лег- ко накладывался на другой: для огромной массы рус- ских православных людей католицизм оказывается при- вилегированной религией привилегированного мень- шинства завоевателей.

Ягелло принял католицизм не потому, что таково бы- ло его убеждение, а потому, что такова была цена за восшествие на польский престол.

Играло роль, несомненно, и желание принадлежать к богатому и энергичному западнохристианскому миру. Уж коли креститься — то чтобы стать частью этого ми- ра, а не периферийного, все более поглощаемого му- сульманами православного.

327

Возможно, была и еще одна причина...

«Ему самому ведь (Ягелло. — А.Б.), его братьям и литовскому окружению Польша импонировала своей культурой и своей позицией... Крещение по латинско- му обряду ... не только лишало крестоносцев аргумен- та, оправдывавшего их непрерывные походы на Литву, но и возвышало одновременно Великого князя и его братьев...м литовскую знать над русскими князьями и боярами, устраняя присущее им ощущение неполно- ценности по отношению к русинам», — полагает совре- менный польский историк Юлиуш Бардах.

Итак, религия самоутвержденія...

Ну что с того, что часть католиков Речи Посполитой были не поляки, а русины?! Католицизм стал религией шляхты; религией барских фольварков, шляхетских сей- мов, богатых городов, управлявшихся по Магдебургско- му праву. Что еще более важно — религией официаль- ной, религией государственной. И притом религией на- саждаемой, порой почти что насильственно... а бывало, что и без «почти что».

Кревская уния 1385 года с Польшей уже включала такой пункт: переход в католичество всего Великого княжества Литовского. То есть, говоря более конкрет- но, окатоличивание тогда еще почти совсем языческой Аукшайтии и перекрещивание Руси в католицизм.

В 1387 году Ягелло дал «привилей» феодалам, испо- ведующим католичество. Подтверждались их вотчин- ные права, они освобождались от части натуральных повинностей в пользу Великого князя, получали право заседать в сейме, получать должности, иметь гербы.

От положений этого «привилея» часто отступался Витовт, разумная политика которого удержала Литву от перспективы и гражданской войны и выхода из со- става Литвы всех православных земель.

Но и Витовт скорее всего не очень понимал, на- сколько серьезные проблемы стоят перед его право- славными подданными. Сам Витовт в 1382 году стал ка- толиком. Получив во владение русские православные

уделы Берестье и Городню, перешел в православие; в 1385 году снова перешел в католицизм. Очень может быть, закоренелого язычника, глубоко равнодушного к вере, удивляло, даже раздражало упрямство его под- данных. Ну что мешает им менять веру так же легко, как меняет веру он сам?! Они что, считают себя лучше сво- его Великого князя?!

Во всяком случае, некоторый ледок между право- славными и католиками к ХУ веку уже возник.

А Польша нажимает на Литву, требует заключения нового договора, который еще теснее свяжет государ- ства; Витовт идет на заключение такого договора. По Городельской унии 1413 года Литва должна иметь сво- его государя, но под верховенством польского короля. После смерти Витовта Великий князь будет выбран, но по совету с Польшей. А если Ягайло умрет без наслед- ников, нового короля будут выбирать с ведома и совета литовцев.

Пока все замечательно, все только к укреплению сою- за двух государств. Но тут же и еще один пункт: на ли- товских бояр распространяются все права польской шляхты. Но — только на бояр-католиков. Гербы могут иметь только католики. И все высшие должности в го- сударстве могут занимать только католики. 50 семей бояр-католиков получают гербы. Православные — нет.

Если в конце XM века Витовт еще колебался — ка- кую позицию занять, то теперь он однозначно опреде- лил православных как неравноправное, второстепен- ное по своему значению большинство.

Время от времени православным кидается нечто, не- кая толика привилегий. В 1434 году и православным разрешается иметь шляхетские гербы. Но ив 1434 году, и после только католики входили в великокняжеский совет и занимали высшие должности в государстве.

По мнению многих историков, Польша давила на Литву не только из-за религиозного фанатизма. Пока борьба католиков и православных раскалывала Литву, Польша оставалась лидером в этом союзе. Могучая пра-

вославная или православно-католическая Литва могла оказаться «чересчур» равноправным союзником, а то и сильнее Польши.

Мне трудно судить, насколько это мнение обоснова- нно. Но вот что православные оказались в положении неравноправном и унизительном — это факт.

Восстание Свидригайло могло изменить положение дел, но Великое княжество Русское не состоялось. Год смерти Свидригайло — 1452-й — это, видимо, и есть год последних надежд на разумное решение вопроса. В кон- це ХУ века от Литвы откалываются верхнеокские рус- ские княжества: началось...

В начале ХМ века, когда Московия отгрызает у Лит- вы кусок за куском, в смоленской «Авраамкиной ле- тописи», написанной в 1460—1470 годы, очень недву- смысленно выражена идея объеднения с Московской Русью.

Середина и конец Х\| века несут новые осложне- ния. В 1563 году православные получают те же права, что и католики... Но большая часть того, что можно по- терять, уже потеряна.

Люблинская уния 1569 года, возникновение Речи Посполитой мало что меняют для тех, кто продолжает жить в пределах Великого княжества Литовского. Но она меняет очень многое для православных Киевщины, Подолии и Волыни, оказавшихся в составе польских коронных земель.

Шляхта в Польше была свободна до такой степени, что никаких средств заставить пана поменять веру, ко- нечно же, не существовало. Для людей этого круга происходило постепенное, очень медленное ополячива- ние, процесс сближения с придворными королей, со- служивцами и однополчанами иной веры, с коренными поляками, постепенное растворение уже в польском шляхетстве. Но подчеркну — растворение медленное и добровольное.

А вот православным горожанам приходится гораздо хуже: в некоторых городах им пытаются запретить за-

ниматься торговлей и ремеслом, то есть низвести до положения наемных работников.

Что же касается простонародья, то для него в поль- ских землях как-то даже и забывают о «принципе кнута и пряника». Пряник исчезает, потому что, и перейдя в католицизм — чужую, барскую религию, мужик или ме- щанин останется тем же, что есть сейчас, — глубоко бесправным, униженным и нищим человеком, чья инте- ллектуальная, нравственная и духовная жизнь глубоко безразлична «тем, кто наверху».

Остается кнут — оскорбительная кличка «быдло», применяемая к крестьянину только что не в официаль- ных документах, ограничения в правах, бесправие, ди- кий произвол панов — и католических, и православных.

Разумеется, такими методами не только нельзя скло- нить человека к чему бы то ни было, в том числе и к ка- толицизму. Совершенно очевидно, что рано или поздно замордованный человек восстанет, и последствия могут быть решительно какими угодно.

Для большинства поляков и для нового короля из династии Ваза совершенно неприемлемым было суще- ствование православной церкви, не подчиняющейся рим- скому папе. Новый польский король Сигизмунд 1\ из шведской династии Ваза однозначно считал Унию со- вершенно обязательной для православных. Он считал возможным даже и открытое насилие: вплоть до закры- тия церквей, отнятия церковного имущества, вплоть до смещения священников, не поддерживающих Унию.

В октябре 1596 года в Бресте собрали церковный собор, специально чтобы творить Унию. И король, и папа римский очень этого хотели. Униатская церковь сохраняла многие черты

православия: служба велась на церковнославянском языке; сохранялась православ- ная обрядность, браки белого (немонастырского) духо- венства; но все это — при неукоснительном подчине- нии папе римскому.

Подготовлено было многое, от мнения короля до но- вых почестей послушным: согласившись на Унию, пра-

331

вославные иерархи получили бы сенаторское достоин- ство.

Церковный раскол произошел на самом же соборе. За Унию выступил сам глава православной церкви в Ре- чи Посполитой, митрополит Киевский Михаил Рагоза. Его поддержали епископы: Гедеон Балабан, епископ Львовский; Леонтий, епископ Пинский; Кирилл Терлец- кий и Ипатий Потей — епископы Луцкие; Дионисий — епископ Холмский.

Как видно, многие православные действительно бы- ли готовы пойти на Унию.

Но были пошедшие против: архимандрит Киево-Пе- черский Никифор Тур и его преемник — Елисей Плете- нецкий; ректор Острожской академии Герасим Смот- рицкий. Особенно выделился в борьбе против Унии мо- нах Иван Вышенский, который писал против сторонни- ков Унии «обличительные послания» (порой очень ху- лиганские).

Брестская уния 1596 года была все же принята, хо- тя и не всеми православными. Разумеется, униатство страшно не нравилось властям ни Российской империи, ни СССР.

В 1839 году униатам «посоветовали» попроситься «обратно», в состав Московской патриархии, и некото- рые приходы «вернулись в лоно православия» (напом- ню, что православные Западной Руси отродясь не под- чинялись Московской патриархии; ‘в Киеве был свой митрополит, подчинявшийся Константинопольскому патриарху).

Но власти Российской империи не додумались опро- тестовать саму Унию. Власти СССР пошли дальше: в 1946 году на церковном соборе во Львове Брестская уния была официально расторгнута.

Но это — перспектива; то, что будет через века. По- ка вернемся в XУ! век, в Речь Посполитую, где, кроме послушных униатов, оказалось еще и немало мятежных православных! Тех, кто отверг Унию, не желая сливать- ся с католиками.

332

После Унии православные стали превращаться в культурное меньшинство на собственной родине. И на- чали создавать так называемые братства — объедине- НИЯ «СВОИХ», Какие бывают у людей в рассеянии, но ред- ко бывают на родине. Живущим на родине такие объе- динения попросту не нужны.

Вообще-то братства в Западной Европе известны с Х\У—ХУ веков. Сложились они как объединения ре- месленников, выполнявшие роль общины или профсою- за: функцию социальной защиты. Братства собирали взносы, зарабатывали деньги и организовывали похо- роны, свадьбы, учение членов братства.

В Средневековье подмастерье был учеником, кото- рый вполне реально мог сам сделаться мастером. По мере того как подмастерья все больше превращались в наемных рабочих, у которых уже нет шансов стать мас- терами, братства все больше превращались в своеоб- разные профсоюзы.

В ХУ1-—ХУП веках братства во Франции были офи- циально запрещены, именно потому, что вели работу по типу профсоюзной: боролись за сокращение рабо- чего дня или за повышение зарплаты.

Так что идея братств пришла из Европы — никуда от нее, подлой, не денешься! Но как часто бывает в России, пришедшая из Европы идея преломилась так, что ее уже и узнать трудно.

Православные братства стали объединениями не подмастерьев и не мастеров, а православных людей во- круг своей церкви. А целью их существования стала поддержка своей веры и всего пласта православной культуры Западной Руси.

Первые православные братства появились еще в ХУ веке во Львове и Вильно — там, где давление като- лицизма было сильнее всего. То, что Вильно находи- лось в Великом княжестве Литовском, а Львов — в Польше, играло меньшую роль. Во Львове православ- ные испытывали особенно сильное давление: город-

ская Рада даже пыталась запретить православным за- ниматься ремеслом и торговлей.

В Каменец-Подольске и в Рогатине братства появи- лись в 1589 году; в Могилеве — в 1590 году; в Бре- сте — в 1591 году; в Перемышле — в 1592 году.

Братства возникали при православных церквах, на основе ремесленных и цеховых организаций. Это были по духу ярко выраженные организации горожан. Брат- ства основывались на самых демократических принци- пах; войти в братство мог всякий православный чело- век, который внес установленный взнос на общие рас- ходы. Основной контингент «братчиков» составляло местное мещанство, но вступали в братства и шляхта, и духовенство, и крестьяне: все русские люди, всех со- словий, кто не хотел принимать католицизм. В 1620 го- ду в Киевское богоявленское братство вписалось все казачье войско во главе с гетманом П.К. Сагайдачным.

Братства имели свои уставы; по своей организации они напоминали сразу и средневековые цеха, и рыцар- ские ордена.

Братства жили на взносы, пожертвования. Имели право на православные праздники варить мед и пиво, доход шел в казну братства.

Первоначально братства ставили задачи очень скром- ные: религиозно-благотворительные. Объединиться по признаку веры и выжить в мире, который становится все более католическим.

Братства заботились о своих церквах, распоряжа- лись церковным имуществом и церковными должностя- ми, устраивали общественные богослужения, общие праздничные пиры, оказывали помощь нуждающимся членам, хоронили умерших братчиков.

Многое изменилось в ХМ веке, особенно в его кон- це. По мере того как росла общественно-политическая роль братств, они приобрели большое культурно-поли- тическое и общественно-политическое значение. И да- же международное: в условиях, когда шляхта стреми- тельно ополячивалась и окатоличивалась, восточные

иерархи пытались опереться на православное мещан- ство Западной Руси. Для Московии — и для властей, и для Московского патриархата — православные братст- ва становились ценнейшим инструментом политиче- ской интриги. Внутри Речи Посполитой у Москвы ока- зывалась «пятая колонна», которую грех было не ис- пользовать.

Львовское братство возникло в 1453 году, когда Львовская городская рада пыталась запретить право- славным заниматься ремеслом и торговлей.

Но уже в середине ХУ| века Львовское братство пользовалось поддержкой знатнейших могущественных шляхтичей: А. Вишневецкого, К. Острожского, А.Кисе- ля и других. Это давало и

немалые средства, и «крышу»: обидевший скромных трудолюбивых горожан вступал в конфликт с очень могущественными людьми.

Насколько могущественных, можно показать на при- мере хотя бы Василия Константиновича Острожского (1526—1608), князя из рода князей Острожских, из- вестных с ХУ по ХУЙ век. Главные владения Острож- ских находились на Волыни — города Острог, Заславль, Новоград-Волынский, всего 25 городов, 10 местечек и 670 селений, дававших ежегодный доход более 1 мил- лиона злотых.

В.К. Острожский, киевский воевода и великий про- тивник Унии 1596 года, был убежден: для противостоя- ния католицизму необходимо просвещение, особенно среди священников.

В 1572 году он основал школу в городе Турове, в 1577-м — в городе Владимире-Волынском, в конце 1570-х годов — в Остроге и в Слуцке. Школу в Остро- ге он даже пытался превратить в академию, и не так уж и безуспешно, создав первую на Украине школу для преподавания «вольных наук» — грамматики, риторики, диалектики, арифметики, музыки, астрономии. После смерти Василия Константиновича Острожская акаде- мия оказалась нежизнеспособной, но в конце ХУ] века

она стала основным центром русской культуры в Литве и Польше.

Крупный военачальник, строитель крепостей и зам- ков, Василий Константинович организовывал ярмарки, заботился о развитии хозяйства. Он учредил типогра- фии в Остроге, Дерманском монастыре и в Киево-Пе- черской лавре, издавал богослужебные и полемические книги, направленные против католицизма. Он широко покровительствовал православным в Литве и Польше, снабжал деньгами и землями духовенство и духовные учреждения.

Под покровительством таких магнатов, как Острож- ский и Вишневецкий, Львовское братство могло вести очень независимую политику. И вело. Например, брат- ство самостоятельно поддерживало связи с Московией и Румынией. Помня о том, как легко православный ми- трополит Киевский стал униатом, братство хотело под- чиняться не местным православным иерархам, а непо- средственно Константинополю: то есть было самостоя- тельным субъектом внешней международной политики.

Братство имело большую библиотеку, создало шко- лу греческого и славянского языков, поставлявшую учи- телей в школы Киева и Вильно. Разумеется, все это по- зволяло братству вести активнейшую антикатолическую пропаганду и пропаганду против Унии 1596 года.

Другие братства тоже поддерживали связи с право- славными в Румынии, на Московской Руси, в Болгарии и Сербии, вели культурно-просветительскую работу, открывали школы и типографии, распространяли кни- ги. В типографии Киево-Печерской лавры печатались «Протестация» против полонизации и католицизации, «Послания» Исайя Копинского, разоблачавшие и клей- мившие Иеремию Вишневецкого как «предателя» (он пе- решел в католицизм).

Вокруг братств собирались немалые культурные си- лы — все, кто не хотел окатоличивания и ополячива- ния. Другие братства тоже стремились подчиняться не

местному духовенству, а непосредственно патриарху в Константинополе.

Киевское братство возникло при Богоявленском мо- настыре в 1615 году, а уже в 1620 году в братство вступил Петр Кононович Коношевич-Сагайдачный — гетман реестрового казачества, участник и руководи- тель походов в Крым и в Турцию 1614, 1615, 1616, 1620 годов. В 1621 году он сыграл видную роль в бит- ве при Хотине, где армия турецкого султана Османа П потерпела сокрушительное поражение от армии поль- ского короля.

Наивно рисовать деятелей прошлого строго черной или розовой краской. Одной рукой Петр Кононович пытался расширить число реестровых казаков — тех, кому польское правительство платило жалованье; рас- ширить привилегии казацкой старшины; уверить поль- ское правительство, что если оно захочет опереться на верхушку казачества и не будет посягать на его образ жизни и веру, то Украина останется лояльной короне. Прекратите ополячивать и окатоличивать — и мы будем верны польскому королю! В чем было и стремление ог- радить от преследования православных, и стремление усилить свою власть и власть своих людей.

Другой же рукой Петр Кононович в 1620 году от- правил посланцев в Москву с заявлением: реестровое запорожское войско желает служить Московскому ца- рю! То есть, называя вещи своими именами, совершил государственную измену. Пренебрег и клятвой вассаль- ной верности, и военной присягой.

В том же, 1620 году при активнейшем участии Петра Кононовича на Украине восстанавливалась православ- ная иерархия, ликвидированная после Брестской унии 1596 года, а все казачье реестровое войско в полном составе вступило в Киевское богоявленское братство.

Братство тоже снеслось с Москвой и высказалось в пользу присоединения Украины к Москве. А Москов- ское правительство помогало Киевскому братству день- гами.

Появление десятков тысяч вооруженных до зубов, провоевавших всю жизнь братчиков тут же сделало Киевское братство уже не мещанским, городским объ- единением, а своего рода легальной верхушкой мощной православной оппозиции и к тому же агентурой Москвы.

Отмечу еще раз, что скромные объединения горо- жан возникли из-за внешнего давления: из-за того, что православных пытались дискриминировать. В нормаль- ном обществе, без внешнего прессинга, без попытки за- ставить православных перекреститься, они или вообще не появились бы, или не вышли за пределы самых скром- ных, почти бытовых начинаний. Но польское прави- тельство начинает новый нажим в виде Унии 1596 го- да — и скромные объединения превратились в нешу- точную оппозиционную силу.

И в мощную культурную силу. Первая братская шко- ла возникла во Львове еще в 1586 году, всего же из- вестно более 20 братских школ. Это было нешуточное начинание. В школах преподавались: латинский, грече- ский и церковнославянский, арифметика, пение. Дава- лось религиозное образование и воспитание.

Великий чешский и польский педагог, основатель существующей до сих пор классно-урочной системы Ян Амос Коменский многое заимствовал из практики брат- ских школ.

Подчеркиваю это особо, чтобы-не возникла мысль, будто православие в Западной Руси только обороняет- ся. Такая позиция совершенно бесплодна в окружении динамичного, активного католицизма. Тут нужно уметь создавать новое, быть самим гибким и восприимчивым. Братские школы, как и все, что делали братчики, не бы- ли простым заповедником, добровольной резервацией православия. Это было конкурентоспособное учебное заведение, способное давать своим выпускникам обра- зование, вполне сравнимое с тем, которое давали гим- назии и университеты.

Очень печально, что правительство Речи Посполи-

той оказалось неспособно отнестись к этому адекватно и оценить таланты своих подданных.

Славяно-греко-латинская академия в Яссах — столи- це Молдавского княжества — сложилась как своего ро- да православный университет. Учили в Яссах церков- нославянский, польский, латинский, греческий, иврит, немецкий и французский, историю, географию, мате- матику,

астрономию, катехизис, поэтику, риторику и диалектику (умение вести диспут), философию и бого- словие.

При Киево-Печерском монастыре архимандритом Петром Могилой открыта школа, уже в 1631—1632 го- дах она объединилась с братской школой в Киево-Мо- гилянскую коллегию (Указом Петра | в 1701 году пере- именована в академию).

В Киево-Могилянской коллегии учились юноши со всей Руси (в том числе из Восточной) и из южных сла- вян. В середине ХУЙ века там было 1200 учащихся. Зна- чение Киево-Могилянской академии очень упало после открытия Московского, потом Харьковского универси- тетов. В 1804 году, после открытия Харьковского уни- верситета, ее преобразовали в Духовную академию. Но, по крайней мере, сто лет славной истории у этого заве- дения — было.

Из братских школ и академий вышло много писате- лей, ученых, политических деятелей, деятелей книгопе- чатания, просвещения, искусства: Иов Борецкий, Лав- рентий Зизаний, Захарий Копыстенский, Епифаний Славинецкий, Памва Берында, Лазарь Баранович, Ио- никий Галятовский, Иннокентий Гизель, Феофан Про- копович, Симеон Полоцкий, Григорий Сковорода, Епи- фаний Славинецкий. Имена некоторых из них упомина- лись или еще будут упоминаться на этих страницах. На книгу Иннокентия Гизеля мне доводилось ссылаться.

Братства возникли не от хорошей жизни и обречены были исчезнуть, как только изменится ситуация. Для католиков они были бельмом на глазу и с укреплением католицизма на Украине неизбежно исчезали.

Во второй половине ХУП века львовским епископом становится И. Шумлянский, который все же склонил Львовское братство к Унии. Сыграло роль и давление со стороны католиков и официальных властей, и разо- рение 1704 года. Захватив Львов, шведские солдаты не особенно разбирались, действительно ли местные пра- вославные — такая уж и агентура Москвы; воспользо- вавшись предлогом, они ограбили братство. В 1708 го- ду Львовское братство прекратило свое существование.

Киевское братство как будто достигло всего, что хо- тело: воссоединения с Московией. Пусть даже Киев не раз еще переходил из рук в руки, но с 1710 года остался в составе Российской империи «навсегда» — до 1991 го- да. Мавр сделал свое дело, мавр мог и уйти. Никто не запрещал деятельности братства, но никто и не подки- дывал ему денег, и уж, конечно, никто не допустил бы, чтобы братство сделалось самостоятельным субъектом внутренней или внешней политики. |

Это касается и православных братств в Могилеве, Перемышле и Бресте: они просто тихо зачахли, никому больше не нужные.

Диагноз

Да, пора поставить диагноз: необходимость вы- бора между католицизмом и православием расколола Западную Русь, вбила клин между людьми одного на- рода. Великое княжество Литовское погубили вероис- поведные разногласия.

Иногда мне кажется, что у поляков и литовцев-като- ликов совершенно отсутствовали не только качества, вроде бы необходимые для христианина, но и элемен- тарное ощущение опасности и чувство самосохранения.

Польский дворянин (в том числе ополяченный рус- ский) рассматривал русские земли как огромный коло- низационный фонд, а «быдло» — как будущих рабов. Примерно так, замечу, смотрел на Польшу и на самого польского шляхтича немецкий рыцарь из Тевтонского и

Ливонского орденов. Ну, поляки и пожали серии казац- ких восстаний, ненамного лучше Жакерии. Но что са- мое скверное — православные русины так и остались в Речи Посполитой неравноправным большинством. Они были им в Литве со времен Кревской унии.

Что характерно, современные польские историки (вероятно, и многие современные поляки) хорошо ви- дят губительность этой политики.

В 1658 году преемник Хмельницкого, украинский гетман Ян Выговский, в Гадяче подписал договор, ко- ренным образом менявший структуру Речи Посполи- той. Возникала федерация трех государств: Польского королевства, Великого княжества Литовского и Русско- го княжества, соединенных «как равный с равными, как свободный со свободными, благородный с благородны- ми». Русское княжество включало три украинских вое- водства. Казацкие старшины получали шляхетство и земельные пожалования, входили в сенат и в депутат- скую палату сейма Речи Посполитой. Гадячская уния не могла быть расторгнута без согласия русского (то есть реально — уже начавшего осознавать себя укра- инского) народа.

Так вот, современными польскими историками «Га- дячская уния» сравнивается по значению с Люблинской унией, давшей начало Речи Посполитой двух народов. «Однако слишком поздно пришло понимание того, что русины должны стать равноправными членами федера- ции, образованной в 1569 г.» [69. С. 125].

К этому добавлю одно: русинов неплохо было бы считать «равноправными членами федерации» не только в 1569-м, но ив 1385 году. Принимая уже самую пер- вую Унию, не нарушать того равноправия, которое су- ществовало в Великом княжестве Литовском.

Быть может, это в слишком большой степени вывод русина, но попробуйте оспорить: навязывание католи- цизма было для поляков способом ослабить Литву, рас- сматривать ее как «второсортное» государство, а в Речи

Посполитой стать основным и привилегированным эле- ментом.

Эта глупейшая политика:

— не дала возможности создать Речь Посполитую, включающую королевство Польское, Великое княжест- во Литовское и Великое княжество Русское как три равных (хотя бы в декларации равных) государсвенных образования;

— невероятно укрепила Московию, в противном слу- чае обреченную на то, чтобы войти в Речь Посполитую или влачить самое убогое прозябание на задворках ци- вилизации вроде Сибирского ханства.

Такая Речь Посполитая была бы способна не только приобщить к европейскому пути развития всех славян (а не одних за счет других), не только остановить нако- нец агрессию мусульман, выйти к Черному морю, но и сделала бы невозможной бесконечную тупую конфрон- тацию, принесшую столько горя и бед всем ее участ- никам.

Польша, по существу, сама вырастила могильщиков Речи Посполитой: Пруссию и Российскую империю. Пруссия возникла потому, что поляки пустили на свою землю крестоносцев. Московия — Российская импе- рия — сложилась и окрепла, потому что Польша в сво- ем глупом высокомерии не сумела сделать русинов равноправным элементом Речи Посполитой.

Поляки, которые умирают на полях сражений в 1795 и 1831 годах, чью землю делят Пруссия и Российская империя; Польша, вынужденная судорожно отбиваться от большевистской Советской России в 1920 году, ис- текающая кровью в 1939-м, — это прекрасный пример того, как потомки расплачиваются за дурь предков.

Наверное, я бы даже позлорадствовал, произнес бы что-то в духе «так им и надо! — да только очень уж много течет в русинах польской крови, а в поляках — русинской. Слишком уж тесно повязала нас всех исто- рия, и ничего тут не поделаешь. Мы — братья и по ко- ролевским дворцам, и по свальным братским могилам.

За шизофренический гонор надутого спесью дурака- шляхтича расплачивался и расплачивается до сих пор и польский, и русский, и украинский народ — одина- КОВО. |

Так же точно все мы равно расплачиваемся за пара- ноидальные идеи Третьего Рима, за бредни такого же надутого спесью, но несравненно более злобного и не- вероятно невежественного москаля, «несущего свет» истинной веры или истинной идеологии (и не очень по- нимающего, что есть вера и что есть идеология).

И точно такой же счет следует предъявить дикому казаку ... но о нем просто не хочется и говорить.

Нередко я слышу, и не от самых глупых людей, что, мол, никакого выхода в те времена все равно не было. Поскольку в Х\У!—ХУП веках не было равнодушных к вероисповеданию — говоря попросту, не было атеи- стов, то и не было никакого выхода из клубка вероис- поведных разногласий и распрей. Мол, не могли като- лики не требовать Унии любой ценой — даже ценой распада собственного государства; даже ценой граж- данской войны, ценой потери Волыни, Киевщины и По- ДОлЛИи.

Не могли православные пойти на Унию, не могли проявить большей терпимости к идефикс католиков — подчинению папе римскому.

Осмелюсь утверждать: выход был. Даже два выхо- да, на выбор.

Способ первый: объявить религию частным делом граждан, не имеющим никакого отношения к делам го- сударства. Даже не надо расставаться с католицизмом как с государственной конфессией. Достаточно опре- делить и четко оговорить в законах, что следовать лю- бой из версий христианства — частное дело каждого и не влечет за собой никаких последствий и никаких ог- раничений.

Допустим, до этого в ХУ—ХУ[веках общество еще не доросло... Хотя почему бы и нет? Вспомним широ-

чайшую веротерпимость польского католицизма в Х\У!| веке... Но есть и еще один способ.

Способ второй: объединение церквей. В конце кон- цов, католическая (кафолическая на Востоке) церковь и православная — лишь две ветви единой Апостоль- ской церкви, лишь исторически сложившиеся реалии. При минимальной терпимости друг к другу — тем более при понимании последствий разделения, при понима- нии, как это опасно для всех, — объединение вполне могло бы состояться.

Разумеется, состояться такое объединение могло никак не на уровне Речи Посполитой, тут дело высших церковных иерархов. И решительно никакое правосла- вие моих предков, никакая личная вера в Бога не поме- шают мне назвать политику этих самых высших иерар- хов несусветной дуростью, идиотской блажью, глупей- шей игрой в «кто главный». Игрой, совершенно недос- тойной людей взрослых и к тому же облеченных огром- ной ответственностью.

А по отношению ко множеству рядовых людей в Польше, Великом княжестве Литовском, княжествах Южной Руси эта идиотская политика обернулась пря- мым предательством. Потому что пока папа римский, Патриархи Константинопольский и Московский наусь- кивали друг на

друга православных и католиков, самым преступным образом провоцировали междоусобные войны, мусульмане продолжали набегать на все сла- вянские земли, грабить их и уводить рабов.

Сколько именно людей прошло с арканом на шее по Перекопскому перешейку, уже никто точно не скажет. Называют разные цифры: от 100 тысяч до миллиона че- ловек. Именно в эти времена, в ХУ—ХУ] веках, склады- вается поговорка, что турок только с отцом и началь- ником говорит по-турецки. С муллой он говорит по- арабски, с матерью — по-польски, а с бабушкой — по-украински.

К этому стоит добавить, что людокрады не брали взрослых мужчин, особенно обученных войне. Не бра-

344

ли стариков и маленьких детей, которые наверняка не выдержали бы пути. И что из детей 10—12 лет, кото- рых все же брали с собой, до невольничьих рынков до- биралась хорошо если половина. От 300 тысяч человек до трех миллионов — вот цифра человеческих потерь Польши и Южной Руси от мусульманской работорговли.

А были еще непосредственные потери в междоусоб- ных войнах. Были океаны человеческого горя, прине- сенного в мир Запорожской Сечью — этой жуткой су- хопутной Тортугой, Двором чудес и Двором отбросов православного мира. Пока существовало противостоя- ние католического и православного миров, пока силы христиан тратились на идиотские разборки друг с дру- гом, а не на борьбу с действительным врагом тех и дру- гих; пока кандальников на турецких галерах, продавае- мых с аукциона украинских и польских девушек осво- бодить могли только казаки, а не регулярная армия Поль- ско-Литовско-Московской унии, действия запорожцев сохраняли хотя бы видимость смысла.

И потому я, положа руку на сердце, не очень верю, что хотя бы один папа, хотя бы один патриарх того времени сейчас находится в раю. Потому что эти люди не сделали того, что должны были сделать, и на них на всех кровь. Кровь и слезы людей, убитых при защите своих семей и имущества; девушек, изнасилованных чужими и нелюбимыми; детишек, зарубленных, чтобы не тащить их на невольничьи рынки. Если кому-то по- кажется чрезмерным мой «приговор», вот вам два про- стеньких упражнения из числа «не для слабонервных». Представьте себе, что это ваш ребенок брошен умирать в голой безводной степи. Малыш уже не может идти, воды мало, от солнца пузыри везде, где тельце не за- крывает ткань. А караван уходит, людокрады отворачи- вают лица: будь у них совесть, они подобрали бы иное дело! Ребенок обречен на мучительную смерть, один- одинешенек в свой смертный час. Представили? Вали- долу предложить?

Тогда еще один небольшой тест: это ваша дочь, лет

345

пятнадцати, стоит голая под выцветшим ситцевым наве- сом, и одышливый персидский купец с толстым пузом и глазами навыкате щупает ее бицепсы, щиплет за попку, лезет в промежность — проверяет, девственная ли. Де- сятки тысяч славянских девочек, стоявших на таких по- мостах, решительно ничем не хуже вашей дочери, до- рогой читатель, им просто меньше повезло.

Так вот: все страдания этих людей, их раны, муки, гибель — на совести высших церковных иерархов — и православия, и католицизма в равной мере. Эти люди не сделали того, что должны были сделать по своему рангу, месту в жизни, доверию людей, занимаемому по- ложению. И на них — кровь доверившихся им людей. Много крови.

Первая виртуальность

А ведь могло быть и совсем не так. Сбылся, стал реальностью один из многих вариантов истории. Мы живем в одном из вариантов мира, который в той же степени вероятен, что и все другие варманты. При дру- гих поступках людей, при другом повороте даже одно- го события могли

сложиться совсем другие государст- ва, другие правительства, общественные и государст- венные системы.

Я не уверен, что Свидригайло был обречен проиг- рать войну за престол. Что было бы, не ввяжись он в войну с Польшей в 1430 году? А особенно — приди он к власти в 1437 году, уже как Великий князь Русский?

Здесь два варианта: провозглашения равенства пра- вославных и католических феодалов, распространение на православных действия всех «привилеев». В совре- менной Белоруссии указ 1563 года, давший равные права православным, считают как раз временем, когда Белоруссия ассимилировала Литву. В 1563 году было поздно, потому что многие земли ушли в Московию, вос- точный монстр уже разросся, окреп — и в огромной степени руками и мозгами выходцев из Литвы. Отход

двух третей Великого княжества под Польшу говорит о об огромном недоверии русинов к собственному пра- вительству. Полякам, получается; верили больше.

А в 1430—1440 годах вовсе не было поздно: «отъез- ды» в Москву тогда еще только намечались.

Другой вариант: возникновение Великого княжества Русского со столицей в Слуцке или в Пинске. Фактиче- ски сложение Западной Руси как национального госу- дарства, уже без псевдонима «Литва». У Литвы остают- ся только земли Аукшайтии и Черной Руси, и они очень быстро входят в состав Польши.

Разумеется, социальный строй и политика этого го- сударства могли пойти в разных направлениях, но ведь тогда вечевой строй и традиции демократии неизбежно продолжались бы. Очень вероятно, что сложилось бы своего рода «Пинское право», регламентирующее и го- родское самоуправление, и самоуправление земель.

Очень вероятно, что Великое княжество Русское оказалось бы в Унии с Польшей, но уже на совершен- но других условиях. Западная Русь смогла бы заявить о себе как о чем-то едином и целостном. Не было бы рас- кола 1569 года, когда под Польшу ушло две трети Ве- ликого княжества Литовского. Не было бы формирова- ния двух таких разных народов на севере и юге Запад- ной Руси.

А главное — это было бы Великое княжество право- славных. Православные пользовались бы в нем всей полнотой прав, и не было бы никаких причин для пре- словутых «отъездов» в Москву. Скорее наоборот, мож- но себе представить ручеек, текущий в совсем ином направлении — ручеек умных и активных людей, пере- езжающих из диковатых полутатарских княжеств Севе- ро-Востока в богатые и культурные города Западной Руси. И князей, «отъьезжающих» в Великое княжество Русское.

При таком повороте событий Москва скорее всего никогда не смогла бы подняться как лидер Северо-Вос-

тока, а уж тем более как лидер «всея Руси». Московский вариант русской культуры не стал бы ведущим, не стал бы ассоциироваться с самим словом «Русь». За поняти- ем «русский» стояло бы нечто несравненно более куль- турное, цивилизованное, осмысленное. Русь не была бы во всем мире синонимом деспотии, варварства, вы- сокомерия, изоляции; символом добровольной и от того особенно омерзительной азиатчины.

Вторая виртуальность

Возможен был и другой вариант решения про- блемы, более глобальный. 1400 год, Ватикан. Папа рим- ский заявляет, что мелкие вероисповедные различия между западом и востоком церкви несущественны. Что он не претендует на власть над детьми Святой апо- стольской церкви, которые хотят быть независимы от Рима и подчиняться другим, восточным патриархам. Он их тоже считает своими духовными детьми и будет мо- литься за них.

Папа также требует немедленного прекращения всех Крестовых походов против православных стран, тре- бует примирения крестоносцев с населением стран, в которых они действуют. Он сурово осуждает земных владык вроде польского короля Владислава Ягелло, притесняющего своих православных подданных, и оте- чески просит его больше так никогда не делать.

Одновременно патриарх Константинопольский заяв- ляет, что все различия в догмах и в отправлении культа он не считает принципиальными и что различия нис- колько не мешают ему одинаково любить всех духов- ных чад Святой апостольской церкви. Что для него ка- толики — духовные дети, находящиеся под омофором одного из патриархов единой Кафолической церкви, и он не будет никогда ни анафемствовать католиков, ни считать их конфессию ересью.

После чего патриархи встречаются где-то между Ри-

мом и Константинополем... Скажем, в Венеции или в Дубровнике. Они обнимаются и дружно призывают сво- их духовных чад отринуть вражду и заняться самоусо- вершенствованием, богоискательством и прочими по- лезными делами, а не шизофренической конфронтаци- ей друг с другом. У каждого из иерархов при этом за па- зухой может быть по здоровенному булыжнику, но это уже дела не меняет; политика на каждом шагу так и де- лается.

° Такая встреча патриархов имела бы множество раз- личных последствий в разных концах всего христиан- ского мира — и не только в нем.

Позволю себе нарисовать картинку, имеющую пря- мое отношение к теме нашей книги. 1571 год. Моск- ва. Кремль. Площадь заполнена войсками и народом. Бьют колокола всех сорока сороков московских церк- вей. Успенский собор. Король Польши и Великий князь Литовский Стефан Баторий под дружные «Ви- ват!» надевает третью корону: Великого князя Москов- ского.

На крыльце Успенского собора трется грязный, оди- чалый мужик с безумными глазами, непрерывно трясу- щимся, как бы жующим ртом, — Иван У, вовремя сбе- жавший из дворца. Тело торчит из разорванных тряпок юродивого, пудовые вериги на ногах. Чудище что-то мычит, кланяется на все стороны, подпрыгивает. При- творяется он юродом? Скрывается от ответа за бесчис- ленные преступления? Это уже неважно, бывший царь совершенно никому не интересен.

Подходят опоздавшие, в их числе князь Андрей Ми- хайлович Курбский, много чего повидавший. Узнает вдруг Ивана, поворачивается:

— Постой-постой... Ты ли?! Что, сучий кот, еще пол- заешь?! — Иван только открывает и закрывает пасть, не в силах вымолвить ни слова. — Что, сволочь, князя Воротынского-то помнишь? Помнишь, как ты, подонок, Михайлу Петровичу угли к бокам подсыпал?

Бывший царь закатывает бельма, сипит и хрипит,

“г

всем своим видом показывает, что сейчас хлопнется в обморок. Князь Курбский задумчиво вытаскивает нож. Кровавить его в такой день, в таком месте — это еще надо подумать. Но не спускать же страшной смерти умерших под пытками родственников, не оставлять же кровожадного подонка, мерзкого урода, взобравшегося на трон.

Князя подхватывают под руки новые опоздавшие. Иван Семенович Сапега с Яном Замойским обнимают князя Андрея Михайловича за плечи, хлопают по спине, подталкивают к дверям битком набитого собора.

— Брось, Андрей Михалыч, об такое говно ножик портить!

— Так это же... так я ж...

— Гак ты его сразу прирежешь, а так он еще сколь- ко будет гнить? Самое для него страшное — чтоб он жил, гнида! Самая страшная казнь! Ну, прячь ножик, пошли!

И князя Курбского чуть не силой втаскивают внутрь. Бочком-бочком, пятясь раком на ступенях, припадая к матери сырой земле, убирается под крыльцо самый рус- ский, самый православный царь-батюшка за всю рус- скую историю.

— Куда лезешь?! Мое место! — плаксиво воет на- стоящий юродивый, прижившийся под папертью, отпи- хивая ногой Ивана.

— Бе-еее! — вопит другой юрод, наставляя рожки. Иван испуганно шарахается.

Все это вполне могло бы быть, и мне очень жалко, что так не случилось. Все могло быть при одном-един- ственном условии: если бы и в православном, и в като- лическом мире нашлось бы достаточное число истин- ных христиан, а не глупых драчливых мальчишек.

В реальности же получилось так, что в ХУЙ веке Речь Посполитая все больше сползала в гражданскую войну между католиками и православными.

Это очень и очень печально.

Глава 17 РАСПАД ЕДИНСТВА

..Спрашиваю, как по-украински «кот»? Он отвечает: «Кит». Спрашиваю: «А как «кит»?» А он остановился, вытаращил глаза и молчит. И теперь не кланяется.

М.А. Булгаков

Как звучит ария Ленского по-украински? «Чи гепнусь я, дрючком пробертый, чи мимо прошпандорыть вин».

Что такое по-украински: «Попер самопер до мордо- писни»? «Поехал автомобиль к фотографии».

Шутки русской интеллигенции в Киеве 1950—1960-х гг.

Удивительные укры

В непрочное время «парада суверенитетов» на Украине появилась великолепная идея. Оказывается, искони веку обитало на Украине племя укров. Это ук- ры строили жилища из костей мамонта, делали украше- ния из мамонтового бивня задолго до конца Великого Оледенения. Конечно же, все археологические культу- ры и каменного, и бронзового, и железного веков тоже созданы украми, говорившими все это время на родном украинском языке. Стоит ли говорить, что и Атилла был вовсе не каким-то там гунном? Он был, конечно же, ук- ром, украинским богатырем Богуном Бочилой (по дру- гой версии — Мочилой).

Но загадочные и в высшей степени героические ук- ры как-то остались неизвестны не только современным ученым, но и населению будущей Украины в любом из ранних периодов ее истории.

Более того. Ни житель Москвы, ни житель Киева, ни житель Львова XУ или XУ веков не имел понятия ни о какой такой «Украине». В источниках только появляется это новое слово... Появляется одновременно на Руси и в Польше. О происхождении слова можно спорить, но,

351

вероятнее всего, применяется оно в самом «обидном» смысле — как обозначение окраины-украины.

Еще в Х\У|-—ХУП веках и на «Украине», и в Польше, и в Московии хорошо знали, что такое Юго-Западная Русь. Называли ее и Южной Русью, и Малой Русью, и даже очень конкретно — Киевщиной. Но даже после появле- ния термина «Украина» название «Юго-Западная Русь» дожило в народном языке до ХУП века и сохранилось как термин в истории и в филологии. А термин «Малая Русь» дожил до XX века, и даже сейчас украинец впол- не может назвать себя малороссом, и все его вполне поймут: и на Руси, и в Польше, и на Украине.

Заодно уточню, что и в ХУ, и даже в ХУП веке со- временники очень четко разделяли Юго-Западную Русь (будущую «Украину») и Волынь и Галицию (теперь там тоже Украина).

Конечно же, серьезные люди на Украине морщатся, когда при них заговорят про «укров». Отношение к ним примерно такое же, как у нас к творениям Петухова. Но в официальной историографии и Украины, и Бело- руссии всерьез считают: история Древней Руси — это и есть история украинцев и белорусов. Белорусам еще как-то сложнее — ни Минск, ни Полоцк явно не отно- сятся к тем городам, где происходили основные собы- тия древней русской истории. Приходится придумы- вать... Или ограничиваться тем, что утверждается некая общая идея — мол, местные племена все равно стали основой для белорусов века с ХМ.

А уж на Украине — так совсем хорошо, там процве- тает привязка истории Древней Руси к несравненно более поздним реалиям. История Древней Руси там и рассматривается как история Украины. Киев — это ук- раинский город. Ярослав Мудрый — украинский князь. «Русская правда» — украинский правовой кодекс. Уди- вительно, что многие жители Украины принимают все это всерьез.

Еще удивляет приверженность этому неудачному слову: «Украина». И очень позднее оно, и какое-то... Ну,

352

неполноценное, что ли. Вот слова «Белая Русь», «Малая Русь» — несравненно древнее и, казалось бы, почтен- нее. Или их так беспокоит, что «их» Русь — Малая? Не- пременно нужно, чтобы была побольше? Проблемы на- ционально озабоченных людей бывает непросто по- НЯТЬ.

Но даже если называть Ярослава Мудрого и Влади- мира Мономаха не украинскими, а малороссийскими князь- ями, мало что изменится по существу. Потому что на- звать и их, и даже Василия Острожского или Ивана Виш- невецкого малороссами можно только в одном случае — если совершенно игнорировать то, что они сами об этом думали.

Можно, конечно, и Франциска Скорину назвать «бе- лорусским ученым» или даже «создателем белорусского литературного языка»... Можно считать «Библию рус- скую» переводом именно на белорусский язык, есть для этого даже некоторые основания... Но только вот сам Франциск Скорина так не думал.

Григорий Сковорода уже в ХУП веке тоже не очень осознавал свою борьбу с презирающими народ феода- лами как борьбу с «украинофобами». Свой язык он как- то больше называл русским и пренебрежение ополя- ченной шляхты к этому языку, этому народу и его тра- дициям так и трактовал: как неприязнь, неуважение к РУССКИМ.

Так же, если вы помните, трактовали русских и И. Ги- зель, и другие люди. Ну что поделать, не выделяли они из русских украинцев и белорусов!

Политическая злоба дня требует «выяснить» и ска- зать совершенно точно, чьи это летописи, кто здесь жил и к какому народу принадлежит известный человек. Но сделать это крайне трудно.

Как трудно бывает разделить три славянских наро- да, показывает хотя бы «разборка» с летописями, кото- рые оказываются то литовскими, то белорусскими, то белорусско-литовскими и в этом качестве вполне зага- дочно включающими украинские... А солидный спра-

вочник к числу белорусских относит даже смоленскую «Авраамкину летопись» [70. С. 52]. Вот ведь путаница!

По-видимому, имеет смысл послушать самих пред- ков: они-то когда стали говорить про Украину и Бело- руссию?

Появление украинцев и белорусов

Русь, Россия — это суперэтнос. Это огромный по масштабу конгломерат родственных племен, кото- рые понимают друг друга без переводчика, имеют об- щую историческую судьбу (жили в одном государстве, пусть недолго), но обитают в разных природных зонах, в разных экологических условиях и находятся в тесных контактах с разными цивилизациями.

В Российской империи вполне официально счита- лось, что украинцы и белорусы — это некие этногра- фические группы русского народа, а украинский и бе- лорусский языки — это испорченный русский. Про украинский мне говорили ... ну, почти в духе героев М.А. Булгакова: мол, русские тут, на Украине, подверг- лись сильному воздействию турок да и поляков (при этом лицо старшего собеседника приобретало такое выражение, что становилось ясно: что поляки, что тур- ки, все едино — гады и нехристи). Приводились приме- ры, сами по себе любопытные.

Как видно, и здесь официальные власти и образо- ванные слои Российской империи были трогательно едины, считая эти языки признаком некого «поврежде- ния». Интересно, что никому не приходила в голову эле- ментарная мысль: рассматривать в качестве некого от- клонения как раз русский язык. Действительно, часть малороссов сбежала куда-то в первобытные леса, из- рядно там одичала, смешалась с угро-финскими народ- ностями, да потом еще платила дань татарам века до ХУ. И эти вырожденцы еще претендуют на то, что они, их язык — эталон?!

Если же исходить не из желания наговорить друг

другу гадостей, а честно искать общую истину, то са- мое честное из всего, что было сказано, это официаль- ная советская точка зрения на «три братских народа», имеющих совершенно одинаковые права на происхож- дение от древнерусской народности. Это и порядочнее всего, и взвешеннее, и наиболее научно.

Но как же действительно могли возникнуть пресло- вутые «три народности»?

Большинство ученых, занимавшихся этим вопросом, считают, что для возникновения нового этноса мало общности языка, образа жизни, природного окруже- ния; нужно, чтобы возникло противопоставление: мы и они. Чтобы «мы», оттолкнувшись от «них», четко и одно- значно осознали бы: «мы» — не «они»! Есть серьезные основания полагать, что восточные славяне,

будущая Русь, осознали себя во время нашествия готов. И про- должалось-то это недолго, только пока готы двигались из Прибалтики в Причерноморье, около века. И власть готов над славянскими племенами не была ни жесто- кой, ни особо унизительной. Но появилась метка — «ОНИ». «Они» — завоеватели, чужаки, пришельцы, на- сильники. А «мы» — здешние, «тутэйшия» и, естествен- но — хорошие. Так сказать, «положительно характери- зуемсяЯ».

Нет, конечно же, важны и природные, и языковые, и хозяйственные факторы. Без уже существующего, пусть и слабо осознаваемого единства нечего будет и осоз- нать — в любой исторической перспективе. Нечего бу- дет противопоставить чужакам и пришельцам.

И тут надо заметить, что раздел территории Велико- го княжества Литовского по Унии 1569 года провели с удивительным знанием экологии. Или чистое наитие? Интуитивное чувствование? Не ведаю...

Во всяком случае, разделили землю так, что к Поль- ше отошли территории с ярко выраженным южным ти- пом ведения крестьянского хозяйства: почти полная распашка территории, чернозем, волы, большие села, покорный забитый мужик.

Будущая Украина уже в момент ее передачи в ко- ронные земли Польши обладала общими чертами при- роды, ведения хозяйства, культуры. Тем, что отделяло ее от более северных территорий. А жизнь в составе именно Польши, а не Великого княжества Литовского, сформировала и общность исторической судьбы, мно- гие черты чисто этнографические — типа польских за- имствований и польских влияний в языке.

Не случайно же другие части Руси, давно оказав- шиеся в составе Польши, Волынь и Галиция, тоже ста- ли частью Украины. Особой, «Западной Украиной», весь- ма отличной от «восточной», но тем не менее — частью.

По-видимому, у жителей Юго-Западной Руси уже веке в Х\У1 сформировались черты некой общности, от- делявшей их от остальных русских. Осознать свою «осо- бость» было не так уж сложно: везде враги.

Католическая экспансия тоже помогала осознать свою «особость». Даже став униатами, русские люди осознавали себя некой особой частью католического мира, носителями некой исторической специфики.

Само польское владычество, чего уж там, сыграло роль катализатора. Польского народа — в смысле про- стонародья — на Украине и не видели. Поляк для укра- инца был или солдатом, или чиновником, официальным представителем короны. Польская же шляхта еще гото- ва была считать себе ровней русскую шляхту — но уж вовсе не «хлопов», украинское быдло, деревенщину. Знающие люди уверяли меня, что получить плеткой по морде — очень надежный способ обрести националь- ное самосознание.

А Московия? «Воссоединение» с Русью? Во-первых, к ХУП веку уже сложилась некая местная специфика, осознание украинского единства. И на Переяславль- ской раде 1648 года не часть Руси пришла обратно, в общее государство; объединились две страны и два на- рода.

Во-вторых, московиты могли восприниматься как «свои» в основном дистанционно. Как бы ни хотели стать

подданными Москвы Сагайдачный и все его войско, сразу же после объединения стало очевидно — укра- инцы ужасно «развращены» своим пребыванием в со- ставе Польши, привыкли ко всяким европейским пра- вам, законам, правилам, от одного упоминания которых наливались кровью глаза у московитов.

Конечно, украинец мог сделать карьеру, войти в ря- ды «образованных». Но в представлении окружающих он тут же переставал быть украинцем! Да ведь и делал- то карьеру он как раз на русском языке! С тем же ус- пехом и в Польше украинец мог выкреститься в католи- цизм и сделаться чиновником или шляхтичем: той же ценой утраты национальной самоидентификации.

С условиями формирования белорусов все предель- но ясно: это народ, от начала до конца созданный Ве- ликим княжеством Литовским. Только в середине ХУШ века, после разделов Речи Посполитой, территория ны- нешней Белоруссии вливается в Российскую империю.

Объективные предпосылки, создаваемые природой и жизнью в природе, были, конечно, и здесь. Что же касается истории... Рано или поздно западные русские должны были заметить, что вечно кто-то ими командует и их землей распоряжается. То литовские князья, то поляки в Речи Посполитой (вспомнить хотя бы, как в Пространном списке летописей по-средневековому на- ивно пытаются спорить литвины с поляками, выводя предков из Римской империи). То русские-московиты усаживаются на голову тем, кто всегда жил здесь. За- воеватели меняются, как в калейдоскопе, а разница?

У большинства русских слово «тутэйшия» вызывает только презрительное фырканье... А что, собственно, еще может сказать о себе этот народ? Ну да, они ту- тэйшия, местные. Те, кто ниоткуда не приехал и никуда не собирается. Вполне корректно.

Вопрос только, жители каких именно земель осозна- ют себя «тутэйшими», над которыми идет грызня завое- вателей. Смоленск, похоже, очень «вовремя» отошел к Московии. Уверен, развивайся он и дальше в составе

Великого княжества Литовского, сегодня жители Смо- ленской области рассматривали бы себя как белору- сов, а Смоленск был бы белорусским городом.

Вот косвенное, но весьма надежное доказательство того, что еще в ХУ — начале X\M| века не было никакой Белоруссии: судьба Смоленской земли тогда впрямую зависела, останется она в составе Великого княжества Литовского или уйдет под Московию. Стала она частью Московии — и стали смоляне русскими. При другом же развитии событий могли стать белорусами жители Брян- ской и Новгород-Северской земли.

С включением в состав Российской империи начи- нал действовать простой и безотказный механизм, прак- тически исключавший развитие украинских и белорус- ских языка и культуры.

Жизнь в Российской империи предполагала, что вся- кий образованный человек уже на самых ранних стадиях получения образования, уже в первых классах гимна- зии, начинает говорить на литературном русском языке.

В империи не существовало никакого литературного украинского языка. Язык, на котором говорили и пи- сали Гизель, Могила, Острожский, Сагайдачный, рас- сматривался как некий «недоязык». То ли русский, ис- порченный татарским и польским, то ли просто отста- лый, средневековый вариант. Считалось, что русский литературный язык создали Жуковский и Пушкин и от них-то пошли образцы. А бывшее раньше — или «недо- развитое», или «неправильное». Украинский и белорус- ский языки рассматривались как местные диалекты, ре- гиональные мужицкие варианты русского языка.

Образованный украинец, естественно, ничем не от- личался от русского. Еще в начале XX века было невоз- можно различить русских и украинских девушек в биб- лиотеке: «Говорю «русско-украинских», ибо в то время эти две — по теперешним понятиям — совершенно раз- личные нации было невозможно отграничить ни по ви- ду, ни по разговору» [71. С. 66].

«Невозможно» потому, что, даже выйдя из среды, где

358

говорили только по-украински, человек вынужден был выучить русский язык и в дальнейшем никак и не про- являл и не осознавал себя украинцем — человеком от- дельной от великороссов нации. То есть он мог пом- нить о своем малоросском происхождении, петь напев- ные украинские песни, вставлять слово-другое в речь. Так, в ХУШ веке Андрей Разумовский на вопрос, гово- рит ли он по-немецки, ответил: «Трохи мерекаю».

Но все это — на уровне невинной региональной эт- нографии, милых детских воспоминаний, вынесенных хоть из Полтавской, хоть из Вятской, хоть из Ярослав- ской губернии.

В XX веке вообще довольно многие люди, особенно деятели культуры, науки, образования, оказались в сложном, даже в ложном положении. С одной стороны, после официальной украинизации советской Украины в 1920—1930 годы их начинали считать «украинскими учеными» — что было почетно и давало ряд привилегий. Да и украинские националисты всех мастей относи- лись к ним как к дорогим сородичам. А с другой сторо- ны, эти люди совершенно не ощущали себя украинца- ми и более того — привыкли считать, что украинский язык — это язык «мужицкий», деревенский, на котором для интеллигентного человека говорить даже как-то и неприлично.

Это было поколение, вообще много о себе скрывав- шее. Для определенной части этого поколения скры- вать пришлось свое отношение и к «укра1нськой мове», и к своему украинскому происхождению.

Семейная история сохранила память о двух таких людях: об академиках Николае Николаевиче Гришко и Петре Степановиче Погребняке. Особенно хорошо пом- нят в нашей семье Петра Степановича Погребняка, круп- ного лесовода, близкого друга моего деда. Типичный представитель не существующего больше того, булга- ковского Киева, Киева русских людей, искренне счи- тавших украинцев мужичьем, он и на «мове»-то, похо- же, научился говорить только после войны, усилиями

359

своей второй жены, рьяной украинской националист- ки. Злые языки говаривали, что Петр Степанович — внебрачный сын местного предводителя дворянства (и уж, конечно, никак не украинца). Судя и по некото- рым сведениям, которые передавать в печати я не буду, и по его породистому, тяжелому лицу, это соответство- вало истине.

Помню, с каким чувством неловкости я смотрел на бюст на могиле «Петро Степанча Погр!бняка» на Бай- ковом кладбище, поставленный ему как члену Академии наук Украинской ССР. Скульптор постарался сделать Петру Степановичу длинный жилистый нос с бородав- ками, превратить породистую барственную мясистость его лика в некую одутловатость, проистекающую от многих годов тяжкого труда на поле... Да, это зрелище вызывало неловкость! Лгала и надпись, лгал и портрет.

Академик Погрбняк, «украньский радяньскйй нау- ковник». Из этих трех слов только одно: «науковник» со- ответствовало действительности. Академик Петр Сте- панович Погребняк почти не участвовал в Гражданской войне, но те два месяца, что участвовал, был-то он у Деникина! Никогда не был он в Красной армии, и не был он советским человеком. И не был он украинцем, хоть вы меня убейте.

Впрочем, в буче и в кипении украинизации всего и вся возникали перлы и похлеще. Мой дед, Вальтер Эду- ардович Шмидт, прибалтийский немец, в «Укра1ньской радянськой энциклопедй» тоже назван «Укра1ньский радяньсвй науковник». Куда там «Богуну Мочиле!».

Но в СССР, при всех извратах и перегибах нацио- нальной политики, по крайней мере, хоть не отрицалось само существование украинцев и белорусов. В СССР уже просто приняли во внимание

как факт то, что есть: существование украинцев и белорусов как народов, осознающих себя, самостоятельных и отдельных от рус- СКИХ.

Но в Российской империи невозможно было легаль- но, в рамках официальной интеллектуальной и духов-

360

ной жизни, заниматься переводом на украинский язык текстов науки и культуры, преподавать на украинском языке в университетах, писать и издавать на нем книги.

Все это можно было делать только нелегально, во- преки официальному мнению, высочайше утвержден- ному начальством.

Для того чтобы сформулировать свою «украинскость» и сделать это на украинском языке, необходимо было какое-то духовное, интеллектуальное течение, совер- шенно неофициальное в Российской империи. И более того — оппозиционное к основным ценностям, пропа- гандируемым в ней.

Украина — что это такое?

Опыт истории свидетельствует — всякое нацио- нальное движение зарождается в верхах общества.

Уже в ХУП веке, по мере метаний Украины между Московией и Польшей, становилось все понятнее, что тут не воссоединяются разорванные части одной стра- ны, а фактически соединяются заново два разных на- рода.

У Григория Грабянки была необходимость обосно- вывать украинскую отдельность от москалей со ссыл- ками на Священное Писание. Он полагал, что москали пошли от Мосоха. А вот казаки — от первого сына Иа- фета, Гомера.

Граф Безбородко и Андрей Разумовский вполне оп- ределенно осознают свои отличия от людей, среди ко- торых живут. Считают ли они, что это отличия внутри одного народа, или осознают себя «иностранцами», мне трудно судить.

Также трудно судить, как осознают себя малороссы и как отделяют себя от москалей. Голос Тараса Шев- ченко, сына крепостного и национального поэта, легко счесть голосом народным. Но все национальные выска- зывания Тараса Шевченко с равным успехом можно считать и прорвавшимися народными чаяниями, и чис-

361

то верхушечными, интеллигентскими представлениями, усвоенными уже в городской среде.

Вполне определенно украинцы осознают себя в Ав- стрийской империи. Это ярко проявилось во время Кра- ковского восстания в феврале 1846 года. Восстание начало «Польское демократическое общество»; захва- тив власть в Кракове, оно пытается организовать об- щее восстание во всей Галиции. Крестьянство же, в основном украинское, поддерживает правительство Ав- стрии — оно отменило крепостное право! Крестьянст- во не принимает всерьез демократических лозунгов; оно считает, что дворянами (по преимуществу поляка- ми) движет недовольство отменой крепостного права и что вообще доверять «им» нельзя. Даже попытка пов- станцев «тоже провозгласить» отмену крепостничества выглядела как неловкая попытка примазаться к поступ- ку «доброго императора». В сражениях под Гдовом, в подавлении восстания в Кракове украинское крестьян- ство не поддерживало польских повстанцев и даже по- могало австрийским войскам.

27 февраля 1846 года из Кракова вышла процессия во главе с руководителем восстания Дембовским и под- державшими восстание священниками. Австрийская пехота давно заняла

позиции по доносу украинских кре- стьян и открыла огонь. Дембовский был убит в числе первых.

Во время революции 1848 года позиция украинских крестьян тоже была совершенно лояльной к австрий- ской монархии и враждебной к венгерским и польским революционерам. Император Австро-Венгрии Франц- Иосиф, к чести его будь сказано, захотел наградить ло- яльных подданных. Именно тогда в Австро-Венгрии поя- вилось книгопечатание на украинском языке, заработа- ли украинские школы.

Конечно, запад Украины довольно существенно от- личается от востока, в том числе и уровнем культуры. «Были эти люди одеты в передних шеренгах в синие оди- наковые жупаны добротного германского сукна, были

тоньше лицами, подвижнее, умело несли винтовки — галичане. А в задних рядах шли одетые в длинные до пят больничные халаты, подпоясанные желтыми сыро- мятными ремнями» [72. С. 179]. -

Но и в Российской империи, стоило пройти рефор- мам 1861 года — и началось... В Одессе, Полтаве, Кие- ве, Харькове мгновенно стали возникать громады. Как вы помните, громадой при Магдебургском праве назы- валась сходка горожан. Здесь же громады — культур- но-просветительские организации, стоявшие на двух идейных основаниях: либерализма и украинского на- ционализма. В них участвовали такие крупные деятели культуры, как Антонович, Житецкий, Драгоманов, Чу- бинский, Костяковский, Чекаленко и другие. Что они делали? Собирали фольклор, писали и печатали книги, организовывали культурную работу, просвещение на- селения, создавали кружки по изучению этнографии. Все это — на украинском языке.

Часть этой работы велась в рамках земства, и рус- ская интеллигенция только приветствовала работу ук- раинских врачей и учителей в селе. Но зачем по-укра- ински?! Ведь нет такого языка! И русская интеллигенция развлекалась байками про китов и котов, отказываясь понимать украинских коллег.

Но что характерно — ведь в отличие от Польши и Австрии украинец действительно ассимилировался в Российской империи легко и быстро. В громады ушли не те, кто не хотел становиться угнетателем-поляком или совсем уж чужаком-немцем. А те, кто осознал себя НЕ. РУССКИМ. И надо быть слепыми и глухими, как... как русская имперская интеллигенция, чтобы не пони- мать, что это значит.

Громады выступали и против поляков — в том числе против польских восстаний — они, поляки, отрывают Польшу от России, это плохо! Но в Российской импе- рии не должно быть угнетения народов. Долой центра- лизацию, и пусть местные земства имеют право на са- моуправление!

Идеалом громад стала культурно-национальная ав- тономия, сочетание парламентаризма с земским движе- нием, в котором громады видели опору для борьбы с ца- ризмом.

Царское правительство в 1872 году потребовало пре- кращения деятельности громад, а в 1876 году в админи- стративном порядке запретило громады, печатание ли- тературы на украинском языке и ввоз ее из-за границы.

Часть членов громад была арестована и сослана, часть эмигрировала. Из уехавших мало кто отрекся от своих убеждений.

Профессор Киевского университета Михаил Петро- вич Драгоманов родился в местечке Гадяч Полтавской губернии в 1841 году, в семье мелкопоместных дворян. Окончил Киевский университет и стал в нем с 1864 го- да приват-доцентом. А в 1875 году уволен за политиче- скую «неблагонадежность» и в 1876 году уехал в Швей- царию, там издавал сборник, потом журнал

«Громада» на украинском языке. Вышло в общей сложности пять выпусков «Громады». Украинская эмиграция выпускала сочинения Тараса Шевченко, Герцена, Панаса Мирно- го, нелегально ввозила в Российскую империю.

Драгоманов домой так и не вернулся. С 1889 года он — профессор Софийского университета, где и скончался в 1895 году.

Политическая судьба Драгоманова типична для чле- нов «Старой Громады»: для либералов он чужой — слишком националистичен; для социал-демократов и революционных демократов — тоже чужой: слишком буржуазен, привязан к идеям парламентаризма и либе- рализма.

Оставшиеся в России и дальше будут пропагандиро- вать свои взгляды, увлекать своими идеями все более широкие массы. Тут появятся и деятели земского дви- жения 1880-х годов, уже скрывающие свои взгляды и гораздо более «близкие к народу» деятели — как тот же Панас Мирный (Афанасий Яковлевич Рутченко), напи- савший много романов из народной жизни. Идеи укра-

инского национализма он как будто и разделял... но борь- ба за классовое освобождение ему неизменно оказыва- лась ближе, чем за национальное. Один из романов назывался: «Разве ревут волы, когда ясли полны?»

Не случайно коммунисты признали его и поставили памятник Панасу Мирному в Полтаве.

В самом же конце XX века и в начале XX идеи укра- инского национализма сольются с идеями «революци- онного преобразования общества» и социал-демократии. Родятся социалисты-федералисты; социалисты-само- стийники; Украинская социал-демократическая рабо- чая партия (УСДРП); Украинская партия социал-рево- люционеров (УПСР). Практика этих широких «народных» движений прекрасно показана у Михаила Булгакова.

Что это доказывает? Только одно: национальный со- циализм совсем недалек от интернационального. Два очень похожих стволика растут из единого корня.

Симон Васильевич Петлюра гораздо моложе членов громад (1879 года рождения), куда «демократичнее» по происхождению. Сын извозчика, он уволен из гимназии за участие в громаде и эмигрировал во Львов. С 1900 го- да — член Революционной украинской партии. Пре- красный пример того, как человек без особенного об- разования может понять идеи интеллектуалов. Пример того, во что легко превращаются идеи интеллектуалов, «овладевая народными массами». И во что превращает- ся человек, сознанием которого овладела соответст- вующая идея.

Интересно, а если бы члены громад (Драгоманов, Костяковский) могли бы увидеть Петлюру, его банды и булгаковский Киев «страшного года от Рождества Хри- стова 1918», — что делали бы они? Крестились бы и плевались? Кинулись бы жечь книги на украинском язы- ке? Пытались бы разъяснить, что хотели совершенно ИНОГО?

Поздно, поздно. Джинн украинского национализма вылетел из бутылки и неизбежно должен принять са- мые различные формы. В том смысле и самые отврати- тельные.

Белоруссия — что это такое?

Начать с того, что Малороссия утратила свое древнее название и стала Украиной. Белоруссия, Белая Русь, это название сохранила. Может быть, дело в бо- лее спокойном течении истории — украинская война не обошла стороной Белоруссию, но все же основные военные действия велись южнее. А главное — не было никакого массового народного движения за отделение от Речи Посполитой. На Украине Московия могла опи- раться на Хмельниччину, на массовое желание

руси- нов-украинцев пойти под руку Московского царя, со- единиться с православными московитами.

Белорусы — тоже православные, а шляхта в Бело- руссии тоже ополячивается и окатоличивается — Рад- зивиллы и Сапеги в качестве яркого примера. Но бело- русы живут все-таки в своем государстве, в Княжест- ве, а не на землях Королевства. Они меньше чувствуют себя национально униженными.

Белоруссия, последняя земля Великого княжества Литовского и Русского, жила по своим собственным за- конам, даже войдя в состав Российской империи: и по- сле разделов Речи Посполитой в ней действовали Ли- товские статуты.

В результате осознание белорусами себя как особого народа началось позже, чем на Украине, уже в XX ве- ке. Наверное, первым проявлением этого самосознания стал проект нескольких белорусских шляхтичей (во гла- ве с Огинским и Любецким) о создании Великого кня- жества Литовского под протекторатом России. Ведь существует же Великое княжество Финляндское? По- чему бы не быть и Литовскому?

Проект создан католиками, ополяченными магната- ми. Но эти люди осознают Белоруссию своей Родиной, а себя — все-таки не поляками, а «тутэйшими», жителя- ми Белоруссии. В их проекте впервые появляются идеи «западно-русизма»: мол, мы русские — но не такие, как москали. Мы — западные русские и в чем-то от вас от-

личаемся. Есть в проекте и положение о том, что Вели- кое княжество Литовское — это белорусское княжест- во. Что русины-белорусы ассимилировали Литву, по- глотили литовскую знать и что Великое княжество Ли- товское было русской землей.

Сам проект — одновременно и очень московский, москальский «бунт на коленях». И последнее прости- прощай Великого княжества Литовского и Русского. И первое проявление нарождающегося белорусского национализма.

Проект создания Великого княжества Литовского по типу Финляндского был Александром отклонен. А во время войны 1812 года пути шляхты и народа разо- шлись. Шляхта в основном поддержала Наполеона (как и коренная польская шляхта). Простонародье в массе осталось аполитичным или встало на путь партизан- ской войны и поддержки Российской империи.

Но и верхушка простонародья все больше осознает свои отличия от москалей. В Союзе литераторов при Виленском университете в братстве филоматов —- во- все не одни дворянские фамилии. Духовный вождь фи- ломатов, профессор Иоахим Лялевель, — сын купца. Литераторы и ученые делали то же, что украинская ин- теллигенция — формировали представления о белорус- ском народе, отличающемся и от русских, и от поляков.

Любопытно, что некоторые из будущих декабристов (Лунин, Чернышов, Оболенский, Нарышкин) пытались договориться о совместных действиях и с польским «Сою- зом патриотов», и с белорусским «Союзом объединен- ных славян», и с городскими громадами. Особенно ак- тивно налаживали связи с белорусами те, у кого имения лежали на западе или кто долго служил в Белоруссии. А вот центр «Северного общества» декабристов этих идей вовсе не одобрял.

В 1830—1831 годах белорусская шляхта выступает вместе с польской; главная ее цель была — восстано- вить Речь Посполитую. Но та самая верхушка третьего сословия, которую и в России, и в Польше называют

«интеллигенция», выступала и за белорусскую государ- ственность. В рамках Русско-польской войны 1830— 1831 годов шло и восстание какой-то части белорусов. Пока — лишь малой их

части.

В 1830-е годы действовал «Демократический союз» во главе с Феликсом Савичем, преподавателем Вилен- ской медико-хирургической академии. Савич вел про- паганду в народе, налаживал связи с тайной организа- цией «Содружество польского народа» — но он ведь не вошел сам в «Содружество...» и не стал его агентом в Вильне. Поляки были для него союзниками, но сам «Де- мократический союз» нерушимо стоял не только за де- мократические преобразования, но и за независимость Белоруссии.

Так много лет назад русская шляхта вместе с поль- ской останавливала татар и москалей — оставаясь при этом русской шляхтой. А тут есть еще и четкие сослов- ные различия между дворянско-интеллигентским на- ционально-освободительным движением поляков и про- стонародным белорусским. Ведь белорусская интелли- генция, будь то профессор Лялевель или писатели Ве- раницыц и Шпилевский — интеллигенты в лучшем слу- чае второго поколения.

В 1838 году «Демократический союз» разогнали — судьба его такова же, как петрашевцев в Петербурге. Но на Белоруссию обрушился ряд особых ударов — именно как на мятежную провинцию.

Теоретически русское правительство с 1772 года признавало дворянами только тех, кто мог это подтвер- дить документами. Фактически до эпохи Николая [Павло- вича никто документы не проверял. Теперь же указами от 1831, 1847, 1857 годов все, кто не мог подтвердить своего шляхетства, записывался в другие сословия. Го- родские жители еще образовали сословие сравнитель- но привилегированное: «граждан западных губерний». Сельские же записывались в крестьяне: на владельче- ской земле — в «вольные хлебопашцы» (хорошо хоть не в крепостные), на государственной земле — в государ-

ственные крестьяне. На всех наложили подушную и во- инскую повинность. Основная масса этих бывших дво- рян были мелкие шляхтичи — как правило, не ополя- ченные. Удар по белорусскому дворянству? Именно так понимали указы в Белоруссии.

В 1830 году отменили Литовские статуты в Могилев- ской и Витебской губерниях. К 1840-м годам — на всей территории бывшего Великого княжества Литовского. С 1831 года всем государственным учреждениям были даны только российские названия. В 1832 году закрыт Виленский университет как рассадник «непозволитель- ных суждений». Тогда же польский язык в судопроиз- водстве заменен на русский. В 1839 году униатскую церковь подчинили православной в Москве.

Этими законами уничтожалось все, что еще осталось от Великого княжества Литовского. Но оставался на- род — самый прямой наследник Княжества. Не случай- но жев 1840 году запретили само слово «Белоруссия». Уж оно-то не имело прямого отношения к Великому княжеству.

В 1860—1862 годах — послабления, но какие-то хи- лые... Разрешили использовать белорусский язык для обучения элементарной грамотности в первые два года обучения. А дальнейшее обучение — только по-рус- ски. Ну, и слово «Белоруссия» стало «можно».

Но к тому времени белорусское национально-осво- бодительное движение уже набрало размах и силу. В польском восстании 1863 года ясно виден особый белорусский элемент. Белорусские революционеры то- же за Речь Посполитую, но явно вкладывают в это сло- во совсем иной смысл. Как и украинские национали- сты, они одновременно и патриоты, и революционеры: сторонники демократических реформ и наделения кре- стьян землей.

Константин (Кастусь) Калиновский, сын мелкого шляхтича, не только создает и объединяет революци- онные кружки в западных губерниях. Он ведет одно- временно и националистическую, и революционную

пропаганду. Впервые начинает издаваться газета на ббе- лорусском языке: «Мужицкая правда». Это — револю- ционная подпольная газета; от многих ее положений не отказались бы ни Герцен, ни Чернышевский. Но одно- временно есть в ней и лозунги «освобождения родной Беларуси».

В документах Временного правительства в Варшаве 1863 года ничего не говорилось о праве наций на само- определение... Тем не менее Литовский провинциаль- ный комитет объявил себя Временным правительством Литвы и Польши. Во главе с Калиновским. ЛПН поддер- жал поляков, но требовал самоопределения и социаль- ных реформ (в том числе и аграрной реформы).

Это правительство не было признано в Варшаве. Как Великое княжество оказалось между Московией и Поль- шей, так и нарождающаяся Белоруссия не получала поддержки ни из Польши, ни от Российской империи. Везде не свои.

Константин-Кастусь Калиновский ухитрился даже в подполье, в обстановке террора, руководить повстан- цами. Арестованный в 1864 году, он приговорен к рас-

стрелу. — Нет! — не соглашается генерал-губернатор Му- равьев. — Расстреливают офицеров, военнослужащих

вражеских армий. Бунтовщиков надо вешать!

Кастуся Калиновского повесили. За считаные неде- ли, дни до казни он пишет свои «Письма из-под висели- ЦЫ»: уговаривает не сдаваться, пропагандирует рево- люцию, власть народа, Речь Посполитую.

До конца 1860-х годов в западных губерниях сохра- нялось военное положение: явно не только против поль- ских повстанцев. Поляки-то поддержкой населения не пользовались. Но с каких пор виселицами и порками можно удержать умственную жизнь людей?!

Белорусские народовольцы 1880-х годов выпустили несколько листовок на русском языке: «Послание к землякам-белорусам», «К белорусской интеллигенции», «К белорусской молодежи».

Вот слово и вылетело. Белорусский национализм начал стремительно оформляться, захватывал все бо- лее широкие слои населения. В любой из политических партий конца Х|!Х— начала XX века было белорусское землячество. Появлялись не противоречащие установ- кам партии, но предназначенные «для своих» воззвания «К белорусской молодежи» эсеров и «За свободу Бело- руссииЪ марксистов в 1904 году и много еще чего.

Само правительство по-прежнему доводило белору- сов до желания бороться с ним, упорно не признавая белорусов отдельным народом. В 1906 году вышел за- кон, допускавший обучение на родном языке для всех народов Российской империи... По мнению современ- ных белорусских ученых, закон обернулся дискрими- нацией: «Это не затронуло украинцев и белорусов, по- тому что они считались русскими и повинны были учить- ся на русском языке» [73. С. 361].

Что оставалось? Продолжать борьбу за то, чтобы белорусов официально признали. В 1911 году в Петер- бурге возникло «Западнорусское товарищество». «За- паднорусы» считали белорусов особенной, но частью единого русского народа.

В работе громад 1905 и 1917 годов были и белорус- ские националисты, и «западнорусы». К 1917 году на- ционализм и западнорусизм оказались в непримиримой борьбе. «Западнорусов» понимали все хуже, им прихо- дилось маскироваться под белорусских националистов. В качестве примеров: черносотенно-октябристский «Со- юз белорусской демократии», «Белорусский националь- ный комитет» в Могилеве, «Союз белорусского народа» в Витебске [74. С. 250—25]].

Как видно, такой уж настал час — даже сторонникам «единого и неделимого» русского народа, для которых белорусы оставались локальной этнографической груп- пой, приходилось использовать слова «Белоруссия» и «белорусы» и говорить о «национальном белорусском комитете».

«Западнорусизм» оказался всего лишь временным,

371

промежуточным явлением, попыткой примирить непри- миримое: белорусский национализм и великодержавие единого и неделимого русского народа от Карпат до Аляски. Естественно, он долго не удержался.

Впрочем, до сих пор царит в Белоруссии некая двой- ственность. С одной стороны, мало кто сомневается: белорусы — это особый народ, вовсе не русские. С дру- гой — даже в учебниках читаешь о «высылках револю- ционеров из Белоруссии в Восточную Россию» или что в Белоруссии, «как и по всей России, складывалось двое- властие» [74. С. 383].

Видимо, складывание белорусского народа не за- вершилось до сих пор.

Современные русские — кто они?!

Разумеется, современные русские ну никак не тождественны тем русским, о которых шла речь до сих пор — русским X, XИ, XИ веков. То есть наши предки, несомненно, присутствуют там, в этой общности; но не все русские тех времен — наши предки.

Современные русские — несравненно более локаль- ная, меньшая общность. Только часть «тогдашних» рус- ских — предки тех, кто называет себя русскими сего- дня. Название лжет, составляя часть Большого Москов- ского Мифа. Название сеет неверное представление о самих себе, подсказывает исторические и территори- альные претензии, для которых нет ни малейшего осно- вания.

Корректнее всего было бы называть себя велико- россами, но ведь и в этом названии московиты ухитрят- ся извлечь «необходимую» претензию: «Мы — ни из ка- кой-то там! Мы из ВЕЛИКОЙ России! Чувствуйте!»

Но вообще-то, если лишить слово «великоросс» это- го извращенного смысла, называться так было бы луч- ше всего — уже чтобы определить свое локальное ме- сто в огромной многовековой общности. Жаль, нет у

372

современных русских другого, более нейтрального са- моназвания.

Кстати, чтобы уж завершить этот разговор. Две тер- ритории Российской Федерации ‘вполне реально могут, в некоторой перспективе, образовать субэтносы, а в перспективе более отдаленной — и новые этносы.

Донские казаки уже и сегодня порой заявляют о се- бе как об особом этносе. И если эти области какое-то время окажутся оторваны от остальной России (пусть на навсегда, а на время), а тем более создадут собст- венное государство, этнос родится вполне реально.

Другим местом рождения субэтноса вполне может стать северо-запад (Русь циркумбалтийская). Процесс этот уже шел и был прерван московским завоеванием. Идеология возвращения к новгородской вольности очень заметна в Новгороде Великом. При определенных усло- виях — создание экономической специфики, появление политических институтов, процесс формирования уже «северо-западного» субэтноса может охватить значи- тельные территории. Если лидером северо-восточного субэтноса, а потом этноса окажется Санкт-Петербург — что это меняет по существу?

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Большей части Руси в истории не повезло... Для начала она вошла в историю под псевдонимом «Литва». Потом Речь Посполитую стали считать «чисто польским» государством, что уже вовсе абсурд. А в конце концов на территории Руси выросли новые на- роды, и теперь историю Великого княжества Литовско- го и Русского пытаются «прихватизировать» на Украине и в Белоруссии как изначально «свою».

Но и это еще не самое крутое несчастье!

Русь завоевало и подчинило княжество, возникшее на периферийном Северо-Востоке Руси, — диковатая Московия. Российская империя состоялась как госу- дарство, которым правила династия бывшей Московии.

Вот это уже по-настоящему плохо: русская история была окончательно оболгана. Правящая династия пове- лела сделать вид, будто ВСЯ Русь была такой же убо- гой, как владения ее предков... Например, что ВСЯ Русь была покорена монголами и платила им дань... А это — полнейшая неправда! 70% Руси монголов били во всех сражениях и дани им не платили. Это предки правящей династии целовали копыта коней монголь- ских ханов. А наши предки в Великом княжестве Ли- товском и Русском этого не делали!

До сих пор во всех учебниках и справочниках про- исходит удивительное дело: после монгольского наше- ствия куда-то пропадает 70% территории населения Руси. Повествование об истории ведется так, словно

374

Русь — это только Северо-Восток, на котором после возникла Московия.

А остальная где?! Ее, оказывается, завоевали литов- цы... Только это странное завоевание, потому что Ве- ликое княжество писало и вело документацию на РУС- СКОМ языке, а не литовском.

В Польше, разумеется, точно так же стараются за- быть реалии истории, как страшный сон. И получает- ся — никто не хочет помнить о большей и лучшей час- ти Руси. Ни в Польше, ни в Литве, ни в Белоруссии, ни на! Украине. Даже в современной России не хотят знать предков.

Но Западная Русь — была. И не какая-то особенная или «неправильная» Русь. Русь — исключение из прави- ла, Русь — отклонение от нормы. Это была основная и притом самая цивилизованная, самая культурная и славная часть Руси. Понятием «Западная Русь» прихо- дится охватывать огромную, большую часть Руси — все, что не входит в понятие «Северо-Восточная Русь». Скорее уж Московия — это исключение из нормы. И не зря до сих пор в глухой белорусской провинции можно

услышать: «Это вовсе не они, это мы — русськие... Они — вовсе не русськие, они — москали...» Великое княжество Литовское и Русское — это

РУССКОЕ государство. У нас есть все причины счи- тать его своим и гордиться предками по праву закон- ных ПОТОМКОВ.

1 Украинцы пытаются заставить нас писать по-русски, подчиняясь правилам украинского языка: «в Украине». Я лояльно отношусь ко всем правительствам, включая правительство Республики Папуа — Но- вая Гвинея. Но почему должен писать по-русски, соблюдая украин- ские грамматические формы, понять не в состоянии.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Большая советская энциклопедия. Вып. 2. Т. 15. Статья «Львов».

Большая советская энциклопедия. Т. 23. Статья «Смолен- ское княжество».

Большая советская энциклопедня. Т. 23. Статья «Скорина».

Горянин А.Б. Мифы о России и дух нации. М.: Р@ёадгарщс, 2002.

Соловьев С.М. Чтения и рассказы по истории России. М.., 1989.

Большая советская энциклопедия. Вып. 2. Т. 44. Детская энциклопедня. Т. 7. М., 1961. С. 252. Всемирная история. Т.Ш. М., 1957. С. 711.

Советская историческая энциклопедия. Т. 13. М., 1971.

Орлов А.С., Георгиев В.Д., Георгиева Н.Г., Сивохин Т.А. История России. С древнейших времен до наших дней. М., 1999.

История России (X—XX вв.). Учебное пособие / Отв. ред. Я.А. Перехов. Написано коллективом ростовских уче- ных; История российской культуры / Отв. ред. В.П. Ме- щеряков. М., 1999.

Пушкарев С.Г. Обзор русской истории. Л., 1999. Григорьев А.А., Федорова В.И., Мезит Э.Л., Михалев С.Н.,

Славина Л.Н. История России с древнейших времен до наших дней: Учебное пособие для абитуриентов. Крас- ноярск, 1998. С. 17.

Иванов В.Д. Русь изначальная. М., 1969. Т. 2.

Иванов В.Д. Повести древних лет. Екатеринбург, 1993. Никулин Л.В. России верные сыны. М., 1994. Борщаговский А.М. Русский флаг. М., 1971.

Седов А.Д. К истокам тоталитарного сознания // Тоталита- ризм как исторический феномен. М., 1989.

Гоголь Н.В. Собр соч. Т.Б. М., 1978. Пушкин А.С. Собр. соч. в 10 т. Т. Ш. М.; Л., 1949. Пушкин А.С. Собр. соч. в 10 т. Т. П. М.; Л., 1949.

Пушкин А.С. Письмо П.А. Вяземскому от 1 июня 1831 го- да // Собр. соч. в 10т. М.; Л., 1949.

Тютчев Ф.И. Стихотворения. М., 1986.

Загоскин Н.М. Юрий Милославский, или Русские в 1612 году. М., 1957.

Задорнов Н.М. Далекий край. М., 1959. Амур-батюшка. М.., 1993.

Платов Л.Д. Повести о Ветлугине. М., 1969.

Вересаев В. Гоголь в жизни // Систематический свод под- линных свидетельств современников. М.; Л., 1933.

Гоголь Н.В. Тарас Бульба // Гоголь Н.В. Избранное. М.., 1970. С. 227—334.

Померанц Г.С. Парадоксы модернизации // Человек. 1990, № 1.

Шаламов В.Т. Женщина блатного мира // Шаламов В.Т. Левый берег: Рассказы. М., 1989. С.479—492.

Иванов В.Д. Повести древних лет. Екатеринбург, 1993. С. 442.

377

Шафаревич И.Р. Социализм как явление мировой истории. // Шафаревич И.Р. Избранное. М., 1992.

Сенкевич Г. Огнем и мечом. М., 1993. С. 652.

Корбетт Дж. Леопард-людоед из Рудрапраяга. М., 1958. С. 142.

Полное собрание русских летописей. Т. 17. Западно-рус- ские летописи. СПб., 1907.

Иконников В.С. Опыт русской историографии. Т. 1—2. Киев, 1893—1908; Лихачев Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947.

Писарева Е. Миссия Блаватской: теософия и теософское общество // «Аум». 1989, № 3.

Кандыба В.М. История русского народа до XИ в. н.э. М.., 1995.

Демин В.Н. Тайны русского народа. М., 1997.

Петухов Ю.Д. Колыбель Зевса: История русов от антич- ности до наших дней. М., 1998.

Фоменко А.Т., Носовский Г.В. Новая хронология Руси. М.., 1997.

Морозов Н.А. Повести моей жизни. М., 1965. Т. 1—2. Морозов Н.А. Христос. Т. 1—7. М.,1999.

Бушков А.А. Россия, которой не было. М., 1997.

Древняя Русь: Город, замок, село. М., 1985. Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С. 59. Манкиев А.А. Ядро российской истории. М., 1799. С. 151. Гизель Иннокентий Синопсис. СПб., 1810. С. 7.

Архимандрит Августин. Любек и Новгородцы // Родина. 1994, № 5. С. 76.

Ковалевский П. Психология русской нации. ПГ., 1915. С. 16.

378

Прокопий из Кесарии. Война с готами. М., 1950.

Иордан. О происхождении и деяниях гетов. Сенса. М., 1960.

Левандовский А.П. Карл Великий. Через Империю к Евро- пе. М., 1995.

О Францизске Азисском.

Большая советская энциклопедия. Выгп. 2. Т. 8. Статья «Ви- тень».

Карамзин Н.М. История Государства Российского. Т. М. Петр из Дусбурга. Хроника земли Прусской. М., 1997.

Пушкин А.С. О ничтожестве литературы русской // Пол- ное собр. соч. в 16 т. Т. 11. М., 1949.

Кацва Л.А., Юрганов А.Л. История России УШ-ХУ вв. М.: МИРОС, 1995.

Большая советская энциклопедия. Вып. 2. Т. 10. Статья «Гедимин».

Длугош Ян. Грюнвальдская битва. М.; Л., 1962.

Пашуто В., Ючас М. 550-летие Грюнвальдской битвы// Военно-исторический журнал. 1960, №? 7.

История Польши. Т. 1. М., 1956. История Украинской ССР. Т. 2. Киев, 1982.

Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современ- ного русского языка. М., 1993.

Большая советская энциклопедия. Вып. 2. Т. 25. Статья «Магдебургское право».

Дыбковская А., Жарын М., Жарын Я. История Польши с древнейших времен до наших дней. Варшава, 1995.

Большая советская энциклопедия. Вып. 2. Т. 25. С. 52. Статья «Летописи западно-русские».

Пушкарев С.Г. Воспоминания историка. 1905—1945. М., 1999. С. 66.

Булгаков М.А. Белая гвардия. Баку: Маариф, 1988.

Псторыя Беларус! у дзвюх частках. Частка 1. Мнск: Унвер- ситэтское, 2000.

Ыч М.В. Псторыя Беларус!. Канец ХУШ — 1917. Мнск: Народная асвета, 1998.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Научно-популярное издание

ВСЯ ПРАВДА О РОССИИ

Буровский Андрей Михайлович

РУССКАЯ АТЛАНТИДА

Невымышленная история Руси

Издано в авторской редакции Ответственный редактор Л. Незвинская Художественный редактор Г]. Волков Технический редактор В. Кулагина Компьютерная верстка Е. Кумшаева Корректор Е. Сырцова

ООО «Издательство «Яуза» 109507, Москва, Самаркандский б-р, д. 15.

Для корреспонденции: 127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел.: (495) 745-58-23.

ООО «Издательство «Эксмо» 127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21. Ноте раде: млмми.екзто.ги Е-тай: м'оФекзто.ги

Подписано в печать 24.05.2010. Формат 84х108 '/з2. Гарнитура «Коррина». Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,16. Тираж 3000 экз. Заказ № 609.

Отпечатано в типографии ООО «Самарский дом печати» 443052, г. Самара, пр. Кирова, 24.

1ЭВМ 978-5-699-43001-7

978569 >

85699'43001

Оптовая торговля книгами «Эксмо»: ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное, Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74. Е-тай: гесерНоп@екзто-заю.ги

По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо» Е-тпай: и\егпаНопа@ек&то-за!е.ги

/петаНопа! $а!8: тетавопа! ипоеза@ сизотег$ зНоиЮ сотасЕ Рогеюп Заю$ ВерайтепЕ о! Тгаатд Ноизе «ЕКзто» Юг Те! огаеге. югпаНопаФеКзто-за.ги

По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном оформлении, обращаться по тел. 411-68-59 доб. 2115, 2117, 2118. Е-тай: мрхахах@ек®то.ги

Оптовая торговля бумажно-беловыми и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»: Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2, Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный). е-тай: Капс@екзто-заю.ги, сайт: ммимм.Капс-ек&то.ги

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупвтелей: В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е. Тел. (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3. Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: Филиал ООО «РДЦ-Самара», ул. Фрезерная, д. 5.

Тел. (843) 570-40-45/46.

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А.

Тел. (863) 220-19-34.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е». Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а. Тел. (343) 378-49-45.

В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 9. Тел./факс: (044) 495-79-80/81.

Во Львове: ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2. Тел./факс (032) 245-00-19.

В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153. Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.

В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. За.

Тел./факс (727) 251-59-90/91. гдс-а!тату@тай.ги

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»: В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:

Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12. Тел. 937-85-81. Волгоградский пр-т, д. 78, тел. 177-22-11; ул. Братиславская, д. 12. Тел. 346-99-95. Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:

«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо» обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.

АНДРЕИ БУРОВСКИИ

Самая вызывающая книга самого «неполиткорректного» автора! Радикаль- ная ревизия отечественной истории! Новый, сенсационный взгляд на про- шлое Руси!

Знаете ли вы, что, вопреки расхожим мифам и официальным учебникам, далеко не вся Русская земля была завоевана монголами? На самом деле, 70 процентов Руси никогда не знали азиатского ига, дани монголам не платили и били их во всех сражениях! Эта Западная Русь, эта Русская Атлантида, территориально входила в состав Великого княжества Литовского, где русские были национальным большинством, а русский язык - государственным. Да и Речь Посполитая, на пике своего могущества прости- равшаяся «от моря до моря», - вовсе не поль- ское, а скорее русское государство! И славные победы над Тевтонским орденом под Грюнваль- дом и над татарами под Синими Водами - это победы русского оружия!

Данная книга восстанавливает подлинную историю этой Русской Атлантиды, которая «была реальной альтернативой азиатчине и деспотизму. Теперь ее славу пытаются «прихва- тизировать» Украина и Белоруссия, но это - наше прошлое, у нас есть все основания гордиться им и считать себя законными наслед- никами подлинной Руси».

(А. Буровский)

M 5 || |

эксмо а